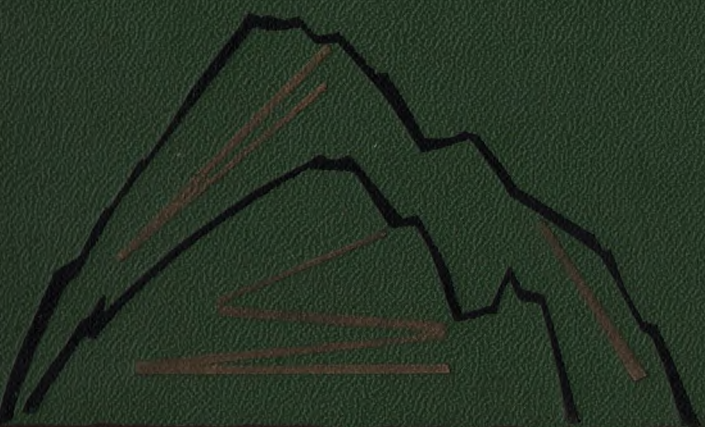

РАУЛЬ
РУИС
ГОНСАЛЕС

БОЛИВИЯ

Raúl Ruiz González

BOLIVIA

EL PROMETEO DE LOS ANDES

Buenos Aires, 1961

Рауль Руис Гонсалес

БОЛИВИЯ-

ПРОМЕТЕЙ АНД

Перевод с испанского

Д. А. ДЬЯКОНОВА и М. И. ПОЛЯКОВА

Редакция и вступительная статья

И. ЕРШОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1963

Редакция литературы по историческим наукам

Рауль Руис Гонсалес

БОЛИВИЯ — ПРОМЕТЕЙ АНД

Редактор *Е. Л. Левина*

Художник *М. В. Борисова—Мусагова*

Технический редактор *М. П. Грибова*

Корректор *В. И. Киселева*

Сдано в производство 26/III 1963 г.

Подписано к печати 1/VI 1963 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32} = 5,3$ бум. л.

17,1 печ. л Уч.-изд. л. 18,1. Изд. № 6/1493

Цена 82 к. Зак. № 196

»

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Москва, 1-й Рижский пер., 2

*

Московская типография № 8
Управления полиграфической
промышленности Мосгорсовнархоза
Москва, 1-й Рижский пер., 2

Вступительная статья

Книга прогрессивного общественного деятеля Боливии Рауля Руиса Гонсалеса «Боливия — Прометей Анд» — первая изданная в нашей стране работа по истории Боливии, освещающая с марксистских позиций основные ее этапы и борьбу боливийского народа против иноземных захватчиков, иностранных и местных эксплуататоров. Перемены, происходившие в Боливии в 50-х годах нашего века, для многих оставались загадкой из-за отсутствия достаточной информации об этой далекой латиноамериканской стране, расположенной в подоблачных высях Анд в самом сердце Южной Америки. Гораздо больше знали о крупных странах — Бразилии, Мексике, Аргентине или Чили, о маленькой Кубе, поднявшейся на героическую борьбу против тирании и империалистического гнета, о свободолюбивой Гватемале, растерзанной в 1954 году во время бандитской интервенции, организованной империалистами США. Между тем события, происходившие в эти годы в Боливии, представляют несомненный интерес для тех, кто следит за борьбой народов стран Латинской Америки, за развитием мирового национально-освободительного движения.

У боливийского народа богатая история. Она началась задолго до испанского нашествия в начале XVI века и задолго до того, как сложилось племенное образование, во главе которого стояли инки и с которым столкнулись испанские завоеватели. Еще до прихода инков в XIV веке на плоскогорье, зажато между цепями Кордильер, существовала одна из самых древних в Америке культур — культура Тиауанаку. Целый ряд социальных, экономических, религиозных и других ин-

ституты, возникших в период доинкской цивилизации, и в первую очередь индейская община *айлью*, оказали заметное влияние на развитие страны в последующую эпоху вплоть до нашего времени.

История боливийского народа, 70 процентов которого составляют индейцы — потомки племен, населявших территорию нынешней Боливии до испанского завоевания, полна героическими выступлениями народных масс, не прекращавших борьбу против иностранных захватчиков или местных эксплуататоров. В эпоху испанского колониального владычества это были крестьяне аймара и кечуа, стремившиеся вернуть отнятые у них земли, освободиться от навязанных завоевателями систем подневольного труда — миты и энкомьенды. Грандиозное восстание индейцев, предводительствуемых Тупаком Амару, Хулианом Апаса и братьями Катари, потрясло в 1780—1781 годах устои колониальной испанской империи и явилось прелюдией к борьбе за независимость.

Народ Боливии внес большой вклад в освободительное движение всех народов Латинской Америки против колониального гнета. Начиная с восстаний 25 мая 1809 года в Чукисаке и 16 июля того же года в Ла-Пасе и вплоть до провозглашения независимости Боливии 6 августа 1825 года борьба не утихала, несмотря на временные поражения и неудачи. О размахе этого движения и ожесточенности борьбы свидетельствует то, что в ней участвовали десятки партизанских отрядов и что из более чем ста руководителей их до провозглашения независимости в живых осталось лишь несколько человек. Пожалуй, ни одной другой испанской колонии в Америке независимость не стоила стольких жизней индейцев, метисов и креолов.

История Боливии с 1825 года до середины нашего века — это история народа, страдавшего под гнетом помещиков-феодалов, горнопромышленников, а с конца прошлого столетия и иностранных империалистов, различные группы которых вели между собой борьбу за власть и в угоду своим интересам втягивали страну в кровопролитные войны с соседними государствами. В результате Боливия потеряла обширные территории, лишилась выхода к морю, а народ платил за авантюризм правителей сотнями тысяч человеческих жизней.

Последней такой войной была война между Боливией и Парагваем из-за области Чако в 1932—1935 годах. В развязывании ее далеко не последнюю роль сыграли крупнейшие нефтяные тресты — американский «Стандард ойл» и английский «Ройял Датч Шелл», оспаривавшие между собой право на захват залежей нефти, открытых в Чако.

Война в Чако обнажила всю гнилость существовавшего в Боливии режима. Не было оружия, средств транспорта, дорог для подвоза подкреплений и материалов. Крестьяне, призванные в армию, не понимали, что им следовало защищать. Война показала, что господствующая олигархия пренебрегала национальными интересами. В то время как солдаты умирали на полях сражений, «оловянные бароны» Патиньо, Хохшильд и Арамайо, державшие в своих руках 60 процентов горнорудной промышленности, отказывались платить налоги и сдавать валюту, необходимую для ведения войны. Поражение в войне окончательно подорвало престиж правящих политических партий феодально-горнопромышленной олигархии и обнажило подлинные причины краха: наличие феодального гнета; господство крупных горнопромышленных компаний, связанных с иностранным капиталом; зависимость экономики страны от империализма, а также вытекающую отсюда техническую и культурную отсталость. Вставал вопрос, как вывести страну из тупика. Именно тогда стали складываться новые политические партии, принявшие затем активное участие в последующих событиях. Наиболее значительными из них были две: Левая революционная партия (ЛРП), созданная в июле 1940 года, и партия «Националистическое революционное движение» (НРД), возникшая в январе 1941 года.

ЛРП, заявлявшая в своей программе, что «вдохновляется принципами научного социализма»¹, была не марксистской, а мелкобуржуазной партией, в руководстве которой преобладали оппортунистические элементы. В ЛРП отсутствовало четкое представление о характере будущего государства после завоевания власти. Главными органами «демократии, основанной прежде всего на социалистическом хозяйственном механизме

¹ См. «Programas Políticos de Bolivia», La Paz, 1950, p. 91, 111.

общества», должны были стать, по мнению ЛРП, «социалистический профсоюзный парламент, выполняющий законодательные и административные функции» и «профсоюзный исполнительный комитет»¹ вместо президента. Это были синдикалистские тенденции. Однако наряду с этим в программе ЛРП содержались требования, отражавшие нужды народных масс и отвечавшие национальным интересам: проведение аграрной реформы, направленной на ликвидацию латифундизма и крепостной зависимости крестьян-индейцев, национализация горнорудной и нефтяной промышленности, создание машиностроения, развитие обрабатывающей промышленности и т. д.

ЛРП добилась заметного влияния среди рабочего класса и средних городских слоев. Однако в 1943—1946 годах она вступила в союз с правыми партиями под лозунгом создания «антифашистской коалиции» и участвовала в 1946 году в свержении правительства Вильяроэля, которое ошибочно, односторонне характеризуется ЛРП как «фашистское»². Затем она заключила соглашение с пришедшими к власти реакционными партиями — либеральной и так называемым «Социалистическим республиканским союзом» (СРС), надеясь добиться проведения ряда конституционных и социальных реформ под лозунгом «национального единства» якобы для осуществления буржуазно-демократической революции. С мая по сентябрь 1947 года ЛРП имела два министерских поста в правительстве Эрсога, политика которого была в основном реакционной. При всем этом, хотя ЛРП в дальнейшем и не участвовала в правительстве, убедившись, что правые партии не собирались выполнять своих обещаний о проведении реформ, она не отказалась от своей линии «национального единства», отдавая предпочтение коалиции с либералами и СРС перед лицом возможной «фашистской контрреволюции» со стороны НРД и группы военных³. ЛРП объясняла это необходимостью «защиты демократического режима» (то есть правительства Эрсога), хотя тут же заявляла, что «политика либералов и СРС

¹ «Programas Políticos de Bolivia», p. 115.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 127.

расходится с политикой ЛРП как из-за своей классово-вой позиции, так и внутривнутриполитической направленности»¹.

Такая непоследовательная и оппортунистическая линия ЛРП подорвала ее влияние в массах которые все больше стали обращать свои взоры в сторону «Националистического революционного движения».

В то время как престиж ЛРП из-за ее ошибочной политики падал, усиливалось влияние НРД. Программные установки НРД, партии мелкой и зарождавшейся средней буржуазии, были в первые годы ее существования расплывчатыми и далеко не столь определенно антиимпериалистическими и антифеодальными, как лозунги ЛРП. Вместе с призывами на борьбу против «фальшивой демократии» и «псевдосоциализма», за «укрепление государства и безопасности родины», за «социальную справедливость» и «экономическое освобождение боливийского народа» в первых документах НРД содержались положения, отдававшие расизмом, вроде заявлений о необходимости «утвердить веру в могущество индометисской расы», сорвать «происки юдаизма» и запретить «еврейскую иммиграцию». Программа НРД открывалась требованием «полностью запретить иностранным акционерам и капиталу принимать участие в издании газет, журналов и других публикаций», как будто в этом состояло существо вопроса. В программе говорилось не о национализации крупных горнорудных компаний, связанных с заграницей, а о их «безапелляционном подчинении боливийскому государству». Объявлялось об «изучении на научной основе индийского аграрного вопроса с целью добиться включения в жизнь нации миллионов крестьян... и соответствующей организации сельскохозяйственного производства для получения максимальной производительности». Вместо конкретных мер по ликвидации латифундистского землевладения и крепостной зависимости крестьянства предлагалось принятие закона, регламентирующего труд крестьянина².

Все же создание и деятельность НРД, лидеры которой, Виктор Пас Эстенсоро и Карлос Монтенегро, выс-

¹ «Programas Políticos de Bolivia», p. 127.

² Там же, стр. 60—62.

тупали против «сверхгосударства» «оловянных баронов», за использование национальных богатств в интересах боливийского народа и т. д., встревожило «большую тройку» — Патиньо, Хохшильда и Арамайо, а также иностранных вкладчиков капитала, державших в своих руках значительную часть акций их компаний. Против НРД была начата кампания с обвинениями в «нацизме» и в связях с «державами оси». Можно утверждать, что немецкие фашисты стремились использовать антиамериканские настроения НРД и наличие в ее рядах и среди военных групп, с которыми она вступила в союз (для свержения проамериканского правительства Пеньяранды в декабре 1943 года), элементов, рассчитывавших добиться своих целей при поддержке гитлеровской Германии — для осуществления подрывной деятельности и укрепления своих позиций в Южной Америке. Однако связь НРД с некоторыми действительно пронацистскими деятелями не дает еще основания говорить о том, что Пас Эстенсоро был «нацистом» или что деятельность партии направлялась из Берлина.

Благодаря своим антиимпериалистическим и антифеодальным лозунгам, ставшим более определенными во второй половине 40-х годов, НРД удалось повести за собой значительную часть народа. В 1951 году ее кандидат одержал победу на президентских выборах. И, хотя реакция не допустила его вступления в должность, НРД стала наиболее влиятельной политической силой в Боливии и поэтому пришла к власти после народного восстания в апреле 1952 года.

* * *

179-й в истории Боливии после 1825 года государственный переворот, который намеревался совершить министр внутренних дел военной хунты, вошедший в сговор с НРД, вылился в народное восстание 9—11 апреля 1952 года. Решающую роль в ходе восстания сыграли рабочие Ла-Паса и горняки оловянных рудников, захватившие оружие и разгромившие правительственные войска. Победа восставшего народа знаменовала начало демократической, антиимпериалистической и антифеодальной революции. Она не была «самой глубокой социальной революцией в Америке», как утверж-

Дали некоторые ее апологеты. Было свергнуто господство феодально-горнопромышленной олигархии. К власти пришло правительство НРД во главе с Пас Эстенсоро, представлявшее неоднородный блок мелкой и средней буржуазии. Классовый характер пришедших к власти сил predetermined непоследовательность осуществленных преобразований. Руководящие деятели НРД и правительства оправдывали непоследовательный и соглашательский характер «национальной революции» — так они называют революционный процесс, начавшийся в апреле 1952 года, — тем, что из-за географического положения Боливии, не имеющей выхода к морю, окруженной странами, где, как правило, существуют реакционные проимпериалистические режимы, из-за неизбежной зависимости Боливии от империалистических государств, являющихся монопольными покупателями ее главного продукта — оловянной руды, правительство якобы не может осуществлять очень левые, радикальные мероприятия, так как иначе ему грозит если не прямая иностранная интервенция, то экономическая блокада, которая приведет к гибели революции¹. Судьба революции, ее дальнейшее развитие ставится в зависимость от победы революционного национально-освободительного движения на всем континенте². Империалисты и внутренняя реакция, пользуясь такой позицией руководства НРД, всячески пытаются препятствовать проведению более глубоких революционных и демократических преобразований, к которым стремится боливийский народ.

Тем не менее главные мероприятия, осуществленные в 1952—1953 годы под давлением вооруженных рабочих и крестьян, были прогрессивными, означали удар по монополиям, связанным с иностранным империализмом, и по господствующим в деревне феодальным производственным отношениям.

Прежде всего следует сказать о национализации 31 октября 1952 года трех крупнейших горнорудных

¹ См. *El Pensamiento Revolucionario de Paz Estenssoro*, La Paz, 1954, p. 35, 51—52.

² См. *Ayala Mercado, Ernesto, Qué es la Revolución Boliviana?*, La Paz, 1956, p. 23—24; 45. *Victor Paz Estenssoro, Discursos y Mensajes*, Buenos Aires, 1953, p. 7.

компаний — Патиньо, Хохшильда и Арамайо. Это был смелый шаг, так как указанные компании были международными и их национализация затрагивала интересы иностранного капитала. По данным, приводимым американским историком А. Б. Томасом, на долю американских инвесторов в компании Патиньо, например, приходилось 28 процентов акций¹. Конечно, национализация «большой тройки» была в интересах страны, так как раньше эти компании держали в своих руках почти всю экономику и контролировали политику, назначая и смещая президентов, министров, депутатов парламента и т. д. Однако национализация рудников не покончила с зависимостью экономики Боливии от бывших владельцев и иностранных монополий. Прежде всего потому, что переплавка и переработка руды, добытой в Боливии, по-прежнему производилась на предприятиях крупнейших капиталистических трестов в США, Англии, Голландии и Западной Германии, которые навязывали свои цены и влиятельными держателями акций которых были те же Патиньо, Хохшильд и Арамайо.

Кроме того, национализация проводилась с выплатой возмещения, хотя компании давно возместили первоначально вложенный капитал за счет огромных прибылей и уклонения от уплаты налогов. Для характеристики политической линии лидеров НРД небезынтересно привести высказывание Пас Эстенсоро о том, почему была признана необходимой выплата возмещения. «Если бы мы, подобно правительству Мосаддыка в Иране, отказались платить какое-либо возмещение, — говорил Пас Эстенсоро, — то под этим предлогом у нас не покупали бы олово. Мы продержались бы 3—6 месяцев, но, когда воцарился бы голод и нищета, создались бы условия для свержения правительства национальной революции и компании вернули бы себе рудники»².

Так как компании не соглашались на возмещение, установленное декретом, правительство было вынуждено выплачивать бывшим собственникам ежегодно 5% от валовой стоимости вывезенной руды. До 31 июля 1960 года правительство выплатило «оловянным

¹ См. Томас А. Б., История Латинской Америки, М., ИЛ, 1960, стр. 402.

² Цитируется по Valoris Arce, Daniel, Bolivia. Realidad y Destino, Bogotá, 1955, p. 46.

баронам» 19.655 614 долларов¹, то есть больше суммы возмещения, определенной в предварительном порядке декретом от 31 октября 1952 года.

Важным завоеванием боливийских трудящихся, связанным с национализацией рудников, было установление так называемого «рабочего контроля» на национализированных рудниках, закрепленное декретом от 15 декабря 1953 года. Горняки сами стали создавать «рабочий контроль» за деятельностью администрации на государственных рудниках с начала 1953 года, не дожидаясь декрета правительства. Согласно декрету, целью «рабочего контроля» является «надзор и инспекция со стороны рабочих за ходом деятельности предприятий, входящих в Горнорудную корпорацию Боливии (КОМИБОЛ), по административным, хозяйственным и финансовым вопросам...» «Рабочий контроль» осуществляется на рудниках через контролеров, избираемых на собрании местного профсоюза, а в совете директоров КОМИБОЛ — «рабочими директорами», назначаемыми президентом республики каждый из числа трех кандидатов, предложенных Профсоюзной федерацией горняков Боливии. В функции контролеров входит следить за правильным расходом материалов, за условиями труда, предотвращать «не вызванные необходимостью простои», злоупотребления персонала, наблюдать за выполнением трудового законодательства, за наймом и увольнением трудящихся, изменением заработной платы и др. Декрет наделял рабочих контролеров правом вето при рассмотрении этих вопросов на заседаниях правлений рудников. Исключение составляли технические вопросы. В случае наложения вето контролером и одобрения его действий профсоюзным собранием осуществление того или иного мероприятия приостанавливалось, однако лишь вплоть до окончательного решения министра горнорудной и нефтяной промышленности. На практике это означало, что последнее слово всегда оставалось за правительством. Кроме того, во многих случаях правительству удавалось добиваться избрания «рабочими контролерами» своих ставленников, не защищавших подлинные интересы трудящихся. Все же, когда рабочими контролерами избираются честные представи-

¹ См. «Bolivia: 10 Años de Revolución», La Paz, 1962, p. 36.

тели рабочих, они могут содействовать борьбе горняков против злоупотреблений администрации, за соблюдение трудового законодательства, против увольнений и снижения заработной платы. Одним из требований американских монополий при рассмотрении вопроса о «помощи» горнорудной промышленности Боливии была ликвидация «рабочего контроля» с правом вето.

Рауль Руис Гонсалес подробно рассматривает в своей книге аграрную реформу, декрет о проведении которой был подписан 2 августа 1953 года. Проведение аграрной реформы с целью устранения феодального землевладения было настоятельной необходимостью. Достаточно напомнить, что в 1950 году на хозяйства площадью более 2500 га, составлявшие всего 3,7 процента от их общего числа, приходилось 81,8 процента всей земли, а на долю хозяйств в 20 га и менее, составлявших 76,1 процента всех хозяйств, приходилось лишь 0,5 процента земли¹. Более того, чем крупнее были землевладения, тем меньшая площадь в них обрабатывалась. В целом же возделывалось только 2 процента земли, находившейся во владении крупных землевладельцев. Не удивительно поэтому, что страна ввозила большое количество продовольствия, в то время как две трети населения были заняты в сельском хозяйстве². В Боливии преобладали феодальные производственные отношения, более чем 90 процентов земельной площади обрабатывалось средневековыми методами. Количество безземельных крестьян составляло 766 тысяч человек³, то есть одну треть всего сельского населения.

В целом ряде районов крестьяне стали захватывать земли помещиков сразу после апрельского восстания 1952 года. Ненависть крестьян нередко распространялась не только на крупных, но и на средних земельных собственников. В свою очередь многие помещики стали прятать инвентарь и саботировать сельскохозяйственные работы. Под давлением крестьянских масс правительство поспешило издать декрет об аграрной реформе.

¹ «Revue economique et sociale», Lausanne, Fevrier 1962 (Numero special), p. 76.

² В 1951 году импорт продовольствия достиг 23 миллионов долларов.

³ Beltrán F. y Fernandes J., *Dónde va la Reforma Agraria Boliviana?* La Paz, 1960, p. 81.

Основными целями аграрной реформы, провозглашенными в декрете, были наделение землей безземельных и малоземельных крестьян (по принципу «земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает») за счет экспроприации земель латифундистов; освобождение крестьян от крепостной зависимости с отменой обязательных повинностей и бесплатных отработок, повышение производительности сельского хозяйства.

За полученную по реформе землю крестьяне должны были платить бывшим ее собственникам возмещение из 2 процентов годовых с рассрочкой в 25 лет.

Прежде всего декрет объявлял собственностью крестьян те клочки земли, которые они получили в пользование от помещиков и за которые обрабатывали или платили натуральную ренту. Помимо этого, крестьяне получали право на наделение землей, отчужденной у помещиков, в соответствии с нормами, установленными для различных районов и почв.

Однако процесс выявления земель, подлежащих отчуждению, само отчуждение, определение наделов, введение во владение наделом — все это предполагало сложную, многоступенчатую процедуру, открывавшую простор для юридического крючкотворства, волокиты и обмана.

Нормальная работа по проведению реформы началась лишь в августе 1954 года. С того времени и по январь 1962 года включительно получили землю 84 856 глав семейств, а общая площадь наделения составила (по официальным данным) 2 988 730 га¹. Если учесть, что одна крестьянская семья в Боливии в среднем состоит из 5 человек, то в результате аграрной реформы было наделено земли в той или иной степени около 425 тысяч крестьян, то есть примерно одна пятая часть сельского населения. В 1960—1961 годах по сравнению с предшествующим пятилетием темпы проведения реформы ускорились: из 2,9 миллиона га 2 миллиона были распределены в 1960 и 1961 годах. Однако вряд ли эти результаты можно признать удовлетворительными. Ведь землю получили 425 тысяч крестьян, а число безземельных до реформы составляло 766 тысяч. В среднем на каждого крестьянина пришлось 7 га земли, но в райо-

¹ «Bolivia: 10 Años de la Revolución», p. 58.

нах с более плотным населением, например в долинах Кочабамбы, каждый крестьянин получил земли в три с лишним раза меньше. За указанный период была полностью или частично экспроприирована земля 3117 имений, тогда как общее число имений, которые можно экспроприировать в соответствии с законом о реформе, превышает 25 тысяч¹.

Несмотря на то что со времени провозглашения реформы прошло около 10 лет, она еще далека от своего завершения. Конечно, аграрная реформа имела ряд положительных сторон: была ликвидирована феодальная система эксплуатации (колонат), хотя далеко не последовательно осуществлялся принцип землевладения «земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает»; были отменены все феодальные повинности и бесплатные отработки, крестьяне получили возможность создать свои организации, правда при преобладающем влиянии правительственной партии.

Однако одного наделения землей недостаточно. Крестьяне не получили необходимой помощи инвентарем, семенами, удобрениями, кредитом и т. п. Не было предусмотрено также мер, ограждающих мелких земледельцев от грабежа посредниками.

Медленное проведение реформы и бедственное положение крестьян, несмотря на их освобождение от крепостной зависимости, вели к возникновению в деревне недовольства аграрной политикой правительства. Это побудило НРД внести в 1962 году ряд важных изменений в декрет об аграрной реформе. Главные изменения сводились к следующему: ускорение рассмотрения исков об отчуждении земли в первой инстанции и упрощение процедуры получения земли, бесплатное наделение крестьян землей (если раньше крестьянин должен был в 25-летний срок выплатить стоимость полученного участка, то теперь возмещение должно платить государство в 10-летний срок), классификация землевладений (мелкое, среднее, латифундия и т. д.) и определение их отчуждаемости не только по размерам, но и с учетом системы трудовых отношений, методов обработки, наличия капиталовложений и др.² Однако эти изменения,

¹ Beltran F. y Fernandes J., *Dónde va la Reforma Agraria Boliviana?*, p. 74.

² См. «Unidad», 1—8.III.1962; «El Diario», 6, 21.X.1961.

являясь шагом вперед в деле осуществления реформы, отнюдь не устраняют все имеющиеся недостатки и ошибки реформы, на многие из которых обращает внимание в своей книге Рауль Руис Гонсалес.

Критикуя правительство за ограниченность его аграрной политики, газета «Ребельон», орган профсоюзного центра Боливии, писала: «...Демократические преобразования в деревне тормозятся, и страна становится свидетелем создания эксплуататорской системы, сочетающей старые феодальные формы с капиталистической практикой»¹. В этом заключении содержится значительная доля истины: аграрная реформа в Боливии не привела к быстрой и решительной ломке феодального строя в деревне. Экспроприация рудников «оловянных баронов» и аграрная реформа не улучшили экономическое положение страны. Экономика Боливии переживает серьезный кризис прежде всего потому, что национализация рудников, означавшая переход крупной горнодобывающей промышленности в собственность государства, не покончила с зависимостью от иностранного империалистического капитала, а непоследовательное проведение аграрной реформы не сопровождалось решительными мерами для устранения препятствий на пути подъема сельскохозяйственного производства. Кризис, переживаемый боливийской экономикой, является следствием соглашательской и непоследовательной политики руководителей НРД. Отдельные достижения — строительство государственного сахарного завода Гуабера, национальной спичечной фабрики, завершение строительства автомагистрали Кочабамба — Санта-Крус, имеющей очень важное значение для преодоления экономической разобщенности различных районов страны, — не меняют в целом малоутешительной картины. За 11 лет «национальной революции» Боливия не перестала быть отсталой аграрной страной, экономически зависимой от империализма. Горнодобывающая промышленность, являющаяся, как и прежде, основной отраслью экономики и главным источником получения иностранной валюты, находится в тяжелом, почти катастрофическом положении. По сравнению с 1952 годом добыча олова сократилась вдвое. Этот спад объясняется, конечно, не на-

¹ «Rebelión», 1.V.1962.

ционализацией, а целым рядом других причин, для устранения которых правительство НРД не принимало никаких мер. Одной из важнейших причин является высокая себестоимость добычи олова в Боливии, значительно превышающая его цену на мировом рынке. В результате ежегодные убытки КОМИБОЛ составляли в среднем 10 миллионов долларов. Высокая себестоимость — следствие слабой механизации и изношенности имеющегося оборудования, а также истощения разрабатываемых оловянных месторождений. КОМИБОЛ, находящаяся на грани краха, вынуждена была закрыть рудники Пулайкайо, Больша-Негра, Колкечака. Не лучше положение частных горнопромышленников. Закрылось более 600 мелких рудников. Текстильная и пищевая промышленность, на долю которых приходится 80 процентов капиталовложений всей обрабатывающей промышленности, работают лишь на 50 процентов производственной мощности. Сохранение зависимости боливийской экономики от империализма — вот главная причина катастрофического положения промышленности страны. Правительство НРД вместо окончательного устранения этой зависимости практически способствует ее усилению. Лидеры НРД для оправдания своей политики даже выдвинули специальную «теорию» освобождения от империалистической зависимости при «помощи» империализма. Но если пример Боливии и свидетельствует о чем-либо, то только о провале надежд на развитие страны с «американской помощью». За период с 1952 года правительственные субсидии США Боливии составили около 200 миллионов долларов¹. Значительная часть этой «помощи» была предоставлена в виде «дара» в обмен на то, что правительство НРД открыло двери страны американским монополиям, особенно нефтяным, пойдя фактически на денационализацию нефти, и различным «техническим миссиям» и «службам», на содержание которых ушла добрая часть «помощи». По рекомендации американских «специалистов» были осуществлены меры по «стабилизации валюты» и «борьбе с инфляцией», тяжело отразившиеся на доходах трудящихся и

¹ См. БИКИ, 1961. Приложение № 17; Banco Central de Bolivia, 32ª Memoria Anual, Año 1960, p. 35; «Planeamiento», La Paz, 1961, № 3—4—5, p. 25.

национальной промышленности. В стране происходит непрерывный рост стоимости жизни. Если индекс стоимости жизни в Ла-Пасе в 1953 году принять за 100, то для июня 1962 года он составил 3800¹. Ни в одной другой стране Латинской Америки дороговизна не растет со столь головокружительной быстротой и не падает так реальная заработная плата, как в Боливии. Если в 1957 году горняк зарабатывал в день сумму, эквивалентную 1,30 доллара, то в настоящее время его дневной заработок составляет 0,75 доллара². Провал надежд на американскую помощь вынуждены были признать видные деятели правящей партии. Сенатор Марио Торрес заявил в феврале 1962 года, обращаясь к приехавшим в Боливию американским сенаторам: «Сюда приезжало много правительственных миссий США. Но, чем больше они сюда приезжают, тем меньше понимают нас... Боливия получила после национальной революции значительную американскую помощь. Она предоставлялась весьма беспорядочно, небольшими частями и не средствами производства, а продуктами питания, что не способствует решению проблем, связанных с нашими трудностями»³.

Экономика Боливии находится в настоящее время в катастрофическом положении. Так, производство валовой продукции на душу населения уменьшилось со 120 до 90 долларов, а ежегодный доход на одного человека упал с 90 до примерно 67 долларов⁴. Усиливается безработица. В горнорудной промышленности число безработных составляет 12 тысяч человек (из 56 тысяч), в обрабатывающей промышленности — 11 тысяч человек, в строительной — 13,5 тысячи. Общее количество полностью и частично безработных — 160 тысяч, то есть 12 процентов всего самодеятельного населения. К этому следует добавить скрытую безработицу в деревне, где насчитывается не менее 150 тысяч крестьян, многие из которых в поисках работы отправляются батрачить в соседние страны.

¹ Banco Central de Bolivia, Suplemento Estadístico, № 160, p. 32.

² «Unidad», 17.V.1962.

³ Цитируется по тексту выступления в боливийском парламенте депутата Хосе Мария Паласьоса. См. «El Pueblo», 22.IX.1962.

⁴ «El Pueblo», 22.IX.1962; «Planeamiento», 1961, № 3—4—5, p. 19.

Таким образом, американская «помощь» была платой за то, чтобы боливийская революция не достигла своих целей, за то, чтобы американские монополии могли получать еще большие прибыли в результате эксплуатации боливийского народа. Пользуясь изменением соотношения цен на экспортируемые и импортируемые товары, империалистические монополии грабили Боливию ежегодно на 6 миллионов долларов¹. Кроме того, Боливия вынуждена была отдавать в счет погашения внешнего долга около $\frac{1}{5}$ чистых поступлений иностранной валюты, вырученной за экспорт². Оказывая Боливии «помощь», американские монополии стремились навязать политические и экономические условия, ущемляющие суверенитет страны. Такими условиями являются передача государственных предприятий в частные руки, наведение «внутреннего порядка» в стране, то есть ограничение демократических свобод, деятельности профсоюзов и т. д. Прямые вложения американского частного капитала в Боливию до 1952 года были сравнительно невелики. В 1950 году они составили лишь 11 миллионов долларов³. Однако правительство НРД в ущерб национальным интересам позаботилось о привлечении американского капитала, особенно в нефтяную промышленность. Площадь концессий, предоставленных частным иностранным компаниям, составила к 1962 году 41 тысячу кв. км⁴. Официально зарегистрированная сумма иностранных частных капиталовложений в нефтяную промышленность равнялась в конце 1961 года 77,5 миллиона долларов⁵. Более того, в конце 1960 года был принят новый закон о капиталовложениях, по которому иностранные вкладчики освобождаются от целого ряда налогов и фактически получают гарантию от экспроприации их собственности в Боливии (в законе указывается на возможность экспроприации в исключительных случаях, да и то с предварительной выплатой возмещения). Этот закон вызвал новый прилив иностранных

¹ «Planeamiento», 1961, № 3—4—5, p. 48.

² Там же, стр. 49.

³ «Revue économique et sociale», Février 1962, p. 173.

⁴ Всего было отдано в концессию более 124 тысяч кв. км земли, однако затем некоторые компании отказались от концессий. (См. «Bolivia: 10 Años de Revolución», p. 134.)

⁵ Там же.

капиталовложений. Сумма иностранных частных инвестиций в соответствии с новым законом превысила за 2 года (1961 и 1962) 29 миллионов долларов¹. Не сбылись надежды лидеров НРД и на «помощь» США латиноамериканским странам, на так называемый «Союз ради прогресса», с которым боливийское правительство связало осуществление разработанного им десятилетнего плана «экономического и социального развития» (1962—1971 годы). Этот план предусматривает увеличение среднегодового дохода на душу населения до 165 долларов и обеспечение работой растущего населения страны, так как иначе, при сохранении существующего положения, через 10 лет число безработных в Боливии составит полмиллиона человек. План, рассчитанный на ближайшее десятилетие, не обеспечивает создания по крайней мере основы для самостоятельного экономического развития страны. Экономика Боливии по-прежнему останется деформированной, основанной на одностороннем развитии горнорудного производства, главным образом на добыче олова. Но и в этой основной отрасли ставится задача лишь достичь к 1966 году уровня производства 1951 года. О создании машиностроения в плане ничего не говорится. Прошел год со времени принятия плана, но он еще не начал осуществляться. Обещанные по программе «Союза ради прогресса» 80 миллионов долларов не были отпущены. К тому же предоставление этих кредитов обуславливается привлечением американских фирм для изучения и разработки проектов в рамках десятилетнего плана.

Из-за финансовых затруднений осуществление плана предполагается начать теперь лишь с 1965 года. За 11 лет после восстания 1952 года боливийский народ убедился в том, что американская «помощь» несовместима с целями боливийской революции и что политика соглашательства с империализмом США, проводившаяся лидерами НРД, не в состоянии привести страну к национальному освобождению.

* * *

Вместе с победой народного восстания 1952 года боливийские трудящиеся завоевали право объединения

¹ «El Diario», 11.I.1963.

в профсоюзы. С 1952 года существует Боливийский рабочий центр (БРЦ), объединяющий все профсоюзы страны. В БРЦ вошли и созданные после апрельского восстания крестьянские союзы. Таким образом, в профсоюзы объединены все трудящиеся — рабочие, служащие и крестьяне. Профсоюзным организациям подчиняется рабочая и крестьянская милиция, возникшая в ходе апрельского восстания и сразу после него и вооруженная оружием, отнятым у старой армии. Наличие вооруженной милиции (хотя в целом она, как и все профсоюзное движение, находится под преобладающим влиянием руководства НРД) — важный фактор в борьбе с попытками реакционеров реставрировать власть феодально-горнопромышленной олигархии и уничтожить завоевания трудящихся.

Последние годы были периодом роста сознательности и самостоятельности боливийского рабочего движения, играющего важную роль в политической жизни страны. По мере того как все яснее обнаруживается несостоятельность политики лидеров НРД, ориентирующихся на «помощь» со стороны империалистов, происходит высвобождение рабочего движения из-под влияния чуждых пролетариату мелкобуржуазных взглядов и поддерживаемых правящей группировкой иллюзий о якобы «совместном правлении» НРД и БРЦ. Среди трудящихся растет влияние Коммунистической партии Боливии, одной из самых молодых марксистских партий в Латинской Америке, созданной в 1950 году.

Требования, за удовлетворение которых борются боливийские профсоюзы, отвечают национальным интересам. Свидетельством тому является избирательная программа, принятая БРЦ в апреле 1960 года, накануне президентских выборов, и содержащая такие пункты, как защита национализированных рудников, прекращение выплаты возмещения их бывшим владельцам, защита национальных нефтяных богатств от посягательств империалистических трестов, борьба с безработицей и повышение жизненного уровня трудящихся, ускорение аграрной реформы, строительство плавильных печей, установление торговых и дипломатических отношений со всеми странами и т. д. ¹

¹ «Unidad», 30.IV.1960.

Боливийские рабочие и остальные трудящиеся ведут борьбу не только за удовлетворение своих экономических требований, но и активно участвуют в политической борьбе, отстаивая демократические права и свободы.

Когда в середине 1961 года правительство, стремясь подавить растущее недовольство трудящихся ухудшением экономического положения и уступками империалистам, обрушилось с репрессиями на профсоюзных рабочих лидеров, состряпав небылицу о «коммунистическом заговоре», оно натолкнулось на единодушное сопротивление профсоюзов, требовавших освобождения арестованных и отмены осадного положения. На удочку «коммунистического заговора» трудящихся поймать не удалось.

Демонстрацией растущего единства трудящихся Боливии и их решимости бороться за проведение подлинной антиимпериалистической и антифеодальной революции явился III национальный съезд БРЦ, состоявшийся в Ла-Пасе в мае 1962 года. В «Платформе революционной борьбы БРЦ», одобренной съездом, указывается, что «национальная революция» «начала сбиваться с пути и застопорилась, попав в экономическое окружение империализма США и вследствие оживления контрреволюционных сил...» Съезд подчеркнул решающую роль трудящихся в определении дальнейшего хода боливийской революции, которая «либо посредством чисто капиталистического развития утвердит буржуазный строй в рамках «западной демократии» империализма, либо благодаря объединению народа вокруг пролетариата пойдет к социалистическим формам организации общества...» «Боливийский рабочий центр,— говорилось в «Платформе»,— будет бороться за развитие и укрепление союза рабочего класса и крестьянства как необходимого и основного условия для успешной борьбы за национальную независимость, демократию и социализм».

Наряду с требованиями, ранее сформулированными в избирательной программе БРЦ 1960 года, в «Платформе» выдвигается и ряд других задач, в том числе борьба за сохранение всеобщего мира и за запрещение атомного оружия, а также оказание поддержки Кубинской революции. «Защита и поддержка победоносной Кубинской революции,— указывается в программном

документе БРЦ,— являются составной частью его [БРЦ] собственной борьбы за национальную независимость».

Движение в поддержку Кубинской революции приобрело в Боливии широкий размах. Боливийский народ, стремящийся к осуществлению антиимпериалистической и аграрной революции, с самого начала стал на сторону революционной Кубы в ее героической борьбе против американских империалистов.

Во время агрессии на Плайя-Хирон в апреле 1961 года сотни боливийских рабочих записались добровольцами, выразив желание с оружием в руках защищать Кубу. Когда в октябре 1962 года над Кубой нависла угроза американского вторжения, боливийский пролетариат вновь вышел на улицы и продемонстрировал свою солидарность с братским кубинским народом и свою ненависть к империализму янки.

Решительная поддержка народом Кубинской революции влияет на позицию правительства НРД. Так же как Бразилия, Чили, Уругвай и Мексика, Боливия поддерживает дипломатические отношения с Кубой. Во время кризиса в Карибском море в октябре 1962 года правительство Боливии хотя и не осудило установление блокады Кубы со стороны США, однако высказалось против вооруженной интервенции и за право кубинского народа на самоопределение.

* * *

Международная обстановка, рост сил социализма, подъем национально-освободительного движения, усиливающееся влияние идей марксизма-ленинизма благоприятствуют борьбе боливийского народа за политическую и экономическую независимость и за социальный прогресс.

Несмотря на многочисленные объективные и субъективные препятствия, с которыми сталкивается боливийский народ, можно не сомневаться, что в недалеком будущем он найдет правильный путь к своему освобождению.

Прометей Анд разорвет цепи.

И. Ершов

К советскому читателю

В книге «Боливия — Прометей Анд» я стремился дать объективную картину жизни моего народа, который, несмотря на то что природные богатства его страны огромны и разнообразны, вынужден вести непрерывную борьбу с нищетой и лишениями.

Прометей — это народ Боливии, прикованный к Андам цепями трехвекового колониального владычества феодальной Испании, а после его свержения — цепями зависимости от империализма, главным образом империализма США — мирового жандарма реакционных сил. Непрерывавшаяся борьба боливийского народа за национальное освобождение вылилась в апреле 1952 года в народное восстание, открывшее новые перспективы. Однако революционный процесс, победоносно начавшийся народным восстанием, не привел к успеху. В то время в стране еще отсутствовали субъективные предпосылки, необходимые для его развития, а империализм, как известно, добровольно никогда не отказывается от своих позиций.

Кроме того, международная обстановка не была в тот период столь благоприятной, как теперь. Опыт мирового революционного движения свидетельствует, что в нашу эпоху, эпоху революционного перехода от капитализма к социализму, ни национальная буржуазия, ни мелкая буржуазия не могут последовательно руководить национально-освободительной революцией.

Таковы основные причины неудач упомянутого революционного процесса в Боливии.

Я надеюсь, что издание книги «Боливия — Прометей Анд» на русском языке поможет вдумчивому советскому читателю ознакомиться — хотя бы в общих чертах — с моей страной, с жизнью и борьбой моего народа.

Рауль Руис Гонсалес

Январь 1963 года

*Бесстрашному и боевому рабочему классу
моей страны.*

Моей самоотверженной матери.

*Гилье, моей неутомимой подруге, душа
которой полна пламенного протеста против
социальной несправедливости.*

*Ей, школьной учительнице, хорошо знающей
драму, переживаемую боливийскими
женщинами и детьми.*

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Боливия — внутриконтинентальная страна. На севере и на востоке она имеет протяженную границу с Бразилией, на юге граничит с Аргентиной и Парагваем, на западе — с Перу и Чили. Боливия занимает территорию, простирающуюся к западу от географического центра южноамериканского континента и составляющую 1 098 581 кв. км.

Центральный массив Андских гор, или Американское поднятие¹, справедливо названное исследователем Хайме Мендосой Боливийским массивом, представляет собою богатейшую по своим географическим особенностям зону, в которой живет и развивается народ, имеющий богатые исторические традиции. «Боливийский массив,— отмечает Фернандо Дьес де Медина,— определяет характерные черты рельефа страны, придает целостность необычайному разнообразию ее пейзажей, объединяет проживающий здесь народ и отбрасывает тень на весь континент»².

Гигантское Альтиплано (Боливийское нагорье), возвышаясь в среднем на 3700 м над уровнем моря, воспроизводит своими очертаниями конфигурацию двух хребтов Кордильер, которые расходятся от горных сплетений Аполобамба и Вильканота, простираются в южном направлении и сливаются вновь, образуя горное сплетение Липес.

¹ Название, данное Александром Гумбольдтом.

² Fernando Diez de Medina, Bolivia, Clave y Centro de un Continente (опубликовано в журнале «Бюэмия», № 15, Гавана, 12 апреля 1959 года. Ответ на статью «Хаос в облаках», опубликованную в нью-йоркском журнале «Тайм» 2 марта 1959 года).

Западная, или Прибрежная, Кордильера выходит за пределы Боливии на юге, простирается до Тихоокеанского побережья и образует «лабиринт горных отрогов и небольших массивов, возвышающихся над пуной Атакама»¹. Восточная Кордильера, или внутренняя цепь Кордильерских гор, пересекающая территорию Боливии, состоит из двух горных массивов: северного, или «долинного», изрезанного множеством глубоких и узких долин и понижающегося в сторону бассейна Амазонки, и южного, или Чаркас, пересекающего с севера на юг возвышенные равнины и обширные долины с мягким климатом и постепенно понижающегося в направлении равнин Лаплатского бассейна. Иными словами, Боливийский массив вздымается в своей тихоокеанской части в виде обрывистых гор, достигающих головокружительной высоты, в то время как в своей восточной части он, наподобие гигантской лестницы, постепенно поднимается от равнин, образующих его основание, через расположенные уступами плоскогорья до высокогорных равнин, известных под названием пун.

Тихоокеанское побережье является, таким образом, платформой, на которой возвышается Западная Кордильера Боливийского массива, точно так же как «низменный район бассейна реки Мадейра в орографическом и гидрографическом отношении составляет «долинный» массив, а равнины Лаплатского бассейна между реками Парагвай и Пилькомайо принадлежат с той же точки зрения к горному массиву Чаркас»².

«В географическом отношении,— указывает Хайме Мендоса,— Боливия — страна низменных и возвышенных областей, взаимно дополняющих друг друга... Она состоит из двух частей, с виду совершенно различных, но именно в силу этой своей особенности призванных составлять чудесный единый комплекс». Вообще же в Боливии различают три основные крупные зоны, резко отличающиеся одна от другой по своему расположению над уровнем моря, топографии, климату, фауне и флоре.

Зона Альтиплано, холодная и засушливая, подверженная ветрам, но великолепная в своей бескрайности,

¹ Julio Murillo S. J., Bolivia en las manos.

² R. Capriles Rico y G. Arduz. Egúia, El Problema social en Bolivia.

с горами, увенчанными снежными вершинами под куполом иссиня-голубого неба, включает часть департаментов Ла-Пас, Оруро и Потоси, а также запад департамента Кочабамба. Площадь ее составляет четырнадцать процентов территории страны. В зоне долин с местами умеренным, а местами жарким климатом, с плодородными землями, пригодными для выращивания всех плодородных растений, расположены часть департаментов Ла-Пас и Кочабамба, департаменты Чукисака и Тариха, остальная часть департамента Потоси. Территория этой зоны составляет в целом шестнадцать процентов всей территории страны. Низменность с знойным тропическим климатом, с ее горами, лесами, равнинами, пампой и совершенно необыкновенными по плодородию почвами, охватывает восточную часть департаментов Кочабамба, Чукисака и Тариха и департаменты Пандо, Бени и Санта-Крус; эта зона занимает семьдесят процентов территории Боливии.

Каждая из этих крупных географических зон имеет свои особенности. Правда, следует отметить, что долины в зоне, расположенной между Альтиплано и льяносами, неодинаковы: долины северного массива узкие и глубокие, с жарким и влажным климатом, а долины южного массива — широкие и более возвышенные, с умеренным и менее влажным климатом.

Для низменной зоны характерны сельвы северной части бассейна реки Мадейры, равнины Чикитос, пампы и песчаные области Чако в Лаплатском бассейне, что обуславливает разнообразие климата и пейзажей, хотя в целом эта область отличается знойным климатом.

Такова географическая картина Боливии. Говоря словами одного автора, «эта страна представляет собой географический синтез Америки». Здесь имеются и сельвы, и покрытые вечными снегами горные вершины, такие, как Ильямпу, Сахама, Ильимани, Паринакота, Уайна Потоси, Мурурата, Чакалтайя, и обширные равнины, и глубокие долины; здесь и гигантское нагорье Альтиплано, и озера, такие, как Титикака — самое высокогорное озеро в мире (находящееся на высоте 3810 м над уровнем моря), по которому проходит граница Боливии с соседней республикой Перу. В прилегающей к озеру Титикака области возникла и развилась одна из самых древних культур Америки. Озеро получило из-

вестность также и потому, что на одном из его островов — на Коати (Лунный остров), превращенном в период республики в место заключения уголовных преступников, до апрельского восстания 1952 года содержались в заключении политические деятели оппозиции. В Боливии имеются и другие озера, как, например, Поопо, соединяющееся с озером Титикака рекой Десагуадеро, соленые озера Койпаса, Уюни и другие. Имеются также большие и полноводные реки, многие из которых пригодны для судоходства; наличие этих рек превращает Боливию в гидрографический центр континента.

Являясь в силу своего географического положения «ключом к познанию исторического прошлого и центром равновесия полушария»¹ и занимая выдающееся место в истории Латинской Америки, Боливия вместе с тем располагает колоссальными природными богатствами. По образному выражению Гумбольдта, Андский массив — это «серебряный стол, установленный на золотом постаменте».

На горных вершинах выют гнезда орлы и кондоры. Изображение кондора помещено на государственном гербе страны.

В недрах горных хребтов и в бассейнах рек обнаружены почти все известные разновидности минеральных богатств, начиная с золота и серебра, включая олово и свинец, медь, цинк, сурьму, вольфрам, флюорит, железо, марганец, асбест и многие другие, вплоть до радиоактивных минералов.

Леса Боливии хранят запасы хины, танина, каучука, какао, ванили и т. д., а также другие огромные и еще не исследованные богатства. Поистине удивительно многообразие древесных пород в лесах на востоке страны; тут можно встретить самые разнообразные породы птиц: шумливых, подвижных попугаев и благородную серую цаплю, спокойно парящую над верхушками раскидистых пальм в зоне пальмовых рощ района Мохос; здесь обитают и тапиры, и такие хищные животные, как американский тигр, и робкие обезьяны.

В озерах, лагунах и реках водятся рыбы и кайманы.

¹ Fernando Diez de Medina, Bolivia, Clave y Centro de un Continente.

Район глубоких долин с мягким климатом и равнины восточной части страны богаты почвами, пригодными для выращивания почти всех сельскохозяйственных культур: сахарного тростника, юкки, кофе, риса, арахиса, пшеницы, кукурузы, коки, сладкого картофеля, всевозможных овощей и самых разнообразных фруктов.

В обширных пампах и льяносах разводят крупный рогатый и тягловый скот, а также овец, коз и т. д. Территории восточных равнин, особенно в департаменте Бени, периодически подвергаются наводнениям вследствие разлива крупных рек бассейна Амазонки.

В суровых условиях Альтиплано, где дуют пронзительные и холодные ветры, произрастают картофель, просо, ока [южноамериканское растение, родственное земляной груше.— *Перев.*], ячмень. На необозримых пространствах этих земель, находящихся на высоте до 4000 м над уровнем моря, водятся дикие гуанако и вигони, бродят стада лам, этих извечных спутников индейца.

«Лама! Прекрасное мирное животное! Ему не нужны наездники или погонщики, которые бы его подгоняли, ему не требуются ни недоуздки, ни поводки, ни подковки, ни потники, ни седла или подседельники. Чудесный дар провидения, вызволивший индейцев чульпа и колья из положения вьючных животных, на которое они были обречены до приручения этого выносливого представителя верблюдовых. Это жвачное животное, привычное к долгим переходам, является неизменным переносчиком грузов соли, волшебного товара индейцев кольямара из соляных копей Койпаса и Уюни в живописные долины Кочабамбы, Чукисаки и Тарихи»¹.

Оловянные месторождения, расположенные в Кордильерской цепи Анд на высоте от 3500 до 5000 м над уровнем моря, крайне отличаются по условиям залегания и происхождению; запасы жильных месторождений далеко не одинаковы. Знаменитые рудники Льяльягуа, разрабатываемые предприятием Катави в департаменте Потоси, несомненно, являются самыми богатыми.

«Согласно классификации геологов, в Боливии имеются три типа оловянных месторождений: чисто оловянные

¹ Joel Camacho V., Orígenes de Bolivia («Revista Jurídica», изд. университета Сан-Симона, Кочабамба, № 61—62).

ные, месторождения олова с серебром и месторождения типа Потоси. Естественно, в отдельных местах встречаются и россыпи. Добыча чистого продукта в некоторых из россыпных месторождений обходится весьма дешево. Главнейшие из таких россыпей — Окури, Уануни, Ароифилья. Однако, хотя эти россыпные месторождения гораздо богаче по содержанию олова, чем малайские, они значительно уступают последним по запасам руды»¹.

В течение более чем ста лет, в колониальный период, Боливия, тогда называвшаяся Верхним Перу, являлась главным поставщиком серебра в мире. «Боливия — это прежде всего страна — производитель олова, — указывает Рауль Канедо Рейес. — Но точнее было бы ее считать производителем олова и серебра; наряду с этим здесь имеется целый ряд месторождений меди, простирающийся от границы с Аргентиной вдоль стыка Альтиплано с Западной Кордильерой до перуанской границы... в виде полосы длиной свыше 600 км». Главными месторождениями являются Корокоро, Турко и Чакарилья. «Район месторождений свинца и сурьмы простирается вдоль всей полосы залегания олова, превышающей 1200 км, однако значительно превосходит ее по ширине». В Боливии имеются значительные запасы вольфрама; открыты крупные залежи железных, а также марганцевых руд (Мутун, близ границы с Бразилией), асбеста и других полезных ископаемых. В районах Яни и Амайапампа находятся богатые жильные месторождения золотоносных кварцитов, а в таких районах, как Хойа, — жильные месторождения сложного строения полиметаллических руд и золота; основные же запасы золота обнаружены в аллювиальных осадочных породах, «в отложениях ледниковых морен и речных долин, в породах флювиогляциального происхождения... залегающих вдоль главной гряды Кордильер и в отрогах гряды Кордильера-де-Чикитос... Большая часть золотоносных месторождений аллювиального характера... сравнительно недавнего происхождения и расположена в основном в поросших лесом долинах притоков рек, особенно Кака, Мапири, Типуани, Чальяна и Сонго»².

¹ Raúl Canedo Reyes, Problemas Económicos de Bolivia.

² Там же.

Боливия представляет собою действительно самый богатый в мире район месторождений серебра и олова и, как отмечает Рауль Канедо Рейес, является «зоной залегания полезных ископаемых, которые подвергались разработке в течение большего времени, чем месторождения какого-либо другого района».

Недра Боливии хранят также и нефтяные богатства. По авторитетному заключению геологов, две трети территории страны скрывают под поверхностью нефтеносные пласты. «В восточной части крайних отрогов Анд в Боливии расположен один из богатейших по запасам нефтеносный район Западного полушария. Имеется в виду прежде всего полоса территории, протянувшаяся от границы с Перу, пересекающая Боливию почти по диагонали и доходящая до границы с Аргентиной. Кроме того, по данным только что закончившихся предварительных исследований, весьма возможно открытие крупных скоплений нефти во всем районе льяносов до базальтового массива невдалеке от границы с Бразилией»¹.

На этой земле, имеющей громадные природные богатства, на территории, располагающей запасами почти всех известных полезных ископаемых, отличающейся ярко выраженными географическими контрастами, с многообразнейшей флорой и фауной живет, созидает и страдает народ численностью в три с половиной миллиона человек. Большинство населения, около шестидесяти процентов, — это индейцы племен аймара и кечуа, ведущие свое происхождение от тиауанакота, колья и инков*. Тридцать процентов — метисы, родившиеся от смешанных браков испанцев с аборигенами в период, начавшийся с момента жестокого покорения индейцев первыми испанскими конкистадорами и продолжающийся до наших дней. Десять процентов населения — это белые и индейцы диких племен. Последние обитают в районах восточной сельвы и пампы юго-востока страны. Это племена гуарайо, юракаре, бауре, мохо, мовима, чикитано, самуко, тоба, сирiono, матако и многие другие.

¹ Walter Guevara Arze, Plan de Política Económica de la Revolución Nacional, 1955. (В. Гевара Арсе был в то время [1952—1956 годы.— *Ред.*] министром иностранных дел.)

* Автор в данном случае имеет в виду жителей государства инков, простой народ; инками назывались правители этого государства. — *Прим. ред.*

Индейцы отличаются своей красочной одеждой. Примером может служить одежда камба*; своеобразен также и национальный костюм метиса, или, как он здесь еще называется, чоло. Большое разнообразие языков и диалектов нередко порождает социальные и даже расовые предрассудки, особенно распространенные среди различных слоев мелкой буржуазии.

С давних времен население Боливии сосредоточено в районах Альтиплано и долин, в то время как большая часть земель на востоке страны продолжает оставаться необжитой, причем власти не принимают никаких мер для их освоения.

* Камба — так называют в Боливии индейцев, живущих в восточных районах страны.— *Прим. ред.*

II

КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ КОЛЬЯСУИЮ

В данной работе не ставится цель показать жизнь первых обитателей территории Боливии или проанализировать различные теории происхождения человека на американском континенте; в этом вопросе мы ограничиваемся тем, что выражаем свое согласие с выводами и заключениями исследователей, считающих, что первые жители Америки прибыли из Старого Света в результате последовательных миграций, соответствующих различным культурам¹.

¹ Существует теория, согласно которой самые древние обитатели появились на территории нынешней Боливии около 30 тысяч лет назад. Их основным занятием был сбор дикорастущих фруктов и съедобных корней, а также охота на мелких животных и птиц; они использовали каменные копья с грубо обработанным наконечником, каменные ножи и т. д. Остатки этого примитивного оружия были найдены в Вискачани, в провинции Сикасика департамента Ла-Пас и в других районах континента.

Позднее, «примерно 20 тысяч лет назад, появились настоящие охотники, которые успешно охотились на мастодонтов и других подобных им животных». Человек этой эпохи уже использовал лук и стрелы, а также копье в качестве оружия для нападения на растоянии. Потомками этих людей, по-видимому, являются патагонцы, самуко, матако, тоба и другие индейские охотничьи племена, обитающие в районах Чако.

«За тысячу лет до нашей эры,— пишет Эдгар Ибарра Грассо,— в районе Анд появились первые земледельцы, которые уже знали искусство керамики и полированного камня, ткацкое дело, умели плавить медь, золото и т. д. Позже, примерно в 500-х годах н. э., появились мастера художественной росписи на керамических изделиях, что свидетельствует о влиянии искусства племен мохо, обитавших в бассейне Амазонки. Исследователи относят это к периоду культуры Тупурайя, на основе которой в более поздний период возникла культура Мохокойя... В дальнейшем на территории Боливии начинает сказываться влияние культуры Наска, распространенной на побережье Перу. Это влияние привнесло с собой элементы государственной организации во главе с королями, городские поселения и знакомство с бронзой. Племена Наска, проникнув до района Тиа-

И лишь тот факт, что на протяжении длительного времени сохранилась айлью* индейцев колья, претерпевшая естественные изменения, обусловленные господством инков, колонизацией и порабощением, а также условиями их жизни при республике, побуждает нас коснуться, разумеется весьма кратко, племенного образования Кольяо и империи** инков. Указанный факт имеет особое значение, поскольку он отражает одну из национальных особенностей Боливии; и именно поэтому, чтобы правильно понять самые глубокие корни боливийской действительности, понять драму боливийского народа, совершенно необходимо сделать хотя бы общий обзор доинкской культуры, которая оставила нам в наследство необыкновенную цивилизацию Тиауанаку как доказательство жизненной силы и созидательной способности коренного населения страны.

Страна индейцев, как принято говорить о ней, Боливия, находясь в самом сердце континента, концентрирует наиболее существенные, типично американские черты. Как «символ и суть всего туземного», как страна, «образующая мост, через который нельзя не пройти, первоначальное ядро, центр притяжения, находящийся на равном расстоянии от Тихого океана, бассейна Амазонки и Ла-Платы», говоря словами Фернандо Дьеса де Медины, Боливия являет миру свои, присущие только ей одной особенности. Они заключаются прежде всего в составе ее населения — в большинстве своем аборигенов, которые были покорены и подвергались нещадной эксплуатации в течение трех веков колониального господства феодальной испанской монархии, переживавшей упадок, и которые на основе, унаследованной от этого феодализма, угнетались в период республики британским, а затем североамериканским монополистическим капиталом.

Совершенно очевидно, что «индейцы Боливии» не являются «низшей расой» — отсталой, ленивой, порочной и

уанаку и далее, положили начало классической цивилизации Тиауанаку» (Edgar Ibarra Grasso, De Antes de Tiahuanacu en Cochabamba. Публикация в газете «Эль Мундо» от 30 августа 1959 года, Кочабамба).

* Айлью — индейская община. — *Прим. ред.*

** Термин «империя» в применении к государству инков введен буржуазными авторами и не отражает своеобразия общественной организации народа, населявшего это государство. — *Прим. ред.*

бесполезной; как нередко утверждают боливийские и иностранные историки и социологи, находящиеся под влиянием абсурдных расистских теорий¹.

Действительно, чтобы опровергнуть это, достаточно указать на культуру Тиауанаку, сооружения и памятники которой свидетельствуют о наличии собственного стиля у народа аймара, населявшего территорию великого центра Анд, отражают их глубокое понимание жизни, тонкий эстетический вкус, четкую политическую концепцию и большое самообладание. По выражению Густава Адольфо Отеро, «этот стиль, определяющий доапполоновский характер культуры Тиауанаку, в непревзойденной форме передает образ мыслей, стремления, живую энергию, наконец, весь философский и социальный жизненный комплекс того народа, который в кульминационный момент своей истории находился в зените своего развития»². «...Культура иероглифов и символов, которые еще не удалось расшифровать, изумительные Ворота Солнца, загадочный ступенчатый знак, монолитные сфинксы, ортогональная архитектура — это все прошлое, заключенное в плен теорем, воплощенных в камне»³.

Руины Тиауанаку* являются, несомненно, лучшим доказательством величия, которого достигла одна из самых древних культур Америки. На развалинах Тиауанаку возникла империя Кольяо**, описания которой мы

¹ Профессор Комас указывает: «Всемирная хартия прав человека, провозглашенная Организацией Объединенных Наций... и направленная против расовой дискриминации... полностью отвергает обозначение «низшая» или «высшая» применительно к любой расовой группе. Мы отвергаем это невероятное самовозвеличение некоторых белых, так называемых цивилизованных людей; мы считаем его не лучше, чем все то, что признавали и проводили в жизнь Гитлер, Розенберг, Гюнтер и другие «арийцы» прошедшего десятилетия» (журнал автономного университета Томаса Фриаса в городе Потоси, № 35, 36, 37).

² Gustavo Adolfo Otero, Prólogo a Tiahuanacu, Biblioteca boliviana.

³ Fernando Diez de Medina, Bolivia, Clave y Centro de un Continente.

* Руины Тиауанаку — древние развалины города, построенного индейцами — предшественниками колья вблизи озера Титикака. — *Прим. ред.*

** Кольяо — племенное образование, находившееся на стадии первобытнообщинного строя и не являвшееся империей в собственном смысле слова. — *Прим. ред.*

ниже коснемся в самых общих чертах, не претендуя на исследование исторического прошлого наших предков. Мы делаем это только потому, что народ колья оказывал заметное влияние на самые различные стороны жизни империи инков, которая в свою очередь была завоевана и подчинена испанскими конкистадорами.

Империя Кольяо

Удивительно, каким образом империи Кольяо удалось распространить свое господство на обширной территории, простиравшейся, по данным некоторых исследователей, до Колумбии на севере, до Чили и Аргентины на юге. Колья, или аймара, потомки которых составляют ныне угнетенное большинство боливийского народа, населяли земли, прилегавшие к считавшемуся священным озеру Титикака и являлись ядром империи, удерживавшей у себя в подчинении многочисленные племена Альтиплано и долин: айявири, пакахе, ларекаха, омасуйю, лупака, чарка, пакаса, каранга, кильяка, аульяга, уру, чича и другие. В нашу задачу не входит изучение юрисдикции Кольяо или перечисление всех народов, входивших в состав этой империи. Завоеванная в XIV веке после ожесточенных сражений, она была включена в состав империи инков под названием Кольясуйю и стала, таким образом, частью государства Тауантинсуйю.

Наименование колья, которое даже и в наши дни применяется к жителям Альтиплано и долин, происходит от слова кольяна, названия одного из племен, говорящих на языке аймара.

В данной работе для нас представляет интерес тот факт, что *айлью* как форма социальной организации, *чунка*, *минка* и *мита* как система и порядок организации труда, а также политическая структура, основанная на управлении *мальку*, *хилаката*, *калья* и *амауга*, были восприняты инками, а затем использованы испанцами в процессе колонизации.

Остатки *айлью колья* как формы коллективной организации жизни людей продолжают сохраняться и до наших дней. Члены таких коллективов, связанные друг с другом кровным родством, а также экономическими, религиозными и политическими узами, составляют общину, которая проживает на определенной территории, назы-

ваемой *марка*. В таких географических районах, где живут и развиваются индейские общины (айлью), в результате длительного процесса агглютинации и как неизбежное следствие развития производства возникают и растут селения колья, так называемые *льяхта*.

Земледелие, являющееся основой хозяйства колья, базируется на коллективной собственности на землю, которая периодически перераспределяется на отдельные участки, называемые *ккату*. Часть земельной площади, предназначенная под жилище и известная под названием *сайанья*¹, передается просто в пользование. В результате распределения земли (*лиуа*), ежегодно производимого *мальку-хилаката*, землю получают все семьи без исключения. Следовательно, социальные отношения как выражение по существу коллективной формы труда распространяются в процессе труда и на женщин, а также на детей начиная с определенного возраста.

Уйсу, известное в период господства инков под названием *ттахлья* (плуг), *чонта* и *лямпа*², сделанные крайне примитивно из твердого дерева, камня и меди, являются основными орудиями труда.

Колья не знают письменности, тем не менее изобретателем системы узлов на цветных нитях (*кипу*) считается один из мальку, по имени Кипуилья. Им знакомы гончарное ремесло и ткачество. На тканях и гончарных изделиях они воспроизводят рисунки, ярко отражающие особенности тиауанакского декоративного искусства; это означает, что колья являются приемниками цивилизации Тиауанаку.

Для работы они организуются в группы сначала по десять человек, а в дальнейшем, по мере развития айлью и в силу необходимости увеличения общественной производительности труда, — и в более многочисленные. При этом система разделения труда определяется исключительно потребностями указанного развития. Например, возделываемые сельскохозяйственные культуры и стада лам требуют постоянного внимания и надзора со стороны людей, составляющих айлью, что, естественно, вызы-

¹ Слово «сайанья» на языке аймара и слово «пергухаль» на языке кечуа означают земельные участки, которые передаются в пользование крепостным крестьянам, прикрепленным к латифундиям.

² Чонта — приспособление в виде палки, служащее для рыхления земли. Лямпа — лопата.

вадет необходимость установления посменного участия в полевых работах, в поддержании сохранности посевов и в наблюдении за домашними животными¹.

Такая групповая организация труда, называемая *чунка*, означает, что работы на участках *сайанья*, а также на всей территории марки выполняются коллективно. Разделение труда по принципу очередности выполнения соответствующих работ породило *миту* (это слово как раз и значит «обязательная очередность») — форму труда, которая стала применяться чаще всего на общественных работах: при сооружении дорог, строительстве церквей, проходке рудников и других.

Инки сохранили систему мита почти в неизменном виде. Однако испанцы использовали ее в качестве одной из форм порабощения коренного населения, чтобы извлекать драгоценный металл из недр земли. Ими двигало отчаянное желание возможно быстрее накопить богатство ценою жизни погребенных в забоях сотен тысяч и миллионов митайо, отбывавших эту принудительную повинность, и возвратиться в Испанию.

Система *минка*, которая еще и сегодня практикуется на сельскохозяйственных работах, основана на принципе добровольной отработки за продукты питания. К ней почти постоянно прибегают в семьях, где отсутствуют мужчины и женщина вынуждена работать как минка. В наши дни остается также в силе и система *айни*, распространенная среди крестьян кечуа и аймара. Она состоит в том, что крестьяне оказывают друг другу взаимную помощь, и выражает самую широкую солидарность между людьми, которая порождена многообразными связями в условиях существования айлью и перед живучестью которой время оказалось бессильным.

Айлью, равнозначное, по Ф. Энгельсу, греческому, кельтскому, римскому или германскому *геп* (род), зарождается из пуналуальной семьи². Религиозные связи находят свое проявление в тотемизме и табу, которые в конечном счете отражены в понятии *уака*³.

¹ См. Miguel Bonifaz, Derecho Indiano.

² См. Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1952, стр. 37—45.

³ Понятие *уака* идентифицируется в одних случаях с животным, с камнем, с растением или с пещерой, в других — с давно умершим предком, символом божества айлью. «Под названием «уака», — как

Колья имеют несколько богов. Главный бог — Виракоча, а также Мать Земля. Они мумифицируют умерших и хранят мумии в могилах, называемых *чульпа*, вместе с одеждой, пищей, золотыми, серебряными и другими предметами, которыми пользовался покойный; все это указывает на то, что колья верили в загробную жизнь.

Административная власть сосредоточена в руках *мальку*, ежегодно избираемых из числа самых достойных членов общины. Должность *мальку* в айлью исполняет *хилаката*. При *хилакате* функционирует Совет старейшин, или *ауки*, называемый «Амаута»¹.

Упадок империи Кольяо был вызван, по-видимому, внутренней борьбой вождей различных суйю, или областей, этих *кари* и *сапана*. Как бы то ни было, представляется очевидным, пишет Ригоберто Паредес, что «империя инков продолжала и развивала систему управления старинных *кольяна*. Инки удачно восстановили эту угасшую индейскую цивилизацию».

Империя инков

По традиции считается, что завоевание Кольяо инкой Пачакути Юпанки, десятым правителем империи кечуа, явилось результатом ожесточенной борьбы и сопровождалось подавлением ряда восстаний. Подчинять племена аймара удавалось нелегко, и с самого начала их завоевания инкой Пачакути Юпанки вплоть до консолидации этого завоевания, то есть в течение периода правления еще двух инков, борьба не прекращалась.

Потерпел поражение в борьбе против Кольяо Тупак Амару Юпанки. Также безуспешными оказались его попытки покорить племена пуруманка, обитавшие на территории современного Чили, и племена мохо и чиригуано, потомки которых населяют в наши дни восточные

указывает Гарсилясо, — понимаются не только предметы, наделяемые качествами божеств, но также все вещи, которые считаются священными и наделяются качествами божеств второстепенного порядка; этим последним присваиваются имена: Мамасара, Уанка, Кочама, Сарамана, Аксома, Уантайсара, Испаку, Уалькчуа и т. д. Чапака и Кнопа носят характер божественных покровителей или пэатов...»

¹ Согласно Ригоберто Паредесу, колья называли нацию словом «суйю»; административным главой суйю был *кари*, или *сапана*; главой марки был *мальку*, главой айлью — *хилаката* и т. д.

районы Боливии. И только при правлении Тупака Юпанки после многочисленных и кровавых сражений было покорено Кольяо. С тех пор на этих землях, составляющих территорию Боливии, преобладают два языка — кечуа и аймара.

Баутиста Сааведра пишет по этому поводу: «Язык кечуа представлял цивилизацию, существовавшую на обширной территории, но под ним скрывалась более древняя цивилизация аймара, и он был не в состоянии перечеркнуть ее. Если немного поскоблить языковой налет кечуа, то открывается прочная схема языка аймара и его цивилизации»¹.

Империя инков занимала территорию почти в четыре миллиона кв. км. Население ее составляло 12—15 миллионов человек². Расположенная между реками Анкасмайю и Мауле, она охватывала часть территории нынешнего Эквадора, территории Перу, Боливии и северные районы Аргентины и Чили. «Тауантинсуйю» в переводе означает «четыре части мира»; это были: Чинчасуйю на севере, Кольясуйю на юге, Антисуйю на востоке и Кунтисуйю на западе. В каждую из этих «суйю» вели протяженные дороги, начинавшиеся в столице империи городе Куско.

В новых условиях айлью претерпевает существенные изменения. Ослабевают родственные и религиозные связи, развиваются и крепнут связи экономические и политические к выгоде централизованного государства инков; тем самым облегчается прием в айлью пришлых людей, так называемых *альегадос* (прибывших из других айлью). А с применением системы *митимаес*, или перемещения селений, усиливается процесс агглютинации, что способствует развитию и преобразованию социальной и политической организации айлью народа колья. Поэтому не представляется беспочвенным утверждение о том, что империя инков явилась фактором разложения примитивного айлью, хотя очевидно, что в первый период господства кечуа некоторые доинкские айлью объединялись,

¹ Bautista Saavedra, El Ayllu.

² Хосе Карлос Мариатеги в своей книге «Семь очерков истолкования перуанской действительности» утверждает, что население империи инков до завоевания испанцами насчитывало не менее 10 миллионов человек.

образуя большие селения *льяхта* с централизованной властью в руках мальку, хилакат и амаута, борьба между которыми в конечном счете предопределила окончательное подчинение инками Кольясуюю.

Население империи занималось в основном сельским хозяйством, базировавшимся на коллективной собственности на возделываемые земли, луга, леса, воды. Как указывает Сесар Антонио Угарте, характерными чертами инкской экономики были «коллективная собственность на обрабатываемые земли, сосредоточенные в руках айлью, или группы родственных друг другу семейств, хотя и поделенные в виде индивидуальных, не передаваемых в пользование никому другому наделов; коллективная собственность марки, или племени, или, иными словами, федерации нескольких айлью, расположенных вокруг одного селения, на воду, леса и пастбища; трудовая кооперация и индивидуальное присвоение урожая и других плодов коллективного труда»¹.

В действительности характерной особенностью формы земельной собственности являлось то, что земля делилась на три части: для церкви, для инки и для народа. Последняя в свою очередь делилась на участки, так называемые *туну*, которые предоставлялись в пользование без права передачи другим лицам².

Рудники, рощи зарослей коки, скот и завоеванные новые земли принадлежали инке. Простой народ *хатунруна* обрабатывал земли инки и бога Солнца. Урожай с этих земель шел на удовлетворение нужд аристократии, служителей культа, государственных чиновников, армии и весталок *ахльяс*, или дев бога Солнца. Не оставались без внимания больные, престарелые, вдовы и инвалиды. Однако они не пребывали в бездействии³, а трудились с учетом своего возраста и состояния здоровья.

На землях общины работа осуществлялась с применением систем чунка и минка. На церковных землях и

¹ Cesar Antonio Ugarte, Bosquejo de la Historia Económica del Peru.

² См. Miguel Bonifaz, Derecho Indiano. «По данным, приведенным Ондегардо, размер участка *туну* не превышал в скольконибудь заметной степени того, что было необходимо для поддержания существования людей, которые им пользовались».

³ Основное правило, господствовавшее в империи, выражалось в словах: «Ама суа, ама льюлья и ама ккелья», что означает: «Не будь вором, не будь лжецом и не будь ленивым».

на землях инки, так же как в рудниках, в лесу (во время сбора листьев коки), на строительстве дорог, мостов, храмов и на других общественных работах, применялась система миты. Айни неизменно оставалась одной из форм взаимопомощи между членами общины.

Применяемая техника была крайне примитивна. Железо и колесо еще не были известны. Орудия труда изготовлялись исключительно для украшения. Хлебными злаками подданные-инки не располагали, у них не было также домашних животных, способных перевозить тяжелые грузы. Прав поэтому Луи Боден, утверждавший, что кукуруза и лама являлись основой перуанской экономики того периода. Превосходные мастера керамики и искусные ткачи, жители империи, использовались испанцами после завоевания страны на работах в специально созданных мастерских и эксплуатировались на условиях *энкомьенды* *.

В целях использования под земледелие отдельных участков в горных районах Анд применялась искусная, вызывающая искреннее восхищение система уступов и террас, сохранившихся и по сей день. Для нужд ирригации сооружались акведуки, строились также прекрасные мосты и дороги. Жители империи инков не превзошли, однако, колья, жителей древнего Тиауанаку, в искусстве строительства храмов и других сооружений, ибо это искусство в период цивилизации Тиауанаку находилось на более высоком уровне, чем в условиях инкской цивилизации.

Основная часть населения империи инков — крестьянство — была занята в земледелии и животноводстве. Искусство и ремесла отражают главным образом идеи деревни и домашний быт. «Наиболее значительные общественные работы в период Тиауанаку, — отмечает Х. К. Мариатеги, — были направлены на удовлетворение военных, религиозных или сельскохозяйственных потребностей. Ирригационные каналы горных районов и побережья, террасы земледельческих культур на склонах Анд являются лучшим памятником и доказательством высо-

* Энкомьенда — «опека» над индейским населением в какой-либо местности, поручавшаяся испанскими властями отдельным представителям колониальной верхушки; на практике являлась одной из наиболее жестоких форм феодально-крепостнической эксплуатации. — *Прим. ред.*

кой ступени экономической организации, достигнутой инкским Перу. Инкская цивилизация во всех своих наиболее характерных чертах была земледельческой цивилизацией».

Земля являлась основным источником богатства, и, так же как до инков, жители считали ее матерью всех людей, дающей детям все свои блага. Поэтому земля была объектом религиозного поклонения. В известном смысле и до сегодняшнего дня она сохраняет это свое значение среди крестьян кечуа и аймара, традиционно связанных с землей. Поэтому их основное требование как поработанных национальностей сводится к требованию предоставления им земли.

Как утверждает Луис Э. Валькарсель, «земля была началом начал. Она не только давала продукты, но и порождала самого человека. Земля была началом всех вещей. Культ Мама Пача [Матери Земли.— *Перев.*] существовал рядом с культом Солнца. Подобно тому как само по себе Солнце — ничто, так и Земля без Солнца также ничто. Эти две концепции слились в мировоззрении индейцев. Так родился аграризм — общинная собственность на землю и общая для всех религия дневного светила»¹.

Посевные работы на землях бога Солнца, инки и общинных начинались шумными празднествами, на которые индейцы приходили в своих лучших одеждах. Посевные работы сами по себе, сопровождаемые целым рядом ритуальных представлений и церемоний, уже означают отправление культа Мама Пача. И даже теперь большие сельскохозяйственные работы отмечаются празднествами, во время которых пьют чичу [алкогольный напиток, приготовляемый из маиса. — *Перев.*], провозглашая тосты в честь Мама Пача, с тем чтобы она принесла самые сочные, вкусные, зрелые плоды, дала хороший урожай.

Классовый состав империи инков был четко определен²: господствующая и угнетающая аристокра-

¹ Luis E. Valcárcel, *Del Ayllu al Imperio*. Цитируется по Хосе Карлос Мариатеги «Семь очерков истолкования перуанской действительности», М., ИЛ, 1963, стр. 93.

² См. José Antonio Arze, *Ensayo Sociodialéctico de la Historia de Bolivia* («Revista Jurídica», № 1, изд. университета Сан-Хавьер, Сукре).

тия, представленная так называемыми *орехоне* [буквально: дергающие за уши. — *Перев.*]; эксплуатируемый и поработанный инкской аристократией класс непосредственных производителей — народ, или хатун-руна, и, наконец, класс домашних слуг, по некоторым данным, рабов *янакуна*. Инкская аристократия делилась на несколько категорий.

Высшая знать, именуемая *капах-апо* и *ауки-кона* и ведущая свое происхождение от правителей инков; ее уничтожили испанские колонизаторы после восстания Хосе Габриэля Кондорканки (Тупак Амару). Знать областей, включенных в свое время в состав империи, так называемые *апо-кона*, или *кура-кона*, играла важную роль в колонизаторской политике в рамках института касиков. И, наконец, лица, которые в качестве награды за видные заслуги перед государством были причислены к знати, — *альиках-камачиска*, или *камачикох-кона*¹. Среди женщин также имелась определенная иерархия, например супруга инки называлась *скойа*.

Инкская аристократия как господствующий класс обладала огромной властью над всем остальным населением империи, а религия была ее лучшим орудием, служившим для осуществления господства над народом и для его подчинения. В руках аристократии находилась вся полнота власти: руководство армией, юридическими органами и религиозными институтами. Владея всеми доступными для того времени знаниями и секретами науки, она пользовалась привилегией в области образования, направляя его, разумеется, в своих классовых интересах.

Инка вначале избирался военными вождями *синче*, а после инки Виракоча корона стала наследственной. Образовалась наследственная династия инков. Так древняя федерация племен заменилась их объединением в рамках империи. Аристократия империи превратилась в замкнутую касту, порождавшую конфликты, наподобие известного конфликта между Кито и Куско, свидетельствовавшего в конечном счете о появлении признаков упадка.

Инкская аристократия оставила за собой некоторые исключительные привилегии, такие, как ношение драгоценностей, тонких тканей из вигоневой шерсти, потреб-

¹ См. Jorge Basadre, Historia del Derecho Peruano.

ление чичи и коки, полигамию, ничем не ограниченную со стороны инки, мумификацию и т. д. «Знаками отличия главы верховной власти были красная кисточка на головном уборе, свисающая на лоб (*маскаипача*), золотая диадема (*льяуту*), скипетр (*сунтурпаукар*) и священная птица *инди*, в значительной мере сходные с соответствующими знаками отличия фараонов»¹.

Простой народ хатун-руна, составлявший угнетенный класс, был обязан выполнять все работы в земледелии и животноводстве по изготовлению предметов искусства и ремесел, по разработке рудников, сооружению мостов, дорог, акведуков, террас, храмов и крепостей. Народ был обязан, кроме того, нести военную службу, обеспечивать курьерскую связь (*часки*), переселение людей на завоеванные территории с целью их освоения и т. д. Империя отнимала у своих подчиненных почти все. «Хатун-руна отдавали инке и вождям курака своих сыновей в услужение, а дочерей в сожительницы, вынуждали их на безбрачие и даже приносили в жертву Мама Пача. Простой народ представлял собой податной класс, порабощенный и эксплуатируемый аристократией и духовенством. Люди этого класса жили в условиях крайней умеренности и беспрекословного повиновения.

Они должны были слепо повиноваться инке. Джордж Роума вслед за Съеса де Леоном отмечает: «К инке относились с большим уважением. Ни один человек, каковы бы ни были его положение и ранг, не мог приблизиться к нему в первый раз иначе, как только босым и с какой-либо ношей за спиной в знак покорности и смирения»².

Инку считали сыном Солнца. На него нельзя было смотреть в упор. Бернабе Кобо по этому поводу пишет: «Время, которое несли на своих плечах эти несчастные индейцы, было столь тяжелым, что если бы все люди мира, собравшись вместе, попытались придумать самые невероятные способы подчинения и тирании, то, я думаю, они не смогли бы выдумать что-либо сверх того, чего уже достигли в этом отношении инки»³.

¹ Luis Alberto Sánchez, Historia de América.

² Georges Rouma, El Imperio Incaico: Breve Esquema de su Organización Económica, Política y Social (перевод X. А. Арге).

³ Bernabé Cobo, Historia del Nuevo Mundo.

Янакуны, превращавшиеся в домашних рабов, набирались среди населения завоеванных территорий.

Несмотря на централизацию власти, ловкая политика инков позволяла им использовать формы организации поработанных племен и народностей с целью подчинения их государственному механизму империи. Формы организации труда, а также религия народа колья играли в этом деле важную роль.

Десятичная система управления, начинавшаяся с *чунка-камайох*, стоявшего во главе группы из десяти семейств в каждом айлью, предусматривала целую иерархию чиновников, которую завершал верховный правитель — инка.

Несомненно, для инкского общества было характерно четкое деление на классы. И именно в силу деления на классы, отражавшего уже появившееся экономическое, социальное и политическое неравенство, в империи начала складываться частная собственность на землю. При этом производительные силы империи достигли заметного развития, и свидетельством тому являются, в частности, строительство колоссальной крепости Куско, а также рост и расширение территории страны. Экспансия империи сопровождалась обострением противоречий в среде инкской знати из-за абсолютного преобладания знати Куско. Оно оспаривалось знатью Кито, которую поддерживали недовольные из районов Нижнего Куско и знать завоеванных областей. Именно борьбой за власть следует, по-видимому, объяснить тот факт, что вражда между Уаскаром и Атауальпой (первый — законный наследник, второй — его брат по отцу) отражала не только их личное недоброжелательство, а являлась скорее проявлением глубоких социальных и политических противоречий, которые, возможно, могли бы быть разрешены в результате ряда преобразований инкского общества.

Но, как бы ни сложилась в будущем судьба империи, несомненным является тот факт, что испанское завоевание одним ударом положило конец дальнейшему самостоятельному развитию этого своеобразного общества и лишило исторических перспектив народы кечуа и аймара, создавшие огромную и могучую инкскую империю — самое развитое государственное образование в Америке до появления испанцев.

III

ЗАВОЕВАНИЕ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (Краткий исторический очерк)

Новый Толедо — Верхнее Перу

Согласно Ф. Энгельсу, государство Тауантинсуйю находилось на средней стадии варварства. Инки ничего не знали о существовании других цивилизаций, других земель и миров за пределами своей территории. Их географический горизонт был крайне ограничен, а отношения с народами майя, чибча, ацтеками и другими, развивавшимися на том же континенте, носили совершенно случайный характер. Луи Боден по этому поводу пишет, что «народы Америки... имели некоторое представление друг о друге. Об империи инков знали в Дарьене*, и испанцы слышали там рассказы о ней. В свою очередь перуанцы знали о странах Центральной Америки»¹.

Так или иначе при существовавшем уровне культурного развития инков появление белого бородатого человека в железной кольчуге, вооруженного саблей и мушкетом, человека верхом на коне — животном, которое не было им известно, — говорившего на языке, непонятном для коренных жителей Америки, привело к резкому столкновению двух миров, двух различных цивилизаций, двух совершенно не похожих друг на друга культур. Неизбежным следствием такого столкновения было подчинение одной из них. Культура испанских завоевателей подчиняла себе менее развитую культуру перуанцев, но не уничтожала ее. «Несмотря на обрушившуюся лавину завоевателей, — пишет Луис Альберто Санчес, — коренные жители прочно сохраня-

* Местность на Панамском перешейке. — *Прим. ред.*

¹ Louis Baudin, 'El Imperio Socialista de los Incas.

ли свое влияние среди социального конгломерата, составной частью которого они сами являлись. С помощью мушкета, собаки, коня и шпаги завоеватели сумели покорить их, но не уничтожили и не разрушили основную структуру обществ, формировавшихся веками». Инки вели оживленную меновую торговлю между Альтиплано и областью соседних с ним долин, однако они не дошли до стадии товарного производства и экономики, основанной на денежном обращении. Они не знали денег, а значит, не имели понятия ни о займах, ни о процентах с них, ни о ростовщичестве, не знали рабского труда. Материальные и духовные условия, в которых происходило развитие империи ко времени ее завоевания, указывают на едва начавшийся процесс перехода к рабовладельческому строю.

Абсолютное подчинение женщины мужчине, который в браке «представляет инку, господина, в то время как жена и дети олицетворяют собою народ»; то, что женщина «выполняет двойную миссию в семье — рождает детей и трудится, чтобы обеспечить семью средствами для поддержания жизни»; «деспотическая, тираническая и эгоцентрическая власть мужчины», проявление которой еще и теперь «можно заметить в традиционных привычках индейцев»¹; унижительное повиновение хатун-руна инке; самый факт существования янакуна и борьба, разгоревшаяся между Уаскарром и Атауальпой, — неоспоримые свидетельства этого переходного периода.

В то время как империя инков достигла описанного выше уровня развития, в недрах старого феодального общества Западной Европы зарождалось в XV веке новое общество — капиталистическое.

Развитие товарной экономики с широким использованием денег и неограниченная торговая экспансия, уже свидетельствовавшая об образовании мирового рынка, с очевидностью указывают на смену феодальных отношений отношениями капиталистическими. Подать натурой заменялась денежными сборами. Денежный обмен к концу XV века значительно подорвал феодальные отношения. Без денег уже никто не мог обойтись. Деньги стали целью всей человеческой деятель-

¹ Gustavo Adolfo Otero, Vida Social en el Coloniaje.

ности. Насильственная экспроприация превратила крестьян, ремесленников, мастеровых в простых продавцов своей рабочей силы для мануфактурного производства. Насильственному обезземеливанию предшествовал процесс огораживания. Эксплуатация бедных богатыми, обнищание и пролетаризация несут с собой новые производственные отношения, новую форму общества, зарождающуюся в недрах старого феодального общества. В. И. Ленин характеризует этот процесс следующим образом: «Система хозяйства, — рассчитанного уже на рынок (это особенно важно), — меняется... Проникновение товарного производства ставит богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая, таким образом, путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплуатации неимущих, превращаются в капитал... Разорение достигает, наконец, такой степени развития, что крестьянин вынужден совсем бросить хозяйство: он не может уже продавать продукта своего труда, ему остается только продавать труд»¹.

Произошли важные изменения во внешней торговле. Если до XV века главные торговые пути пролегли через Средиземное море, где до известной степени хозяевами себя чувствовали итальянские купцы со своими довольно развитыми по тому времени мануфактурами, например во Флоренции, то завоевание столицы Византийской империи, Константинополя, и Черного моря турками, уже утвердившимися ранее в Малой Азии, нанесло сильный удар по европейской торговле и по экономике Европы в целом, поскольку изолировало ее от Ближнего Востока.

В середине XV века испанцы изгнали с Иберийского полуострова арабов, господствовавших там в течение длительного времени. «С 711 года велась война против мусульманских захватчиков, — пишет Луис Альберто Санчес. — После восьми веков беспрестанной борьбы католические короли вытеснили с полуострова в результате захвата Гранады последнего чужестранного короля Боабдила, прозванного королем-мальчиком,

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 5, т. 1, стр. 517, 507—508.

который, увидев с холмов обреченного города разгром своих армий, «подобно женщине, оплакивал то, что не смог защитить как мужчина», судя по словам, приписываемым его мужественной матери».

Союзы немецких купцов (ганзы), созданные еще в XII—XIV веках, объединились в Великую немецкую Ганзу, которая в XV веке достигла колоссальной экономической и политической мощи, выдвинув на сцену стремительно растущий новый класс — буржуазию. Но наиболее важные последствия имело завоевание Константинополя турками, поскольку был прегражден путь из Европы на Восток через Малую Азию и Сирию, в то время как египетские султаны контролировали торговые пути через Красное море.

Поэтому «повсюду, — отмечает С. Н. Ростовский, — но особенно в портовых городах, купцы, ученые, обнищавшие дворяне, предприимчивые католические попы мечтали о заморских странах, богатых золотом, пряностями, тканями и благовониями»¹, и «в то время как дворянство коснело в неподвижности», горожане и ремесленники «по крайней мере, находились в движении»², выступая против феодальных ограничений, препятствующих их освобождению.

В свою очередь легенда о несметных богатствах Ост-Индии, положенная в основу «Тысячи и одной ночи», пробудила жажду золота и породила дух авантюризма, стремление отыскать новые пути, ведущие в эту страну, где, как полагали, можно будет утолить жажду богатства, вызванную изменениями в феодальных отношениях. В то время путешествие в Индию было опасным предприятием; кроме того, оно длилось годами, что обуславливало высокие цены на шелка, благовония, пряности на европейских рынках. Поэтому стали искать новые, более короткие и менее опасные пути. В свою очередь необходимость бороздить моря и отыскивать новые земли способствовала дальнейшему развитию географии, астрономии, военного искусства и судостроения. Это развитие наряду с изобретением компаса сделало возможными далекие и длительные

¹ «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, М., 1940, стр. 6.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 441.

путешествия. Но эти же самые возможности, а также войны, которые вели европейские короли друг с другом, требовали все большего количества денег; феодально-абсолютистские монархии, недавно утвердившиеся в централизованных государствах, отыскивали нужные средства повсюду, в том числе и на Дальнем Востоке.

Испания тоже превратилась в централизованное феодально-абсолютистское государство. «В результате ожесточенной борьбы за освобождение и за единство Испании, — пишет Л. А. Санчес, — происходило объединение различных княжеств и королевств, и этот процесс завершился брачным союзом Фердинанда и Изабеллы, католических королей, представлявших самые сильные государства, основу происшедшего объединения — Арагон и Кастилью». Знаменитая испанская пехота — гроза Европы в XV и XVI веках — получила закалку в ходе этой борьбы и в последовавшей за нею борьбе против пиратов Алжира, Марокко и Туниса, перенимая от арабов и итальянцев тактику ведения боя и искусство военного судостроения.

«И даже само падение Константинополя, его переход под власть турок усилило, — пишет В. Тейтельбойм, — блеск европейского возрождения, поскольку бегство образованных людей из византийских сумерек безмерно обогатило культуру Запада»¹. Но самым главным, самым важным последствием установления господства султанов Египта и Сирии и турецких эмиров над торговыми путями в Азию являлась неотложная необходимость открыть новые пути в Ост-Индию, чем и занялись купцы и ученые, мореплаватели и авантюристы.

Национальные государства испытывали все возрастающую нужду в золоте, и монархи, разделяя всеобщее убеждение, направляли свои взоры к Азии, к «благословенным» землям, являвшимся в их представлении неистощимым источником пряностей, тканей и благовоний. Так возникла необходимость пересмотреть научные познания. Это шло вразрез с учением церкви и теологией, потому что, хотя средневековый обскурантизм и определял направление философской и научной

¹ Volodia Teitelboim, *El Amanecer del Capitalismo e la Conquista de América.*

мысли в рамках веры и под угрозой суда инквизиции, происшедшие материальные и духовные изменения разрушали феодальные и теологические барьеры, ограничивавшие полет человеческой мысли, и открывали новые горизонты в познании человечества. И именно возвышение средней буржуазии сопровождалось расцветом науки. «Буржуазии для развития ее промышленности, — пишет Ф. Энгельс, — нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании»¹.

Буржуазия требовала более широкого поля деятельности, требовала новых рынков, залежей золота и серебра и других полезных ископаемых, требовала земель, которые полностью раскрыли бы перед нею свои недра и отдали свои богатства, она добивалась того, чтобы мир предстал перед нею от края и до края с «отдаленными континентами и неведомыми народами». И на смену устаревшим воззрениям Птолемея, на смену теологическим представлениям о Земле как о «плоском мире» со своими «берегами», обрывающимися в неизведанные, неизмеримые глубины, приходит Галилеева концепция Земли как шара, вращающегося вокруг Солнца по своей собственной орбите. Эта новая концепция открывала перспективы обнаружения новых земель, новых континентов. И Колумб, зачарованный почитатель Марко Поло, отважный генуэзский мореплаватель, открыл 12 октября 1492 года новый континент. «И случилось так, — пишет Луис Альберто Санчес, — что в течение одного решающего года Испания, как оказалось, не только добилась политического, территориального, религиозного и языкового единства, но и обнаружила, что ее власть распространяется на отдаленные моря, простирается до самых неизведанных мест, что она господствует над территориями, откуда поступают не только пряности, подобные восточным, но

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 93.

и золото, серебро и драгоценные камни, необходимые для осуществления честолюбивых планов на самом европейском континенте».

Некоторые историки утверждают, что Колумб не открыл Америки, ибо о ее существовании уже было известно из рассказов других моряков, побывавших там до него. Вот что писал об этом же монах Антонио де ля Каланча в своей «Морализирующей хронике», опубликованной впервые в Барселоне в 1638 году: «...или, в конце концов, дело обстояло так (и это наиболее вероятно), что Колумб узнал об этом (как говорят) от бывалого мореплавателя — португальца, по имени Руифалеро, который бежал из Ост-Индии и по прибытии в Севилью умер в доме Колумба, передав ему необходимые сведения».

Путешествие Колумба преследовало цель изучить возможности колонизации, и он обнаружил неизвестную землю. Прибыв на остров Гуаныхани, в архипелаге Лукайяс [Багамские острова. — *Ред.*], Колумб встретил коренных жителей и сделал в связи с этим следующую запись: «Мне показалось, что это очень бедные люди. Они ходили совершенно голыми, в чем мать родила, одинаково и женщины, хотя я видел всего лишь одну совсем молоденькую девушку, и мужчины, хотя все люди, которых я видел, были еще молоды...»¹

По мнению советских историков, испанские власти, стремясь пробудить интерес к необходимости колонизации новых земель, пустили версию о том, что Колумб обнаружил несметные богатства и что это были «благословенные» земли Азии. Они говорят также об обнаружении секретного письма Колумба королю Фердинанду и королеве Изабелле-Католичке, из которого со всей ясностью вытекает, что он знал не только местонахождение Антильских островов, но и то, как испанцы могли использовать эти земли. Советские историки, наконец, считают, что Колумб, вероятно, вносил неверные сведения в свои дневники.

Во всяком случае, официальной датой открытия Америки, которую Леонардо да Винчи назвал Новым Светом, считается 12 октября 1492 года; это открытие оказало решающее влияние на Старый Свет. Дей-

¹ Luis Alberto Sánchez, *Historia de América*.

ствительно, в «Манифесте Коммунистической партии» по этому поводу сказано:

«Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента»¹.

Завоевание

Завоевание Перу началось в 1527 году, однако оно не завершилось ни с высадкой Писарро, ни с трагедией в Кахамарке *. Эти события, разыгравшиеся на территории Верхнего и Нижнего Перу, были неразрывно связаны с длительным историческим процессом коренных изменений в экономической и социальной структуре Западной Европы и продолжались в различной форме до образования вице-королевства Толедо, когда завершилось завоевание и началась подлинная колонизация.

Может возникнуть вопрос о целесообразности этого экскурса в прошлое для понимания боливийской действительности. Мы искренне считаем, что боливийская национальная закуска заключена во всех этих силах и процессах, относящихся ко временам Кольясую, завоевания и колониального периода и наложивших свой отпечаток на характер народа, ведущего непрестанную борьбу за жизнь в окружении суровой природы, в самом сердце Латинской Америки. Поэтому нелегко отказать от анализа сопротивления индейцев завоевателям, столкновений конкистадоров друг с другом и борьбы монархии с мятежными конкистадорами.

Хотя Атауальпа был захвачен врасплох неожиданным нашествием, взят в плен как заложник и наконец

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 4, стр. 425.

* В долине Кахамарка в 1532 году испанские конкистадоры, возглавлявшиеся Писарро, заманили в ловушку одного из претендентов на верховную власть в инкской империи — Атауальпу, взяли его в плен, получили за него выкуп, а затем казнили. — *Прим. ред.*

умерщвлен в Кахамарке во имя «бога, святой библии и короля»; хотя так же неожиданно испанцам удалось устроить побоище индейцев, которые, защищая своего правителя инку, наивно подставляли грудь под пули и сабли завоевателей; хотя понесенные бесчисленные жертвы породили в народе мысль о сверхъестественном могуществе завоевателей и это дезорганизовало их еще больше, чем в период борьбы между Уаскаром и Атауальпой, — все это в конечном счете оказалось переходящим.

Как только люди оправились от этого стремительного, смертоносного удара, они начали оказывать ожесточенное сопротивление. По словам Луиса Альберто Санчеса, наступила «эпоха легенд и героизма». «Вооруженные стрелами и копьями индейцы самоотверженно сражались против испанских конников, против их мушкетов, сабель и пушек. Несмотря ни на что война разгоралась».

Когда Писарро и Альмагро разделили империю и первый стал правителем Перу, названного Новой Кастилией, а второй в качестве аделантадо* получил в свое распоряжение Новый Толедо, включавший территорию Верхнего Перу, возникли противоречия. Альмагро счел себя обделенным. Началась борьба, вначале глухая и тайная, а затем более ожесточенная и явная. «Альмагро, — пишет Хайме Мендоса, — не удовлетворился доставшимися ему богатыми областями и двинулся походом в другие местности, представлявшие собою нищенские земли. Он покинул богатые серебром горы и направился в «безжизненные дикие места, где невозможно было увидеть ни кустика травы, ни капли воды». Это была великая пустыня Атакама»¹.

Во главе большого отряда испанцев, а также индейцев под предводительством Паулью Тупака, брата Уаскара², захватив с собою также верховного жреца Уильяхума, Альмагро направился через земли Кольясую на юг, в направлении Чили. Первым населенным

* Аделантадо называли начальников отрядов, которые по договору с испанской короной осуществляли завоевание какой-либо области в Америке. — *Прим. ред.*

¹ Jaime Mendoza, *La Tragedia del Chaco*.

² См. José María Camacho, *Historia de Bolivia*.

пунктом, основанным им в Верхнем Перу в 1535 году, был Пария близ Оруро.

«Многие люди, окружавшие Альмагро, — пишет Х. Мендоса, — советовали ему двинуться дальше в направлении Чаркас, однако ответ правителя Нового Толедо был неизменным: подобный поход сулит слишком мало для стольких достойных людей...»¹.

Воспользовавшись дроблением сил завоевателей, Манко поднял восстание, и Уильяхума бежал к нему, чтобы сражаться вместе с братом. Вся страна взялась за оружие. Испанцы под градом камней и под тучами стрел несли большие потери, «город королей» Лима попал в осаду. Положение конкистадоров в Куско стало тяжелым. Но в Перу возвратился Альмагро, разочарованный неудачей своего похода, и, несмотря на разногласия с Писарро, вовремя оказал ему помощь в подавлении народного восстания. Что же касается участников восстания, то они решили, не прекращая военных действий, позаботиться об урожае, чтобы не допустить голода, чем распылили свои и без того уже слабые силы перед лицом намного превосходивших их своей военной мощью испанцев. Борьба стала неравной, и предводитель военных отрядов индейцев Кауиде, оказавшись отрезанным в Саксауамане, «взошел, — как пишет Л. А. Санчес, — на самый высокий уступ, обернул голову своим пончо и бросился в пропасть... Манко II, присутствовавший при разгроме, не прекратил борьбы. С самыми верными ему войсками он отступил в горы Вилькабамба, полный решимости не сдаваться и вернуться в любой момент, как только это станет возможным. Казалось, что этим не завершилась, а лишь была прервана глава истории. Но прошло еще два столетия, прежде чем в эту главу стали вписываться новые страницы».

* * *

Вывоз драгоценных металлов в больших количествах начался с момента сбора выкупа за Атауальпу, сумма которого, по оценке Прескотта, превышала 3 миллиона фунтов стерлингов значительно более вы-

¹ Jaime Mendoza, La Tragedia del Chaco.

сокой покупательной способности, чем в наши дни. Золото и серебро Перу, Мексики, Новой Гранады и Чили способствовали огромному усилению политического влияния Испании в Европе в период до конца XVII века и в то же время вызвали упадок ее мануфактурного производства. Поэтому Испания стала проводить политику в защиту своей монополии в соответствии с идеями меркантилизма, являвшимися в то время основой теории и экономической политики торгового капитала.

Итак, открытие и завоевание явились результатом деятельности зарождавшейся европейской буржуазии, талисманом которой служили золото и серебро. Поэтому существует разница между конкистадорами — завоевателями и колонизаторами. В то время как первые, составлявшие передовой отряд европейской буржуазии, являлись людьми алчными до золота, ловкими авантюристами, представлявшими новый класс, способный преодолеть препятствия и подавить сопротивление, колонизаторы, энкомендеро*, были глашатаями и представителями разлагавшегося феодализма; если первые поддерживали идеи меркантилизма, предвещавшего будущее, свободное от всех покровов ханжества и лицемерия, обусловленных «патриархальными, идиллическими феодальными отношениями», то вторые были консерваторами.

Итак, «золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»¹. Конкистадоры и аделантадо стремились отыскать драгоценные металлы в больших количествах. Вот почему на Эспаньоле² они не брезговали никакими средствами, пытаясь отобрать у коренных жителей золото и платину или по крайней мере выведать у них «секреты» местонахождения этих благородных металлов. А поскольку индейцы не могли дать им ни того, ни дру-

* Энкомендеро — владелец поместья в американских колониях Испании (XVI—XVIII века), под «опеку» которого передавались прикрепленные к поместью индейцы. — *Прим. ред.*

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 442.

² Так назывался в то время остров Гаити.

гого, они подвергали их жестоким пыткам, издевались над ними и убивали их. Индейцы спасались бегством от дикой, необузданной алчности и жестокости испанцев, бежали от рабства и смерти.

Чтобы понять жестокость завоевателей в отношении коренного населения Америки и деятельность Бартоломе де Лас-Касаса* в защиту индейцев, достаточно привести следующие строки Хосе Марти: «...но те конкистадоры-убийцы должны были прибыть из ада, а не из Испании! Он был тоже испанцем, так же как были испанцами его отец и мать. Но он не занимался на островах Лукайяс ловлей свободных индейцев; он не охотился за ними со стаей голодных псов, чтобы затем умертвить их непосильной работой на рудниках; он не прижигал их руки и ноги каленым железом, когда они опускались на корточки не в силах больше держаться на ногах или когда от изнурения роняли кирку; он не избивал их до потери сознания за то, что они не могли сообщить своему хозяину, где еще надо искать золото; в час обеда он не потешался вместе с друзьями, как это делали другие, рассказами о том, что индеец, прислуживавший за столом, не смог справиться с ношей, которую тащил из рудника, и в наказание за это ему отрезали уши; он не надевал выходного костюма и модного по тем временам плаща, чтобы разодетым отправиться к двенадцати часам на площадь любоваться, как сжигают по приговору губернатора пять индейцев. Он видел, как их сжигают, он видел, с каким презрением взирают жертвы на своих палачей, и никогда больше не надевал ничего, кроме черного костюма, не набивал свою трость золотым песком, как это делали богатые и преуспевающие адвокаты; он отправлялся в горы утешать индейцев, вооруженный лишь тростью, выструганной из простой палки»¹.

Так как на Эспаньоле было мало рудников, стала вводиться энкомьенда. Попытка торговли индейцами

* Лас-Касас — испанский священник, выступавший за смягчение участи индейцев и предложивший применять вместо труда индейцев, вымиравших от жестокой эксплуатации, труд негров-рабов.— *Прим. ред.*

¹ José Martí, La Edad de Oro. Цитируется по L. A. Sánchez, Historia de América.

не имела успеха в Америке не потому, что верх взяли гуманные чувства, и не потому, что епископ Лас-Касас выступал в защиту индейцев, а из-за того, что индейцы нужны были для работы в рудниках. И когда «экономические условия снова стали благоприятными для эксплуатации рабского труда, когда индейцы оказались в значительной мере истребленными испанцами, то по просьбе католических властей была разрешена торговля неграми и таким образом было восстановлено рабство. Эдикт Его величества Карла I Испанского (будущего Карла V) о разрешении торговли неграми был издан по настоянию самого уважаемого из прелатов Испании епископа Лас-Касаса»¹.

В поисках драгоценных металлов испанцы сосредоточили свое внимание на Верхнем Перу. «Слава о богатствах Андского массива, привлекавшая сюда варваров из Бразилии и Парагвая еще до его открытия... после открытия сразу же достигла слуха цивилизованных европейцев, и вскоре новые потоки людей хлынули к Атлантическим и Тихоокеанским берегам Америки»².

Гонсало Писарро, Диего Сентено и Хуан де Вильярозль открыли рудник Порко, уже разрабатывавшийся во времена инков. Благодаря этому возросла власть и сила Гонсало Писарро в его борьбе против сторонников Альмагро и против самой королевской власти; у некоторых энкомендеро, примыкавших к Писарро, даже появились автономистские устремления.

Споры между конкистадорами за обладание богатствами и из-за эксплуатации индейцев стали весьма ожесточенными. После того как королевский двор объявил о непризнании претензий Гонсало Писарро на управление Новой Кастилией в качестве наследника его брата Франсиско и попытался воспрепятствовать злоупотреблениям энкомендеро, произошло дальнейшее усиление группы Писарро, которая к тому времени уже одержала победу над Альмагро и нанесла поражение вице-королю в Аньякито. В таких условиях «демон

¹ Roger Garaudy, *La Libertad*.

² Jaime Mendoza, *La Tragedia del Chaco*.

Анд» Карвахаль* начал подстрекать к расколу Перу и образованию независимого королевства. Отказ Писарро принимать посланцев короля, а также ограничить разработку рудников и эксплуатацию индейцев, несомненно, является первым и наиболее серьезным проявлением автономистских стремлений в Америке. В то время здесь насчитывалось не более двух тысяч колонизаторов и никакие автономистские попытки не могли увенчаться успехом вследствие изоляции от остального мира, а также потому, что эти две тысячи пришельцев растворились бы среди местного населения. «Было бы легкомыслием и химерой даже начинать эксплуатацию богатств Америки, создав независимое государство... Все, что добывалось в Новом Свете, — пишет Линкольн Мачадо Рибас, — имело ценность постольку, поскольку котировалось на рынках Европы, и отрыв от этих рынков означал бы получение ничтожных выгод от такой добычи»¹.

Возникшие между Писарро и Сентено споры из-за рудника Порко и между Сентено и Вильяроэлем из-за Потоси ловко использовал Ла Гаска, которому удалось расколоть силы сторонников Писарро, ослабить их и, наконец, разгромить.

Прав Луис Пеньялоса, утверждающий в своей «Экономической истории Боливии», что в результате завоевания Верхнее Перу, именовавшееся в королевских указах Новым Толедо, превратилось в простое рудничное поле и что только в колониальный период оно приобрело форму политического образования с опорой в городах. Однако оно неизменно способствовало эксплуатации богатств подземных недр и людей — индейцев, которых самыми различными способами держали в порабощении.

Разведка и разработка рудников явились главными предпосылками возникновения почти всех боливийских городов: Чукисака или Чаркас, ныне Сукре, основан в 1538 году; Потоси — в 1545, Ла-Пас — в 1548, Кочабамба и Тариха — в 1574, Санта-Крус — в

* Карвахаль — испанский военачальник, прославившийся своим буйным характером и жестокостью. Был направлен в Перу Кортесом для помощи Писарро. — *Прим. ред.*

¹ Lincoln Machado Ribas, Movimientos Revolucionarios.

1595, Оруро — в 1604 году. В 1599 году под названием королевской аудиенсии Чаркас была учреждена колониальная администрация, зависевшая первоначально от вице-королевства Лимы, а затем от Буэнос-Айреса. «С того времени, — пишет Хосе Мария Камачо, — Чаркас занимает среди крупных колониальных районов континента положение отдельного, имеющего свои особенности национального образования, призванного послужить базой и фундаментом для создания республики Боливия»¹.

Колониальный период

Некоторые исследователи стремятся найти корни боливийской нации в войне за независимость. Тем самым они молчаливо отрицают важные этапы ее формирования в прошлом — Кольясую и колонизацию. Влияние колонизации на возникновение тех или иных национальных или региональных особенностей Боливии так же несомненно, как несомненно и то, что Кольясую является законным наследием прошлого, представленным в настоящее время двумя крупными национальными группами населения — аймара и кечуа, которые и определяют типично американский облик боливийца. Было бы ошибкой преуменьшать влияние колониального периода на формирование боливийской нации; неправильно было бы также считать, что колонизация положила конец формам организации индейцев. Игнорировать прошлое и сбрасывать со счетов живые силы нации в лице индейцев — значит предлагать мертворожденный «национализм» без рода и племени, без перспектив и без будущего.

«Хотим мы этого или нет, — пишет Л. А. Санчес, — но было бы абсурдно не признавать, что испанская колонизация наложила свой отпечаток на наши национальные и даже провинциальные сообщества граждан; также нелепо было бы допускать, что вице-королевству удалось полностью ликвидировать остатки индейской организации и заглушить голос туземной крови».

Поэтому необходимо дать хотя бы самый общий анализ колониального периода, чтобы лучше понять

¹ José María Camacho, Historia de Bolivia.

боливийскую действительность республиканской эпохи. Невозможно не учитывать новые силы, появившиеся в этот период на боливийской исторической арене. Развитие этих сил, их противоречия — все это неотъемлемое прошлое Боливии, составная часть той питательной среды, в которой формировались ее типичные черты.

И в самом деле, не является ли, например, появление метисов в результате смешения рас на протяжении трех веков наглядным примером социального характера, свидетельствующим о влиянии, которое оказывали упомянутые силы? Не является ли метис плодом этого прошлого, которое проходит красной нитью через историю Боливии, иллюстрируя собою ее специфические национальные особенности?

Итак, открыв Новый Свет, завоевав и поработив его коренное население, испанцы овладели Америкой. Булла папы Александра VI «отца Лукреции и Цезаря Борджиа, этого величайшего мастера преступления»¹, датированная 4 мая 1494 года, «узаконивает» грабеж на всем континенте; земли, рудники, рабочая сила и женщины объявляются в этой папской грамоте трофеями завоевателей. Как отмечает Мариатеги, «последние прежде всего и занялись распределением между собой наиболее богатых военных трофеев, доставшихся в результате ограбления храмов и дворцов; они начали также делить людей и земли».

Все это соответствует процессу первоначального накопления капитала. «Как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом, насилие... В действительности методы первоначального накопления — это все, что угодно, но только не идиллия»².

Уже сам Колумб начал распределять земли и индейцев на Эспаньоле и учредил систему репартиментов* и энкомьенд. Тем самым была создана основа для насаждения в Америке феодального строя по образцу

¹ Volodia Teitelboim, *El Amanecer del Capitalismo e la Conquista de América*.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2, т. 23, стр. 726.

* Репартименто — распределение индейцев между испанскими колонистами, которым предоставлялось право их эксплуатации. — *Прим. ред.*

господствовавшего в Испании. И эта основа была заложена на месте насильственно ликвидированного коллективистского аграрного режима.

Тот факт, что все эти действия благословлялись католической церковью, не может вызывать удивления, ибо, как писал Ф. Энгельс, «крупным интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь... Она окружила феодальный строй ореолом божественной благодати»¹.

Религия являлась, таким образом, теоретической базой энкомьенды.

Коренные жители, считавшиеся неспособными к самоуправлению, передавались «под опеку» испанцам, которые за свою отвагу удостоивались этой королевской милости, получая право приобщать индейцев к вере и обращать в христианство, использовать их труд и обогащаться за их счет. Индеец превращался в крепостного. «Теоретически режим энкомьенды отличается от режима рабовладения, — пишет Л. А. Санчес, — ибо раб мог быть продан, так как он был лишен всякой свободы вообще, в то время как индейцу была оставлена некоторая свобода, которая, однако, не распространялась ни на средства или плоды его труда, ни на наследованную им землю».

Хорошо и правильно сказано, что испанцы колонизировали Америку с помощью креста и меча. Крест и меч — это символы двух враждовавших между собой классов. Меч олицетворял буржуазию, завоевание, успех класса, который как таковой еще не одержал полной победы. Крест был символом феодализма, феодальных сеньоров, всей системы, еще не потерпевшей полного поражения. Поэтому колонизация Америки, а значит, и Верхнего Перу носила двойственный характер.

Распределение земли и так называемые «земельные урегулирования», имевшие целью перераспределение крупных земельных угодий с целью содействия образованию латифундий и создания для испанских королей условий, которые позволили бы им продавать индейским общинам айлью их же собственные земли,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 93.

являются причинами социальной и политической борьбы, происходившей на протяжении всей колониальной и республиканской истории Боливии. Правда, колонизаторы не проявляли интереса к землям без индейцев; такие земли вообще ничего не стоили. Колонизаторы прибывали из Испании, привлеченные золотом и серебром Верхнего Перу, чтобы приобрести богатство и власть; их влекли к себе кажущиеся неисчерпаемыми богатства недр Потоси, и они хотели найти «свою Америку». Но не все из них могли приобрести рудники, и тогда они захватывали земли и индейцев. Но были испанцы и без энкомьенды. Пеньялоса пишет, что в 1570 году в городе Ла-Плата, ныне Сукре, проживало 32 энкомендеро и 300 простых жителей, не наделенных энкомьендой (так называемых морадоров), а в Потоси тогда же проживали 800 испанцев, причем почти все были владельцами рудников. Эти данные представляются весьма важными, поскольку от такого состава жителей зависел и состав кабильдо*.

Введение энкомьенды в Верхнем Перу означало прикрепление к земле многих тысяч индейцев. Энкомендеро получал богатства и власть. Но не все земли оказались поделенными, не все индейцы стали «подопечными». Поэтому наряду с королевской собственностью на землю, установленной по праву завоевания, наряду с частной собственностью колонизаторов, полученной ими в порядке «вознаграждения», наряду с церковной собственностью «мертвой руки», образовывавшейся из поступавших в распоряжение церкви наследств, пожертвований, а также из имущества, приобретенного в результате грабежа, существовала индейская собственность на землю. Рядом с феодальной собственностью, созданной в процессе колонизации, до известной степени удерживалась общинная собственность индейцев. Айлью сохранялась как «территориальная экономическая единица», претерпев изменения, вызванные колонизацией.

Репартимьенто и энкомьенды в первые годы вызывали настоящую панику среди индейцев. Многие из них бежали от тяжелых условий, в которых оказались

* Кабильдо — орган городского самоуправления в американских колониях Испании.— *Прим. ред.*

«подопечные», покидали свои земли, лишь бы освободиться от налоговых пут и избавиться от эксплуатации энкомендеро. Для королевской казны это была потеря в сумме взимаемых налогов и в рабочей силе. Поэтому «в целях обеспечения рудников и сельского хозяйства рабочей силой, облегчения взимания налогов и упорядочения в целом эксплуатации индейского труда»¹ были приняты меры к тому, чтобы сконцентрировать коренное население в так называемых «редукциях», создававшихся, как правило, на базе и по принципу айлью.

Законодательство Индий*, во многом благоприятное в отношении коренного населения, не выполнялось и не могло выполняться в условиях колонизации, когда происходила борьба антагонистических сил, занимавшихся эксплуатацией индейцев и грабежом богатств Верхнего Перу. Этими силами были умирающий феодализм и молодая, ненасытная в своей прожорливости буржуазия. Обе эти силы демонстрировали Испании необходимость произвести в ней преобразования, чтобы она не отстала в своем развитии. Феодализм сопротивлялся преобразованиям, и Испания оказалась обреченной на отставание. Драму своего падения она переносит на свою огромную колонию. И, может быть, поэтому выжившие индейские общины, которые в пределах марки имели возможность возделывать свои участки, совместно владеть водными источниками, пастбищами, лесными угодьями, пользовались уважением как традиционный институт местного населения. Общины признавали лишь один вид налогового обложения — подать в знак покорности суверену. Однако социальные условия, сложившиеся в результате колонизации, приводили к тому, что распределение земель становилось все более неравным. «Потомственные члены айлью (орихинарио), — пишет Артуро Уркиди, — занимают привилегированное положение по отношению к агрегадо, то есть к тем, кто вступил в общину позже,

¹ Arturo Urquidi Morales, Bases Sociológicas de la Reforma Agraria («Revista Jurídica», изд. университета Сан-Симона, Кочабамба, № 63—66).

* Имеется в виду «Свод законов Индий», изданный в 1680 году и объединивший все испанское колониальное законодательство.—
Прим. ред.

и обе эти категории пользуются большими преимуществами, чем так называемые *утагуагуа*, принятые или просто допущенные в айлью. В среднем орихинарио имеют «примерно в два раза больше» земли, чем агрегадо, в то время как последняя категория вовсе лишена ее». Кроме того, орихинарио платят подать в меньших размерах. Пользование земельным участком превращается в индивидуальную собственность на него. Однако при всем этом индейская община все еще сохраняет прочными свои территориальные и экономические связи, что делает типичными существующие в них отношения собственности; это должно учитываться при проведении соответствующей аграрной реформы в Боливии.

Помимо репартимьенто, создания энкомьенд и выделения трети в пользу короны, получил развитие аграрно-податной институт янакунажа, который вместе с такими системами эксплуатации, как *постильон*, *чакра*, *тамбо*, *кокаль** и т. д., представлял собой «худшую форму рабства и крепостничества несчастных подданных империи Солнца»¹.

Правда, колонизация принесла с собою некоторые элементы прогресса в земледелии: стали применяться железный плуг, серп, мачете, грабли; появились новые сельскохозяйственные культуры — рис, ячмень, пшеница, рожь, сахарный тростник, апельсиновое дерево и т. д.; домашний скот — лошадь, осел, бык, козы, овцы, свиньи и др.; однако верно также и то, что колонизаторы не заботились о развитии сельского хозяйства, сосредоточивая все свое внимание на горнорудных разработках. «Занятие сельским хозяйством, — пишет Г. А. Отеро, — не создало в Верхнем Перу таких же состояний, как эксплуатация рудников. Оно являлось источником богатства скорее для тех испанцев, которые вели неподвижный, праздный, просто паразитический образ жизни...» С другой стороны, отмечает Хулио Пас, был наложен запрет на возделывание таких культур, как виноград, оливы, поскольку вина

* *Постильон* — извозная повинность; *чакра* — работа на огородах и в саду землевладельца; *тамбо* — обслуживание постоянных дворов и складских помещений; *кокаль* — работа на плантациях коки. — *Прим. ред.*

¹ Julio Paz, Historia Económica de Bolivia.

и оливковое масло могли бы конкурировать с испанскими. «Один коррехидор*, — поясняет он, — заставил уничтожить в Миске — цветущем городе с населением 20 тысяч человек все виноградники и разрешил разводить только перец ахи».

Феодальное ядро общества Верхнего Перу составляли энкомендеро и их «подопечные», помещики-асендадо и янакуна, а также церковь, этот крупнейший латифундист, доходы которого конкурировали с доходами королевского двора. В 1596 году, например, доходы двора составляли 1 255 760 песо, а доходы церкви — 1 239 тысяч песо, то есть разница была всего лишь 16 760 песо¹.

«В епископских епархиях, приходах, монастырях существовала, — пишет Г. А. Отеро, — огромная феодальная организация... Духовенство в Верхнем Перу пополняло свои доходы за счет метисов-чоло и индейцев. Таким образом, религия Христа стала наиболее надежным промыслом после горнорудного».

Промышленное производство, зачатками которого являются так называемые *обрахе*, мастерские, созданные на базе энкомьенды для изготовления тканей, шляп и некоторых других товаров, приобрели некоторое значение в районах Кочабамбы, Мохоса и Чикитоса. Но из-за политики монополии, неотступно проводившейся метрополией, это производство всячески вытеснялось и даже разрушалось, чтобы заставить население покупать испанские товары и помешать конкуренции с промышленностью метрополии.

Обрахе, эти предприятия, где люди подвергались фактически рабской эксплуатации, напоминали, по словам Гумбольдта, темные, всегда закрытые тюремные камеры, откуда рабочим запрещалось уходить домой. Половина заработка работника обрахе шла коррехидору в счет уплаты налогов, другая половина удерживалась в качестве платы за содержание работника. Таким образом, практически он ничего не получал. По этой причине, а также из-за наказаний и пыток, которым подвергались все работавшие в обрахе, эти предприятия были особенно ненавистны индейцам.

* Коррехидоры — королевские чиновники в испанских колониях, управлявшие городами и сельскими округами.— *Прим. ред.*

¹ См. José María Dalence, *Estadística Boliviana*.

Определенное значение приобрели миссии, поселения с обширной площадью под сельскохозяйственными культурами, являвшиеся также своеобразными центрами мануфактурного производства и ремесел.

Завоеватели, зачарованные легендой о Гран Паитити*, или Эльдорадо, одну за другой отправляли экспедиции в районы боливийского северо-востока, востока и юго-востока. И, возможно насмехаясь над алчностью испанцев, индейцы выдумали целый ряд таинственных чудесных городов; в своих рассказах они постепенно отодвигали их все дальше и дальше — миражи с кладовыми Аладина, составлявшими цель поисков колонизаторов. Однако люди, которые основывали миссии, углубляясь в леса на севере страны, в льяносы Чикитоса в центре и в пампы на юго-востоке, отправляясь в плавание по крупнейшим рекам — притокам Амазонки, Ла-Платы и Парагвая, были служителями церкви; на территориях от Мохоса до Чикитоса поселились иезуиты, в льяносах районов Мансо и Аполобамба — францисканцы, в районе рек Кетато и Манике от Айопайя, Чапаре и Инкисиве на север — доминиканцы¹.

В 1661 году иезуитские миссии обратили в христианство 15 тысяч человек, в 1773 году — свыше 30 тысяч. В конце XVII века иезуиты были изгнаны.

В 1796 году Кочабамба, Мохос и Чикитос давали 72 600 песо из общей суммы всех королевских доходов в Верхнем Перу 1 853 990 песо. В 1880 году Мохос дал 44 тысячи песо, а Чикитос — 28 400 песо из общей суммы королевских доходов по всему Верхнему Перу, составившей 2 252 100 песо. «Когда мы были на положении колонии, — пишет Пеньялоса, — мы покупали европейские промышленные товары по высоким ценам, получая эти товары через четвертые, шестые, восьмые руки из-за монополии, осуществлявшейся через Кадис», хотя в этот же период в одной лишь Кочабамбе был выпущен миллион вар** хлопчатой ткани токуйо, не считая множества других тканей. Текстильные

* Имеется в виду легенда о том, что индейцы где-то спрятали от испанцев несметные сокровища — Гран Паитити. — *Прим. ред.*

¹ Luis Peñalosa, Historia Económica de Bolivia.

** Вар — мера длины, равная 83,5 см. — *Прим. ред.*

предприятия Ла-Паса, Потоси и Оруро также произвели заметное количество продукции, но много меньше, чем Мохос и Чикитос. Согласно информации виситадора * Вьедымы, в 1796 году «из Санта-Круса было вывезено 10 600 арроб ** сахара и 500 бурдюков меда». Кроме того, по данным Густаво Адольфо Отеро, ежегодно вывозилось в соседние провинции Верхнего Перу и Буэнос-Айреса еще 1600 арроб сахара.

Испанское колониальное господство имело много общих черт с империалистическим господством в наши дни. Как мы уже видели, испанские колонизаторы стремились задушить в самом зародыше промышленность Верхнего Перу и удержать эту страну на положении простого источника получения драгоценных металлов. Американский империализм точно так же всеми средствами препятствует индустриализации Боливии, навязывая правителям этой страны политику, позволяющую удерживать ее на положении простого производителя сырья.

Миссии, насаждавшиеся с целью «освобождения» индейцев, превратились в центры их нещадной эксплуатации во имя «бога и святой библии» под предлогом того, что индейцы якобы подобны несовершеннолетним.

Как уже было сказано выше, колонизаторов не интересовали ни земледелие, ни животноводство, ни мануфактуры. Они искали прежде всего золото и серебро. Поэтому экономика Верхнего Перу имела в основном горнорудное направление.

Многие месторождения золота, серебра, меди и других ценных металлов, «открытые» испанцами, разрабатывались еще при инках. Первыми среди них были серебряные рудники Порко и Туписа и золотоносные россыпи Чукиапу, где основан город Ла-Пас. «Чукиапу, который мы искаженно называем Чукиабо, означает на языке населения тех мест золотое поместье, или золотое наследство». Каждое такое «открытие» уносило жизни сотен индейцев, которые, боясь

* Виситадоры — ревизоры, периодически прибывавшие из Испании в Америку для обследования деятельности колониальной администрации.— *Прим. ред.*

** Арроба — мера веса, равная 11,5 кг.— *Прим. ред.*

вызвать гнев своих «богов», скрывали известные им месторождения и заброшенные рудники. Но золотая лихорадка, охватившая испанцев, позволила им выявить почти все известные сегодня многочисленные коренные и россыпные месторождения золота, серебра, меди, олова и других ископаемых.

Самым знаменательным событием колониального периода явилось открытие залежей серебра в горе Потоси в 1545 году. Эта сказочная гора, которую пробурили и выпотрошили настолько, что от нее осталась, можно сказать, одна скорлупа, приобрела мировую известность. По мнению Барба, здесь находится самое богатое месторождение на земном шаре. Увеличение числа жителей «великого имперского города» Потоси до 160 тысяч человек в 1650 году дает некоторое представление о притягательной силе сокровищ, таившихся в недрах горы Потоси. Пеньялоса утверждает, что рудники Потоси являлись главным источником доходов короны, а также финансирования испанской и европейской экономики с момента открытия месторождений Потоси до начала XVIII столетия.

На основе данных различных авторов Омисте, цитируемый Пеньялосой, отмечает, что стоимость серебра, добытого в Потоси между 1545 и 1834 годами, достигла суммы 3 897 215 288 песо, а отчисления в пользу короны составили 779 444 857 песо при среднегодовой чеканке монеты на сумму 813 484 174 песо. Эти цифры красноречиво свидетельствуют о несметных богатствах Потоси; и действительно, почти все серебро, отправлявшееся в Испанию из Буэнос-Айреса, добывалось в Верхнем Перу.

Богатства недр Потоси поступали не только в распоряжение испанской монархии, но часть их под названием *ситуадо** направлялась также в генерал-капитанство Чили и Буэнос-Айрес. По данным того же Пеньялосы, 85 процентов доходов Буэнос-Айреса в 1770 году поступало из Потоси.

Как и земли, рудники принадлежали монархии по праву завоевания. Предоставление концессий регули-

* *Ситуадо* (*situado* — буквально: ссуда, заем) — денежные суммы, направлявшиеся из более крупных испанских колоний в Америке в более мелкие административные районы. — *Прим. ред.*

ровалось детально разработанным законодательством, тщательно охранявшим права королей Испании. Работа на рудниках велась по системе мита, предусматривавшей, однако, не только очередность, но и даровой труд, хотя «Законами Индий» это запрещалось. В наши дни, говоря о *мите* или *пунте*, имеют в виду оплачиваемую работу в рудниках в течение одной из трех смен, приходящихся на сутки. В колониальный период рабочий день в Потоси составлял 36 часов, в течение которых нельзя было покидать рудник, а из 18 песо, причитавшихся митайо за работу в течение года, 8 песо удерживались в счет уплаты подушной подати, 2,25 песо — за одежду и остальные 7,75 песо — за его питание и для уплаты церковных десятин. Митайо были вечными должниками, деньги в уплату долга от них не принимали, и свою задолженность они должны были отрабатывать. Таким образом, сыновья и внуки вынуждены были работать за долг своих отцов и дедов. «Несчастливые индейцы, превращенные в митайо, — пишет Х. Пас, — навсегда прощались со своими айлью, они либо погибали на рудниках, либо от непосильного труда становились полными инвалидами».

Индейцев для работы на рудниках Потоси вербовали в округе радиусом до 150 лиг*. Нередко их выкрадывали из общин и помещичьих поместий, и тогда затевались тяжбы между энкомендеро и вербовщиками митайо (преемники этих вербовщиков при республике — так называемые *энганчадоры*, которые на средства предпринимателя контракуют рабочую силу в отдаленных районах). Людей, оторванных от своей земли, заковывали в кандалы и в таком виде, как рабов, доставляли на рудники.

Итак, мита в действительности была системой принудительного и дарового труда, «жестоким формой рабства» и уничтожения людей. «Мита, применяемая на рудниках, — пишет Отеро, — это машина, пожирающая людей так же, как и мита на обрахе и на добыче коки. Подсчитано, что за полтора столетия на рудниках Потоси погибли 8 миллионов индейцев», то есть ежегодно погибали 53 тысячи человек, или около 150 человек в день. Каждый год ставились на работу на

* Лига — мера длины, равная 5572 м. — Прим. ред.

этих рудниках 80 тысяч митайо. По данным Х. Паса, из 5 тысяч человек, уходивших работать в забое, возвращались в среднем около 400 человек.

Применялся также, хотя и в небольших масштабах, труд так называемых минкадо и авентуреро*, условия жизни которых были лучше, чем у митайо. Они являлись фактически предшественниками наемных рабочих — горняков периода республики.

Из-за дешевизны и обилия рабочей силы не развивались техника производства на рудниках, сельское хозяйство, мануфактурное производство, ремесло, а также техника перевозок, осуществлявшихся караванами мулов и лам, по тем же тропам и дорогам, которые были проложены еще инками; и это в то время, когда только в Потоси добывалось столько богатств, что, «согласно одному крылатому выражению, достаточно было королевской пятины, чтобы выстроить серебряный мост от Потоси до Мадридского дворца».

Монетный двор Потоси, здание которого является одним из немногих памятников колониальной эпохи, оставленных испанцами, и банк Сан-Карлос, обслуживавший торговые операции, были тесно связаны с горнорудным производством — основой экономики Верхнего Перу.

По данным переписи 1556 года, население Верхнего Перу достигало 370 тысяч человек, «из коих 8 тысяч — испанцы по рождению». Перепись 1796 года устанавливает численность населения в 552 тысячи человек, а в первые годы республиканского периода население составляло уже 500 тысяч человек. Испанцы по рождению и родившиеся в Америке креолы составляли меньшинство населения, тем не менее они держали в своих руках гражданскую, военную и церковную власть, вверенную им королем. Они служили чиновниками королевской аудиенсии Чаркас. Они были и помещиками, и владельцами рудников и мануфактур, купцами, в то время как метисы, индейцы и негры, огромное большинство населения, были лишены доступа к государственным должностям, не имели права владеть руд-

* Минкадо — работник, получающий за труд продукты питания. Авентуреро — работник, живущий случайным заработком.—
Прим. ред.

никами, энкомьендами и мануфактурами, их эксплуатировали и угнетали. Метисы занимались больше ремеслами, мелкой торговлей и работали в транспорте: водили караваны мулов, перевозивших слитки серебра до портов, откуда их отправляли в Испанию. Индейцы тоже водили караваны лам, перевозивших различные грузы, но индейцы были прежде всего «подопечными» тружениками энкомьенд, а также янакунами (что соответствует работе в качестве *понго* и *митани* * при республике), они были митайо и минкадо на рудниках. Иными словами, индейцы — это те, кто создавал материальные блага. И, наконец, негры; их было очень немного, в качестве рабов они работали на Монетном дворе или прислуживали в богатых семьях испанцев и креолов. Поэтому-то и прав Густав Адольфо Отеро, заявляя, что индеец — главное действующее лицо в аграрной трагедии колониального периода. «Сельское хозяйство находилось в ведении индейской семьи, главным образом женщин и детей, в деревне почти не было мужчин молодого и среднего возраста. Их уводили туда, где добывалось серебро, где свирепствовала система мита, откуда они, если выживали, вырывались лишь на мгновение, чтобы предать свое тело матери-земле, освещенной солнцем».

Так же как немецко-фашистские расисты считали, «что немецкая нация, немецкая буржуазия предназначена самой природой к роли властителя, гегемона всего мира», как современные «расисты из лагеря англосаксонских стран (США и Англия) в свою очередь считают, что именно буржуазия наций, говорящих на английском языке, призвана господствовать во всем мире»¹, точно так же испанцы, господствовавшие в течение трех столетий в Верхнем Перу, рассматривали себя как представителей «высшей расы». Это объясняется тем, что как торговые державы в прошлом, так и современный империализм, будучи колониалистами, пытаются проповедью якобы существующего превосход-

* Понго и митани — бесплатные отработки крестьян в усадьбе помещика. Митани — трудовая повинность, выполнявшаяся женщинами и девушками в доме помещиков в порядке заранее установленной очередности. — *Прим. ред.*

¹ «Исторический материализм», АН СССР, М., 1950, стр. 44.

ства одних рас над другими оправдать угнетение одного народа другим.

Политически король Испании заменил инку и управлял через Совет по делам Индий и Торговую палату, находившиеся в метрополии, и через аудиенсию Чаркас здесь, на месте, в тесном сотрудничестве с церковью. По словам Отеро, церковь, «подобно мифическому Протею*, выступает то в одном, то в другом виде, проникая во все поры общественной жизни... составляет живую суть, содержание и основу истории Верхнего Перу на протяжении XVI, XVII, XVIII и даже XIX столетий вплоть до наших дней». И действительно до наших дней, ибо в последнее время происходит настоящее нашествие монахинь, монахов и священников, глашатаев франкистского фалангизма из Испании, подпевал империализма янки из Канады и США, из Западной Германии и т. д. И их так много, что не будет преувеличением сказать, что, так же как и в колониальный период, священнослужители «прибирают к своим рукам» людей в сельских местностях, на рудниках и в городах. «Человек в колониальный период, — отмечает Отеро, — был опутан мистикой, католическая религия, используя исповедь как средство контроля, превратила его в автомат». Кажется, теперь предпринимается попытка вернуть ту мертвую эпоху, оживить прошлое. Но это всего лишь последние потуги социального режима, охваченного острым кризисом и находящегося на смертном одре. Колониализм окончательно разваливается. Капитализм уступает свои позиции социализму и находится на пути к полному исчезновению.

Одним из наиболее типичных институтов колониальной эксплуатации был институт коррехидоров, должность которых продавалась, и каждый купивший ее приобретал право на неограниченную эксплуатацию коренных жителей. Коррехидоры могли «распределять» среди индейцев товары, заставляя их платить высокие цены за совершенно ненужные им вещи. Таким путем эти представители властей в короткие сроки нажили себе состояния за счет ограбления коренного насе-

* Протей — морское божество в мифологии древних греков, обладавшее способностью принимать различные образы. — *Прим. ред.*

ния. Это были наиболее ненавистные чиновники в колонии. Поэтому мадридские власти, побуждаемые индейскими восстаниями, учредили в последующее время интендантства в качестве органов, регулирующих деятельность коррехидоров.

Монархия успешно использовала некоторые институты империи инков. Так, функции органа управления, стоящего между массами коренного населения и колониальными властями, были возложены на касиков, наминавших курак времен империи инков; касиками не обязательно были индейцы, среди них имелись также и метисы.

Ввиду того что общество Верхнего Перу было феодальным, все административные, религиозные и военные органы выполняли функции, связанные главным образом с обеспечением сбора подати в пользу короля. Поэтому фискальный режим сказывался на положении индейцев и метисов. Вся тяжесть таких налогов, как пятина короля, плата за право продажи определенных товаров (эстанко), налог на торговые сделки (алькабала), налог на вывозившиеся товары (альмохарифасго), цензовые сборы, плата за право наследования имущества по старшинству (майорасго) и т. д. и т. д., ложились в конечном счете на плечи индейцев и метисов, составлявших массу подчиненных и находившихся в крепостной зависимости людей.

Отражая мышление, скованное железными догмами веры, колониальная феодально-католическая культура фактически являлась выражением духовного окостенения. Образование носило исключительно классовый характер и не играло почти никакой роли. Связанное, как и все колониальные институты, с церковью, оно являлось частным делом священнослужителей, обучавших детей знати. Слова вице-короля Эскилаче при основании колехио Сан-Кристобаль де Чаркас в 1621 году о том, что необходимо «обучать наукам и добродетели детей знати», точно определяют классовый характер образования в колониальный период. На основе этого колехио позже был основан университет Сан-Франсиско Хавьер как «символ схоластической философии и монархических предрассудков». «В культурном отношении Верхнее Перу является одним из наиболее отсталых районов, находящихся под испан-

ским господством. Правда, Каролинской академии, созданной при этом университете, суждено было стать рассадником бунтарства. В этой академии воспитывались предвестники независимости не только Верхнего Перу, но и... некоторых соседних стран»¹.

Книгопечатание в колонии не развивалось. В условиях господства инквизиции всякое печатное слово рассматривалось как угроза идеологического освобождения. Но жизнь колонии развивалась далеко не безмятежным образом, она не представляется нам как «колониальная съеста»*, как «период смиренного благодушия креолов, обрекших себя на рабское подчинение безответственному иностранному деспотизму и даже не отдававших себе отчета в своем подчиненном положении»². Наоборот, это был период, когда происходили глубокие социальные и политические движения индейцев, метисов и креолов вплоть до того времени, когда была достигнута независимость.

¹ José Antonio Arze, *Proceso de la Educación Boliviana*.

* Съеста — послеобеденный сон.— *Прим. перев.*

² Lincoln Machado Ribas, *Movimientos Revolucionarios*.

IV

НЕЗАВИСИМОСТЬ ВЕРХНЕГО ПЕРУ. ОБРАЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Протесты, бунты, восстания — явления общие для всех колоний Испании в Новом Свете. Не было ни одного района, находившегося под испанским господством, где бы не происходили волнения и конфликты. Мы уже видели, что, по мере того как проходил паралитический шок, вызванный внезапным нашествием испанцев, «по мере того как индейцы ближе познакомились с огнестрельным оружием и избавились от суеверного страха, вызванного оглушительным звуком выстрела, видом коня и даже самим внешним обликом белого человека», они стали оказывать сопротивление, начали борьбу за освобождение от испанского господства. Примером тому может служить, например, восстание молодого инки Манко II. И хотя превосходство испанцев в вооружении позволило им подавлять восстания, индейцы не прекращали сопротивления и оно приобретало очень ожесточенный характер в различные периоды колониального господства. Но не только индейцы восставали против феодальной эксплуатации. Поднимали восстания и негры в тех областях, где численно их было больше, чем в Верхнем Перу, а также метисы и креолы. Однако совершенно ясно, что именно индейцы, хатун-руна империи инков являлись основной эксплуатируемой частью населения. Они — и «подопечные» энкомендеро, и янакуна, и митайо — были создателями материальных благ в Верхнем Перу. Метисы чаще всего занимались извозом, были мелкими торговцами и ремесленниками, а негры — рабами.

Борьбу завоевателей друг с другом и против королевской власти также следует рассматривать как одну из сторон социальных и политических движений, про-

исходивших на протяжении трех веков колониального господства. Одним из таких движений руководил Гонсало Писарро. Речь шла об установлении режима энкомьенды и о праве на эксплуатацию земель и индейцев. Королевский двор, разумеется, договорился с недовольными, признав за ними право на эксплуатацию рудников и людей в Америке и на обогащение — ценою пота, крови, слез и самих жизней индейцев — в обмен на подтверждение своего права управлять колониями, получать львиную долю от состояний, наживаемых на костях митайо и приписанных к энкомьенде крестьян. К этому сводится весь смысл и сущность колониальной жизни. И именно по этой причине только испанцам было разрешено занимать высшие политические, административные, военные и церковные должности. «Только они, только креолы и их дети могут быть владельцами земель и мануфактурных предприятий. Испанец был коммерсантом, но пеоном — никогда. Ни один испанец не был ни эхидатарио *, ни пеоном на рудниках. Надсмотрщиком — другое дело. И, конечно, он никоим образом не мог оказаться рабом и даже крепостным»¹.

Вместе с жадной жаждой богатства испанцы привезли с собою экзальтированный религиозный фанатизм. Они объединялись в религиозные братства, которым присваивали имена какого-либо святого. Однако эти казавшиеся вначале чисто религиозными организации постепенно превратились в ядро непримиримого политического антагонизма. Наличием такого антагонизма объясняется, в частности, ожесточенная нескончаемая борьба между басконцами и вигонями в XVII веке.

В начале XVII века, когда серебро Потоси щедрым потоком текло в карманы владельцев рудников, коммерсантов, хозяев игорных домов и трактиров, помещиков, морадоров Ла-Платы, в королевскую казну и даже не миновало рук «английских и голландских пиратов, нападавших на испанские суда, плававшие в Карибском море»; когда «на серебро, полученное из Потоси, королевский двор в Мадриде стал приобретать

* Эхидатарио — член крестьянской общины (эхидо) в вице-королевстве Новой Испании, впоследствии Мексике. — *Прим. ред.*

¹ Luis Alberto Sánchez, *Historia de América*.

оружие и шелка, благовония и провиант для армии, латинские книги и изделия из венецианского стекла, драгоценности и ткани, суда и воинские доспехи, пряности и порох»¹, баски начали группироваться вокруг церкви св. Августина и создали «басконское землячество», с тем чтобы установить политический и экономический контроль над «имперским городом» Потоси. И им удалось установить такой контроль, поскольку больше всего серебра давали они и власти назначались по их указанию. Однако галисийцы, кастильцы, экстремадурцы и андалузцы тоже стали объединяться в братства, образовав группы, ставшие в оппозицию к баскам. В конце первой четверти XVII века борьба приобрела очень ожесточенный характер; в нее втянулись креолы и в качестве «пушечного мяса» — коренные жители.

«Эти новые господа, баски, — пишет Армандо Альба, — хотели подчеркнуть свое особое социальное положение даже одеждой и напыщенным видом; они свысока смотрели на кастильцев, андалузцев, галисийцев и экстремадурцев; закрывали один глаз, глядя на креолов и коренных жителей, и плотно закрывали оба глаза, чтобы совсем не видеть странствующих мавров и выходцев из других стран Европы»². Тогда у креолов появилась мысль о том, что именно им, а не испанцам из Испании принадлежит больше прав на богатства и власть на этой земле, где они родились. И они создали свою группу, названную группой вигоней, выдающимся руководителем которой стал воинственный и храбрый Алонсо де Ибаньес. Эта группа не могла действовать открыто. Вигони были объявлены вне закона, «подобно тому как это делают сегодня с коммунистами», замечает Альба.

Нельзя утверждать, что вигони сразу же ясно осознали необходимость свободы. Несомненно, однако, что они встали во главе движения, националистического по своему содержанию. Выступление против испанцев — выходцев из Испании и требование прав для испанцев, родившихся в Америке, — это, без сомнения, задачи националистического характера, и позже, спустя почти

¹ Armando Alba, Enumeración del Suceso Potosino. (Опубликовано в газете «Эль Пуэбло» 8 ноября 1959 года, Кочабамба.)

² Там же.

два столетия, они легли в основу борьбы за автономию и независимость Верхнего Перу.

«Вигони, — добавляет Альба, — составляли отряд решительных людей, вступивший в борьбу с пришельцами из Испании за гегемонию в Потоси. Это была справедливая, вполне естественная реакция на то унижительное положение, в котором оказались другие группы... конфликт из-за экономического неравенства, вылившийся в смертельную схватку. В конечном счете это было бурное выступление, направленное против экономической системы того времени, отдававшей все богатства, добываемые в рудниках, в руки одной-единственной и дерзкой группы. Такова была действительность...»

Среди восстаний метисов, имеющих революционное значение, на первом месте стоит, без сомнения, восстание, вспыхнувшее в Кочабамбе 30 ноября 1730 года и возглавленное Алахо Калатайудом. Оно было вызвано чрезмерным налоговым обложением, злоупотреблениями таможи и произволом чиновников. Восставшие жители Кочабамбы свергли губернатора.

Незадолго до восстания Тупака Амару, когда еще не стерлось воспоминание о народном восстании под водительством отважного Калатайуда, казненного после разгрома восстания на гарроте*, в Кочабамбе появился памфлет, свидетельствовавший о наличии мятежного духа, уже охватившего угнетенные и эксплуатируемые классы Верхнего Перу. В памфлете, в частности, говорилось: «До каких же пор будет продолжаться насилие над нами... Не лучше ли одним разом лишить жизни этих недостойных. А потом пусть тирания грозит самой страшной кровавой расправой. Мы сумеем отразить удар, лишив жизни всех тех, кто попытается противодействовать борьбе с этой опасностью, будь то губернатор, алькальды, простые жители, священники, монахи или представители знати. Пусть они ни на что не надеются, ибо должны пролиться реки крови, прежде чем будет уничтожено тираническое господство этих злодеев...»¹

* Гарроте — особый вид смертной казни путем постепенного удушения с помощью затягиваемого обруча. — *Прим. ред.*

¹ Carlos Montenegro, Nacionalismo y Coloniaje.

В 1739 году жители Оруро под водительством Хуана Вела де Кордова также выступили против существовавшего режима и выпустили «Манифест обид», который был распространен в целом ряде других округов. Но, как и в Кочабамбе, их восстание, а также восстание в Ла-Пасе, возглавленное Антонио Гальярдо, были потоплены в крови. Как правильно отмечает Хосе Мария Камачо, Алонсо де Ибаньес наряду с Хуаном Вела де Кордова, Алехо Калатайудом, Антонио Гальярдо и «даже Антонио Хельдресом могут считаться предвестниками независимости».

В 1776 году губернаторство Буэнос-Айреса было преобразовано в вице-королевство и аудиенсия Чаркас стала административно подчиняться ему. Этот период характеризуется непрерывным брожением; обстановка постепенно накалялась, готовясь разразиться в недалеком будущем крупными восстаниями на всем континенте.

К 1779 году Испания, находившаяся в состоянии войны с Англией, отдала распоряжение повысить существующие налоги в колонии, ввести новые налоги, усилить эксплуатацию индейцев и метисов, то есть любыми способами изыскивать новые средства, необходимые для ведения войны. В связи с этим во всей колонии Испании стали вспыхивать движения против существующего порядка.

В Верхнем Перу индейцы местности Чайанта, уставшие от миты, от обрaxe, от злоупотреблений корехидоров и других чиновников и отчаявшиеся в своих попытках добиться справедливости в Потоси, в Чаркасе и, наконец, в Буэнос-Айресе, подняли восстание в 1780 году под руководством Томаса Катари. Помощниками Катари стали его братья Николас и Дамасо. Восстание охватило Чаркас, Ла-Пас, Оруро, Кочабамбу и получило довольно большой размах. В ходе восстания индейцы местностей Покоата и Аульегас изменили братьям Катари, но положение народа повсеместно было настолько тяжелым, что восставшие находили поддержку практически в каждом селении, в каждой деревне, в каждом городе.

4 ноября 1780 года Тупак Амару поднял восстание, готовившееся уже в течение нескольких лет. Это восстание, потрясшее колониальные устои, несомненно,

явилось самым крупным в Америке. Целью Тупака Амару являлось создание независимого королевства и провозглашение его самого «инкой — королем Перу», отмена миты, повинностей, связанных с обрахе, и возвращение земли индейцам. Николас Катари, один из предводителей восстания в Верхнем Перу, выдвигал это требование о возвращении земель в самой категорической форме.

Хулиан Апаса, прозванный Тупак Катари, родом из Айю-Айю (Ла-Пас), его помощник Бонифасио Чукимамани и жена Бартолина Сиса стали крупными предводителями, пытавшимися осуществить план Тупака Амару. Благодаря смелым и решительным действиям восставшие дважды осаждали Ла-Пас. Первая осада длилась 109 дней, в результате ее погибли 10 тысяч испанцев¹. Вторую осаду возглавляла Бартолина Сиса. В результате превосходства колонизаторов в оружии все эти движения, потрясавшие колонии, потерпели поражение, но отзвуки их ощущались вплоть до войны за независимость.

Небезынтересно отметить, что в городе Оруро, где в начале 1781 года появились прокламации с призывами к восстанию, все выступления индейцев встречали быструю поддержку у креолов и метисов. Так было, например, во время восстания 10 февраля 1781 года, руководимого богатым предпринимателем — поставщиком ргути Хасинто Родригесом и метисом Себастьяном Пагадором. Родригес даже одевался как индеец и подписал один документ от имени «короля и нашего господина инки Тупака Амару»².

Независимость и создание республики

В середине XVIII века в культурной и духовной жизни колонии произошли значительные изменения. Эти изменения, которые Л. А. Санчес характеризует как ускоренные, последовали за изгнанием иезуитов и созданием новых центров образования, преподавание в которых велось на основе «новейших научных и педагогических до-

¹ См. Humberto Vásquez Machicado y otros, Manual de Historia de Bolivia.

² Там же.

стижений Европы». Основным путем проникновения новых идей, пробуждавших умы, усыпленные религиозным догматизмом, и способствовавших возникновению блестящей плеяды креольских ученых и интеллигенции,— основным путем проникновения идей энциклопедистов была контрабанда, которая во все времена умела обходить строгий контроль Торговой палаты. И даже сами королевские чиновники, которых интересовали эти идеи из снобизма или по убеждению, пропускали в колонии «запрещенные» книги и другие издания. Англия, переживавшая в тот период быстрый промышленный подъем, не скрывала своего повышенного интереса к этой части земного шара. Она постоянно изводила Испанию войнами, пиратством и контрабандой, забрасывая при этом контрабандным путем не только товары, но и книги, которыми втайне зачитывалось креольское студенчество, игравшее руководящую роль в революции.

На развитие освободительного движения в испанских колониях оказала влияние и Французская революция. Ее идеи проникали в Каролинскую академию. Рикардо Кайле Буа, цитируемый Л. А. Санчесом, пишет по этому поводу: «Как только до этих мест дошли известия о том, что происходит в Европе, многочисленные креолы и выходцы с полуострова выразили свое удовлетворение и заявили, что разделяют идеи, выдвинутые в Учредительном собрании против династии Капетов. В Буэнос-Айресе и в Верхнем Перу, в Боготе и в Мехико с огромным вниманием следили за драматическим развитием событий».

Мы считаем правильным утверждение, что в развертывании движения за независимость играли роль как внутренние, так и внешние факторы. Первые из них были освещены выше, в разделах, касающихся испанского завоевания и колониального периода. Это прежде всего эксплуатация огромных масс коренного населения и метисов; оттеснение креолов от активного участия в социальной и политической жизни; формирование у креолов убеждения в своем праве пользоваться богатством и властью на земле, где они родились; торговая и промышленная монополия Испании, в результате которой колония находилась на положении отрезанной от остального мира территории, лишенной какой бы то ни было свободы и возможности развивать производительные силы,

культуру, совершенствовать формы управления; наличие образованной креольской интеллигенции, с легкостью воспринимавшей революционные идеи своего времени.

Среди внешних факторов следует указать такие, как достижение независимости североамериканцами, Французская революция, промышленное развитие и попытки интервенции со стороны англичан, наполеоновские войны и критическое положение в самой Испании.

Это оказало огромное влияние на процесс завоевания независимости в Америке, поскольку ослабление испанской монархии и возникновение критической ситуации в связи с пленением испанского короля открыли клапаны, через которые вырвались наружу сдерживавшиеся до этого мятежные силы Верхнего Перу, выступавшие против колониальных властей.

Нашествие Наполеона на полуостров обусловило создание в Испании Центральной хунты для организации сопротивления от имени плененного короля. Между тем обстановка в колониях накалилась до предела. Благоденствующие колониальные чиновники сочли необходимым, как и ранее, продолжать подчиняться сдавшемуся в плен королю. Большинство креолов, заявляя о своей верности королю, предложили создать правительственные хунты по образцу Центральной хунты Испании, превращенной в Регентский совет. Некоторые начали выступать за передачу управления колониями сестре Фердинанда VII Карлоте Хоакине, находившейся в то время в Бразилии. Но они оказались в меньшинстве. Верх одержала вторая точка зрения, выражавшая требования времени в охваченных брожением колониях, где уже давно существовала заговорщическая деятельность. О заговорщической деятельности в Верхнем Перу следует сказать, что в нее не были вовлечены крестьянские массы, митайо, рабочие обрахе и ремесленники. В ней принимали участие профессора университета Чаркас и вообще креолы всех городов страны. Подошло время сделать выбор: аудиенсия или кабильдо, иными словами, самодержавный абсолютизм или демократическое правительство. При этом выражалось намерение придать кабильдо народный характер. Открытый кабильдо играл решающую роль в революции. Повсюду были созданы революционные хунты. Оппозиция, «дерзкая и отчаянная в одних местах, осторожная и боязливая в других, действовала

повсюду»¹. «Испания лишилась сил — таково было общее мнение».

Хунта Чукисаки, созданная в результате мятежа 25 мая 1809 года, когда был арестован председатель аудиенсии, и возглавленная патриотами братьями Суданес, а также Монтеагудо, Лемуаном и другими, явилась, по существу, «первой типично автономистской хунтой»² в американских колониях; искра восстания, брошенная ею, вызвала «вспышку в Ла-Пасе, осветившую всю картину»³.

Как восстание 25 мая, так и вспышка восстания в Ла-Пасе 16 июля того же года были подавлены силами вице-королевств Лимы и Буэнос-Айреса. Все патриоты — руководители июльской революции были казнены. По преданию, Мурильо, председатель Хунты защиты [прав народа. — *Ред.*], крикнул с эшафота: «Я умираю, но факел, зажженный мною, никто не сможет погасить»; действительно, его никто не смог погасить. Призыв Хунты защиты не оставляет никаких сомнений в четко выраженном освободительном и революционном характере июльского восстания. Этот призыв начинается словами: «До сих пор мы терпели положение, напоминающее положение изгнанников на своей собственной родине». И далее: «Таким образом, наступило время свергнуть иго, столь же пагубное для нашего счастья, сколь приятное для испанского национального честолюбия. Уже настало время организовать систему управления, основанную в интересах нашей родины, которая задавлена губительной политикой Мадрида. Настало наконец время поднять знамя свободы в этих несчастных колониях, полученных без всякого на то права и удерживаемых в результате величайшей несправедливости и тирании». Призыв был обращен ко «всей империи Перу» и содержал просьбу объединиться во имя победы. После июльской революции королевский надзор стал особенно строгим. Но пламя революции не погасло, его горение поддержало новое событие: 25 мая 1810 года открытый кабильдо низложил вице-короля Буэнос-Айреса.

¹ Marcos Beltrán Avila, Historia del Alto Perú en el año de 1810.

² Luis Alberto Sánchez, Historia de America.

³ Marcos Beltrán Avila, Historia del Alto Perú en el año de 1810.

Получив сообщение о революции в Буэнос-Айресе и об образовании правительственной хунты во главе с выходцем из Потоси Корнелио Сааведрой в качестве ее председателя, колониальные власти немедленно обратились к вице-королю Абаскалю в Лиме с просьбой принять Верхнее Перу в состав этого вице-королевства, игравшего в тот период роль второй метрополии. Перуанская аристократия вкупе с торговцами-монополистами участвовала в колониальной эксплуатации; чиновники в Верхнем Перу, особенно в Ла-Пасе, были выходцами из Лимы и Арекипы и выступали в защиту монополии торговли и угнетения индейцев. Поэтому открытие порта Буэнос-Айреса явилось в свое время ударом для Лимы.

Абаскаль в своем указе от 3 июля 1810 года заявил, что «американцы — люди, обреченные на прозябание в темноте и забитости, и что, пока остается хоть один испанец, родившийся в Европе, ему надлежит управлять в Америке»¹.

Симпатии народа к Хунте в Буэнос-Айресе подбуждали патриотов. А индейцы Сан Агустина де Толедо (Оруро), предъявлявшие свои претензии к аудиенсии в связи с насильственным увольнением в отставку касика Мануэля Викториано Титичока, узнав о победе революции в Буэнос-Айресе, решили урегулировать свои проблемы по-своему: 6 и 7 ноября 1810 года они подняли восстание под руководством Титичока, каноника Хименеса Манкокапака, доктора Ривера и индейцев Карлоса Кольке и Сантоса Чоке². Известны, однако, случаи, когда индейцы участвовали в борьбе на стороне колонизаторов. Пример этого — индейцы из Пумакауа и Чокеуанка, которые впоследствии все же присоединились к борьбе за независимость. Революционеры Ла-Паса, отмечает Пеньялоса, предпочитали в 1812 году переход на их сторону кровавого генерала Бенаvente сотрудничеству с Ирустой и его индейцами. Нельзя отрицать, что креолы и метисы, которые также эксплуатировали индейцев, боялись их участия в революции. Однако индейцы, вооруженные палками и палицами, сражались героически как на полях Аромы, так и в составе партизанских отрядов

¹ Pelliza, Historia Argentina. Цитируется по Marcos Beltrán Avila, Historia del Alto Perú en el año de 1810.

² Marcos Beltrán Avila, Historia del Alto Perú en el año de 1810.

и во время других славных битв, известных в истории Боливии.

Открытый кабильдо явился выражением народного суверенитета. Повсеместно были созданы революционные хунты и смещены колониальные власти. Вслед за Чукисакой и Ла-Пасом такие хунты возникли в Кочабамбе (14 сентября 1810 года), в Санта-Крус (24 сентября), в Оруро (6 октября), в Потоси (10 ноября), в Мохосе (14 марта 1811 года) и т. д. Революция шествовала по всему Верхнему Перу. Но патриоты вели борьбу разрозненно и с самого ее начала понимали, что, действуя изолированно, они не смогут одержать окончательную победу. Поэтому Чукисака направила своих представителей в Ла-Пас, Кочабамбу и Потоси; Кочабамба слала своих людей в Санта-Крус и Оруро; Хунта Буэнос-Айреса снарядила военные экспедиции в Верхнее Перу. Борьба Боливара и Сан-Мартина, Артигаса и О'Хиггинса, партизанские выступления в Верхнем Перу должны были начаться почти одновременно, чтобы обеспечить победу общего дела. Единство в каждом колониальном центре и единство всех колоний гарантировали победу в решающих сражениях при Хунине и Айякучо под командованием Симона Боливара и Антонио Хосе де Сукре *.

Выдающуюся роль в борьбе за независимость сыграли женщины. Героини Кочабамбы **, отличившиеся во время событий 27 мая 1812 года, партизанка Хуана Асурдуй де Падилья вписали славную страницу в историю Боливии. Вообще, когда речь идет о независимости народа, женщины, как правило, проявляют большой героизм. Так было в борьбе за североамериканскую независимость, при взятии Бастилии в период Французской революции и во время Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 году.

Сражение, положившее конец сопротивлению королевских войск, произошло 2 апреля 1825 года при Туму-

* 6 августа 1824 года в битве при Хунине, в Перу, Боливар нанес поражение превосходящим силам сторонников испанского владычества. В битве при Айякучо 9 декабря 1824 года Сукре разгромил роялистскую армию. Это была решающая победа в ходе войны за независимость Южной Америки.— *Прим. ред.*

** Женщины Кочабамбы героически защищали свой город от роялистских войск. Камнями и палками сражались они с роялистами на холме Коронилья и были убиты. 27 мая отмечается в Боливии как День матери.— *Прим. ред.*

сла. Но уже 9 февраля того же года декретом великого маршала Айякучо было установлено самоопределение Верхнего Перу. И, хотя освободитель Боливар выступил против создания новой республики, имея в виду свой проект образования Боливарийской конфедерации, пожизненным президентом которой он должен был стать, народ Верхнего Перу проникся глубоким убеждением в необходимости самому решить свою собственную судьбу.

Действительно, в географическом, социальном и экономическом отношениях Верхнее Перу имело вполне определившиеся индивидуальные черты и свое собственное лицо. Будучи частью империи инков и входя в ее состав под названием Кольясуйю, оно, однако, сохраняло свои характерные, присущие только ему одному особенности. После завоевания, согласно документам, Кольясуйю была выделена в самостоятельную область, названную Новый Толедо. В период колонии она именовалась Верхнее Перу, а после победы в войне за независимость с образованием республики получила название Боливия.

Боливар хотел подчинить волю народа Верхнего Перу решениям аргентинского и перуанского конгрессов. Однако аргентинское правительство уже 6 февраля высказалось за то, чтобы верхние провинции сами распоряжались своей судьбой. Историк Ригоберто Паредес в этой связи вспоминает одну статью, опубликованную и «Эль Феникс» в Лиме 24 июля 1827 года за подписью Боливиец. Предполагалось, что она была написана Хосе Мариа Серрано. В этой статье, в частности, говорилось, что «в 1820 году в городе Тукумане образовалось общество, в которое вошли наиболее влиятельные эмигранты из Боливии, поклявшиеся сделать свою родину независимой от Буэнос-Айреса; что в Буэнос-Айресе хорошо знали о страстном стремлении боливийцев превратить свою Родину в независимое государство и даже считали это стремление справедливым; что при утверждении конституции 1819 года, когда встал вопрос о причинах отсутствия депутатов от Ла-Паса, Кочабамбы и других мест, уважаемый д-р Чароария в своем выступлении на заседании конгресса заявил: «Это отсутствие, господа, понятно. Природа со всей очевидностью отделила Верхнее Перу от Буэнос-Айреса. А это означает, что если бы даже депутаты от Верхнего Перу присутствовали сейчас на заседании конгресса, то позже, как только оно добьется

полного освобождения от испанцев, будет объявлено, что Верхнее Перу независимо и от нас. Так и будет»¹. Так оно и случилось, когда первое Учредительное собрание 6 августа 1825 года провозгласило независимость страны, заявив при этом, что «Верхнее Перу было на американском континенте тем жертвенником, на котором впервые пролилась кровь свободных людей, и является той землей, где находится могила последнего из его тиранов».

¹ См. предисловие Ригоберто Паредеса к упоминавшейся выше работе Маркоса Бельтрана Авила.

НОВАЯ РЕСПУБЛИКА И СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

Еще до того, как родилась новая республика, в двадцатых годах XIX века, в Европе и в Северной Америке стали настойчиво распространяться слухи о том, что Священный союз вмешивается в дела Латинской Америки, стремясь восстановить колониальное господство испанского короля Фердинанда VII. «Их распространению,— пишет Н. Н. Болховитинов,— способствовала реакционная политика Священного союза, выступавшего в роли душителя революционного движения в Европе, и, в частности, интервенция Франции в Испанию в 1823 г.»¹.

Еще и сейчас для оправдания так называемой доктрины Монро приводится довод, что в 1823 году Священный союз будто бы намеревался выступить против народов Латинской Америки и что доктрина Монро, кратко выраженная в формуле «Америка — для американцев» и провозглашенная президентом Монро в послании североамериканскому конгрессу 2 декабря 1823 года якобы для необходимого противодействия упомянутой угрозе Священного союза, будто бы и явилась тем оружием, которое спасло латиноамериканские народы. Однако, как показал советский историк Н. Н. Болховитинов, тщательное исследование, проведенное историками различных стран, позволяет сделать выводы, вносящие ясность в этот вопрос, и прежде всего ознакомиться с подлинными причинами появления доктрины Монро, нашедшей позднее свое выражение в панамериканизме и в создании в 1948 году Организации американских госу-

¹ Н. Н. Болховитинов, К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку (из предыстории доктрины Монро). «Новая и новейшая история», М., 1957, № 3, стр. 46.

дарств (ОАГ). Ознакомление с деятельностью этого международного органа в Америке имеет для Боливии, так же как и для всех стран Латинской Америки, особенно важное значение. Но прежде рассмотрим некоторые объективные данные, которые опровергают приписываемые Священному союзу намерения в отношении освобожденных испанских колоний в Америке.

Во-первых, хотя Священный союз и не был совсем чужд политике вмешательства (если принять во внимание его собственные «реакционные монархические принципы»), нереальность подобной авантюры в условиях, когда почти все латиноамериканские народы завоевали свою независимость, избавились от испанского колониального ига, и «слабое желание защищать славу Фердинанда VII в его отдаленных заокеанских владениях» обусловили то, что на деле ни одно из правительств, входивших в Священный союз, не представляло и не одобряло никакого плана вооруженного вмешательства, направленного против народов Латинской Америки. Это было хорошо известно как Соединенным Штатам, Англии, так и самим латиноамериканским политическим и государственным деятелям, таким, как Боливар, Ривадавия и другие.

Во-вторых, правительство США имело точное представление о международном положении в конце 1823 года и хорошо знало о решительной оппозиции Великобритании любой возможной попытке вмешательства Священного союза в дела народов, освобожденных от Испании, с целью восстановления ее господства. Кроме того, в самом североамериканском правительстве одержала верх точка зрения Адамса [государственного секретаря США.— *Ред.*], заявившего 15 ноября 1823 года: «В возможность для Священного союза восстановить испанское господство на американском континенте я верю в такой же степени, в какой допускаю вероятность погружения Чимборасо * на дно океана». Учитывая его мнение и преследуя цели совершенно отличные от мнимой защиты освобожденных республик Латинской Америки, североамериканский конгресс 2 декабря 1823 года одобрил направленный ему проект послания президента Монро.

* Одна из самых высоких горных вершин в Андах.— *Прим. перев.*

В-третьих, правительства Англии и США были заинтересованы по политическим и экономическим соображениям в распространении слухов о якобы неминуемой угрозе, которую представлял Священный союз для латиноамериканских народов. Их намерение состояло в том, чтобы предстать перед этими народами в роли их «защитников», завоевать их симпатии, нажать на этом политический капитал и таким образом «укрепить свои позиции и расширить свое влияние в этих странах. Особенно яркое выражение нашло это устремление в доктрине Монро,— пишет Н. Н. Болховитинов.— Воплощенная в доктрине уже в период ее провозглашения тенденция к экспансии и к укреплению позиций Соединенных Штатов в странах Латинской Америки получила впоследствии всемерное развитие в практике американской внешней политики, основной целью которой стало установление монопольного господства США в Западном полушарии. В результате этого действительная угроза независимости стран Латинской Америки нависла совсем с другой стороны, т. е. со стороны самих Соединенных Штатов Америки»¹. Что касается Боливии, то, как мы увидим ниже, история подтвердила правильность этого вывода.

Теория эмансипации

Освободившись от колониального ига Испании, латиноамериканские народы создали «суверенные» и «независимые» республики. 6 августа 1960 года исполнилось 135 лет со времени провозглашения «суверенности» и «независимости» Боливии. Этот Прометей Анд, который в течение 300 колониальных лет был прикован к своим собственным горам за то, что беспрепятственно и без ограничений отдавал богатства своих недр, в действительности до сих пор еще не разорвал цепей. Он их просто заменил на другие.

Период между провозглашением независимости и началом проникновения империализма был конвульсивным и хаотическим в истории Боливии; в это время происходил процесс консолидации и усиления власти помещиков

¹ Н. Н. Болховитинов, К вопросу об угрозе интервенции Священного союза в Латинскую Америку, стр. 66.

и латифундистов, унаследовавших всю свою силу от колониального феодализма, и этот процесс находился в открытом противоречии с теорией американской эмансипации, которая, несомненно, не является оригинальной.

Итак, теории, принятые в качестве идеологического оружия в освободительной борьбе, не были оригинальными; даже взгляды руководителей приходили в столкновение ввиду противоречивости интересов, которые они выражали. В этой борьбе, как известно, победу одержали креолы, располагавшие экономической властью,— им принадлежали земли, рудники, они контролировали торговлю и требовали для себя политической власти, чтобы прочно удержать за собой унаследованные привилегии; в то же время права и интересы массы митайо и рабочих обрахе, янакуна, ремесленников, мелких торговцев, одним словом, индейцев и метисов, всячески замалчивались. «Испанцы, родившиеся в Испании, и креолы,— отмечает Хосе Луис Ромеро,— не являлись в последний период существования колонии двумя группами, которых разделяло только происхождение; симптоматично, что епископ Луэ в самый критический момент революции решил заявить, что управление колониями в Америке может перейти в руки их уроженцев только тогда, когда здесь не останется ни одного испанца»¹. Проливает свет на этот вопрос и высказывание Корнелио Сааведра, который тремя годами ранее так выразил свои чувства в связи с обороной Буэнос-Айреса от нападения англичан: «Я позволю себе поздравить американцев, поскольку к доказательствам храбрости и верности, которые они всегда проявляли, теперь добавилось это последнее. Этот подвиг, поднимая на еще большую высоту честь быть уроженцем Вест-Индии, с очевидностью убеждает также в том, что их духу чуждо уныние, что они не хуже европейских испанцев, которые никому не уступают в храбрости и верности»².

Установление республиканского парламентского строя с его либеральными идеями явилось, таким образом, не плодом своего латиноамериканского мышления, а в основном результатом прилаживания или приспособления европейского либерализма к специфическим эко-

¹ José Luis Romero, *Las Ideas Políticas en la Argentina*.

² Там же.

номическим и социальным условиям феодального характера, существовавшим в новых республиках. Либеральная демократия не получила расцвета в латиноамериканских странах, потому что либерализм является идеологическим и политическим выражением промышленного капитализма в противовес меркантилизму торговых держав XVI, XVII и даже XVIII столетий. Этим объясняется то, что в течение долгого времени политические партии в Боливии не создавались на базе определенной доктрины. По этой же причине в первый период республики существовала благоприятная почва для развития военного каудильизма*, который как форма правления наиболее соответствовал господству помещиков-феодалов.

Когда же по мере своего развития либеральные идеи начали облекаться в форму политических партий — в Боливии это происходило около 1880 года, — они стали уже неприменимы в своем подлинном выражении к условиям Латинской Америки; новые условия, явившиеся следствием политических, социальных и экономических противоречий, возникших в результате империалистического господства, навязанного англо-американским капитализмом, требовали проведения новой политики, национальной и демократической по своему содержанию.

Первые годы республики

Добыча серебра стала падать еще с начала XIX столетия. Резкое сокращение добычи ртути и засуха 1804 года усилили бедность страны. Такое положение возникло в результате безудержной колониальной эксплуатации; не случайно первым актом июльской революции было сожжение долговых обязательств перед королевской казной.

В этих условиях в течение 15 лет велась война. Принудительные поборы, денежные контрибуции и штрафы, реквизиции и конфискации — таковы были способы мобилизации средств, применявшиеся и роялистами, и борцами за независимость, и аргентинскими вспомогательными армиями. Роялисты накладывали самые большие

* Под каудильизмом (от испанского слова *caudillo* — вождь) обычно понимают господство военных диктаторов. — *Прим. ред.*

контрибуции на индейцев, которых они преследовали как мятежников. Со своей стороны руководители движения в Верхнем Перу предпочитали потерпеть поражение, нежели дать оружие в руки индейцев.

По окончании войны положение казалось совершенно безнадежным. Разруха охватила все отрасли хозяйства — рудники, сельское хозяйство, мануфактуры. В результате ужасного кровопролития сократилась численность населения. Таково было наследие трехсот лет колонии, которое досталось новому государству. Республика родилась, будучи втиснутой в рамки феодализма.

Торговля с Перу и с Аргентиной путем организации ярмарок по типу устраивавшихся до этого в Уари была приостановлена, и республика в течение первых 50 лет оказалась в значительной мере оторванной от мировой торговли.

Несмотря на упадок горнорудного производства, добыча серебра продолжала играть важную роль в экономике страны. Но основой экономической, культурной и политической жизни Боливии до 1870 года являлось, несомненно, сельское хозяйство. По данным Даленсе, из 2 134 710 песо доходов национального бюджета 1865 года более 50 процентов составляли поступления от индейского населения, десятины и примисиа*. Очевидно, что первые правители страны, начиная с Сукре, принимали меры к увеличению добычи серебра и горнорудной продукции вообще. Однако в связи с ростом добычи серебра в США и в Мексике и с последующим падением цен на него возник кризис; к счастью, его удалось преодолеть, наладив добычу хины и каучука, которые стали пользоваться спросом на мировом рынке. Олово начали добывать еще в середине прошлого века, однако особое значение для национальной экономики оно приобрело лишь с начала нашего столетия.

Чтобы понять главные особенности этого периода истории республики, предшествовавшего проникновению в Боливию иностранного финансового капитала, необходимо вкратце рассмотреть международное положение того времени.

* Примисиа — подать церкви натурой из первого урожая.—
Прим. ред.

Как выражение противоречий между помещиками и владельцами рудников, а также между последними и рабочими, ремесленниками и крестьянами, в стране развернулась ожесточенная каудильистская борьба, сопровождавшаяся частыми государственными переворотами и военными мятежами; эта борьба препятствовала всякой патриотической попытке содействовать организации и упрочению республики. Тем временем на международной арене произошли события, оказавшие в дальнейшем решающее влияние на будущее Боливии.

Еще в 1720 году Англия, приложившая до этого немало усилий, чтобы ликвидировать испанскую торговую монополию, подписала с Испанией договор, разрешавший ей свободную торговлю с испанскими колониями в Америке. В 1860 году Англия была первой капиталистической страной мира. По производству промышленной продукции, стали, угля и т. д. Англия превосходила Францию, США, Германию, Россию и Японию, вместе взятые. И, как первая промышленная держава, она начала контролировать экономическую жизнь латиноамериканских народов, прежде всего в наиболее доступных по своему географическому положению странах — в Аргентине и Чили. Но по мере того, как добыча селитры и гуано приобрела торговое значение, Англия стала проникать на территорию боливийского побережья. Тогда вспыхнула Тихоокеанская война, приведшая к первым потерям национальной территории и к превращению Боливии во внутриконтинентальную страну, лишенную выхода к морю. Именно в то время, после кризиса 1873 года, началось широкое создание капиталистических картелей, и в 1876 году, за три года до Тихоокеанской войны, территория английских колоний равнялась 22,5 миллиона кв. км, с населением 251,9 миллиона человек. Эти данные свидетельствуют о степени капиталистического развития Англии, установившей в то время свое господство на морях и на мировых рынках.

К 1860 году Франция заняла второе место по промышленному производству, а США, вступив в полосу стремительного развития, вышли в 1870 году на второе место, а в течение 1880—1890 годов — на первое место в мире. То же происходит и с германским капитализмом, оттеснившим в 1900—1910 годах Англию на второе место. Происходило, по словам Ленина, «перерастание капи-

тализма в империализм», и именно в тот самый момент, когда латиноамериканские народы переживали период детства, даже не укрепив еще своей собственной государственной организации, как это хорошо видно на конкретном примере с Боливией; а это значит, что латиноамериканским странам была уготована судьба попасть одна за другой в лапы империализма и лишиться вплоть до наших дней возможности избавиться от зависимости, препятствующей экономическому и культурному развитию народов Латинской Америки.

Когда на мировом рынке повысился спрос на каучук и хину, Боливия оказалась втянутой в другую войну — на этот раз в войну с Бразилией в 1902 году. В результате подписания договора в Петрополисе Боливия передала Бразилии всю обширную и богатую территорию Акре и получила компенсацию в 2 миллиона фунтов стерлингов для строительства железных дорог и «других объектов, которые должны были послужить улучшению путей сообщения» и развитию торговли между двумя странами. Эти железные дороги так и не были построены.

Мануфактуры и некоторые другие промышленные предприятия, достигшие некоторого развития в колониальный период, в частности, в Кочабамбе, Мохосе и Чикитосе и изготовлявшие ткань токуйо, тонкие ткани, шляпы, мыло, стекло, порох, изделия из кожи, занимавшиеся солением мяса и т. д., постепенно приходили в упадок и наконец совсем исчезли, не выдержав неумолимой конкуренции мануфактурных предприятий Манчестера и Массачусетса; покровительственные меры маршала Санта-Крус и правительства Бельсу оказались бессильными. Так иностранный капитал подчинил внутренний боливийский рынок, расчистив путь для империалистического порабощения новой республики, располагающей богатыми залежами минерального сырья и дешевой рабочей силой.

Мита без всякой регламентации сохранилась и после установления системы заработной платы. Рабочий день не был ограничен, заработок устанавливался произвольно и был ничтожным. Рабочие вербовались, так же как и митайо в годы колонии, посредством контракта *энганче**, условия которого в настоящее время регулируются

* Буквально: сцепка, прицеп.— *Прим. перев.*

принятым в 1942 году трудовым кодексом, в котором этому контракту отводится специальный раздел.

В городах велась слабая торговля, ремесленники пре- бывали в нищете и невежестве; здесь же находились солдаты различных каудильо, защищавших интересы тех или иных групп феодальных помещиков, неизменно стремившихся заполучить больше земель и крепостных крестьян для эксплуатации, потому что, как уже выше было сказано, в этот начальный период жизни республики сельское хозяйство являлось самым важным источником богатства и власти. Правда, развивалось и постепенно укреплялось горнорудное производство. Подъем производства хины и каучука продолжался сравнительно недолго, но он породил тенденцию к монопольному владению обширными территориями в Бени и Пандо с установлением докапиталистической системы труда — пеонажа, при котором «рабочий и его потомки попадают в кабалу и всю жизнь вынуждены работать в подчинении у одного и того же хозяина»¹.

С установлением республики аграрный режим не изменился и положение индейца осталось прежним: его эксплуатировали и угнетали как крепостного в деревне и как вьючное животное в городе, он выполнял бесплатные обязательные повинности (извоз, дорожные работы и т. д.) для государства, государственных чиновников, священников — для всех тех, кто не индейцы. Феодальные порядки, господствовавшие в период колонии, сохранились и при республике и существовали вплоть до народного восстания в апреле 1952 года. Но и теперь, даже после принятия закона об аграрной реформе в 1953 году, значительные феодальные пережитки все еще продолжают давать о себе знать как в трудовых отношениях, так и в формах собственности.

Индийские общины на протяжении всего периода республики влачат «драматическое существование не только из-за бесчисленных захватов их земель, стгонов и всевозможных других проявлений произвола со стороны властей, латифундистов и гамоналов^{*}, но также в силу неустойчивых условий, в которые они поставлены с юри-

¹ Raúl Ruiz González, El Salario.

^{*} Термин, обозначающий земельных магнатов, крупных помещиков-латифундистов. Употребляется в Боливии и Перу.— *Прим. ред.*

дической точки зрения, либо в результате решения распределить земли общины среди индейцев на правах индивидуальной собственности, либо вследствие объявления этих земель собственностью государства для продажи с аукциона, либо, наконец, по причине отказа признать законное существование самой общины»¹.

Только Боливар понимал необходимость освобождения индейцев, составлявших большинство населения страны. Его знаменитые декреты, изданные в Трухильо, в Куско и в Чукисаке, преследовали эту цель. Они предусматривали распределение земель общины среди тех индейцев, «которые не имеют в своем пользовании никаких других земель и потому становятся хозяевами земель, передающихся им»; ликвидацию «титула и власти касиков»; отмену «всех видов личных повинностей перуанских индейцев» с передачей на «решение народа» случаев «нарушения» или «невыполнения» этого распоряжения; отмену подати с индейцев и установление взамен нее «прямого и общего налога на всех боливийцев» и т. д. Эти декреты не выполнялись и не могли быть выполнены, поскольку экономическая и политическая власть находилась в руках помещиков-феодалов; особое сопротивление вызывало положение о «персональном налоге», так как белые и метисы усматривали в этом распространение на них в скрытой форме подати, считавшейся оскорбительным, позорным пятном, лежавшим на индейцах»².

В условиях, когда в республике не происходило никаких серьезных изменений форм жизни, установленных во времена колонии, когда правительства латифундистов и гамоналов извращали политические и юридические положения Французской и Американской революций, когда индейцы продолжали эксплуатироваться и угнетаться как обыкновенные крепостные, а ремесленников связывала цеховая регламентация, дело народного образования было полностью запущено. Процент неграмотности был очень велик, в провинциальных центрах и в деревнях школы отсутствовали; единичные школы имелись лишь в самых главных городах. Правительство практически

¹ Arturo Urquidi Morales, Bases Sociológicas de la Reforma Agraria.

² Julio Paz, Historia Económica de Bolivia.

оказалось неспособным заняться созданием системы государственного образования, и оно даже не выступало за превращение организации образования в государственную функцию. С изданием закона от 22 ноября 1872 года государство фактически самоустранилось от дела народного образования. Ответственность за начальное образование оно возложило на муниципалитеты и поручило частным лицам заботиться об организации в стране среднего и высшего образования.

Следует упомянуть важное социальное движение этого периода. Это народное движение, вдохновителем которого являлся военный каудильо Мануэль Исидро Бельсу, управлявший страной с 1848 до 1855 года. До тех пор происходила простая смена одной группы правителей другой, представлявшей тот же класс латифундистов. И хотя Бельсу, несмотря на решительную поддержку, которую ему оказывали ремесленники и крестьяне, то есть значительное большинство населения, включая индейцев и чоло, не мог провести существенных реформ в интересах нации и народа, его правление носило «популистский» характер, без четкой ориентации и с некоторым налетом демагогии.

«Чоло, пока вы пребываете в голоде и нищете,— говорил он,— ваши угнетатели, называющие себя кабальеро и эксплуатирующие ваш труд, купаются в роскоши. Знайте же, что все, что находится перед вашими глазами, принадлежит вам, потому что это плоды ваших трудов. Богатства тех, кто называет себя благородными людьми,— это то, что украдено у вас...»¹

¹ Alcides Arguedas, *La Plebe en Acción*.

VI

БОЛИВИЯ В ПЕРИОД ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИНОСТРАННОГО ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА

Хотя сельское хозяйство, или, иными словами, феодальная эксплуатация индейцев, составляло экономическую основу первого периода существования республики, главным экспортным продуктом продолжало оставаться серебро. Добыча серебра положила начало образованию крупных фирм: «Сосиедад дель реаль сокавон», основанной Авелино Арамайо и позже уступившей место фирме «Ройял силвес майнс»; «Компанья Гуадалупе де Боливи», акционером которой был Грегорио Пачеко, горнорудный магнат и президент республики с 1884 до 1888 года; «Компанья Уанчака», организованной с привлечением иностранных акционеров Антонио Арсе, президентом страны с 1888 до 1892 года, когда была построена железная дорога от Калама до Уюни и Оруро в продолжение уже существовавшей железнодорожной линии Антофагаста — Калама; «Арамайо Фрэнк лимитэд» и других. И только после того, как спрос на серебро резко упал, его место в экспорте занял каучук, продержавшийся до 1910 года и окончательно вытесненный затем оловом, разработка которого в свою очередь вызвала создание новых фирм и появление новых магнатов, таких, как Симон Патиньо, Хохшильд и Арамайо.

В первое время развитие Боливии происходило в значительной мере изолированно от мировой торговли и финансов. Страна не имела внешних долгов, а ее внешняя торговля носила ограниченный характер. С началом добычи селитры и гуано, приобретших внешнеторговое значение, Боливия включилась в международную финансовую сеть и возвратилась к горнорудному производству как основной отрасли национальной экономики.

Несомненно, что сама Тихоокеанская война означала проникновение английского империализма на побережье,

поскольку разработка залежей селитры и гуано в Чили к этому времени уже попала в круг британских интересов и следствием этого явилось урезывание боливийской территории.

Возрождение горнорудного производства вызвало важные изменения в характере государственной власти. Политические представители латифундизма были оттеснены горнорудными промышленниками, деятельность которых в области экономики, культуры и политики носила иной характер. С другой стороны, нет никакого сомнения в том, что развитие горнорудного производства объяснялось главным образом тем, что монополистический капитализм испытывал потребность в сырье. Сооружение железных дорог Оруро — Антофагаста и Ла-Пас — Арика было вызвано в конечном счете этим же.

Прежние правительства не придавали никакого значения развитию транспортных средств; как исполнители воли помещиков, они довольствовались наличием ламы индейца для доставки продуктов из латифундий на внутренние рынки. Однако горнопромышленники, заинтересованные в развитии добывающей промышленности, с самого начала отчетливо понимали, что они не смогут обеспечить этого развития без соответствующих средств транспорта, без железных дорог. В то же время они принимали меры, чтобы обеспечить себе получение прибылей, хотя это и противоречило национальным интересам. Поэтому «пятина короля», взимавшаяся в период колонии, была заменена примитивной системой незначительных налогов, не приносивших никакой пользы стране и облегчавших бесконтрольный экспорт полезных ископаемых, что открывало путь для утечки национальных капиталов, создаваемых трудом боливийских рабочих на базе природных богатств страны.

Государство прибегло к займам еще до Тихоокеанской войны. Первый из них, названный «внутренним займом» 1826 года, в размере 3 миллионов 500 тысяч песо, представлял собой, по словам Хулио Паса, скорее «выручку от распродажи национального имущества, в изобилии появившегося в тот момент в связи с ликвидацией многих монастырей, а также имущества и другой собственности церкви». Первыми внешними займами были: заем Шамбре в 1868 году на сумму один миллион фунтов стерлингов с удержанием 30 процентов; Мейггса в

1869 году на сумму 2 миллиона 500 тысяч фунтов стерлингов с удержанием 15 процентов; Эрлангера в 1872 году на сумму один миллион 700 тысяч фунтов стерлингов с удержанием 32 процентов и Вальдеавельяно и К° в 1874 году на сумму 500 тысяч шиллингов с удержанием 10 процентов¹. Но, несомненно, контракт Монтес — Шпейер, подписанный 22 мая 1906 года, явился первым крупным финансовым маневром империализма, проявлявшего особый интерес к огромным минеральным богатствам Боливии. Поэтому следует коснуться основных положений этого кабального контракта, последствия которого страна ощущает и по сей день.

Во время обсуждения контракта Монтес — Шпейер в палате депутатов в ноябре 1906 года депутат Чакоп, один из его противников, возмущенно заявил: «Нигде в мире до сих пор еще не было случая, чтобы железные дороги, построенные на капиталы государства, отчуждались в собственность подрядчиков... Мы решительно выступаем против разрешения строить некоторые железнодорожные линии с участием боливийского капитала, с тем чтобы... другие стали собственниками этих дорог... Мы осуждаем этот акт правительства... потому что, если бы соблюдался закон... мы не отдали бы в руки империалистов янки железные дороги, телефон и телеграф, 65-километровую полосу государственных земель по обеим сторонам железнодорожной линии, право на владение водоемами, на разработку богатств наших лесов, не освободили бы их от таможенного обложения на 30 лет, не передали бы им тысячу квадратных лиг государственных земель, не предоставили бы на 30 лет привилегий в 40-километровой зоне по обе стороны железнодорожной линии, права на сооружение пристаней на озерах и реках республики, освобождения от общегосударственных, департаментских и муниципальных налогов и еще множества других поблажек этим господам банкирам, концессионерам или подрядчикам...»².

¹ Eduardo Arze Quiroga, *La Nacionalización de los ferrocarriles de la Red Sneyer*. Доклад, представленный Первому национальному конгрессу юридических факультетов, университет Сан-Симона, 1940 год.

² «Протоколы заседаний палаты депутатов очередного созыва 1906 года», т. 2,

Концессия была предоставлена банкирам из «Нэшнл сити бэнк» и «Шпейер и К°» из Нью-Йорка. По условиям контракта банкиры становились концессионерами, душеприказчиками и доверенными лицами и еще получали возможность передавать третьим лицам свои права и обязательства, что означало возможность «выставить в виде ширмы акционерное общество-призрак и ускользнуть от ответственности». И действительно, 18 февраля 1907 года в США создается акционерное общество «Боливиа рейлуэй компани» с утвержденным капиталом в 10 миллионов долларов. Общество уплатило только 3500 долларов, а сальдо в сумме 9 996 500 долларов ожидает своей выплаты и по сей день. 27 февраля 1907 года банкиры продали этой компании полученную ими в Боливии концессию. Но, поскольку «Боливиа рейлуэй компани» располагала фактически капиталом в сумме всего 3500 долларов, она передала тем же банкирам 99 965 акций по 100 долларов каждая, которые соответствовали «недостающим» 9 996 500 долларам. Как указывает Умберто Фоссати, такие акции, «использованные при сделке, были зарегистрированы, но не оплачены при учреждении общества, между тем как 35 оплаченных акций остались в руках «Боливиа рейлуэй компани». Банкиры — концессионеры продали 99 965 неоплаченных акций компании «Антофагаста (Чили) энд Боливиа рейлуэй компани» за 200 тысяч фунтов стерлингов, соответствующих, по оценке Фоссати, примерно одному миллиону долларов по курсу того времени. «Таким образом, английская компания,— пишет Фоссати,— оказалась главным акционером компании «Боливиа рейлуэй компани», и банкиры сорвали первый куш в результате махинации с концессией».

«Боливиа рейлуэй компани» под административным руководством акционера — владельца большинства акций (неоплаченных) и имея капитал всего лишь 3500 долларов, ворочала колоссальными суммами: 2500 тысяч фунтов стерлингов внесла Боливиа в виде бон второй ипотеки; 3 миллиона фунтов стерлингов заплатили концессионеры бонами первой ипотеки из расчета 80 процентов их номинальной стоимости. Это второй куш банкиров, пишет Фоссати, потому что они передали 3 миллиона фунтов стерлингов, а получили бонны общей номинальной стоимостью 3750 тысяч фунтов стерлингов,

Боливийское правительство гарантировало минимум 5 процентов прибылей от этих бон в течение 20 лет. Во исполнение этого обязательства Боливия выплатила аванс в сумме 2 147 581 фунт стерлингов. Банкиры выдали 1200 тысяч фунтов стерлингов, согласившись на вторую эмиссию бон первой ипотеки из расчета 60 процентов их номинальной стоимости. Это их третий куш, потому что они передали только 1200 тысяч фунтов стерлингов, а получили пятипроцентные бонны общей номинальной стоимостью 2 миллиона фунтов стерлингов; 334 860 фунтов стерлингов были предоставлены займы компанией «Антофагаста энд Боливиа рейлуэй компани», строившей железную дорогу.

Вложение 7 034 860 фунтов стерлингов в строительство железных дорог было сделано с излишней поспешностью, заявляет Фоссати. Как свидетельствуют данные, собранные для решения вопроса о предоставлении концессии, 4300 тысяч фунтов стерлингов должны были пойти на строительство железнодорожных линий Оруро — Виача, Оруро — Кочабамба, Оруро — Потоси, Потоси — Туписа через Кайса и Катаганта и, наконец, линии Уюни — Потоси. Однако оказалось, пишет Фоссати, что из-за завышения стоимости работ строительство менее протяженной сети — всего 670 км — обошлось в 8584 тысячи фунтов стерлингов.

В заключение тот же Фоссати отмечает, что правительство либералов в свое оправдание ссылалось на контракт с «Шпейер и К°», согласно которому «Боливиа рейлуэй компани» взяла на себя обязательство выкупить бонны первой ипотеки на сумму 5750 тысяч фунтов стерлингов в течение 20 лет действия контракта, бонны второй ипотеки на сумму 2500 тысяч фунтов стерлингов — в течение 25 лет и возратить аванс в сумме 2 147 581 фунт стерлингов, выданный для обеспечения выплаты 5-процентной прибыли, в течение 30 лет. Эти обязательства, естественно, не выполнялись¹. В итоге «Боливиа рейлуэй компани», имея капитал всего лишь 3500 долларов,

¹ «Что не следует забывать в связи с «Боливиа рейлуэй компани» (У. Фоссати). Материалы, относящиеся к контракту со «Шпейер и К°», взяты из работы Фоссати, опубликованной в 1959 году университетом Оруро в виде приложения к экономическому докладу по этому вопросу.

стала владелицей железных дорог страны, построенных на средства нации руками боливийских рабочих. Перед нами типичный случай, когда действует империалистическая формула банкиров и монополистов: «Бизнес есть бизнес». С другой стороны, первоначальный план строительства железных дорог был нарушен применительно к потребностям исключительно горнорудного производства. Так стал проявлять себя империализм в Боливии.

Но не только в Боливии! Все страны Латинской Америки уже в конце прошлого века попадают под контроль англо-американских капиталистов, монополизировавших внешнюю торговлю этих стран, прибравших к рукам банки, железные и шоссейные дороги, промышленные предприятия и т. д. Они превращаются в «аграрные и сырьевые придатки», в рынки сбыта английской и североамериканской продукции, в зоны вложения «избыточного» капитала этих стран.

Советский историк В. М. Мирошевский по этому поводу пишет: «Аргентина, которая в 70-х годах XIX в. еще не могла удовлетворять свою потребность в пшенице собственными ресурсами, к середине 90-х годов заняла уже одно из первых мест на мировом рынке как экспортер хлеба. В дальнейшем она заняла первое место и по вывозу мяса. На долю Бразилии в 1885 г. приходилось 45% всего мирового производства кофе, а в 1907 г. — 85%. С Кубы вывозился в громадном количестве сахар, из Чили — селитра, из Боливии — олово, из Венесуэлы — нефть и т. д.»¹. Это означает, что империализм не только использует сырьевые ресурсы, обуславливая однобокое развитие таких стран, как Боливия, Чили, Венесуэла и т. д., или монокультурное развитие Бразилии, Кубы, Гватемалы и других, но в то же время тормозит промышленное развитие этих стран, превращая их в рынки сбыта своих товаров. Отставание, являющееся следствием такого положения, несомненно, облегчает вложение капиталов и навязывание займов под высокий процент на условиях, подрывающих национальную независимость и суверенитет, подчиняющих их финансовым интересам империализма.

¹ «Новая история колониальных и зависимых стран», т. I, М., 1940, стр. 731.

Разработка месторождений олова, начатая в больших масштабах в начале этого века, вызвала крупные изменения отдельных важных сторон экономики Боливии. Во-первых, она стала более связанной с мировой экономикой; во-вторых, изменились объем экспорта и его состав, в-третьих, возрос национальный доход. По данным Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛА), объем экспорта и импорта Боливии увеличился в период с 1896 по 1929 год следующим образом: с 1896 по 1900 год среднегодовой экспорт выражался в сумме 26,9 миллиона фунтов стерлингов, импорт — в сумме 12,7; с 1901 по 1905 год суммы соответственно составляли 32,8 и 16,9 миллиона; с 1920 по 1929 год экспорт и импорт выразились в суммах 121,5 и 66,2 миллиона. Этот рост внешней торговли был вызван увеличением экспорта олова, составлявшим в 1900 году 9100 тонн чистого олова * и равнявшимся в денежном выражении 1,3 миллиона фунтов стерлингов, что составляло 41 процент стоимости всего экспорта. Средний объем экспорта в 1920—1929 годах превышал 30 тысяч тонн чистого олова и выражался в сумме свыше 5 миллионов фунтов стерлингов, то есть составлял 73,8 процента всего экспорта. Это означало, что Прометей Анд сменил свои цепи. Теперь у него появились оловянные цепи, приковывающие его к империалистическим монополиям и препятствующие его освобождению.

«Необходимо пояснить, что приведенный выше процент не отражает полной картины изменения экономики, поскольку остальные 20 процентов экспорта также приходится на продукцию горной промышленности, состоящую из концентратов металлических руд второстепенного для Боливии значения, таких, как серебро, вольфрам, сурьма, свинец, медь, цинк и т. д., цена на которые в военное время резко поднимается. Остальная часть экспорта страны, средний объем которой за последние 25 лет колеблется от 2 до 5 процентов, покрывается продукцией земледелия и животноводства, такой, как кока, орехи, каучук, кожи, крупный рогатый скот,

* Цифры даны в пересчете на тонны чистого олова. В Боливии нет оловоплавильных печей, и она вывозит не чистое олово, а руду-концентрат, которая переплавляется в металл на предприятиях США, Англии и других капиталистических стран.— *Прим. ред.*

стоимость которых большей частью не регистрируется таможенными»¹.

Боливия заняла второе место в мировом производстве олова. Однако это приносит выгоды не стране, а лишь кучке его покупателей и англо-американским банкирам и содействует образованию немногих частных состояний, которые переправляют за границу. Таким образом, столь крайняя специализация производства, до которой дошла Боливия, занимаясь разработкой месторождений оловянной руды, и которая составляет полувековую историю ее экономического развития, не отвечает и не может отвечать ее национальным интересам. Наоборот, такое одностороннее направление экономики способствует усилению зависимости страны, поскольку, закупая оловянную руду, империализм держит в своих руках контроль над национальными финансами и системой кредита, рынком и самим производством, средствами транспорта и связи, иными словами, над всей боливийской экономикой. А это значит, что империализм осуществляет контроль и над армией, над национальной культурой и политикой. Неизбежным следствием односторонней специализации экономики страны на производстве оловянной руды является сохранение форм собственности и социальных отношений в деревне в том виде, в каком они были унаследованы от периода колонии, потому что именно в деревне находится источник дешевой рабочей силы для горнорудного производства. В то же самое время обрабатывающая промышленность едва-едва стала пробиваться на свет во втором десятилетии нашего века, когда начали появляться единичные предприятия по производству товаров широкого потребления.

С развитием добычи оловянной руды и включением в систему мировой экономики Боливия целиком превратилась в страну с экспортной экономикой, зависимой вначале от английского, а затем от североамериканского империализма, что повлекло за собой ее экономическую, культурную и политическую отсталость. Боливия, до 1908 года не имевшая внешних долгов, стала страной-должником. В 1908 году Боливия заключила с

¹ R. Ruiz González, *La Economía Boliviana y el Comercio Exterior* (опубликовано университетом Оруро в 1956 году).

«Дж. П. Морган энд компани» контракт на предоставление ей займа в сумме 500 тысяч фунтов стерлингов для стабилизации обменного курса и принятия золотого стандарта. В 1910 году она получила заем от Франции в сумме 1500 тысяч фунтов стерлингов для создания Национального банка. В 1913 году — заем от компании «Кредит Мобильер» в сумме одного миллиона фунтов стерлингов на строительство железнодорожной линии Аточа — Ла Киака. В 1917 году получает заем от «Чандлер энд компани» и «Экитэйбл траст компани оф Нью-Йорк» в сумме 2400 тысяч долларов для строительства железной дороги на Юнгас. В 1920 году Боливия получила заем от США в размере 2253 тысячи долларов для строительства фирмой «Уллен контрактинг корпорейшн» канализационной системы в городах Ла-Пас и Кочабамба¹.

Затем был получен еще ряд займов, и все на условиях 5,6 и 8 процентов с предоставлением уступок экономического и политического характера, противоречащих национальным интересам. Боливия оказалась опутанной финансовыми сетями империализма и обязательствами, выгодными монополиям, подчиненной диктату соответствующих метрополий. Ее судьба, как и судьба всех латиноамериканских стран, решается и по сей день в Нью-Йорке, Лондоне или Париже.

В то же время с начала XX века рабочие на рудниках начинают борьбу против неслыханных условий жизни и труда. До этого на трудящихся смотрели как на скотов или орудия, которые «создают богатства ценою своего здоровья и жизни, здоровья и жизни своих близких»². Единственная власть на рудниках — это их владельцы и управляющие. Единственный закон — «внутренние регламенты» предприятий, выработанные самими хозяевами. Единственное побуждение, которым руководствуются хозяева, и единственная их цель — максимальная эксплуатация рабочих и наибольшая выработка рудников. Никаких зачатков социального законодательства не существовало. Государство стояло в стороне от горнорудной промышленности, оно не требовало даже

¹ См. ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

² Доклад Ремберто Каприлеса Рико, «Boletín del Ministerio del Trabajo y P. S.», № 1, 1937.

права на свою долю в богатствах, которые создавались трудом рабочих, затрачиваемым на разработку природных ресурсов страны.

Рудники Уанчака, на которых, помимо боливийцев, работали иностранные рабочие, в частности чилийцы, явились колыбелью борьбы рабочего класса. Здесь ничего не делалось для обеспечения минимальной безопасности труда, поэтому в 1905 году появившиеся отравляющие рудничные газы привели к катастрофе. Многие семьи рабочих потеряли кормильцев. В качестве компенсаций предприятие выплатило этим семьям жалкие гроши, названные «похоронными». В связи с катастрофой рабочие потребовали обеспечения безопасности труда, но это требование оказалось безрезультатным. В следующем году новая катастрофа на рудниках Пулякайо потрясла всех трудящихся страны. На их требования также не обратили внимания. Трудящиеся тогда не были организованы. Поэтому, когда спустя несколько лет рабочие компании «Уанчака» потребовали увеличения заработной платы и пригрозили забастовкой, компания легко расправилась с этим движением с помощью полиции и путем применения систем *апалеаменто* *, к которым хозяева в то время часто прибегали, путем увольнений и другого рода унижительных притеснений.

Ясно, что в таких условиях нельзя было найти решение экономических, социальных и политических проблем страны, исходя из господствовавшей в то время индивидуалистической концепции либерализма.

Если либерализм считает основой экономического порядка частную собственность и «свободу» предпринимательской деятельности, найма и обмена, а основой политического порядка — личную свободу, всеобщее избирательное право, парламентарную систему и т. д., то совершенно очевидно, что в результате установления господства империализма эти «права» и «свободы» предстают без прикрас, оказываясь простой фикцией. Поэтому возникает необходимость придать этим правам и свободам новое национальное и демократическое содержание, избавив их от анахронического индивидуа-

* Буквально: избивание палкой. — Прим. перев.

лизма, и тем самым дать толчок развитию национальной экономики, содействовать сохранению государственной независимости и облегчению положения трудящихся масс. Но именно этого-то и не делают политические представители правящих горнорудных магнатов.

Тем не менее мы должны отметить значение либерализма, духом которого прониклись некоторые политические партии, называвшиеся по-разному, в частности либеральная партия, находившаяся у власти 21 год, вплоть до 1920 года. В период ее правления были проведены некоторые важные мероприятия, хотя, если принять во внимание конкретные условия того времени, они отрицательно сказались на государственной независимости. Мероприятия эти, как и все явления вообще, имели две стороны — положительную и отрицательную. Так, например, правительство либералов дало новое направление развитию национальной экономики, оторванной до этого от мировой торговли и финансов, и в то же время передало страну под контроль финансового капитала и, как это ни парадоксально, отказалось от права Боливии на выход к Тихому океану; были приняты меры для лучшей организации административного аппарата, открыт ряд начальных и средних школ и педагогических училищ — правда, число неграмотных составляло в это время 80 процентов населения, — было введено светское образование, и одновременно насаждался политический фаворитизм, пагубный для воспитания и культурного формирования молодежи; огромное большинство населения, индейцы, находилось в бесправном положении, любое проявление их протеста против феодальной эксплуатации или частых сгонов с общинных земель жестоко подавлялось; примером могут служить случаи в Сонго и Чальяна и с общиной Тарако; правительство расширило телеграфную сеть и создало организованную армию, но превратило военных в привилегированную антинародную касту, обученную по прусскому образцу, поставило ее на службу не нации, а горнорудным магнатам, практически английскому империализму. Программный постулат либеральной партии — поддерживать тесные и взаимовыгодные отношения со всеми странами мира без подчинения какой-либо из них — оказался простой словесной декларацией, поскольку правительство проводило политику все большего подчинения страны интересам

английских и североамериканских монополий. В то же время оно проводило фискальную политику, угодную крупным горнопромышленникам, которые наживали колоссальные состояния и переводили их за границу, оставляя жалкие подачки государству, лохмотья, нищету и туберкулез рабочим — подлинным создателям этих богатств. Такая политика, естественно, вела к возникновению бюрократической олигархии, сохранявшейся, несмотря на смену правительств, и состоявшей из одних и тех же лиц, занимавших должности то в парламенте, то на дипломатической службе, то в высших кругах государственной администрации.

Проникновение империализма США и влияние Великой Октябрьской социалистической революции

Два события сделали возможным еще большее проникновение североамериканского империализма в страны Латинской Америки — открытие Панамского канала и первая мировая война. До этой войны США уже были первой капиталистической державой мира, Германия была первой в Европе и второй в мире, далее шла Англия, затем Франция и, наконец, Япония. Германский империализм начал проводить колониальную политику, когда другие державы уже захватили колонии. Отношения между империалистическими странами обострились, и вспыхнула мировая война. В результате войны германский империализм потерял важные экономические и территориальные позиции. В это время промышленное производство Англии переживало застой. Британское монархическое государство все больше стало приобретать паразитический характер, превращаясь в государство-рантье. Англия жила на средства, получаемые из колоний, от процентов на свои вложения за границей. Ее промышленное производство, торговля, ее конкурентная способность на мировом рынке снизились. Между тем продукция США стала проникать даже на рынки самой Британской империи. Это предопределило вытеснение Англии Соединенными Штатами со многих важных позиций, хотя по вывозу капиталов она продолжала преобладать в Африке, Азии, Австралии, Бразилии и Аргентине.

В 1914 году объем вложений английского капитала в Латинской Америке достигал 50 процентов, североамериканского — около 26, французского — 14 и германского — 10 процентов. Но во время войны империализм США начал завоевывать позиции в Латинской Америке. Американские империалисты нажились на войне и увеличили свое производство до такой степени, что в 1925 году объем произведенной в США продукции достигал объема продукции Германии, Англии и Франции, вместе взятых. Империализм США занял господствующие позиции по сравнению с другими державами и начал играть решающую роль в мировой экономике. Североамериканские монополии стали загрэбать огромные прибыли уже во время первой мировой войны, в которую США вступили лишь в апреле 1917 года после периода «нейтралитета», сохранявшегося ими по требованию тех же монополий. Политика нейтралитета позволяла США поставлять в страны Антанты огромные количества военных материалов и наживать на этих поставках колоссальные прибыли. Но жадность монополий не имеет границ, и перед концом войны они начали оказывать давление на свое правительство, требуя от него вступления в войну, с тем чтобы извлечь в сложившейся ситуации еще больше выгод. А. Шарапов отмечает, что «в 1916—1918 годах среднегодовые доходы капиталистических корпораций превышали доходы 1912—1914 годов на 4800 миллионов долларов»¹.

В период войны 1914—1918 годов экспорт Боливии составлял в среднем 120 572 240 фунтов стерлингов, импорт — 32 380 142 фунта стерлингов. Экспорт олова составлял в среднем 68 977 444 фунта стерлингов, в 1917 году — примерно 85 миллионов, а в 1918 году — около 129 миллионов; этот рост объясняется увеличением объема поставок и цен на мировом рынке. Поступления в боливийскую казну в виде пошлин с экспорта олова выражались в среднем в сумме всего лишь 3 747 498 фунтов стерлингов². Налоги на горнодобывающую промышленность неизменно поддерживаются на «низком уровне», в то время как «государственные расходы постоянно

¹ А. Шарапов, Военные прибыли американских монополий, «Новое время», 1947, № 40, стр. 9.

² См. E. López Rivas, Esquema de la Historia Económica de Bolivia.

превосходят поступления, причем не происходит никакого увеличения вложений с целью воспроизводства. До 1920 года налоги на горнорудную промышленность ограничивались практически таможенными сборами с экспорта ее продукции. Существовали, правда, некоторые другие сборы, однако размеры их были совершенно незначительны»¹.

Следует также отметить, что средний курс фунта стерлингов по отношению к национальной денежной единице боливиано в данный период составлял 1:13,5; в 1915 году это соотношение изменилось в пропорции 1:15,12 и в 1918 году — 1:11,57². В этот же период увеличивается экспорт вольфрама, сурьмы, меди, висмута, свинца и т. д. Происходит, таким образом, подъем горнорудного производства, начавшийся в первом десятилетии нашего века и продолжавшийся с некоторыми колебаниями до 1929 года — года наибольшего экспорта оловянной руды в экономической истории Боливии. Но, как уже было выше сказано, этот подъем никогда не приносил выгод стране, растущие потребности которой не могли быть удовлетворены.

Сам министр финансов Техада Сорсано, отвечая на запрос в сенате в сентябре 1919 года, раскрыл это драматическое положение. Боливия, заявил он, была не в состоянии оплачивать в годы войны «свои административные расходы», и накопленный дефицит покрывается «за счет увеличения национального долга на 13 миллионов боливиано». Он предупредил сенат о срочной необходимости изменить финансовую систему, чтобы получить необходимые средства на оплату «текущих расходов страны». Налоговая система, «основывающаяся почти исключительно на поступлениях с обложений потребительских товаров», оставляет «капиталистов и крупных промышленников почти свободными от уплаты государственных налогов».

Касаясь положения трудящихся, министр сказал: «Боливийские трудящиеся, чьи жизни поглощает работа в рудниках, отдадут в распоряжение предпринимателей все свои профессиональные навыки, которые были на-

¹ ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

² См. E. López Rivas, Esquema de la Historia Económica de Bolivia.

сильственно привиты им посредством принудительной системы труда — миты во времена колонии и с тех пор наследуются по традиции каждым новым поколением...

Я был просто поражен, узнав, что в наше время, в XX веке, например на рудниках Колькечака, в полную силу действует система двадцатичетырехчасовой миты, когда рабочий обязан трудиться в забое целые сутки с отдыхом на следующий день... Как мы заметили, все рабочие в этом районе очень молоды, потому что тот, кто работает в этих тяжелейших, бесчеловечных условиях долго не живет». Рабочая семья из пяти человек, добавил министр, получает в год 1500 боливиано, которые уходят на продукты питания и одежду, «в основном импортные»; таким образом, расходуя всю свою заработную плату на приобретение продуктов и товаров первой необходимости, рабочий «отдает государственной казне не менее 40 процентов всего заработка», в то время как капиталисты «почти совершенно освобождены от налогов». «Я не сомневаюсь и никогда не посмел бы сомневаться в том,— сказал далее министр,— что тот, кто благодаря своей предприимчивости или таланту получает высокое вознаграждение за свой труд, имеет право защищать этот доход... Но единственное, о чем мы просим,— это то, чтобы при такой защите применялись законные методы и чтобы при этом каждый человек исходил из необходимости участвовать в деле удовлетворения нужд страны сообразно тому, что ему дает занимаемое положение, сохранение которого ему гарантирует нация»¹.

Еще президент Монте в своем послании в 1917 году заявлял, что «от импорта стоимостью 31 миллион [фунтов стерлингов.— *Перев.*] в государственную казну поступило 5 миллионов в качестве таможенного налога, то есть пошлина составляла в среднем 16 процентов. И, наоборот, от экспорта, составлявшего 101 миллион, в государственную казну поступило всего лишь 3 миллиона; иными словами, таможенные пошлины на экспорт не превышали 3 процентов. Если бы такая финансовая аномалия, выражающаяся в 16-процентных сборах с товаров народного потребления и в 3-процентных пошли-

¹ «Журнал финансово-экономического факультета университета в Оруро», № 1, 1951.

нах на богатства владельцев рудников, в какой-то мере компенсировалась за счет налогов на прибыли промышленников, то не о чем было бы и говорить и государство не было бы столь бедным в то время, когда отдельные его граждане наживают огромные состояния»¹.

Так оценивали представители правительства либералов положение в стране в период до кризиса 1929 года. Но эти же самые представители, эти проводники политики крупных горнопромышленников, связанных с империалистическими интересами, в течение 21 года пребывания у власти допускали разграбление природных богатств страны и накопление частных состояний ценою пота и крови трудящихся. Только в годы войны компании получили прибылей «около 150 миллионов боливиано в твердой валюте, тогда как в государственную казну поступали жалкие крохи. Именно в этот период,— пишет В. Пас Эстенсоро,—росло состояние Патиньо»².

Для покрытия дефицита, который с 1900 года стал хроническим, правительства прибегали к внутренним займам, оплачиваемым таможенными бонами. Когда же эта возможность оказалась исчерпанной, они начинают брать внешние займы в империалистических странах — Англии, Франции и США, все более закабалая страну на будущее. После заключения контракта с компанией «Шпейер» — первой крупной пагубной для страны финансовой сделки — почти каждые три года Боливия стала получать иностранные займы; это продолжалось вплоть до 1920 года, когда либеральная партия в результате государственного переворота была отстранена от власти. В 1922 году была проведена самая крупная операция по займам, результатом которой явилась открытая передача контроля над национальной экономикой и финансами североамериканскому капиталу. В обеспечение погашения так называемого займа Николауса в размере 33 миллионов долларов на условиях 8 процентов годовых и сроком на 25 лет были заложены правительственные акции в Национальном банке и почти все поступления в государственную казну. Для оущест-

¹ См. Moisés Ascarrunz, El Partido Liberal en el Poder a través de los Mensajes Presidenciales.

² V. Paz Estenssoro, La Masacre de Catavi. Интерpellация палаты депутатов правительству в связи с событиями в Катави. Текущая сессия палаты депутатов 23 августа 1943 года.

вления контроля была создана постоянная финансовая комиссия с участием уполномоченных кредитора. В 1924 году компания Патиньо регистрируется в США, превращаясь в международную компанию с участием североамериканских акционеров. Она объединила под своим управлением четыре самые крупные компании в стране: «Патиньо майнс энд энтерпрайзиз консолидэйтед инкорпорэйтед», «Боливиан тин энд тунгстен майнс корпорейшн», «Компанья минера и агрикола Оплока де Боливиа» и «Сосьедад эмпреса эстаньо Арака». Почти сразу после превращения компании Патиньо в международную правительство заключило соглашение о получении нового займа от «Глин миллс энд компани» в размере 600 тысяч фунтов стерлингов. Налоги, которые должна была уплатить компания «Патиньо майнс», предполагалось использовать для погашения этого займа; однако банкиры поставили условие не повышать налогов на горнорудную промышленность. В 1927 году заключается новое соглашение, на этот раз с банкирами «Диллон Рид энд компани» (Нью-Йорк), о предоставлении ими займа в размере 14 миллионов долларов, а в 1928 и 1930 годах — займов в размере 23 миллионов и 2 миллионов долларов соответственно. «Кроме этих прямых займов, — констатирует ЭКЛА, — правительство выступает в качестве гаранта при получении займов частными фирмами; эти займы в конечном счете превращаются в государственную задолженность», то есть повторяется история со знаменитым контрактом с компанией «Шпейер».

Помимо компании «Патиньо майнс», в Боливии действуют компании «Хохшильд» и «Арамайо майнс». Но этим не ограничивается проникновение империализма США в Боливию.

После первой мировой войны важную роль в мировой политике начинает играть нефть. Борьба за нефть «потрясает империи и лихорадит республики... Нефть указывает новые пути в будущее». Империалистические державы прибирают к рукам нефтеносные районы, «чтобы осуществлять экономическую гегемонию... постоянно опираясь на свою военную мощь и действуя под вывеской «Стандард ойл» и «Ройял Датч Шелл»¹. Нефтяная

¹ Pedro Noiasco López, Bolivia e el Petróleo.

политика США в то время была четко определена в следующем заявлении директора горнорудного бюро Вана Маннинга: «Американцы ищут нефть за границей и руководствуются задачей: добывать все больше нефти в других странах».

По закону, принятому в декабре 1916 года, нефтяные месторождения в Боливии объявляются исключительной собственностью государства. Однако при последнем правительстве либеральной партии в феврале 1920 года это законоположение было отменено, и тотчас же национальные и иностранные фирмы подали заявки на концессии общей площадью свыше 10 миллионов гектаров земли. Американская фирма «Ричмонд Ливеринг компани» уже через четыре дня после снятия ограничения прибрала к рукам миллион гектаров; вслед за нею Хакобо Бакус получил также миллион гектаров и еще четыре частные фирмы — 355 тысяч гектаров, всего 2355 тысяч гектаров.

В 1922 году концессии «Ричмонд Ливеринг компани» и других фирм при посредстве Уильяма Брэдена перешли к «Стандард ойл», что противоречило положениям контракта, подписанного «Ричмонд Ливеринг компани» с правительством Боливии.

«Стандард ойл» — самый крупный нефтяной трест мира, который, как отмечает Виктор Перло, еще с 1870 года фактически монополизировал нефтяную промышленность США и «почти полностью господствует в нефтяной промышленности капиталистического мира, как и в самих Соединенных Штатах», — дает обязательство выплачивать боливийскому правительству отчисления в размере 11 процентов с добываемой нефти, бензина и т. д. и налог в размере от 2,5 до 50 сентаво за гектар территории концессии начиная с седьмого года после начала эксплуатации.

По данным самой компании, в 1925 году добыча нефти составляла менее 500 куб. м. Однако достоверно известно, что в этом году нефти было добыто значительно больше. Оказывается, что добытая нефть тайно вывозилась в Аргентину, что позже было разоблачено и в Боливии и в Аргентине. Таким образом, «Стандард ойл» не только прибегает к обману в части, касающейся выплаты отчислений и налога, но и грабит боливийскую нефть, тайно ее экспортируя. Правительство от-

носило ко всем махинациям «Стандард ойл» столь снисходительно, что президент Эрнандо Силес, например, отдал распоряжение об оплате патентов начиная лишь с 1 января 1930 года. Мы уже не говорим о бездеятельности правительства в связи с разоблачением тайного экспорта нефти. Обвинения в тайном вывозе нефти раздавались и в аргентинском парламенте, что было сделано, несомненно, не без участия английских капиталистов, которые в тот период стремились закрыть доступ в Аргентину капиталам США, так же как и США закрывали английскому капиталу доступ в Боливию.

Общая добыча нефти в 1930 году несколько превышала 9 тысяч куб. м. В 1935 году добыча составляла 26 тысяч куб. м, а в 1936 году снизилась до 16 тысяч. Между 1922 и 1930 годами «Стандард ойл» пробурила 12 продуктивных скважин. Эти работы были приостановлены в связи с войной в Чако и возникшей опасностью аннулирования концессий, предоставленных упомянутой компании (по данным ЭКЛА).

Деятельность «Стандард ойл» в Боливии далеко не удовлетворяла в то время потребности страны в нефти и нефтепродуктах.

С 1925 по 1930 год Боливия уплатила «Стандард ойл» за нефть и нефтепродукты, импортировавшиеся из Перу, более 30 миллионов золотых боливиано. (В 1926 году один фунт стерлингов обменивался на 13,71 боливиано, в 1930 году — на 13,51 боливиано.)

Несомненно, для «Стандард ойл» концессии в Боливии были чрезвычайно прибыльным делом: во-первых, она обманным путем уклонялась от уплаты налогов и отчислений; во-вторых, тайно экспортировала боливийскую нефть; в-третьих, продавала Боливии перуанскую нефть; в-четвертых, получала с Боливии плату в качестве возмещения за передачу ей материалов об исследовании ее территории и за составление географических карт (в размере 1750 тысяч долларов в период правления президента Пеньяранда в 1940—1943 годы). «Стандард ойл» несла в огромной степени ответственность за провоцирование войны в Чако.

Положение рабочего класса в этот период вплоть до кризиса 1929 года оставалось без изменений. Большинство рабочих были заняты на опасных и изнурительных

работах в рудниках, остальные работали на железных дорогах, на городском строительстве; стал появляться фабричный пролетариат. В городах продолжало преобладать ремесленное и кустарное производство. Крестьяне, как прежде, находились в цепях крепостничества; с ними жестоко расправлялись, если они как-либо выражали протест против гнета латифундистов и гамоналов, как это было, например, в Хесус де Мачака. Общины подвергались постоянным притеснениям, лишённые какой-нибудь защиты. Положение индейцев было совершенно бесправным. Они жили в условиях самой дикой нищеты, в унижении и невежестве.

Тот же министр финансов заявлял на упоминавшемся выше заседании палаты депутатов, что рабочих-горняков не только нещадно эксплуатируют на рудниках, но и грабят в лавках, принадлежащих хозяевам рудников. Крупные горнопромышленники, говорил министр, «ставят горняков в такое положение, что они неизбежно подвергаются эксплуатации в хозяйских лавках, оказываясь не в состоянии защитить себя: горнопромышленники не только удерживают заработную плату на низком, неизменном или почти неизменном уровне, как бы высоко ни подымалась продажная цена экспортируемого продукта и как бы быстро ни возрастали их прибыли, но и прилагают все усилия и всю свою ловкость, чтобы обменный курс изменился в ущерб рабочему, дав тем самым новую возможность для обогащения, поскольку с ухудшением обменного курса повышаются цены на товары первой необходимости...»

Рабочий класс на рудниках численно рос. Конечно, крупные компании, такие, как «Патиньо майнс», делали кое-что для улучшения технических условий эксплуатации рудников; но поистине удивительным является то, что вплоть до 1924 года не существовало никакого законодательства о труде.

Если первая мировая война оказала глубокое влияние на Боливию и на всю Латинскую Америку в связи со стремительным проникновением империализма США в эту зону, то другое событие всемирно-исторического значения, а именно Великая Октябрьская социалистическая революция, было воспринято в Латинской Америке, как и во всем мире, как радостный предвестник надежды и свободы.

Октябрьская революция изменила направление исторического развития. Она вырвала из системы империализма шестую часть земного шара. С ее победой устанавливается социалистический строй в Союзе Советских Социалистических Республик под руководством Коммунистической партии, представляющей рабочий класс и все народы Советского Союза.

Еще в 1845 году американские рабовладельцы толкают правительство своей страны на захват мексиканской территории Техаса, они организуют вооруженную интервенцию и навязывают грабительские договоры в своих экспансионистских целях таким странам, как Панама, Куба, Коста-Рика, Доминиканская Республика; укрепляют свое господствующее положение в деле эксплуатации полезных ископаемых и нефти в Боливии, Венесуэле и Чили; устанавливают, наконец, почти полный контроль над внешней торговлей и внутренними рынками всех латиноамериканских стран, навязывая им с этой целью военные диктатуры и правительства своих ставленников. Но в рабочем и народном движении, в демократическом движении латиноамериканских народов происходят под влиянием Октябрьской социалистической революции исторические изменения. Во многих странах возникают профсоюзные организации рабочих, а уже существовавшие организации, которые, как, например, в Аргентине, находились под анархистским влиянием, привнесенным испанскими эмигрантами, расширяют свои ряды.

Это в значительной мере изменяет характер социальной борьбы. В различных странах возникают коммунистические партии, что придает новые черты политической борьбе в Латинской Америке.

Социалистические партии, уже существовавшие к этому времени в различных странах континента, переживают кризис под влиянием Октябрьской социалистической революции, уступая место в отдельных странах коммунистическим партиям. Социалистические партии других стран, состоявшие в основном из представителей рабочего класса, просто преобразуются в коммунистические. Так было, например, в Чили.

В социалистической партии Аргентины, руководство которой оказалось в руках оппортунистов, возникло течение в защиту марксизма, объединявшее силы, проти-

востоящие ревизионистам типа Хусто, Репетто, Де Томасо, Дикмана и других¹. Октябрьская революция, несомненно, способствовала обострению этих идеологических противоречий, что привело к созданию Коммунистической партии Аргентины.

Писатели, профессора, преподаватели и студенты университетов начинают мощное движение за университетскую реформу, требуя поставить высшее образование в Латинской Америке на новые основы, добиться устранения официального контроля, расширения форм и средств распространения культуры, введения новых систем и методов преподавания. Это движение за автономию началось в университете Кордобы в 1918 году. В Боливии борьба за университетскую реформу началась спустя десять лет, в 1928 году, и завершилась победой в 1930 году, когда был создан Национальный совет по образованию.

Борьба боливийских рабочих за удовлетворение своих требований усиливается и расширяется. В годы, последовавшие за Октябрьской социалистической революцией, она приобретает широкий размах. Международные события, связанные с Великой Октябрьской социалистической революцией, ее влияние на мировое рабочее движение и внутривосточное положение в самой Боливии побуждают политические партии либерального толка, как, например, республиканско-социалистическую партию, пришедшую к власти в 1920 году в результате государственного переворота, несколько подновить свои программы и, в частности, уделить внимание проблеме отношений между хозяевами и рабочими.

В 1924 году правительство издало первые законы о труде, сохранив, однако, в основном неизменным политический курс, отвечавший интересам горнорудных компаний, латифундистов, торговцев-импортеров и бюрократической верхушки, то есть всех тех кругов, которые были связаны с монополиями США.

Следует сказать, что, несмотря на некоторые предпринимавшиеся в 1925 году попытки, в Боливии не удалось создать тогда коммунистическую партию. Однако почти во всех крупных городах республики возникают в этот период не связанные друг с другом группы «ле-

¹ См. В. Кодовилья, Статьи и речи, М., ИЛ, 1957.

вых», в состав которых входят представители интеллигенции, преподаватели и студенты университетов, рабочие.

Влияние на Боливию кризиса 1929—1933 годов и второй мировой войны

В этих условиях произошло событие международного значения, которое потрясло экономику латиноамериканских стран и повлекло за собой серьезные социальные и политические последствия. Этим событием явился мировой экономический кризис 1929—1933 годов, пошатнувший устои капитализма. Центром этого кризиса явились Соединенные Штаты Америки, капиталовложения которых в Латинской Америке увеличились между 1920 и 1930 годами более чем на 3 миллиарда долларов, в то время как Англия и Франция по причинам, обусловленным первой мировой войной, сохраняли более или менее неизменным количество своих капиталовложений за границей¹. В Боливии этот кризис проявился в падении цен на горнорудную продукцию и сокращении экспорта руды, в первую очередь оловянной, в массовой безработице, инфляции, банкротстве, в финансовом крахе, в политической и административной неустойчивости, тревоге и озабоченности трудящихся масс, готовых поддержать любую смену правительства.

Экспорт оловянной руды по сравнению с предшествующими годами сокращается в угрожающих размерах. Если в 1929 году он превышал 47 тысяч тонн, то в период с 1930 по 1939 год он составлял в среднем всего 26 042 тонны ежегодно, то есть немногим больше половины количества, вывезенного в 1929 году. В 1933 году экспорт руды упал до 14 957 тонн, то есть не достиг и одной трети экспорта 1929 года. То же самое происходит и с ценою. Если в 1929 году фунт чистого олова стоил 45,155 цента, то в 1932 году — всего лишь 22,017 цента, то есть меньше половины цены 1929 года. «Стоимость, выраженная в постоянных ценах, — отмечает ЭКЛА, — была неизменно ниже, чем в 1927—1929 годах».

¹ См. Walter M. Beveraggi Allende, *Impacto de las Inversiones en América Latina*. Trimestre Económico, enero — marzo de 1953, № 1, México.

Капиталовложение в горнорудное производство также уменьшается. Компании заботятся лишь о «сохранении» имеющегося оборудования. Весьма красноречивым в этом отношении является следующее заявление постоянной комиссии финансового контроля: «Общая сумма капиталовложений, сделанных ныне действующими в стране горнорудными компаниями, достигла в 1926 году 370 808 015 боливиано. Общая сумма прибылей, согласно балансам за указанный год, составила 29 986 081 боливиано; убытки, понесенные некоторыми предприятиями, равняются 3 108 440 боливиано, чистая прибыль выражается, таким образом, цифрой 26 877 641 боливиано. Однако эти деньги не пошли на увеличение богатства страны, а большей частью должны были быть переведены за границу для выплаты дивидендов»¹. Такова характерная черта горнорудной экономики Боливии, проявляющаяся в течение всей истории ее развития.

Налоги, которыми облагался экспорт в период с 1930 по 1935 год, составляли в среднем всего лишь 5,7 процента его стоимости, а в 1931 году — 3,2 процента. Это означает, что государственная казна получала жалкие гроши, в то время как огромные капиталы беспрепятственно переводились за границу.

Падение цен и объема экспорта главного экспортного продукта Боливии вызывает экономический упадок, так же как повышение цен и увеличение объема экспорта приводит к относительному благополучию. Это, несомненно, обусловлено тесной зависимостью национальной экономики от мирового рынка. Положение Боливии определяется жестокой альтернативой, выраженной экономистами Олсоном и Хикманом в лаконичной фразе: «Экспортировать или умереть»². Именно поэтому в период кризиса Боливия вынуждена была значительно сократить импорт. Уменьшение импорта сопровождается отказом от золотого стандарта на основе фунта стерлингов, к которому тогда была привязана денежная единица в Боливии, а это повлекло за собой возникновение целого ряда проблем с обменом валюты. В результате фи-

¹ ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

² Paul R. Olson. C. Addison Hickman. *Economía Internacional Latinoamericana*.

нансовая политика начинает переживать период блуждания, оказываясь не в состоянии устранить причины резкой и постоянной неустойчивости в области экономики и финансов. Так продолжалось до тех пор, пока в 1932 году не была установлена в качестве защитной меры, вызванной нехваткой валюты, система контроля валютного обмена. Такой контроль, однако, оказался недостаточной мерой, поскольку его осуществление зависело от крупных горнопромышленников и торговцев импортеров.

До кризиса цены на олово и его экспорт не контролировались, но в 1932 году в связи с падением спроса был организован международный комитет по олову с участием стран-производителей для «регулирования его производства, потребления и защиты цен». Боливии была определена экспортная квота в размере 34 260 тонн, что составляло 23,66 процента мирового производства. В 1934 году Боливия одобряет решение о создании «резервного фонда»*, который в следующем, 1935 году ликвидируется в связи с увеличением спроса на олово. В 1938 году, когда вновь наметился спад производства в промышленности капиталистических стран, создается второй «резервный фонд» с участием Боливии, Французского Индокитая, Малайи, Нигерии, Голландской Индии, Сиамы и Бельгийского Конго. Однако прекращение спада промышленного производства в капиталистическом мире, вызванное началом второй мировой войны, привело к ликвидации и этого «фонда» с целью его «включения в государственные запасы металлов»¹.

Характерная особенность горнорудного производства зависимой страны состоит в том, что кризисы вызывают падение цен и объема экспорта олова (речь идет о Боливии) и, наоборот, способствуют увеличению объема экспорта драгоценных металлов. Так, в 1929 году драгоценные металлы составляли 6,94 процента всего экспорта, в 1933 году — 10,87 процента, а в 1935 году — уже

▼ * Речь идет о создании резервных запасов олова с целью воспрепятствовать понижению цены на него на мировом рынке.— *Прим. ред.*

¹ Gualberto Perdazas, *Producción y Comercialización en el Problema Minero de Bolivia*. Доклад, прочитанный в университете Потоси.

14,02 процента¹. В годы второй мировой войны вывоз минералов достигает больших размеров, составляя в среднем 94 процента экспорта, в то время как доля драгоценных металлов в экспорте была относительно низкой — всего 4,5 процента².

Сокращение импортных возможностей вызывает изменения в структуре национальной экономики: начинается рост промышленного производства. Еще в двадцатых годах появляются предприятия по производству пива, текстильные фабрики и цементные заводы. Однако настоящий промышленный подъем происходит в тридцатых годах, чему благоприятствуют дифференциальный обменный курс и соответствующая протекционистская политика. В этом десятилетии формируется фабричный пролетариат, в связи с чем заметно изменяется состав городского населения, а это, несомненно, имеет важное политическое и социальное значение.

Внутриполитическим следствием кризиса 1929 года явился государственный переворот, организованный в 1930 году «оловянными баронами» под предлогом защиты конституции в связи с тем, что тогдашний президент, Эрнандо Силес, намеревался продлить свое пребывание у власти. Подлинной причиной переворота было, однако, предполагавшееся повышение налогов на горнодобывающую промышленность в связи с плачевным финансовым положением. Военная хунта, захватившая власть, стремясь отвлечь народ от борьбы за удовлетворение его требований, объявила о проведении референдума для одобрения университетской автономии и о создании Национального совета по образованию. Она назначила выборы в парламент и практически подготовила приход к власти так называемой Подлинной республиканской партии, отражавшей интересы латифундистов и горнопромышленников.

Социальные и политические потрясения, вызванные кризисом, привели к аналогичным результатам во всех странах континента: в Аргентине лидера партии Гражданско-радикальный союз, Иригойена, сменяют у власти самые реакционные силы; в Доминиканской Республике

¹ См. R. Ruiz González, *La Economía y el Comercio Exterior*.

² Там же.

захватывает власть Р. Л. Трухильо, который при поддержке и покровительстве империализма США до сих пор* держит доминиканский народ в условиях жестокой тирании; в Гватемале «Юнайтед фрут компани» навязывает правление Хорхе Убико. Нечто подобное происходит в Гондурасе. В Никарагуа убивают генерала-демократа Аугусто Сесара Сандино, и США в третий раз осуществляют вооруженную интервенцию в эту страну.

Подобные события происходят и в ряде других стран. В целом кризис, начавшийся в США, нанес болезненный удар по экономическому, социальному и политическому положению латиноамериканских стран, обнажив со всей очевидностью их зависимость и отсталость. Другим следствием кризиса явилось возникновение братоубийственной войны между Боливией и Парагваем из-за принадлежности нефтеносных районов Чако. Мощные нефтяные тресты — «Ройял Датч Шелл», действовавший на стороне Парагвая и Аргентины, и «Стандард ойл», выступавший на стороне Боливии, — начали интригу с целью «прочно утвердиться в Чако».

По времени конфликт совпал с наиболее острым периодом кризиса, когда цены на олово и объем его экспорта были самыми низкими, когда реальные поступления в боливийскую казну и импортные возможности страны катастрофически сократились и когда правительство оказалось не в состоянии воздействовать на горнорудные компании. В самом деле, в связи с установлением контроля над обменом валюты было предложено передавать центральному банку в обязательном порядке 65 процентов валюты, поступающей от экспорта. Однако предприниматели воспротивились этому. Началось шатание финансовой политики. В соответствии с требованиями горнопромышленников один декрет заменяется другим. В конце концов устанавливается обменный курс, колеблющийся в пределах от 15 до 20 боливиано за фунт стерлингов в зависимости от цены на олово. Отчисление валюты, поступающей от экспорта, сокращается до 50 процентов. В этих условиях не могут покрываться расходы на ведение войны, на импорт продовольствия и одежды и т. д., и, чтобы выйти из создавшегося положения, правительство прибегает к использованию своих

* В 1961 году диктатор Р. Л. Трухильо был убит.— *Прим. ред.*

резервов за границей, уже сократившихся между 1932 и 1934 годами на 50 процентов, к займам в золоте и иностранной валюте, к займам у частных банков и горно-рудных компаний, увеличивает налоги на доходы от личных услуг, повышает налоги на торговлю и вводит новые специальные налоги (по данным ЭКЛА). Поскольку, однако, этих средств оказывается недостаточно, оно прибегает к займам Центрального банка. За период с 1932 по 1935 год эти займы составили 400 миллионов боливиано. Количество денег в обращении возрастает более чем в 10 раз: с 23 миллионов боливиано в конце 1931 года до 387 миллионов в конце 1935 года (по данным ЭКЛА). С другой стороны, курс фунтов стерлингов на свободном рынке в годы войны составлял 40—50 боливиано. Разница с официально установленным курсом 20 боливиано за фунт стерлингов породила колоссальную спекуляцию и способствовала появлению новых богачей, наживших состояния на горе и нищете народа.

Война в Чако потребовала не только экономических жертв от страны, она не только дала толчок инфляции, которая, постепенно возрастая, достигла в 1956 году головокружительных темпов,— она обескровила народ, усилила нищету и голод, сделала детей сиротами и облекла в траур тысячи семей; вместе с тем война вызвала уход крестьян из деревень. В армию было призвано большое число крестьян, многие из них после окончания войны предпочли не возвращаться в условия феодальной эксплуатации и остались в городах. Отчасти этим объясняется то, что наибольший индекс стоимости жизни приходится на жилье, одежду и продукты питания. Боливия дошла до того, что стала ввозить картофель из Голландии, чего никогда не случалось раньше. И, наконец, еще одним результатом войны в Чако явилось то, что Боливия вновь потеряла часть территории. При создании республики ее территория равнялась 2 342 981 кв. км, но после ряда последовательных ее урезываний в пользу Чили, Бразилии, Перу, Аргентины и Парагвая она сократилась до 1 098 581 кв. км.

Во время войны, пока на фронте шли бои, в Вильямонтесе в результате военного переворота был свергнут президент Саламанка. Народ иронически прозвал переворот «маленьким окружением в Вильямон-

тесе» *, намекая на неудачи военных на фронте и на эту их единственную «успешную» операцию. Во главе правительства был поставлен вице-президент республики Хосе Луис Техада Сорсано.

Положительное значение войны в Чако состояло в том, что она, подобно рентгеновским лучам, выявила и показала кровоточащие и гнойные язвы страны, на которую по милости правивших до этого традиционных партий — прислуживавших крупным горнорудным компаниям и латифундистам и проводивших политику подчинения страны североамериканским капиталистическим монополиям и передачи им национальных богатств — были надеты империализмом США тяжелые оловянные цепи. И не без основания опасались тогда возможной вспышки недовольства против политического прислужничества и возмутительного капитулянтства правящих кругов. Именно поэтому демобилизация армии проводилась с большой предосторожностью.

Некоторые молодые военные, разочарованные в связи с поражением в войне, создают ложи фашистского толка, приписывая себе «по велению providения» задачу ликвидировать традиционные партии, покончить с парламентаризмом, с муниципальными советами и другими атрибутами республиканской жизни и вместе с тем «убить» коммунистические идеи, зреющие в группах левых.

В обстановке тревожной социальной и политической жизни послевоенного периода начинают конкретно проявляться противоречия между нацией и империализмом, трудящимися и владельцами рудников, крестьянами и латифундистами, народом и правительством. Однако путаница и отчаяние среди масс, особенно в среде мелкой буржуазии, мешают им правильно разобраться в положении и, наоборот, облегчают демагогическую проповедь «националистов», а также «социалистов», которых позже стали именовать «независимыми» и «карманными социалистами». Целый ряд последовавших один за другим государственных переворотов и воен-

* Саламанка, намереваясь сменить командование армией, обвинявшее его в военных неудачах, направился на фронт, но в местечке Вильямонтес попал в ловушку, подготовленную военными, и 27 мая 1934 года был ими низложен.— *Прим. ред.*

ных мятежей отражает ожесточенную борьбу, происшедшую между крупными горнопромышленниками и латифундистами, с одной стороны, и недавно появившейся еще слабой промышленной буржуазией. Рабочие начинают приобретать в этот период классовое сознание, городская буржуазия занимает колеблющуюся позицию, переходя то на ту, то на другую сторону, между тем как крестьянство, составляющее большинство населения страны, стоит в стороне от политической борьбы.

Левые группы, разрозненные и изолированные друг от друга, добиваются некоторого влияния в рабочем движении, которое в тот период ставит в основном цель обеспечения занятости трудящихся и увеличения заработной платы. Эта борьба носит преимущественно экономический характер.

В результате государственного переворота к власти в стране приходит полковник Торо, для правительства которого характерны постоянные колебания. С одной стороны, под давлением широких народных масс правительство национализирует нефть и изгоняет в 1936 году из страны «Стандард ойл»*, с другой стороны, под давлением империализма оно проводит ряд антидемократических мероприятий, препятствующих политическому развитию страны. Противоречивые действия этого правительства, называвшегося «социалистическим», побуждают молодых офицеров, объединенных в ложах «Радепа»** и «Санта-Крус», произвести новый государственный переворот. К власти приходит тогдашний начальник генерального штаба полковник Буш, занявший президентское кресло в Паласис Кемадо***. Новый президент хотя и занимает твердую позицию в отношении «сверхгосударства горнопромышленников» — о чем свидетельствует издание 7 июня 1939 года декрета об обязательной передаче правительству всех 100 процентов валюты, поступающей от продажи горноруд-

* Декретом от 21 декабря 1936 года была создана Боливийская государственная нефтяная компания (ЯПФБ), декрет же о национализации залежей нефти и прекращении концессий был подписан 13 марта 1937 года.— *Прим. ред.*

** «Радепа» — сокращение от «Расон де ла патриа», то есть «разум родины». — *Прим. ред.*

*** Паласио Кемадо — дворец президента Боливии. — *Прим. ред.*

ной продукции, и принятие общего закона о труде, однако приостанавливает деятельность парламента, объявляет себя диктатором и после провозглашения довольно прогрессивной конституции 1938 года издает ряд декретов, направленных против коммунизма. Внезапная смерть Буша остается загадкой, несмотря на официальное сообщение о том, что он «покончил самоубийством». После Буша к власти пришел другой представитель военных, полностью восстановивший контроль над правительством со стороны компаний Патиньо, Хохшильда и Арамайо. В период пребывания у власти этого правительства началась в сентябре 1939 года вторая мировая война.

Нахождение у власти после войны в Чако представителей военных кругов обусловило посылку ряда боливийских военных миссий в гитлеровскую Германию и фашистскую Италию, а также приглашение в Боливию военных и полицейских миссий из Италии. Эти факты, а также открытая пропагандистская деятельность германского посла в Боливии оказали решающее влияние на формирование фашистских групп. Известное влияние на развитие политических событий в стране оказали также мятеж фалангистов против Испанской Республики и приход к власти в Испании при поддержке Германии, Италии, США и Англии одной из самых жестоких и мрачных диктатур. Антидемократические, антикоммунистические, враждебные Советскому Союзу тенденции, дававшие о себе знать во всех министерствах иностранных дел капиталистического мира, способствовали благосклонному официальному отношению к фалангистскому мятежу в Испании и облегчали пропаганду агентов фалангизма, приезжавших из Испании.

Под влиянием фашистской пропаганды некоторые представители молодежи, ослепленные мишурой военных парадов и театральными жестами Гитлера и Муссолини, одурманенные нашептыванием франкистских духовников на исповедях, создали группу под названием Социальное действие, которая позже превратилась в партию Боливийская социалистическая фаланга.

При объяснении политической неустойчивости в стране после войны в Чако необходимо указать на некоторые факты, характеризующие методы вмешательства империализма в экономическую жизнь Боливии.

Так, в 1938—1939 годах капиталистическая экономика переживает депрессию, предопределившую падение цен и рост безработицы. Цены на олово в тот период регулировались законом спроса и предложения. Превышение предложения над спросом делало излишним вмешательство США с целью понизить цены. Они и без того были низкими. Однако нужды второй мировой войны, развязанной агрессивным германским империализмом, дали толчок к расширению производства промышленности США с соответствующим повышением спроса на сырье и ростом цен на него. Кроме того, увеличение спроса на олово было вызвано тем, что Малайя оказалась захваченной японцами. И, если бы в этих условиях на мировом рынке продолжал действовать закон свободной конкуренции, цена на олово должна была бы быть высокой. Но, для того чтобы воспрепятствовать этому, США осуществляют вмешательство, заставляя Боливию продавать им олово по низкой цене, замороженной на уровне 0,52 цента за фунт и совершенно не компенсирующей усилия и лишения боливийского народа. США настойчиво требуют от боливийского правительства выполнения обязательств, взятых им в Лиме и Гаване* и предусматривавших, в частности, ограничение демократических и профсоюзных свобод в качестве одной из форм «сотрудничества и континентальной взаимопомощи». Навязанную Боливии политику в отношении слова с предельной откровенностью сформулировала подкомиссия по делам вооруженных сил американского сената, заявив, что система квот «позволяет избежать неконтролируемого увеличения цен в период, пока не хватает олова».

Вторая мировая война закончилась в 1945 году разгромом фашизма и взятием Берлина Советской Армией.

* В декабре 1938 года в Лиме состоялась VIII Межамериканская конференция, на которой была принята так называемая Лимская декларация, подтвердившая принцип солидарности стран Западного полушария против агрессии. США стремились использовать военную угрозу со стороны держав «оси» для сколачивания под своей гегемонией военно-политического блока стран американского континента. На совещании министров иностранных дел американских республик в Гаване в июле 1940 года были предприняты дальнейшие шаги в этом направлении. Совещание одобрило так называемую «Декларацию о взаимной помощи и сотрудничестве американских наций в целях совместной обороны». — *Прим. ред.*

Однако вплоть до 1949 года система контроля цен продолжала существовать, усиливая экономическую, финансовую и политическую неустойчивость Боливии.

Такое положение, создавшееся в результате вмешательства США, влиявших на поступление в страну иностранной валюты из ее основного источника — экспорта руды, вызвало борьбу между крупными горнопромышленниками, защищавшими интересы империализма, и их союзниками латифундистами, с одной стороны, и зарождающейся еще слабой промышленной буржуазией и разрозненными, не имеющими правильной политической ориентации народными массами, — с другой. Эта борьба завершилась победой горнопромышленников, когда в результате государственного переворота к власти пришел генерал Кинтанилья — представитель «старой гвардии» военных. С занятием им президентского поста в стране восстанавливается абсолютное господство «сверхгосударства горнопромышленников» и создаются благоприятные условия для объединения традиционных партий* в коалицию под названием «Конкордансия» [буквально: согласие. — *Ред.*]. Выборы, контролировавшиеся президентским дворцом, принесли победу «предводителю» войны в Чако, генералу Пеньяранде.

Во время войны Боливия была главным поставщиком олова Соединенным Штатам Америки. США, требовавшие от Боливии тяжелой дани, никакой компенсации взамен не давали. В соответствии с соглашениями, подписанными в Лиме и Гаване, Боливии надлежало «выполнять обязательства по сотрудничеству и континентальной взаимопомощи: стимулировать производство минерального сырья и обеспечивать нормальную работу рудников». Правительство послушно выполняло это навязанное ему условие. Декретом от 12 декабря 1941 года оно запретило «всякий акт, который прямо или косвенно направлен на нарушение или временное прекращение производства минерального сырья». Декрет предусматривал «передачу под охрану вооруженных

* Традиционными партиями в Боливии называли либеральную и республиканскую партии. Последняя раскололась на «Подлинно республиканскую» и «Республиканскую социалистическую» партии. — *Прим. ред.*

сил страны рудников и разрабатывающихся нефтяных месторождений» и т. д. В связи с этим усиливается эксплуатация трудящихся, что не сопровождается каким-либо повышением заработной платы или улучшением медицинского обслуживания, жилищных условий, снабжения потребительскими товарами и социального обеспечения. Под прикрытием «сотрудничества и континентальной взаимопомощи» американские капиталистические монополии во много раз увеличивают свои прибыли, осуществляя безудержный грабег минеральных богатств Боливии путем ускоренной выработки самых богатых оловянных жил, и еще сильнее становится угнетение рабочего класса, который и так уже находился в крайне тяжелом положении.

В докладе, представленном министру труда в декабре 1939 года, по этому поводу сказано: «Положение горняка в Боливии просто трагическое. Он проживает вместе с пятью или большим количеством членов семьи в однокомнатной глинобитной лачуге, самой примитивной из всего, что только можно себе представить,— без окон и кроватей, с небелеными стенами и с земляным полом. В его жилище отсутствуют самые элементарные, необходимые гигиенические условия... Он сидит на *голодном пайке*. В день рабочий зарабатывает от 8 до 13 боливиано, которых никак не может хватить на питание семьи из 5 человек... Вероятность смертельных случаев на производстве, потери здоровья и трудоспособности у боливийского горняка выше, чем в какой-либо другой стране цивилизованного мира. Детская смертность в горняцких поселках также самая высокая в мире. 90 процентов горняков, проработавших более двух лет под землей, страдают пневмокониозом или туберкулезом, которые вызываются как *тяжелыми условиями труда, так и крайне плохим питанием и жилищными условиями*. Здоровье горняка подрывается также в результате неумеренного приема коки, этого наркотика, потребление которого, к сожалению, невозможно уменьшить, пока не станут более сносными и человеческими условия труда рабочего и пока не будет улучшено его питание...

Боливийский горняк чувствует себя пасынком родной земли... У него печальный опыт: если он жалуется или прибегает к помощи профсоюзной организации, то под-

вергается риску увольнения с работы, обрекающего его на полную нищету...»¹.

Такое нетерпимое положение явилось причиной забастовки «пустых горшков», начатой в 1938 году женами рабочих рудников Льяльягуа. Нищенское положение горняков ухудшилось в связи с началом второй мировой войны, так как они были поставлены в еще более тяжелые условия.

Автору настоящей работы довелось в 1939 году сотрудничать непосредственно с рабочими рудников «Патиньо майнс» в деле организации профсоюза горняков Льяльягуа, который в 1942 году вместе с профсоюзом разнорабочих Катави принял участие в самом крупном из известных до тех пор социальном конфликте. Конфликт возник в связи с расстрелом мирной демонстрации трудящихся, требовавших повышения заработной платы. Военские части, развернувшись в боевом порядке, стреляли по беззащитным детям, женщинам и мужчинам. Свыше ста убитых и сотни раненых — таков был результат решения правительства одним разом «проучить» рабочих, законные требования которых оно расценило как «подрывные действия против установленного порядка». Забастовка в Катави, получившая название «оловянной забастовки», по мнению правительства, «отвечала экстремистским политическим целям». Таким образом оно пыталось оправдать поступок, не имеющий никакого оправдания, — преступление против рабочих, совершенное правительством, находившимся в полном и безусловном подчинении у крупных горнопромышленников. И словно в насмешку, президенту, пребывавшему тогда у власти в Боливии, был присвоен в США титул почетного доктора права.

Нетрудно поэтому понять, что рабочие рудников питали все усиливающуюся ненависть к гринго*, которые служили управляющими, инженерами, мастерами на рудниках, ко всем североамериканцам, занимавшим руководящие должности. И, поскольку трудящиеся не

¹ См. Родольфо Померанс, Доклад комиссии, назначенной для инспектирования рудников, Бюллетень № 5. «Previsión Social». Официальная публикация министерства труда и социального обеспечения.

* Так презрительно называют в латиноамериканских странах американцев — *Прим. ред.*

имели сколько-нибудь четкой политической ориентации, они даже симпатизировали фашистской Германии — только потому, что она воевала против американцев.

Сороковые годы полны политическими и социальными волнениями. Не последним из них было побоище в Катави*. На политической арене страны появляется, кроме существующих традиционных партий с либеральной окраской, кроме фашистской Боливийской социалистической фаланги и троцкистской Революционной рабочей партии, ряд новых политических организаций. В частности, в июле 1940 года на «конгрессе левых» принимается решение о создании Лево-революционной партии (ЛРП), имеющей реформистские демократические тенденции. Эта партия сразу же получает боевое крещение, подвергаясь преследованиям и вооруженным нападениям со стороны молодых фалангистов при покровительстве министерства внутренних дел. Левая революционная партия сумела установить свой контроль над рабочим движением. Однако склонность к вождизму и мелкобуржуазные колебания, проявленные основными руководителями партии, резко ослабили эту важную политическую силу и привели в конце концов к ее ликвидации**. В 1941 году создается партия «Националистическое революционное движение» (НРД), испытавшая влияние германского национал-социализма. В этом же году потерпел поражение фашистский путч, в котором были непосредственно замешаны один из главных руководителей ложи «Санта-Крус» капитан Элиас Бельмонте и германский посол в Боливии.

Тяжелое положение страны, ухудшившееся в результате второй мировой войны, способствовало созданию обстановки, благоприятной для деятельности демагогов, спекулировавших на наиболее важных и неотложных политических и экономических проблемах. Этим воспользовались офицерские ложи и партия НРД для осуществления государственного переворота в 1943 году и установления нового военного режима. Государствен-

* В декабре 1942 года правительственные войска расстреляли мирную демонстрацию горняков Катави, требовавших повышения заработной платы.— *Прим. ред.*

** Левая революционная партия приняла решение о роспуске в 1952 году. Однако в 1956 году группа ее бывших руководителей во главе с Рикардо Анайя решила восстановить ЛРП.— *Прим. ред.*

ный переворот был с одобрением встречен трудящимися рудников, жертвами постоянных преследований и массовых расправ, которые устраивало свергнутое правительство. И совершенно прав В. Кодовилья, говоря, что «для фашистских движений во всех странах характерны спекуляция на наиболее животрепещущих социальных и политических проблемах, за разрешение которых борются массы, и попытки представить себя перед массами борцами против тех, кого они (фашисты) на деле защищают»¹. Правительство Гуальберто Вильяроэля, пользовавшееся поддержкой Боливийской социалистической фаланги, имело ту же политическую ориентацию, что и аргентинская ГОУ («Группа объединенных офицеров») и группа Мориниго в Парагвае.

Новое правительство пошло на некоторые уступки трудящимся и вместе с тем начало преследовать профсоюзных руководителей, членовлевой революционной партии. Оно предпринимало рассчитанные на внешний эффект действия, вроде похищения горнопромышленного магната Маурисио Хохшильда, применяло по фашистскому образцу пытки, организовывало преступные акты, вроде тех, что были совершены в Чуспипата*, и т. д. По требованию США оно арестовало германских и японских подданных и добилось, таким образом, международного признания.

Экономическая власть при этом по-прежнему находилась в руках крупных горнопромышленников, положение страны, как и раньше, зависело от жесткого диктата госдепартамента США. Неопровержимым доказательством этого является, например, тот факт, что миссия, направленная правительством накануне разгрома германского фашизма в Вашингтон для возобновления контракта по олову и достижения договоренности об установлении окупающихся цен, поставила этот вопрос таким образом, как если бы речь шла об одолжении со стороны хозяина; представители «Реконстракшн файнэнс корпорейшн» высокомерно и нагло заявили, что не могут тратить время на дискуссию о ценах, и боли-

¹ В. Кодовилья, Статьи и речи 1926—1956, М., 1957, стр. 143.

* Имеется в виду убийство в местечке Чуспипата в ноябре 1944 года, при правительстве Вильяроэля, политических противников тогдашнего режима.— *Прим. ред.*

вийские представители оказались перед выбором «принять или уехать». И, поскольку речь идет о правительстве, лишенном самостоятельности, ему не оставалось ничего другого, как «принять» новый контракт, условия которого были невыгодны для страны. Следует отметить, что себестоимость продукции в этот период увеличилась, несмотря на то что произошло снижение реальной заработной платы рабочих. Рост себестоимости был вызван в основном тем, что США продавали свои промышленные товары по высоким ценам, а это позволяло предпринимателям уклоняться от полного выполнения декрета от 3 апреля 1945 года об обязательной передаче правительству всей валюты, получаемой от экспорта горнорудной продукции. США покупали по низким ценам, а продавали по высоким. Само правительство партии НРД по этому поводу заявляло [после прихода к власти в 1952 году.—*Ред.*]: «...даже не от нас зависит, какое количество горнорудной продукции мы можем экспортировать, поскольку оно определяется международными соглашениями. Таким образом, общие поступления в страну валюты в долларах уменьшаются по двум причинам: из-за низких цен и обязательного, определяемого заранее объема экспорта. Такое положение усугубляется тем, что цены на промышленные товары, которые мы должны импортировать, не снижаются в той же пропорции»¹; наоборот, они постоянно продолжают расти.

В 1943—1946 годы правительство проявляло озабоченность положением крестьян, однако оно подошло к решению этой проблемы с совершенно идеалистических позиций. Правительство декретировало отмену понгеахе*, нисколько не затронув при этом полуфеодалные отношения в деревне; крепостная зависимость крестьянства продолжала, таким образом, оставаться в силе. Отмена понгеахе была самым заветным

¹ Walter Guevara Arze, Plan de Política Económica de la Revolución Nacional. В этой работе излагается план, подготовленный под руководством Вальтера Гевара Арсе в 1955 году, во время его пребывания на посту министра иностранных дел, и предназначенный исключительно для госдепартамента США, как это ясно следует из вступительной части упомянутой работы.

* Понгеахе — бесплатная работа крестьян на помещика по очереди в течение недели.— *Прим. ред.*

стремлением крестьян, но на практике оказалось, что декрет правительства не был осуществлен. В результате среди обнадеженного крестьянства возникло резкое недовольство и начались волнения, подавлявшиеся силой, как, например, в Канчас де Потоси.

В этот же период правительство Вильяроэля заявило о признании Советского Союза, хотя отношения с СССР и не были установлены, и объявило войну фашистской Германии. Между тем тяжелое экономическое, социальное и политическое положение явилось причиной частых забастовок рабочих, учителей, студентов, выдвигавших свои требования. Нападение на университет в городе Ла-Пас, преследования, высылка из страны и аресты создали крайне острую политическую ситуацию. Профсоюзное движение наталкивается на отсутствие демократических свобод. В этих условиях Левая революционная партия в союзе с традиционными партиями создает Антифашистский демократический фронт, носивший, по существу, путчистский характер. Поэтому хотя население Ла-Паса и подняло 21 июля 1946 года вооруженное восстание, нанесло в ходе кровопролитной борьбы поражение армии и свергло правительство, к власти под прикрытием Антифашистского демократического фронта возвратились традиционные партии.

Единственное, что осуществила созданная в результате восстания хунта,— это проведение выборов 1947 года. Когда же она попыталась договориться об установлении более высокой цены на олово, то повторилась та же история, что с предыдущим правительством. В свое оправдание хунта выдвинула аргумент, что США имеют большие резервы и поэтому могут вообще отказаться от закупок боливийской оловянной руды. В действительности дело обстояло иначе. Потребление в это время превышало мировую добычу. В 1946 году это превышение составляло 19 624 тонны, в 1947 году — 22 758 тонн. Ввиду нехватки олова США продолжали осуществлять жесткий контроль над ценой этого стратегического сырья.

Такой контроль путем установления квот и цен продолжается вплоть до конца 1949 года, до тех пор пока в связи с восстановлением оловянных рудников в Ма-лайе и началом спада в американской экономике добыча не стала превышать потребление и не началось

падение цен. Только тогда США заявили о восстановлении принципа «свободной конкуренции».

Вследствие этого в пятидесятые годы Боливия оказалась в тяжелом экономическом положении, и лишь агрессия США против корейского народа в условиях «свободной конкуренции» вызвала увеличение спроса на сырье и рост его производства. Цены достигают рекордного уровня: 1,83 доллара за фунт чистого олова. Учитывая этот «небывалый» факт, США снова отказываются от принципа «свободной конкуренции». Правительство США по своему усмотрению устанавливает квоты и регулирует цены. Боливия пытается выступить в защиту цен, снижающихся с 1,83 до 1,03 доллара за фунт чистого олова. В отчете Центрального банка Боливии за 1950 год по этому поводу сказано: «Следовательно, создавшаяся конъюнктура благоприятна. Однако не следует исключать возможности того, что, если в условиях свободного спроса и предложения цена будет и дальше повышаться, правительство США восстановит контроль над потреблением олова, навязав в конечном счете цену в одностороннем порядке, в соответствии со своими интересами и в ущерб производителям, как оно это сделало во время второй мировой войны». Таковы превратности, которые испытывает народ Боливии.

Спад в американской экономике в 1949 году привел к еще большей экономической и финансовой неустойчивости и к ухудшению экономического положения трудящихся. Частые забастовки, отражающие глубокое недовольство всеми сторонами жизни, беспощадно подавляются, устраиваются самые настоящие побоища горняков, крестьян, фабричных рабочих. В этих условиях возникает настоятельная необходимость создать партию рабочего класса. И такая партия, Коммунистическая партия Боливии, рождается в январе 1950 года.

На президентских выборах в мае 1951 года одерживает победу кандидат, выдвинутый партией НРД. Но Урриолаготиа, к этому времени сменивший на президентском посту Эрсога, передал власть военной хунте, сотрудничавшей с Боливийской социалистической фалангой. Это самый неуклюжий акт в «демократической» истории Боливии, осужденный общественным мнением всего континента и большинством народа, настроенного открыто против хунты. Если, кроме того, принять во

внимание крайне тяжелые условия жизни рабочего класса, крестьянства, государственных служащих, учителей и т. д., если учесть беззаботное отношение властей к развитию здравоохранения, просвещения, культуры, а также отсутствие демократических свобод, то нетрудно понять, что жестокая эксплуатация и угнетение на протяжении полувека империалистического господства создали социальную и политическую обстановку, грозившую настоящим взрывом.

VII

НАРОДНОЕ ВОССТАНИЕ В АПРЕЛЕ 1952 ГОДА. ПРАВИТЕЛЬСТВО НРД

Народное восстание в апреле 1952 года не случайное явление и не следствие возмущения, вызванного «мамертасо»¹, в результате которого, несмотря на итоги выборов 1951 года, у власти была поставлена военная хунта. Напротив, оно явилось следствием тяжелых условий жизни народа, следствием угнетения, особенно усилившегося после начавшегося в 1929 году кризиса и войны в Чако. Именно после этой войны обостряются противоречия между Боливией и империализмом, между трудящимися и предпринимателями, между крестьянами и латифундистами и особенно между народом и правительством. Поэтому в этот период социальная и политическая борьба становится еще более интенсивной и широкой. Доказательством тому служат забастовки горняков, фабрично-заводских рабочих, железнодорожников и трудящихся других отраслей, приобретающие все более боевой характер и подавлявшиеся со все большей жестокостью; крестьянские восстания, с которыми расправлялись огнем и мечом; усилившиеся протесты государственных служащих; забастовки преподавателей и студентов и т. д. Но под влиянием каудильистской политики у народа складывалось неправильное представление о том, что решение общенациональных проблем и проблем различных слоев населения; выход из тяжелого экономического и политического положения, усугубляемого инфляцией, безудержным обнищанием масс, подавлением профсоюзного движения, частыми

¹ Так народ назвал государственный переворот, совершенный самим президентом Мамерто Урриолагонтия с целью свести на нет результаты выборов 1951 года.

нарушениями конституционных прав и отсутствием демократических свобод, состоит якобы в простой замене одной правящей группы другой. Однако опыт восьми государственных переворотов, совершенных на протяжении менее чем 20 лет, начиная с «окружения в Вильямонтесе», убедительно свидетельствовал, что простая смена правителей — это не выход. Народ пока еще не понимал истинной причины экономической, культурной и политической отсталости страны.

В течение этого периода сильных социальных и политических потрясений рабочий класс и весь народ смогли накопить силы, учась на опыте повседневной борьбы, забастовок и массовых расправ, арестов и преследований. Обстановка накалилась, и неудавшаяся попытка государственного переворота, предпринятая самим министром внутренних дел военной хунты, пришедшей к власти в 1951 году, стала той искрой, которая вызвала пожар.

Незадолго до восстания оппозиция хунте достигла огромных размеров, и даже простые люди видели, как появлялись черные тучи, предвещавшие сильнейшую политическую бурю. В этой обстановке, чреватой взрывом (когда уже существовала коммунистическая партия), крупные горнопромышленники и латифундисты попытались предотвратить неудержимо надвигавшееся восстание. Вот почему они выпустили на сцену «сильного человека» хунты — генерала Селеме, предпринявшего 9 апреля 1952 года еще одну авантюристическую попытку государственного переворота, в которую он вовлек полки карабинеров гарнизона Ла-Паса, выступившие против частей армии и курсантов военного училища, мобилизованных президентом хунты генералом Бальивианом. Но ни те ни другие не были поддержаны народом, уставшим от многолетнего беспросветного гнета. Вот почему выступление большинства народа, особенно горняков, фабрично-заводских рабочих, строителей и других трудящихся, превратило неудавшийся государственный переворот в народное восстание, имевшее непредвиденные исторические последствия.

Апрельские события знаменовали победу народа, свергнувшего власть горнопромышленных концернов и латифундистов, правивших более 50 лет. В эти дни была сломлена сила военных, армии, осуществлявшей все

расправы над крестьянами и рабочими, стража «оловянных баронов» и «сельских аристократов».

В результате победоносной борьбы вооруженных масс к власти пришла партия НРД. И это также неслучайно, так как, будучи в оппозиции, неоднородная по своему составу партия, объединяющая представителей различных слоев от радикальной буржуазии до латифундистов, а также мелкой буржуазии, крестьян и рабочих, не прекращала кампании против «горнопромышленно-феодальной олигархии», с тех пор как в июле 1946 года она вместе с группами военных была отстранена от власти. Эта партия заняла антиимпериалистические позиции, что позволило ей объединить в своих рядах представителей всех прогрессивных сил страны. Подтверждением того, что партия находилась на антиимпериалистических позициях, явилось заявление Виктора Пас Эстенсоро, сделанное в ноябре 1951 года в связи с подписанием 1 октября между боливийским правительством и ООН соглашения на основе «плана Кинлисайда»*. В этом заявлении говорится: «В то время как во всем мире колониальные и полуколониальные страны разрывают путы, ограничивающие их политический и экономический суверенитет, преодолеваемая еще один этап на пути к свободе, Боливия отступает и отдает государственную власть группе иностранцев... Называть «технической помощью» то, что в действительности является «политической помощью» и подачкой в двести миллионов долларов правительственной военной хунте от Объединенных Наций, — это всего лишь формальная попытка соблюсти приличия с целью создать видимость найма хунтой иностранных «экспертов», которые якобы будут ее советниками. Эта попытка, однако, не может скрыть истинного смысла передачи управления Боливией иностранным «специалистам», наделенным такими же или даже большими правами, чем президент республики, государственные министры, генеральные директора, генеральный ревизор, управляющий Центральным банком и т. д.». Потеря Боливией су-

* «План Кинлисайда» — план, разработанный «Миссией технической помощи ООН», приглашенной в Боливию военной хунтой генерала Бальвивиана в конце 1951 года и возглавлявшейся канадским экономистом Кинлисайдом. — *Прим. ред.*

веренитета настолько очевидна,— говорится далее в заявлении,— что Юнайтед Пресс, передавая эту информацию из Нью-Йорка на весь мир, прокомментировало ее так: «Передача ответственных должностей иностранцам представляет собой беспрецедентный эксперимент, за которым, как ожидается, будут с интересом следить другие страны, находящиеся в аналогичных с Боливией условиях».

В. Пас Эстенсоро подверг резкой критике цели плана Кинлисайда, обобщив их следующим образом: «...а) уменьшение, а затем вообще отмена налогов на вывоз минерального сырья и замена их пересмотренным налогом на чистую прибыль предприятий. Практически это означает значительное снижение фактических поступлений от горнодобывающей промышленности, так как уменьшение налогов на вывоз не будет компенсировано из-за сокрытия действительных размеров прибылей, к чему столь часто прибегают компании; б) увеличение налогов на недвижимую собственность и на потребление отечественных и импортных товаров, а также более строгое взимание этих налогов, как и налога на доходы специалистов; в) приобретение валюты по курсу, установленному «на реальных основах», то есть по курсу черного рынка или близкому к нему; г) погашение государственного долга и выплата процентов с него в долларах на условиях, выработанных правительством Урриолоагитиа совместно с комитетом держателей облигаций»¹.

Активная борьба партии НРД против «горнопромышленно-феодалной олигархии» и против вмешательства империалистов во все области жизни Боливии привела к тому, что народ, полный оптимизма и веры в свою победу, связал свои надежды с НРД. Эта поддержка не предоставлялась безвозмездно. В ходе самого восстания НРД взяла на себя обязательство добиваться национальной независимости, материального и культурного благополучия страны, что налагает на нее большую ответственность перед историей и народом.

¹ Victor Paz Estenssoro, La Misión Keenleyside vió con ojos de funcionario colonial la realidad boliviana (Rev. Económica. Agosto 1953 — Marzo 1954). Издание центра экономических и финансовых исследований технического университета г. Оруро.

Одержавшее победу под лозунгами «национализации рудников» и «аграрной реформы» апрельское народное восстание — событие неоспоримого национально-исторического значения — немедленно привело к достижению некоторых социальных и политических завоеваний и положило начало росту сознательности народных масс, которые сейчас начинают понимать силу своего единства и то, что успех народных движений, подобных апрельскому, зависит от того, насколько зрело и принципиально твердо руководство, а также от того, насколько гибка тактика борьбы рабочего класса.

Национализация рудников

Лозунги «национализации рудников» и «аграрной реформы» не возникли по мановению волшебной палочки. Эти требования в течение более чем 30 лет неустанно выдвигались левыми группами. Их с новой силой провозгласила коммунистическая партия, недавно вышедшая на политическую арену, они проникли в сознание народных масс. Тем не менее следует указать, что партия, пришедшая к власти по воле одержавших победу масс, ясно не понимала этих проблем. В первый период своего правления (1943—1946) она даже не прислушивалась к требованиям народа. В подтверждение этого можно напомнить, как один из руководителей НРД, считающийся его теоретиком, Вальтер Гевара Арсе, заявил, к удивлению народа, в связи с выдвижением кандидатов НРД на выборах 1951 года, что его партия не поддерживает требование национализации рудников. Однако в новых условиях, созданных апрельским восстанием, национализация рудников и проведение аграрной реформы под мощным давлением народных масс стали правительственной программой.

Почему было необходимо национализировать крупные рудники и провести аграрную реформу? Для ответа на этот вопрос следует в общих чертах рассмотреть характер боливийской экономики.

В «Экономическом развитии Боливии» (издание ЭКЛА) говорится, что Боливия, где стоимость валового продукта составила в 1950 году 248 миллионов долларов, то есть 82 доллара на душу населения (это более низкий уровень, чем в других 12 странах континента),

является одной из наиболее отсталых по своему экономическому развитию стран. Чем это вызвано? Очень сильной зависимостью от американского империализма. Действительно, пульс национальной жизни учащается, когда объем экспорта и цены на основные экспортные товары растут, и замедляется, когда они падают. Но объем экспорта и цены зависят от периодических колебаний на капиталистическом рынке и от манипуляций международных капиталистических монополий. Поэтому говорят, что экономика Боливии слишком уязвима. Действительно, вся жизнь страны определяется этой зависимостью.

В соответствии с «Основными документальными данными», представленными Боливией Второму латиноамериканскому семинару по проблемам земли, состоявшемуся в ноябре — декабре 1959 года в Монтевидео, самодеятельное население Боливии в 1950 году составило 1 350 782 человека, из которых 72 процента занимались земледелием, животноводством, лесоводством, рыболовством и охотой; 3 процента были заняты в горнодобывающей и нефтяной промышленности; 8 процентов — в обрабатывающей промышленности и ремесле; 1,5 процента — в строительстве; 4,2 процента — в торговле, финансах и страховании; 1,4 процента — на транспорте и связи; 3 процента — в государственных учреждениях и в системе коммунальных услуг; 6,3 процента составляли специалисты и домашняя прислуга и 0,6 процента — прочие. Эти данные показывают, что большинство населения, то есть свыше 70 процентов, живет за счет сельского хозяйства. Однако сельское хозяйство не дает необходимого количества пищевых продуктов, в результате чего ввоз продуктов питания и сырья для пищевой промышленности составляет примерно 40 процентов всего импорта. Таким образом, в деле обеспечения населения продуктами питания Боливия, при ее низком жизненном уровне, сильно зависит от иностранной промышленности. Откуда же поступает валюта для оплаты этого импорта? Источником поступления валюты была, является и еще на некоторое время останется продажа минерального сырья, особенно олова, поскольку 80 процентов валюты поступает от продажи оловянного концентрата. Таким образом, если объем экспорта олова и цена на него понижаются — в результате ли неизбежных

периодических колебаний в развитии капиталистической экономики или в результате манипуляций капиталистических монополий, — страна оказывается вынужденной сокращать импорт, что повышает стоимость жизни и облегчает спекулятивную деятельность торговцев-импортеров и получение ими высоких прибылей. Итак, национальная покупательная способность зависит от продажи олова, на долю которого приходится в среднем 70 процентов экспорта. 20 процентов экспорта приходится на другое минеральное сырье, и только 10 процентов — на продукты сельского хозяйства: на коку, каучук, какао, шкуры и т. д.

Доходы государственного бюджета, особенно после кризиса 1929 года, также почти на 80 процентов¹ состояли из поступлений от добычи олова. Поэтому снижение экспорта олова и цены на него неизбежно вызывает недостаток средств у государства. Эта нехватка средств стала хронической, поскольку бывшие крупные компании Патиньо, Хохшильда и Арамайо все время, пока они эксплуатировали рудники Боливии, всячески старались уклониться от выполнения своих обязанностей по отношению к казне. В конечном счете именно они диктовали налоговую политику, отвечавшую их интересам, потворствуя утечке крупных средств за границу и оставляя жалкие крохи государству, голод, нищету и болезни трудящимся, выработанные рудники, полностью изношенное оборудование и шахтные установки.

Слаборазвитая обрабатывающая промышленность также зависит от олова, так как она может существовать только на основе государственного субсидирования через систему различных курсов обмена валюты для закупки за границей машинного оборудования, запасных частей, промышленного сырья и т. д. С другой стороны, ее недостаточное развитие объясняется узостью внутреннего рынка, обусловленной тем, что значительная часть крестьян кечуа и аймара живет в условиях натурального хозяйства. Еще одним фактором, отрицательно влияющим на развитие промышленности, является экономическая разобщенность территории. Иными словами, дело в крайней отсталости сельского хозяйст-

¹ См. R. Ruiz González, *La Economía Boliviana y el Comercio Exterior*.

ва, в котором система землевладения и общественные производственные отношения характеризуются главным образом наличием черт феодализма и чрезвычайно отсталой техникой.

Все эти причины, тормозящие промышленное развитие страны, сами являются следствием экономики, основанной главным образом на добыче олова.

Железные дороги, построенные для разработки залежей оловянной руды, не доходят до обширной и богатой зоны лесов, полноводных рек и восточных равнин, оторванных от наиболее важных городских центров страны. Банки, внутренняя торговля, развитие городов и т. д.— все это связано с добычей олова, деформировавшей национальную экономику.

Вследствие такой деформации боливийская экономика носит аграрный, отсталый и зависимый характер. Наличие в деревне полуфеодалных форм собственности и производственных отношений позволяет горнодобывающей промышленности получать дешевую рабочую силу. Добыча минерального сырья, контролируемая международными концернами, тормозит развитие производительных сил в деревне, препятствует проведению аграрной реформы, которая должна уничтожить пережитки феодализма и освободить крестьянина от всех форм крепостной зависимости.

Боливия, обладающая более чем четырехвековым опытом добычи полезных ископаемых, во времена испанского владычества произвела несметные количества золота и серебра, наводнившие рынки Европы. Золото, добываемое в Типуани, и олово Льяльягуа безудержным потоком уплывают за границу, загибаемые жадными руками. Добывая минеральное сырье, главным образом оловянную руду, Боливия зависит от экспорта продукции горнодобывающей промышленности, на долю которой приходится в среднем 90 процентов экспорта, причем только на олово приходится 70 процентов. Поэтому Боливия — страна с недостаточно развитым производством, до сих пор прикованная к империалистическим монополиям оловянными цепями. Имея слаборазвитую промышленность, Боливия является отсталой в экономическом отношении страной. В результате ограниченности транспортных средств наиболее обширные и потенциально наиболее важные производительные зоны

оторваны от крупных центров потребления. Превращенная в выгодный рынок сбыта иностранных, главным образом американских товаров (жевательной резинки, виски, одежды и т. п. с маркой «Made in USA»), Боливия является, по существу, торговой колонией. Вся ее жизнь подчинена монополистическим интересам американского капитализма. И хотя боливийский народ создал сказочные богатства, он страдает от нищеты, бьется несостоятельным должником в крепких финансовых и дипломатических сетях американского империализма. Прилагая поистине драматические усилия, принося жертвы, боливийский народ старается разорвать эти цепи. Боливия, подчиняющаяся приказам миллиардеров с Уолл-стрита, действующих через государственный департамент США, является всего лишь производителем сырья, рынком сбыта иностранных товаров, а также зоной влияния и вложений финансового капитала, иными словами, придатком и резервом монополистической промышленности США.

Ужасающее, вопиющее противоречие, порожденное этой деформацией боливийской экономики, состояло в том, что при населении страны в три с половиной миллиона человек только три семьи контролировали национальную экономику. Это Патиньо, Хохшильд и Арамайо, так называемые «оловянные бароны». Будучи связаны с международным капиталом и получая более высокие доходы, чем государство, они держали в своих руках рычаги государственного управления, законодательную и судебную власть, дипломатию и армию, церковь, культуру и политику. Имея такую большую власть и влияние, они оказывали финансовую поддержку частым государственным переворотам или определяли по своему усмотрению результаты президентских, парламентских и других выборов. Три «оловянных барона» — это представители империализма. Они подчиняли интересы страны и народа интересам монополистического капитала, не признающего национальных границ и национальных интересов.

Наличие этих противоречий делало исторической неизбежностью национализацию крупной горнодобывающей промышленности. Страна не могла больше жить под всеподавляющей властью империалистических концернов, захвативших рудники. Уже нельзя было больше

сдерживать экономическое развитие страны, чтобы сохранить прибыли трех «оловянных баронов». Нельзя было допустить, чтобы богатства страны — ее полезные ископаемые, добытые кровью рабочих, — и впредь продолжали уплывать за границу, оставляя после себя лишь искалеченных и больных людей. Сотни и тысячи рабочих, создавших пятое по величине состояние в мире на руднике Ла-Сальвадора и других рудниках, бродили с протянутой рукой по всей Боливии.

Раздававшиеся в течение 30 лет требования покончить с таким положением и выстраданное народом, поднявшимся на апрельское восстание, сознание необходимости осуществить это на деле привели к национализации рудников Патиньо, Хохшильда и Арамайо.

Пришедшее к власти правительство НРД под растущим давлением масс предприняло ряд мер, предшествующих национализации. В соответствии с декретом от 13 мая 1952 года была создана комиссия, которой поручили изучить основы, методы и условия национализации путем экспроприации рудников, контролируемых или принадлежащих предприятиям, входящим в группы Патиньо, Хохшильда и Арамайо. Срок предоставления доклада комиссией был установлен в 120 дней. Декрет от 2 июня установил государственную монополию на экспорт руды. Другой декрет от того же числа определял порядок осуществления этой монополии. Декретом от 2 октября 1952 года была создана автономная организация Горнорудная корпорация Боливии (КОМИБОЛ), «которая должна поддерживать связь с исполнительной властью через министра шахт и нефти» и целью которой являлась «разведка, добыча и обогащение полезных ископаемых из месторождений, выделенных ей правительством страны»; «реализация и экспорт продукции горнодобывающей промышленности...»; «импорт оборудования, инструментов и материалов, необходимых для работ в рудниках, и товаров для лавок в горняцких поселках с целью удовлетворения потребностей своих предприятий, а также всех других предприятий горнодобывающей промышленности страны». КОМИБОЛ предоставлялось также право создавать смешанные предприятия «для лучшей эксплуатации определенных рудников, находящихся в ее ведении». Совет директоров КОМИБОЛ состоит из семи членов, на-

значаемых президентом республики, причем два из них избираются каждый из числа «трех кандидатов, предложенных Профсоюзной федерацией горняков Боливии». В соответствии с декретом от 7 октября брались под надзор «все и каждое из предприятий, принадлежащих, контролируемых или управляемых горнодобывающими группами Патиньо, Хохшильда и Арамайо... с целью осуществления контроля или прямого управления в зависимости от обстоятельств и по усмотрению органа, в ведение которого они передаются». Эта мера была вызвана тем, что «делегации, выделенные комиссией, занимающейся изучением вопроса национализации шахт, и направленные в центры деятельности упомянутых предприятий для сбора необходимой для ее работы информации, а также агенты Горнопромышленного банка Боливии в портах Тихого океана установили, что упомянутые предприятия разослали инструкции и приняли меры для отмены заявок на оборудование, запасные части, инструменты, приспособления, товары для своих лавок в горняцких поселках и т. д. и т. д. и для задержки ранее заказанных товаров в транзитных портах, что свидетельствует о явном намерении нанести ущерб национальному производству, создав недостачу указанных товаров и ликвидировав запасы, необходимые для непрерывной эксплуатации рудников». Кроме того, декрет предусматривал замораживание текущих счетов этих предприятий в банках, с тем чтобы они не могли производить расходы без разрешения Горнорудной корпорации Боливии, под чей контроль они передавались.

Наконец, через пять с половиной месяцев после создания комиссии декретом № 3232 от 31 октября 1952 года была национализирована крупная горнодобывающая промышленность. Декрет, с одной стороны, устанавливал «возвращение в собственность государства во всей полноте горных концессий, принадлежащих в настоящее время в любой форме всем и каждому предприятию, перечисленным в следующем пункте и составляющим группы Патиньо, Хохшильда и Арамайо». С другой стороны, в декрете объявлялось об «экспроприации в пользу государства по соображениям общественной пользы» всего имущества, используемого в горнодобывающей промышленности, принадлежащего

«предприятиям «Патиньо майнс энд энтерпрайзиз консолідэйтед инкорпорэйтед»; «Боливиан тин энд тунгстен майнс корпорейшн» с филиалом «Сосьедад де Эстаньо Арака»; «Компанья минера и агрикола Оплока де Боливиа»; «Компанья Уанчака де Боливиа»; «Компанья минера унификада дель Серро де Потоси»; «Компанья минера де Оууро» с филиалами «Компанья Эстаньифера и Винто» и «Сосьедад Эстаньифера де Морококала»; «Эмпреса минера Матильде»; «Минас Пампа Гранде»; «Эмпреса минера Больса Негра»; «Групо минеро Венус» и «Компани Арамайо де мин эн Боливиа С. А.»; промышленных установок, принадлежащих «Маурисио Хохшильд С.А.М.И.» и предназначенных для разработки полезных ископаемых, а также всего имущества перечисленных предприятий, которое может быть сочтено необходимым для открытия, разведки, добычи, обогащения, транспортировки и распределения продукции горнодобывающей промышленности».

В декрете определялся предварительный размер возмещения. При этом указывалось, что из суммы возмещения будет вычитаться задолженность предприятий государству и что «с момента экспроприации до определения чистого сальдо возмещения государство будет выплачивать предприятиям 3 процента годовых от указанной суммы» предварительной оценки. Этот же декрет учредил «рабочий контроль» с «участием трудящихся, осуществляемым через делегатов в местной администрации всех национализированных рудников».

Следует также упомянуть документ, торжественно названный самим правительством «Актом экономической независимости Боливии» и подписанный на поле Марии Барсола* в 9 часов утра 31 октября 1952 года. В декларативной части этого акта говорится: «Нижеподписавшиеся, свободные люди Боливии и Америки, в момент объявления национализации рудников на поле Марии Барсола, совсем недавно являвшемся местом

* Мария Барсола — одна из многих жертв бойни в Катави в декабре 1942 года. Она шла во главе демонстрации рабочих, неся национальное знамя, и была убита во время расстрела демонстрантов. В память о Марии Барсола ее именем названо поле между поселками Катави и Льяльягуа, на котором было совершено преступление.— *Прим. ред.*

убийств трудящихся, заявляют о своей решимости не допустить, чтобы Боливия когда-либо еще была подвергнута экономическому угнетению и рабству, и, подобно тому как 6 августа 1825 года боливийский народ объявил о создании политически независимой республики, так 31 октября 1952 года Боливия объявляется экономически свободной. С целью продемонстрировать твердость этого решения нижеподписавшиеся обязуются и клянутся укреплять и защищать, если понадобится, не жалея самой жизни, это самое дорогое и законное завоевание боливийской нации». Далее следуют подписи: В. Пас Эстенсоро, Вальтер Гевара Арсе, полковник Сесар Алиага, Федерико Гутьеррес Граньер, Хуан Лечин Окендо, Херман Бутрон, генерал Фройлан Кальеха, Федерико Альварес Плата, Уго Робертс, Марио Дьес де Медина, Ньюфло Чавес Ортис, Х. М. Арамайя, Адриан Барренечеа, Гильермо Альборта, члены правительства. От комиссии по национализации подписались: Мануэль Баррау, Хорхе Сарко Крамер, Альберто Арсе Кирога, Хорхе Санчес, Хайме Медина, Армандо Пинель, Ханс Блок, Карлос Моралес Гильен, Хосе Нуньес Росалес, Абель Пальи; управляющие делами министерства рудников и министерства внутренних дел Марио Санхинес У. и Федерико Фортун. К декларации прилагались выступления президента В. Пас Эстенсоро и министра Хуана Лечина Окендо, свидетельствующие о некоторой растерянности, вызванной непредвиденной ситуацией. Тем не менее национализация шахт имела национально-историческое значение. Следует указать, что в связи с национализацией члены правительства, правительственная партия НРД вновь подтвердили перед лицом всей Латинской Америки свое обязательство перед народными массами и всем народом Боливии защищать, вернее, завоевывать, экономическую независимость Боливии.

Таким образом, существовали веские основания для того, чтобы народные массы отнеслись с доверием к НРД, поверили, что их победа в народном восстании не окажется напрасной. Вот почему, когда правительство НРД национализировало рудники, выполняя антиимпериалистические патриотические требования широких народных масс, оно имело их решительную поддержку. В свою очередь трудящиеся искренне верили, что НРД

может обеспечить развитие горнодобывающей промышленности и превратить ее в отрасль, обеспечивающую занятость рабочей силы и дающую средства для независимого развития страны. Они верили, что НРД может и впредь идти по пути национального освобождения. Они верили, что НРД может проводить отвечающую национальным интересам политику защиты цен на экспортируемое сырье, придерживаясь единственного демократического пути — пути расширения отношений Боливии со всеми государствами мира. Опьяненные победой, в первое время после народного восстания трудящиеся не сумели понять, что НРД, поставив свои партийные интересы, а фактически классовые интересы колеблющейся и капитулянтской буржуазии, выше национальных интересов, начала политику капитуляции перед американским империализмом. Неопровержимые факты с безмолвным красноречием подтверждают это.

Национализация сама по себе, не сопровождаемая установлением свободы торговли со всеми странами, не означает уничтожения зависимости, обрекающей страну на отсталость и нищету. За национализацией должно было последовать расширение внешних экономических связей без какой бы то ни было дискриминации. Это требование сохраняет свою силу и в настоящее время. Таков единственный способ вырвать контроль над боливийской экономикой из рук американских капиталистов.

История Боливии за последние полвека доказывает, что монополии, управляющие международными концернами, жонглируют квотами и ценами на руду, держат в своих руках мировой капиталистический рынок и используют в своих целях такие официальные организации, как американская «Реконстракшн файненс корпорейшн» (РФК). Основной экономический закон монополистического капитализма состоит в получении максимальных прибылей за счет страданий таких колониальных и зависимых стран, как Боливия, и даже за счет войны.

После национализации создалось парадоксальное положение, когда Боливия, будучи владельцем своих рудников, не может располагать ими в соответствии со своими интересами. В конечном счете именно империалистические монополии указывают правительству коли-

чество руды, которое ему следует экспортировать, и цену, по которой эту руду нужно продавать.

Такая зависимость, препятствующая осуществлению права производить и продавать тому, кто предложит наилучшие условия, усугубляется плохим руководством КОМИБОЛ, которой в соответствии с декретом о ее создании было предоставлено право создавать смешанные предприятия «для лучшей эксплуатации рудников, находящихся в ее ведении», что равносильно возвращению через черный ход финансового капитала, получающего возможность в определенный момент снова завладеть национализированными шахтами.

Следует, однако, подчеркнуть, что критическое положение в горнодобывающей промышленности вызвано не только плохим руководством КОМИБОЛ. Неразбериха и плохое техническое, экономическое, коммерческое и прочее руководство являются неизбежным следствием экономической политики правительства, политики, разработанной в соответствии с зависимым положением Боливии. Если отсутствие руководства и недостатки административного характера и стали одной из причин роста себестоимости продукции, они в то же время не являются единственной причиной больших убытков на национализированных рудниках.

Вопиющее противоречие состоит в том, что Боливия, будучи по конституции суверенной, свободной и независимой республикой, не пользуется свободой во внешней торговле, находясь в зависимости от империализма.

Эта зависимость является главной причиной как монопроизводства, так и постоянной экономической и финансовой неустойчивости, сохранения пережитков феодализма в сельском хозяйстве, зачаточного развития промышленности, экономической раздробленности страны, постоянной утечки капитала, инфляции, постоянного проведения неправильной экономической политики, обнищания государства и народа и т. д. Именно в этом состоит истинная причина того, что национализированные рудники находятся сейчас на грани краха. Именно в этом причина того, что экономическое положение страны продолжает ухудшаться.

Из таблиц, включенных в послание президента КОМИБОЛ расширенному пленуму исполкома Профсоюзной федерации горняков Боливии, собранному в

Оуро 30 ноября 1959 года¹, видно, что с 1952 года экспорт оловянной, цинковой, вольфрамовой, свинцовой, медной, сурьмяной и других руд непрерывно уменьшается. Это уменьшение касается не только КОМИБОЛ, но и частной средней и мелкой горнодобывающей промышленности.

Экспорт оловянной руды, добытой на рудниках КОМИБОЛ, а также на средних и мелких частных рудниках, в целом составляет (в кг чистого металла):

Год	КОМИБОЛ	Частная промышленность	Всего
1952	25 245 369	7 226 409	32 471 778
1953	29 974 273	5 409 896	35 384 169
1954	25 141 095	4 145 787	29 282 882
1955	23 793 512	4 575 699	28 369 211
1956	22 843 206	4 429 490	27 272 692
1957	12 843 206	5 851 957	18 241 773
1958	14 074 511	3 938 086	18 012 597

Как видно из таблицы, экспорт в 1957 и 1958 годах был лишь немногим больше половины экспорта 1952 года.

Что касается цинка, то в 1952 году было экспортировано всего 35 618 679 кг чистого металла, а в 1958 году экспорт уменьшился более чем наполовину, то есть составил 14 222 065 кг. Экспорт вольфрама в 1952 году достиг 2 224 338 кг чистого металла, а в 1958 году упал до 1 337 472 кг. Экспорт свинца уменьшился с 30 013 241 кг чистого металла в 1952 году до 22 814 665 кг в 1958 году. Экспорт меди с 4 703 123 кг чистого металла в 1952 году снизился почти наполовину и составил в 1958 году 2 873 871 кг. Экспорт сурьмы уменьшился с 9 805 693 кг в 1952 году до 5 277 577 кг в 1958 году и т. д. и т. д.

¹ См. Guillermo Bedregal (президент КОМИБОЛ), La Nacionalización de la Minas y la Responsabilidad...

Стоимость этого экспорта в долларах:

Год	Общая стоимость вывезенной руды	КОМИБОЛ	Стоимость вывезенного олова
1952	135 986 571	92 547 787	83 722 313
1953	109 486 596	83 511 306	72 435 623
1954	98 664 584	70 637 898	57 677 402
1955	97 761 404	72 414 793	57 273 360
1956	99 968 856	75 410 339	59 257 063
1957	88 423 783	63 154 691	57 377 144
1958	55 130 352	40 139 665	36 284 971

Доходы от экспорта руды систематически понижались и в 1958 году были более чем вдвое ниже уровня 1952 года. Как возникло подобное положение, в результате которого самое крупное экономическое предприятие страны оказалось на грани катастрофы? Ответ напрашивается сам собой. Это положение возникло потому, что империализм контролирует не только эту основную отрасль боливийской экономики, но и все стороны жизни страны.

Истина состоит в том, что после национализации рудников зависимость Боливии ничуть не уменьшилась. Это объясняется тем, что правящая партия — разнородная по своему составу (что признает сам В. Пас Эстенсоро), раздираемая внутренними противоречиями, выступающая одновременно как политический представитель слабой прогрессивной национальной буржуазии и бюрократической компрадорской буржуазии; партия, за которой идут многочисленные круги мелкой буржуазии со всеми присущими ей оппортунистическими тенденциями; партия, на которую возлагают надежды и чаяния значительные слои рабочего класса и крестьян, веками эксплуатировавшихся и угнетавшихся латифундистами, — проводит колеблющуюся правительственную политику. Под давлением антагонистических сил — империализма и его агентов, действующих в самом ее руководстве, с одной стороны, и трудящихся масс, с другой, — эта партия проводит политику компромиссов и систематических уступок в пользу первых, возлагая свою ответственность за это на последних с помощью демаго-

гической пропаганды так называемого «совместного правления». Эта партия заискивает одновременно и перед теми, и перед другими, перед империализмом и перед трудящимися. Под давлением этих противоречивых сил ее политика становится непоследовательной и конъюнктурной. Так, когда после восстания давление масс было наиболее сильным, эта партия национализировала рудники. Однако под давлением империализма она идет на попятную уже в самом декрете о национализации. Действительно, этот декрет заставляет народ Боливии выплатить возмещение бывшим хозяевам крупной горнодобывающей промышленности вопреки всеобщему убеждению, что не следует выплачивать возмещения тем, кто занимался только эксплуатацией народа, сколачиванием и вывозом за границу огромных богатств, не принося никакой пользы стране. В соответствии с данными о выплатах, произведенных КОМИБОЛ и Горнопромышленным банком Боливии, только до 30 сентября 1959 года Горнорудная корпорация Боливии выплатила Патиньо, Хохшильду и Арамайю более 17 миллионов долларов. Что же выиграли от такой национализации рудников государство и рабочие, рискующие своим здоровьем и жизнью в темных забоях? Нельзя угодить задно и богу, и черту.

Отсутствие независимой внешней политики, политики, предусматривающей защиту цен на сырье, особенно на олово,— которое еще в течение некоторого времени останется основой боливийской экономики, как это утверждает само правительство в своем плане экономической политики, опубликованном в 1955 году,— является, таким образом, главной причиной критического положения КОМИБОЛ.

Президент республики Эрнан Силес Суасо в своем послании конгрессу от 6 августа 1959 года заявил по этому поводу, что «внешняя уязвимость нашей экономики не уменьшается, а положение на наших экспортных рынках не улучшается». «Несмотря на все наши усилия, направленные на создание разносторонней экспортной торговли, основанной на четырех или пяти главных металлах и подкрепленной экспортом нефти и таких тропических продуктов, как кофе, какао и цитрусовые,— отмечал президент,— наша экономика остается моноэкспортной, на 60 процентов основанной на вывозе

оловянной руды. На нее влияют резкие колебания цен, например на вольфрам, ограниченность спроса, например на висмут, или жесткие протекционистские ограничения на рынках сбыта, например на свинец...» «Но разносторонность экспорта или структуры экономики внутри страны,— говорилось далее в послании,— не достигается изданием декретов. Она завоевывается путем принесения жертв и принятия неумолимых условий».

Что хотел сказать президент Боливии в этом послании? Видимо, следующее: 1) Боливия и после национализации рудников остается страной, зависимой от иностранных, особенно американских, капиталистических монополий. Этим объясняется ее «крайняя уязвимость» от циклических колебаний конъюнктуры на мировом капиталистическом рынке и от манипуляций империализма. 2) Несмотря на «усилия» правительства, направленные на придание разностороннего характера экспортной торговле, олово остается главным экспортным продуктом, причем на его долю приходится 60 процентов экспорта. 3) Мировой капиталистический рынок не дает ни уверенности, ни гарантий боливийскому экспорту, так как «резкие колебания цен, например на вольфрам, ограниченность спроса, например на висмут», или сильные протекционистские ограничения со стороны США, например на сбыт свинца и цинка, определяют внешние «неумолимые» условия, «принятие» которых рекомендует президент «на пути жертв» и христианского самоотречения для выхода из создавшегося положения. Но народ не может принять эти «неумолимые» условия. Патриот не пойдет по бесперспективному «пути», указанному правительством. Это означало бы отказ от борьбы за уничтожение именно этих условий, из-за которых Боливия находится в зависимости, определяющей ее отсталость и нищету. Это означало бы отказ от осуществления права на суверенитет и национальное самоопределение.

Навязанные империализмом условия лишний раз подтверждают неустойчивость мирового капиталистического рынка и то, что капитализм как социально-экономическая система переживает общий кризис. Что же касается правительства Боливии, то принятие этих условий свидетельствует об отсутствии политики, направленной на защиту национальных интересов.

Именно поэтому КОМИБОЛ, приспособившая свою политику к курсу, проводимому правительством в интересах империализма, весьма далека от того, чтобы направлять развитие горнорудной промышленности в сторону придания ей разностороннего характера. По этой причине, несмотря на то что поступление средств платежа тесно связано с объемом экспорта олова и ценой на него, КОМИБОЛ в период, когда упал спрос на этот минерал, не сумела использовать благоприятные условия, сложившиеся, например, на международном рынке меди. Действительно, с октября 1954 по сентябрь 1955 года США и Великобритания (по данным ЭКЛА) были вынуждены в связи с нехваткой меди прибегнуть к использованию своих стратегических запасов. При этом США взяли из этих запасов 65 тысяч тонн меди. В результате увеличения спроса на медь цена на нее поднялась с 0,36 доллара за фунт чистого металла в первом квартале 1955 года до 0,43 доллара в сентябре того же года. В то же время добыча медной руды в Боливии постоянно уменьшается. С 4076 тонн чистого металла в 1952 году она уменьшилась до 3252 тонн в 1955 году и до 2249 тонн в 1958 году.

Характеристика положения КОМИБОЛ, содержащаяся в упомянутом послании президента республики, сводится к следующему: 1) В связи с условиями, существующими на мировом капиталистическом рынке, уменьшается объем экспорта, падают цены и увеличиваются внешние расходы в горнодобывающей промышленности. 2) Уровень добычи падает из-за «истощения залежей», недостаточной производительности рудничного и обогатительного оборудования, плохого снабжения электроэнергией, а также материалами и инструментами. 3) Рудники работают в убыток. Себестоимость одного фунта чистого олова составляет 0,97 доллара, а продажная рыночная цена — 0,93 доллара. В 1957 году убытки составили 1565 миллионов боливиано, а в 1958 году — 77 992 миллиона боливиано. Семь из шестнадцати групп предприятий, руководимых КОМИБОЛ, дают прибыль, а остальные девять работают в убыток. В 1959 году только два рудника, Колькири и Колькечака, принесли прибыль. Все остальные работали в убыток. Пулакайо (уже закрывшийся) принес убыток 19 487 миллионов боливиано, Кечисла — 10 249 миллионов, Сан-

Хосе — 7392 миллиона и т. д. 4) Годовая добыча руды одним рабочим сократилась с 2603 кг в 1952 году до 1260 кг в 1959 году. 5) Накапливаются облигации КОМИБОЛ. К моменту опубликования послания в 1959 году их общая стоимость составила 8,74 миллиона долларов. В декабре того же года КОМИБОЛ должна была выплатить по подлежащим оплате облигациям 1,1 миллиона долларов. Долг КОМИБОЛ различным фирмам на 6 августа 1959 года составил 907 505 долларов. Ее задолженность Центральному банку на эту же дату достигла 78 914 миллионов боливиано. 6) Наблюдается нехватка капитала. Баланс КОМИБОЛ на 31 декабря 1958 года показал наличие капитала в 24,17 миллиона долларов, включая суммы, которые не могли быть получены немедленно, например за товары на складах и в магазинах корпорации, необогащенную руду и т. д., что составляло «капитал, значащийся только в счетах». «Таковы трудные, тяжелые, драматические условия,— говорил президент республики,— в которых пришлось работать КОМИБОЛ, чтобы героически выполнять свои обязательства и обеспечивать себя материалами и оборудованием. Национализация не стала средством против низкой производительности труда, против работы из-под палки, против недисциплинированности и «профсоюзных синекур», против безответственного и поверхностного руководства. Напротив, она стимулировала безответственное использование национального достояния...»

Обрисовав столь патетически положение, в котором находится национализированная горнодобывающая промышленность, его превосходительство президент республики ударился в лирику, как будто бы он тут ни при чем и все это его не касается. Кроме того, он заявил, что «неспособность национализированной горнодобывающей промышленности поглотить незанятую рабочую силу с убыточных или бесприбыльных рудников является следствием исключительно политики удушения, проводимой безответственными людьми». Вслед за этим он предлагает «новую политику национализированной горнодобывающей промышленности» для достижения «всех целей, поставленных национальной революцией». Содержание этой политики он сводит к следующему: 1. Организация геологической службы. 2. Сокращение техниче-

ского персонала, получающего заработную плату в долларах, и использование его на полевых работах. 3. Сокращение и совершенствование управленческого аппарата. 4. Преобразование магазинов корпорации в систему кооперативов. 5. Капитализация в короткий срок. 6. Полная координация с кооперативной частной горнодобывающей промышленностью. 7. Энергичное содействие установке и совершенствованию плавильных печей... В заключение президент сказал: «Это не просто условия новой технической и финансовой деятельности КОМИБОЛ и боливийской горнодобывающей промышленности. Это условия экономической независимости Боливии. Такова, можно сказать, цена свободы».

Удивительно, что правительство страны не видит истинной причины положения КОМИБОЛ. Возлагать всю ответственность на трудящихся и на рядовых технических и административных работников КОМИБОЛ— это значит следовать по пути, указанному империализмом, принимать следствие за причину. Никто не отрицает значения технической и административной реорганизации КОМИБОЛ. Однако невозможно отвлечь внимание трудящихся, имеющих высокую политическую сознательность, предлагая меры второстепенного значения, не затрагивающие существа проблемы. В действительности позиция, занятая правящей партией, не должна вызывать удивления, поскольку в таких экономически слаборазвитых странах, как Боливия, слабая и колеблющаяся буржуазия не может вести вперед национально-освободительное движение, тем более в тех случаях, когда она единолично вершит судьбами нации, создавая «однопартийное правительство», как это произошло с НРД.

Для того чтобы иметь более или менее полное представление о современном положении дел в боливийской горнодобывающей промышленности, необходимо указать, что в докладе «Форд, Бэйкон энд Дэйвис»* утверждается, что было закрыто более 1600 частных рудников. В свою очередь ЭКЛА утверждает, что

* Доклад, составленный в 1956 году комиссией американской фирмы «Форд, Бэйкон энд Дэйвис», о состоянии боливийской горнорудной промышленности. В докладе, в частности, рекомендовалось передать национализированные рудники в частные руки.— *Прим. ред.*

КОМИБОЛ держит 6 тысяч лишних рабочих. Со своей стороны Горнорудная корпорация Боливии заявляет, что наблюдается «постоянный рост издержек производства, причем доля рабочей силы после национализации поднялась с 35 процентов до 45 процентов в настоящее время». В то же время годовая стоимость продукции упала с приблизительно 98 миллионов долларов в 1952 году до 42 миллионов долларов в 1959 году. Кроме того, Горнорудная корпорация Боливии сообщила, что почти на всех предприятиях наблюдается снижение содержания металла в руде, в связи с чем возникает проблема неприбыльных и убыточных предприятий. По данным за 1958 год, общие убытки КОМИБОЛ составили 177 910 588,66 боливиано¹.

В этих условиях президент и генеральный управляющий КОМИБОЛ составили «Общую программу защиты национализации рудников». Федерация горняков рассмотрела эту «Программу» на расширенном совещании рабочих контролеров и профсоюзных руководителей, состоявшемся в Катави и Сигло Вейнти в июне 1960 года. На это совещание Федерация и профсоюзы горняков Катави и Сигло Вейнти пригласили автора данной книги.

В этой «Программе» предлагаются в заключение следующие меры для «снижения издержек производства»: 1. «Увольнение излишнего или сверхштатного персонала». В связи с этим предлагается уволить 5006 рабочих, помимо 8500, уже выброшенных КОМИБОЛ на улицу. 2. «Размораживание цен на потребительские товары в магазинах корпорации». Речь идет о четырех товарах, цены на которые заморожены в результате борьбы профсоюзов в защиту реальной заработной платы. против политики «валютной стабилизации», навязанной Международным валютным фондом в декабре 1956 года. В действительности товары, на которые были заморожены цены, в том числе мясо, продаются рабочим в ограниченном количестве. Рабочая семья на национализированных рудниках ест мясо только один раз

¹ См. «Corporación Minera de Bolivia» (COMIBOL). Ing Goosen Broesma, Gerente General y Dr. Guillermo Bedregal, Presidente: Programa Integral de Defensa de la Nacionalización de las Minas. Mayo, 1960.

в неделю. 3. «Пересмотр размеров взносов на социальное страхование». Речь идет о сокращении взносов КОМИБОЛ в Национальную кассу социального страхования, что означало бы улучшение финансового положения КОМИБОЛ за счет Национальной кассы социального страхования. 4. «Уменьшение общих расходов». Речь идет о расходах «профсоюзных комиссий», «пособиях», «произвольном и чрезмерном использовании транспортных средств, расточительстве взрывчатых веществ и вообще рабочих материалов и т. д.» Для «увеличения производства» в «Программе» выдвигаются следующие предложения: 1. «Капитализация», включающая программу капиталовложений на различных рудниках. «Эта программа капиталовложений,— пишут президент и управляющий КОМИБОЛ,— непременно сделает возможным прогресс горнодобывающей промышленности. Эти капиталовложения могут осуществляться частично путем получения европейских и других кредитов на средний и длительный срок исключительно в виде оборудования и материалов в соответствии с нашей первоначальной платежеспособностью и при разумной процентной ставке или посредством разработки программ капиталовложений для механизации некоторых рудников, которые могли бы представляться Межамериканскому банку развития». 2. «Более рациональное использование рабочей силы». 3. «Новое трудовое сознание». «Дальнейшая затяжка, откладывание решений,— пишут авторы программы,— означали бы для страны и ее революционного авангарда, то есть для рабочего класса, лишь достойную сожаления неудачу, в историческом смысле движение назад, которое будет иметь пагубные последствия для демократических свобод в стране, и недопустимое оттягивание завоевания экономической независимости страны».

Примечательно, что линия руководителей КОМИБОЛ полностью совпадает с экономической политикой правительства. Все указанные меры касаются следствий, а не причин критического положения горнодобывающей промышленности. Более того, каковы бы ни были их намерения, поставленная ими цель не имеет ничего общего с защитой национализированных рудников. Способствовать росту безработицы — это значит вносить смятение и деморализацию в ряды профсоюзов горняков, ослаб-

лять и подрывать их, доводя рудники до полного краха. Создавать в конечном счете «смешанные предприятия» и вводить систему сдачи рудников в «аренду» частным предприятиям в соответствии с проектом горного кодекса «Гратакап» * — значит начать процесс денационализации. Разморозить цены на четыре вида потребительских товаров — значит нанести еще один удар по реальной заработной плате рабочих, которая и без того уже резко снизилась в результате «стабилизации валюты», начавшейся 15 декабря 1956 года.

Что касается капитализации при помощи займов империалистических государственных или частных организаций, то это чистая утопия. Жизнь показывает, что такие займы влекут за собой навязывание экономических и политических условий, абсолютно несовместимых с интересами страны. Последним убедительным доказательством этого является заем в 2 миллиона долларов с уплатой высокого процента, предоставленный оловоплавильной компанией «Уильям Харвей» под залог боливийской квоты в «стабилизационном резервном фонде». Все олово высокой степени чистоты, которое будет произведено до 1965 года, заложено этой компании, а часть займа уже использована на цели, отличные от тех, на которые он предназначался. Пытаться спасти национализированные рудники, оставляя в неприкосновенности оловянные цепи, которыми страна прикована к империализму, все равно что спасти тонущий корабль, увеличивая пробоины в его корпусе.

Положение КОМИБОЛ является следствием экономической политики, проводимой правительством в соответствии с директивами Международного валютного фонда (МВФ). Как известно, МВФ ставит следующие цели: обесценить боливийскую валюту, сохранив международный курс американского доллара, несмотря на его постоянное обесценивание; гарантировать соблюдение интересов международных капиталистических монополий в национальной экспортной торговле, лишить капиталов такие государственные предприятия, как КОМИБОЛ, ЯПФБ (Боливийская государственная нефтяная компа-

* Проект кодекса, разработанный американской фирмой «Гратакап». — *Прим. ред.*

ния), Боливийская корпорация развития *, «Государственные железные дороги» и т. д., и обеспечить прибыли бюрократической компрадорской буржуазии.

Для подкрепления этой позиции КОМИБОЛ прилагает к своей «Программе» «Дополнительные комментарии», в которых приводит данные Бюро статистики металлов, опубликованные в «Металлгезельшафт», о мировом производстве и потреблении олова, пытаясь доказать, что правительству нет необходимости менять политику. Однако приведенные данные свидетельствуют о настоятельной необходимости коренного изменения этой политики.

Согласно этим данным, мировое производство олова выглядит следующим образом (в тыс. т):

Страна	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Малайя	55,8	58,5	58,1	57,8	57,2	61,7	62,2	63,3	60,2	39,1
Индонезия	29,5	32,6	31,5	35,6	34,4	36,4	33,9	30,5	28,2	23,6
Бельгийское Конго	14,0	13,7	13,9	14,0	13,5	15,3	15,3	14,8	14,5	11,3
Боливия	34,7	31,7	33,7	32,5	35,4	29,3	28,4	27,3	28,2	18,0
СССР	1,5	2,0	1,5	2,0	1,5	1,5	1,5	5,7	13,7	18,8
Китай	10,3	10,1	11,9	12,5	14,4	16,1	20,5	19,5	20,1	28,0
Остальные	26,1	28,3	38,2	28,7	30,9	20,5	32,2	34,3	36,3	26,6
Всего	171,9	176,9	178,8	183,1	189,8	180,8	194,0	195,5	201,2	165,4

* Государственная организация, созданная в декабре 1942 года для осуществления строительства ряда важнейших объектов, прежде всего шоссейных дорог. Сейчас в ведении БКР находится несколько государственных предприятий, в том числе сахарный и цементный заводы. — Прим. ред.

Потребление олова (в тыс. т):

	1949 г.	1950 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Капиталистические страны	114,3	153,3	140,7	123,8	126,1	135,3	149,2	154,3	150,7	145,0
Социалистические страны	14,8	17,0	17,7	19,1	19,8	29,0	25,0	25,0	28,5	28,5
Всего	129,1	170,3	158,4	142,9	145,9	155,3	174,2	179,3	179,2	173,5

Как видно из таблицы, производство олова постоянно превышает потребление на мировом капиталистическом рынке. Это очень важный факт. С другой стороны, приведенные выше данные свидетельствуют о резких колебаниях в потреблении олова. Эти колебания соответствуют периодам спада капиталистической экономики. Это еще одно доказательство неустойчивости мирового капиталистического рынка. Поэтому как США, так и Англия создают резервные запасы, особенно в периоды понижения цен, нанося серьезный ущерб странам-производителям. В этом же документе утверждается, что США создали значительные запасы так называемых стратегических металлов, в связи с чем они почти полностью прекратили импорт олова, доведя до полного разорения своих традиционных поставщиков, в том числе Боливию. Англия также создала запасы олова, превышающие 20 тысяч т, с тем чтобы выбросить их на рынок в период с июня 1960 по июнь 1961 года, «когда все еще будет действовать контроль над ценами». Не следует упускать из виду, что Англия продает боливийское олово, выплавленное компанией «Уильям Харвей». Как бы то ни было, единственными пострадавшими оказываются страны-производители.

Совершенно иное положение существует в Советском Союзе и Китайской Народной Республике, ко-

торые, увеличивая производство, повышают и потребление. В этих странах нет колебаний, вызываемых внутренними неразрешимыми противоречиями капитализма, которые обуславливают его циклическое развитие. Уже одно это указывает направление, в каком должна была бы развиваться внешняя торговля Боливии. Общеизвестно, что капитализм переживает упадок, что его сотрясают периодические кризисы, что его основы подрывает усиливающийся общий кризис. В то же время социализм укрепляется и развивает свои производительные силы невиданными темпами, без каких-либо потрясений. Боливия может осуществлять политику создания разносторонней горнорудной промышленности, лишь проводя независимую внешнюю политику, которая даст ей возможность направить внешнюю торговлю по новым каналам. Только при этом условии она сможет заменить олово как основной продукт экспорта медью, свинцом, цинком и другими полезными ископаемыми, для добычи которых имеются большие возможности.

Данные о мировом производстве и потреблении свинца и цинка за 1949—1953 годы объективно показывают, что в капиталистических странах производство этих металлов постоянно превышает потребление, тогда как в СССР и Народном Китае увеличение производства означает непрерывное увеличение потребления.

Все эти данные подтверждают наши слова о том, что мировой капиталистический рынок не обеспечивает и не гарантирует экспорта руд из Боливии, тогда как мировой социалистический рынок с его постоянным увеличением потребления металлов открывает для боливийского экспорта надежные перспективы.

Когда в январе 1958 года президент Эрнан Силес Суасо изъявил желание ознакомиться с моими впечатлениями от поездки в Советский Союз, он пригласил меня для беседы в президентский дворец, предоставив мне, таким образом, возможность сообщить ему о выгодах, которые имело бы для боливийского народа установление торговых отношений с Советским Союзом. Интерес, проявленный Силесом, побудил его просить меня подготовить письменное сообщение, в котором, в частности, говорится:

«Установление торговых отношений с Советским Союзом имеет для Боливии чрезвычайно большое значе-

ние с точки зрения как защиты цен на сырье, так и независимого развития национальной экономики.

Мы не должны забывать, что именно зависимость Боливии порождает ее постоянную экономическую и финансовую неустойчивость со всеми вытекающими отсюда экономическими и социальными последствиями.

До настоящего времени экспорт Боливии в США или в лучшем случае в Англию представляет собой руду с очень низким содержанием металла. Фрахт за перевозку по железной дороге и морем, страховые сборы, пошлины и налоги на экспортируемое сырье, плата за плавку и т. п. губительно сказываются на экономике страны.

Ко всему этому следует добавить, что США, как известно, решили обложить высокими налогами импорт свинца, цинка и других полезных ископаемых, что омрачает перспективы развития основной отрасли экономики нашей страны. С другой стороны, экспортируя руду с низким содержанием металла, мы за счет эксплуатации боливийских рабочих обеспечиваем сказочные прибыли монополиям, переплавляющим наши руды за границей, тогда как, установив плавильные печи в нашей стране, мы могли бы обеспечить занятость всей рабочей силы в Боливии. В случае если правительство решит официально рассмотреть вопрос об установлении этих отношений, Советский Союз готов поставить установки и плавильные печи для переработки всех руд и оказать помощь специалистами в течение времени, которое сочтет необходимым правительство, пока не будут подготовлены наши собственные технические кадры.

Организация предприятий для переработки различных руд, имеющихся в Боливии, обеспечит создание разносторонней горнорудной промышленности. Установка плавильных печей откроет новые внешние рынки для продажи уже не руд, а металлов и явится, кроме того, решающим шагом в направлении индустриализации, то есть в изготовлении жести, труб, проволоки и т. д.

Советский Союз заинтересован в приобретении у нас значительного количества свинца и меди.

По заключению геологов и инженеров, в Боливии имеются богатые и обширные месторождения свинца и меди. Содержание свинца в руде превышает 80 процентов. Тем не менее добыча свинцовых руд не получила должного развития.

Почему же не развивается добыча свинцовой и медной руд, в то время как американские компании подали заявки на концессии, чтобы закрепить за собой тысячи гектаров земли с залежами медной руды с целью превращения их в резервные? Это происходит потому, что из-за нашей экономической зависимости и вытекающей из нее ограниченности торговых связей Боливия стала страной, производящей главным образом один продукт — олово.

Боливия не занималась разработкой месторождений меди в широком масштабе из-за отсутствия средств механизации и рынков, которые могли бы поглотить всю продукцию.

Советский Союз готов установить обогатительные фабрики, предприятия и плавильные печи для переработки медной, свинцовой и других руд с оплатой в приемлемые сроки, а также готов оказать помощь техническим персоналом в вышеуказанной форме».

Расширенное совещание Профсоюзной Федерации горняков Боливии решило отвергнуть так называемую «Общую программу защиты национализации рудников», составленную в мае 1960 года, и поставить на рассмотрение правительства следующие требования: 1) Изменение экономической политики правительства. 2) Установление торговых отношений с Советским Союзом. 3) Создание разносторонней горнорудной промышленности. 4) Установка плавильных печей для переработки оловянной и других руд.

Нефтяная политика

Мы живем в эпоху, которая характеризуется переходом от капитализма к социализму, непрерывным развитием науки, техники, экономики и повышением материального благосостояния и культурного уровня народов мировой социалистической системы. В то же время характерной чертой нашей эпохи является упадок мировой капиталистической системы, обусловленный развитием социализма и национально-освободительного движения, ускоряющими крушение империализма и тем самым распад колониальной системы. Все это обостряет существующие противоречия и усиливает общий кризис капитализма. Член английского парламента консерва-

тор Роберт Бутби высказался совершенно правильно в газете «Дейли экспресс» 10 октября 1957 года: «Запад уступает позиции коммунизму. Коммунизм лидирует в любой области, будь то спутники, ракеты, водородное оружие, дипломатия или промышленное развитие».

Действительно, международное и внутреннее положение народов меняется. Наша эпоха — эпоха крутого поворота. Этот поворот отражает тенденцию к переходу от капитализма к социализму в общем развитии человечества. Для колониальных, полуколониальных и зависимых стран этот поворот знаменует этап завоевания национальной независимости путем проведения аграрной и антиимпериалистической революции, являющейся частью мировой социалистической революции.

Поэтому не удивительно, что в странах Ближнего и Среднего Востока и Латинской Америки все больше ширится движение в защиту национальных интересов, движение, развивающееся с особой силой, когда дело касается нефти. Точно так же не удивительно, что крупные американские и английские нефтяные тресты действуют на всех фронтах — дипломатическом, военном, экономическом, политическом и других, используя все средства и ресурсы, чтобы в одних случаях укрепить свои позиции, в других завоевать новые с целью сохранить свое господство не только в экономически отсталых странах, но и в странах с развитой капиталистической экономикой и в своей собственной метрополии, где они уже давно держат в своих руках экономическую и политическую власть. Комментируя книгу американского экономиста Виктора Перло «Империя финансовых магнатов», Ф. Пископпель пишет следующее: «Приходится ли после этого удивляться, что в нынешнем правительстве Соединенных Штатов лучше всего представлены Рокфеллеры?.. Интересы нефтяной империи представляет и связанный с Рокфеллерами государственный секретарь Д. Ф. Даллес... Он давно служит Рокфеллерам то в качестве адвоката Стандард ойл оф Нью-Джерси, то членом правления многочисленных корпораций, контролируемых нефтяными королями»¹.

Зная это, легче объяснить политику США по отношению к странам Латинской Америки и другим райо-

¹ «Новое время», № 6, 1958, стр. 29—30.

нам мира, в которые вцепились нефтяные тресты. Проблема нефти тесно связана с вопросом о независимости и суверенитете Боливии.

История боливийской нефти, согласно делению, принятому ЭКЛА, включает четыре этапа: 1. От начала разведки и добычи нефти до 1937 года. 2. С 1937 по 1952 год. 3. С 1952 по 1956 год. Четвертый этап начинается с 1956 года. Тем не менее мы должны прежде всего рассеять сомнения многих боливийцев относительно нефтяных возможностей нашей страны, сомнения, делающие их пассивными именно в тот момент, когда все прогрессивные и демократические силы должны объединиться для осуществления общей цели — защиты национальных интересов и решительно действовать в борьбе за национальную независимость.

В 1922 году доктор Педро Ноласко Лопес, бывший в то время депутатом национального парламента, опубликовал книгу «Боливия и нефть», основанную на палеонтологических и геологических исследованиях страны, которые проводили боливийцы Росендо Эчасу, Мануэль Висенте Бальвиан, Леонардо Ольмос и другие, а также иностранцы — геологи Веедель Бурмейнстир, барон Нордескьольд, Джон Вильям Эванс, итальянский профессор Луиджи Бальзам, геолог Карлос Хайман, доктор Лангобарди, Бонарелли Штеймен, Бондербендер, доктор Стенли К. Гарольд, О'Коннор и другие. Автор этой мало известной книги приходит к заключению, что нет оснований сомневаться в «существовании обширных залежей нефти на боливийской территории».

Интересно отметить, что, судя по этой книге, дон Хосе Мария Даленсе «говорит об открытии асфальта или натуральной смолы в округе Тариха, сделанном Барбой в XVII веке»; что во время правления Мельгарехо Мокст и Харрес получили в соответствии с решением от 9 января 1867 года право «на добычу и очистку нефти» в провинции Салинас де Тариха, а Энрике Ариас, «неутомимый исследователь», по выражению доктора Лопеса, первым начал поиски нефти в гористой местности Инкауаси в 1896 году.

В книге «Боливия и нефть» говорится также об опытах перегонки нефти методом Энглера и о всех экспериментальных проверках, проведенных с целью

доказать, что на территории Боливии имеются большие запасы нефти.

В плане экономической политики находящегося у власти правительства (в 1955 году) также отмечались эти «очень серьезные возможности наличия больших скоплений нефти...» Со своей стороны ЭКЛА заявила, что существование нефти на боливийской территории гарантируется предварительным изучением геологической структуры страны. Таким образом, отбрасываются все сомнения о существовании крупных нефтеносных пластов примерно на двух третях территории страны.

На первом этапе нефтяной политики право на разработку залежей нефти до 1917 года предоставлялось навечно. В департаментах Чукисака, Ла-Пас, Санта-Крус и Тариха было предоставлено более 80 концессий общей площадью 3 746 172 га.

12 декабря 1916 года либеральное правительство Монтеса объявило нефтяные залежи Боливии исключительной собственностью государства, запретило их передачу в концессию и ввело 10-процентные отчисления с добычи. Однако правительство Гутьерреса Герры, также либеральное, законом от 24 февраля 1920 года разрешило аренду государственных запасов. В соответствии с этим законом 28 февраля 1920 года американской компании «Ричмонд Ливеринг компани» и другим были предоставлены концессии общей площадью 2 355 тысяч га. В этих обстоятельствах Национальный конвент* 20 июня 1921 года принял закон, согласно которому запасы нефти и других видов горючего объявлялись находящимися в непосредственном владении нации, неотчуждаемыми и не переходящими в чью-либо собственность за давностью. Этот закон ограничил площадь концессий 100 тысячами га при сроке не более 55 лет и увеличил отчисления с добычи до 11 процентов. Тогда боливийцы и иностранцы подали более двухсот заявок на разведку и добычу нефти в департаментах Ла-Пас, Бени, Санта-Крус, Кочабамба, Чукисака, Тариха, Потоси и Оруро.

* Конвентом назывался в Боливии парламент, собиравшийся или на чрезвычайную сессию для принятия законов конституционного характера, или для назначения президента после государственного переворота.— *Прим. ред.*

Как известно, концессии «Ричмонд Ливеринг компани» и других в 1922 году перешли к «Стандард ойл». Это событие знаменовало усиленное проникновение американского империализма в Боливию в результате признания передачи упомянутых нефтяных концессий, при помощи займа Николауса, а также через участие американских акционеров в рудниках Симона И. Патиньо и т. д. Период после войны 1914—1918 годов ознаменовался усилением влияния американского империализма в Латинской Америке, где он систематически захватывал новые позиции, зачастую вытесняя английский, а также французский и немецкий империализм.

Уже в 1922 году доктор Педро Ноласко Лопес писал: «Широкое использование нефти в виде сырья, горючего или смазывающих материалов и ее значение в последней европейской войне приводит к тому, что бархатистое жидкое золото выходит на мировую арену и начинает играть важную роль... Народ должен вмешаться в решение проблемы нефти, так как его как производителя или потребителя касаются и блага, которые несет нефть, и катастрофа, в которую она может его ввергнуть». Поэтому Ноласко Лопес называет эту проблему одной из «важнейших для дела мира». Он предостерегает против политики великих держав, которые оспаривают гегемонию в мировой экономике, «постоянно опираясь на свою военную мощь, под вывеской «Стандард ойл» и «Ройял Датч Шелл».

И действительно, Англия еще в 1901 году устами первого лорда адмиралтейства Хьюма Лонга так определила свою нефтяную политику: «Если нам удастся сохранить за собой имеющиеся в мире пригодные для разработки запасы нефти, мы сможем поступать так, как нам заблагорассудится... Мы стоим на пороге величайших возможностей, и нация должна позаботиться о том, чтобы занять дом до того, как его займут другие и унесут ключ ко всем будущим успехам»¹.

После первой мировой войны борьба за нефть между английским и американским империализмом заметно обострилась. «Стандард ойл» и ее филиалы получили самые большие концессии на американском континенте. Значительная часть запасов нефти на территории Боливии оказалась в их руках.

¹ Pedro Nolasco López, Bolivia y el Petróleo.

Предвидение депутата Педро Ноласко Лопеса о «катастрофе», которую может вызвать проблема нефти, сбылось, когда спустя десять лет народы Боливии и Парагвая, переживавшие серьезный экономический кризис, явившийся следствием кризиса 1929—1933 годов, в 1932 году были втянуты компаниями «Стандард ойл» и «Ройял Датч Шелл» в войну в Чако.

Патриотические усилия сенатора Абея Итурральде и депутата Педро Ноласко Лопеса, направленные на защиту боливийской нефти, явились, без сомнения, важными предпосылками национализации нефти после войны в Чако.

В двадцатые годы нашего века почти все страны Латинской Америки, за исключением Аргентины, осуществившей национализацию нефти, решали нефтяную проблему чрезвычайно просто. Боливия предоставляла концессии, нисколько не заботясь о будущем и, возможно, не отдавая себе отчета о происходивших в мире событиях.

Деятельность «Стандард ойл», чьи концессии находились в департаментах Чукисака, Тариха и Санта-Крус, продолжалась пятнадцать лет — с 1922 по 1937 год — и сводилась, как уже говорилось, к следующему: 1) «Стандард ойл» уклонялась от уплаты налогов и отчислений с добычи; 2) продавала Боливии перуанскую нефть; 3) тайно вывозила боливийскую нефть; 4) вынудила Боливию заплатить 1750 тысяч долларов за данные геологической разведки и географические карты; 5) развязала войну в Чако. Таковы в общих чертах основные моменты нефтяной политики на первом этапе, которые должны были бы послужить для будущих правителей Боливии уроком, предостерегающим их от повторения политики предательства национальных интересов, политики антинациональной и антинародной в своей основе, особенно в период, когда у народа Боливии, у всех колониальных и зависимых народов на повестке дня стоит борьба за национальную независимость.

Поняв империалистический характер войны в Чако, боливийский народ начал национальное движение, приведшее к отмене концессий «Стандард ойл», о чем было объявлено в декрете-законе от 7 июля 1936 года. В декрете-законе от 21 декабря того же года было объ-

явлено об организации Боливийской государственной нефтяной компании (ЯПФБ). Основным законом о создании ЯПФБ был введен в действие декретом-законом от 6 мая 1937 года, а декрет-закон от 5 ноября того же года объявил государственным фондом все нефтяные залежи республики, закрепив их за ЯПФБ. Так начался второй этап истории боливийской нефти, этап политики защиты нефти.

Первоначально деятельность ЯПФБ была затруднена из-за нехватки оборудования и технического персонала.

Общее производство сырой нефти ЯПФБ, организованной с первоначальным капиталом в 10 миллионов боливиано, в 1937 году несколько превысило 20 тысяч куб. м. Затем производство медленно увеличивалось до 1949 года, когда оно достигло 107 700 куб. м, после чего к 1952 году производство упало до 83 500 куб. м (по данным ЭКЛА).

Чем же объясняется столь медленное и мучительное развитие боливийской нефтяной промышленности, а значит, и тяжелое положение ЯПФБ? Отсутствием национальной ориентации в правительственной политике с 1937 по 1952 год! Вот почему на втором этапе «Стандард ойл» имела возможность и дальше действовать из-за границы. Она продолжала использовать Боливию как рынок сбыта перуанской нефти и нефтепродуктов, в результате чего ресурсы государства значительно уменьшились и оно лишилось возможности способствовать развитию ЯПФБ. Подчинившись навязанным империализмом условиям, правительства направили все внимание на горнорудную промышленность. Они встали на защиту интересов «оловянных баронов», забыв об интересах государства и народа. Постоянное вмешательство американцев до конца 1949 года в вопрос о ценах на олово и о квотах на его экспорт, маневры американских монополий вокруг этого экспортного продукта и отсутствие патриотических чувств у правителей страны привели к тому, что государство утратило способность развивать государственную нефтяную промышленность. Можно сказать, что зависимое положение боливийской экономики и является причиной того, что с 1937 по 1952 год правительства не были обеспокоены прозябанием ЯПФБ.

Пока Боливия будет зависеть от империализма, она не сможет обеспечить самостоятельное развитие своей экономики, не сможет вырвать народ из нищеты. Правительства, представляющие то латифундистов, то так называемых «оловянных баронов» или торговую бюрократическую буржуазию, конечно, не могут проводить политику действительно национальную и демократическую по содержанию.

В 1951 году главные инженеры и управляющий ЯПФБ собрались по своей инициативе на совещание для изучения проблем, стоящих перед этой организацией. 12 января того же года они направили записку генеральному управляющему, в которой говорилось, в частности, следующее: «Как Вам известно, положение ЯПФБ в настоящее время очень серьезно, так как совместное действие различных факторов экономического, политического и социального характера создает такую обстановку для нашей организации, что если не принять своевременно энергичных и разумных мер, то в недалеком будущем перед нами встанут настолько серьезные проблемы, что они, возможно, приведут к ликвидации ЯПФБ как государственной организации и тем самым к гибели прекрасной идеи освобождения и национальной самостоятельности». В таком положении оказалась ЯПФБ, несмотря на то что в сороковых годах Боливия получила от Экспортно-импортного банка кредит 8,5 миллиона долларов, предоставленный Боливийской корпорации развития (БКР) для нефтяной промышленности. Вместе с займами Центрального банка эта сумма составила почти 22 миллиона долларов, вложенных в строительство нефтеперегонных заводов в Кочабамбе и Сукре и нефтепровода Камири — Кочабамба с ответвлением на Сукре.

По окончании второй мировой войны, в условиях, «когда империалисты готовятся к новому переделу мира, — говорится в письме Политической комиссии коммунистической партии, посвященном проблеме нефти и защиты национального суверенитета и направленном в парламент 10 сентября 1957 года, — американские нефтяные тресты возобновляют давление на Боливию, намереваясь снова захватить контроль над запасами нашей нефти. Тем не менее, для того чтобы скрыть свои истинные цели, они не препятствуют... начавшемуся

строительству нефтепроводов и нефтеочистительных заводов». Это значит, что американские нефтяные тресты никогда не оставляли мысли о возвращении в Боливию. Это намерение весьма откровенно выражено в докладе главного геолога «Стандард ойл» Прэта, прочитанном в Канзасском университете в 1941 году: «...обстоятельства, связанные с международной обстановкой, ослабили давнишний интерес США к нефтяным ресурсам Латинской Америки; в будущем, естественно, этот интерес снова станет учитываться; тогда нашим гражданам будет гарантировано право на эксплуатацию этих ресурсов». «Действительно, — говорится далее в вышеупомянутом письме коммунистической партии, — этот интерес усилился во время нахождения у власти правительственной хунты, возглавлявшейся Монхе Гутьерресом, причем предпринимались попытки ликвидировать статус нефтяных запасов как государственного фонда под предлогом эксплуатации их смешанными компаниями с участием американских нефтяных трестов. Благодаря бдительности народа эти попытки потерпели неудачу».

Ни одно из правительств в период с 1937 по 1952 год не решилось на денационализацию нефти, несмотря на то что все они в большей или меньшей степени подчинялись диктату американского империализма.

Начало третьему этапу истории боливийской нефти положили изменения, происшедшие в связи с народным восстанием в апреле 1952 года, вызвавшим одно из самых значительных массовых движений в истории Боливии вообще или по меньшей мере нашего века. Это восстание, давшее возможность национализировать крупную горнодобывающую промышленность и принять закон об аграрной реформе, естественно, пробудило у народа надежду, что правительство НРД предпримет меры, направленные на освобождение страны. Но эта надежда не оправдалась. Под давлением империализма и его агентов правительство начало проводить политику колебаний и компромиссов; оно колеблется, не зная, что предпринять: осуществлять независимую политику или подчиниться требованиям американских империалистов. Оно оставило всякие попытки защищать цены на оловянную и другие руды, несмотря на то что именно такая защита была самым надежным средством обеспе-

чить развитие нефтяной промышленности, земледелия, животноводства, обрабатывающей промышленности и т. д. Правительство предпочло не оказывать никакого сопротивления империалистическому давлению и заняться «созданием разносторонней экономики» с «американской помощью», что привело к инфляции, усилившейся с головокружительной быстротой. Это как раз и нужно было империализму, чтобы беспрепятственно завладеть нашими природными богатствами, главным образом нефтью.

Такая политика весьма омрачила перспективы национализированных рудников, находящихся, как мы уже видели, вместе с ЯПФБ и всеми другими государственными предприятиями на грани краха.

Действительно, недостаточно провести национализацию, не наметив новые пути улучшения условий для развития внешней торговли. Пользуясь подходящим случаем, следует указать на ошибку, в которую, искренне заблуждаясь, впадают многие, считая, что национализация всегда является социалистической мерой.

Просто национализация является и буржуазной мерой. Можно привести пример Великобритании, которая национализировала свою сталеплавильную промышленность, свои железные дороги и т. д., однако все еще далека от социализма со своей монархией и крупными частными монополиями, особенно нефтяными, такими, например, как «Ройял Датч Шелл», действующей в настоящее время в Боливии.

В таких экономически слабо развитых и зависимых странах, как Боливия, настоятельно необходимо осуществление мероприятий не социалистического, а демократического, антиимпериалистического характера. Они должны быть направлены на защиту национальных интересов, и цель их состоит в завоевании экономической и политической независимости страны. Именно таких мероприятий и не осуществляет правительство НРД. Несмотря на то, что империализм всячески пытается понизить цены на олово, вынуждая Боливию продавать его по цене ниже себестоимости, в результате чего при правительстве Пас Эстенсоро страна потеряла 50 миллионов долларов в год, это правительство, хотя и располагавшее поддержкой подавляющего большинства народа, подчинилось диктату государст-

венного департамента США. В 1955 году оно присоединилось к Закону о взаимном обеспечении безопасности (о защите американских капиталовложений за границей), как будто Боливия имеет капиталовложения в других странах. По этому закону американские вкладчики капитала полностью поддерживаются законами США, «что бы ни случилось, в ущерб интересам страны», где имеются инвестиции. Это колонизаторская политика, и правительство поддержало ее, присоединившись к закону о взаимном обеспечении безопасности. Вслед за этим правительство начало раздавать нефтяным трестам концессии на разработку залежей нефти, утверждая при этом, что в недалеком будущем атомная энергия вытеснит нефть, а поэтому, пока не поздно, необходимо передать боливийскую нефть крупным компаниям, чтобы она не осталась под землей и чтобы Боливия хоть что-нибудь от нее получила. Представители правительственной партии даже выдвинули «тезис» о необходимости выжать из империалистов все, что можно, чтобы потом использовать это против них же.

На третьем этапе, особенно в 1953, 1954 и 1955 годах, правительство способствовало развитию нефтяной промышленности, надеясь заменить олово как продукт экспорта нефтью. Эта политика, естественно, не дала почти никаких результатов.

В сентябре 1952 года правительство подписало с американской компанией «Глен Маккарти» договор о предоставлении ей концессии в районах Лос Монос и Агуа Салада. Так правительство вступило на путь предоставления концессий, что было открыто признано в «Плане экономической политики» 1955 года.

«Нынешнее правительство проводит политику открытых дверей, — говорится в упомянутом плане. — Частным вкладчикам капитала, заинтересованным в разработке боливийской нефти, были предложены и сейчас предлагаются специальные контракты. В соответствии с этой политикой был подписан контракт с американской компанией, которая в настоящее время действует на юго-востоке Боливии. Другая крупная американская фирма ведет предварительное изучение с той же целью».

«В процессе подготовки находится, — говорится далее в этом плане, — новый всеобщий закон о нефти, в

котором будут предусмотрены соответствующие гарантии для частных капиталовложений в этой отрасли промышленности».

Тем не менее следует подчеркнуть положительную сторону третьего этапа. Развитие нефтяной промышленности позволило ЯПФБ показать, что создание государственных предприятий, гарантируя эксплуатацию естественных ресурсов в интересах страны, отвечает национальным и народным чаяниям.

По данным ЭКЛА, первоначальная стоимость основного капитала выросла с 29 миллионов долларов в 1952 году до 56 400 тысяч в 1955 году, а действительная стоимость — с 22 700 тысяч до 39 200 тысяч долларов. Из всех капиталовложений в ЯПФБ, составляющих 23 100 тысяч американских долларов и 251 миллион боливиано, в 1953—1955 годах было вложено 20 300 тысяч долларов и 1 306 миллионов боливиано. Благодаря такому увеличению капитала ЯПФБ удалось расширить свою деятельность.

Открытие месторождений в песчаниках Сараренда в нефтеносном районе Камири в 1953 году позволило ЯПФБ поднять добычу нефти до 504 тысяч куб. м, то есть увеличить ее на 600 процентов по сравнению с 1952 годом. Благодаря этому в 1954 году был прекращен импорт нефти, а экспорт сырой нефти в 1955 году достиг 75 700 куб. м против 7 300 куб. м в 1942 году. Кроме того, был начат экспорт нефтепродуктов в соседние страны, который в 1956 году достиг 67 тысяч куб. м¹. С полным основанием ЯПФБ заявляет в документе, озаглавленном «Нефтяная политика в 1952—1956 годы», что, «если бы страна не имела этой промышленности и производства ЯПФБ, достигнутого за последние четыре года, правительство было бы вынуждено импортировать все необходимое количество продуктов для удовлетворения внутреннего спроса, заплатив за него по расчетам на 1955 год в ценах сиф порт * примерно 8 246 тысяч долларов». В случае импорта упомянутого количества нефтепродуктов при перевозке его железнодорожным транспортом пришлось бы уплатить фрахт

¹ ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

* Цена, включающая стоимость расходов на страхование и фрахт при перевозке водным транспортом.— *Прим. ред.*

1 450 тысяч долларов и 3 200 миллионов боливиано... Таким образом, в 1955 году государственная нефтяная промышленность принесла экономию в 9 696 тысяч долларов и 3 200 миллионов боливиано.

Разведывательные и бурильные работы усиливались. Были открыты нефтеносные пласты в Итапиренда и Буэна-Виста поблизости от Камири, а также в Торо к северу от Бермехо. Расширялись сейсмологические, геофизические, и аэрофотосъемочные исследования. С 1953 до середины 1956 года было пробурено 60 эксплуатационных и 7 разведывательных скважин. Количество переработанной нефти увеличилось с 61 881 куб. м в 1952 году до 338 230 куб. м в 1955 году. В результате увеличения производства нефти и нефтепродуктов их внутреннее потребление выросло с 1952 по 1955 год более чем на 20 процентов (по данным ЭКЛА). В этот же период были построены нефтепроводы Кочабамба — Оруро — Ла-Пас и Камири — Якуиба. Была построена фабрика по производству тары. Увеличились складские емкости, а также распределительная сеть. ЯПФБ улучшила свою организацию с точки зрения эффективности и укомплектованности специалистами. Однако невозможно утверждать, что в деятельности ЯПФБ не было ошибок. Президент и управляющий ЯПФБ вместе несут ответственность за «Ближайший план экономической политики», составленный в 1955 году, в котором совершенно недвусмысленно была сформулирована политика предоставления концессий нефтяным трестам, ведущая к ликвидации ЯПФБ. Конечно, у ЯПФБ могут быть другие технические и административные ошибки. Но, во всяком случае, за эти ошибки ответственность несет не только само предприятие, но и правительство, проводящее экономическую политику. Поэтому самое важное теперь состоит в том, чтобы не критиковать ЯПФБ, а защищать государственную монополию на добычу нефти и бороться за изменение политики правительства.

Капитулянтская политика, ставящая под удар самостоятельность, а значит, и существование такого национального предприятия, как ЯПФБ, — это не только результат ошибок, которые могут быть допущены даже при защите национальных интересов. Такая политика — это следствие проимпериалистической политической и философской концепции, направленной на то, чтобы за-

держат и уничтожить освободительное движение боливийского народа.

Четвертый этап политической истории боливийской нефти — это политика «открытых дверей», называемая так самим правительством. Она изложена в декрете-законе от 26 октября 1955 года, дополняющем Нефтяной кодекс, и в декрете от 24 января 1956 года, регулирующем применение этого кодекса. Эти документы свидетельствуют о продолжении политики концессий, начатой в 1952 году предоставлением концессий компании «Глен Маккарти». Этой политике полностью соответствуют декреты о так называемой «стабилизации валюты» от 15 декабря 1956 года, направленные на защиту интересов нефтяных трестов, получивших концессии на эксплуатацию боливийской нефти.

Прежде чем говорить о концессиях и Нефтяном кодексе, целесообразно указать на некоторые аспекты нефтяной политики правительства Силеса в соответствии с «планом стабилизации». В 1957 году железнодорожным компаниям было разрешено импортировать дизельное топливо, несмотря на то что ЯПФБ производит достаточное количество такого топлива для удовлетворения потребностей этих компаний. Дело в том, что ЯПФБ продавала дизельное топливо по более высоким ценам, чем Венесуэла, чтобы сохранить свою стабильность в условиях проведения политики, направленной на ее подрыв. В этой обстановке железнодорожные компании отказывались взять на себя такое косвенное субсидирование ЯПФБ, поскольку они также находились на грани краха в результате политики «стабилизации» и конкуренции автомобильного транспорта, которой особенно благоприятствовало осуществление 4-го пункта * программы «американской помощи». Так американский империализм наносит удар по английскому империализму, монополю владению железнодорожной сетью «Шпейер», и по государственным железным дорогам.

* Имеется в виду 4-й пункт так называемой программы Трумэна (провозглашена в январе 1949 года), предусматривающий «техническую помощь» слаборазвитым странам. В соответствии с 4-м пунктом США подписали ряд соглашений с целью усиления экономической экспансии американского капитала в эти страны.— *Прим. ред.*

С другой стороны, для финансирования первой очереди строительства нефтепровода Сикасика — Арика компания «Галф ойл» предоставила правительству заем в 5 миллионов долларов, при условии что правительство вернет 8 миллионов, то есть это был заем из 60 процентов. Для строительства второй очереди нефтепровода выдвигались аналогичные условия. Более того, по данным ЭКЛА, для того чтобы начать работы второй очереди, ЯПФБ должна была обеспечить резерв в 200 миллионов баррелей и минимальную дневную производительность в 20 тысяч баррелей. Если ЯПФБ не могла использовать нефтепровод на всю пропускную способность, то в использовании нефтепровода для его полной загрузки она должна была оказывать предпочтение «Галф ойл», чтобы та перекачивала на Тихоокеанское побережье добытую в Боливии нефть. Иначе говоря, ЯПФБ должна была построить нефтепровод для «Галф ойл».

Несмотря на то что ЯПФБ, как указывает ЭКЛА, «значительно увеличила производство, настал момент, когда для поддержания достигнутого уровня в течение разумного срока (10 лет) необходимо провести значительные работы по бурению эксплуатационных скважин, а для повышения уровня добычи с целью значительного увеличения экспорта необходимо проделать интенсивные разведывательные работы, которые бы дали возможность разрабатывать новые залежи. Все это требует трудно осуществимых крупных капиталовложений». Это означает, что были созданы все условия для ликвидации ЯПФБ и передачи нефти империалистическим трестам, уже действовавшим в Боливии под крылышком антинационального Закона о нефти, одобренного без рассмотрения боливийским парламентом. Этот орган законодательной власти не выполняет своих функций. Напротив, отказываясь от своих полномочий, он предоставляет чрезвычайные полномочия исполнительной власти, осуществляющей в результате этого экономическую и финансовую диктатуру в интересах американского империализма.

Площадь концессий, предоставленных до конца 1957 года, превышает 11 миллионов га. Концессионерами являются «Галф ойл компани», один из семи могущественных нефтяных трестов капиталистического мира

(господствующий на территории 3,5 миллиона га, в том числе в районах, входящих в зону Боливийской государственной нефтяной компании); другой представитель семерки трестов — «Стандард ойл оф Калифорния» (имеет 1 999 295 га); «Шелл проспектинг» (1 905 694 га), дочерняя компания еще одного представителя большой семерки «Ройял Датч Шелл», и, наконец, еще пять или шесть более мелких компаний, филиалов семи трестов. Общая площадь концессий и площадей, предоставленных для ведения разведывательных работ, превышает 70 миллионов га.

Мы не думаем, что правительству не известно о существовании международного нефтяного картеля, в состав которого входят «Стандард ойл оф Нью-Джерси», «Стандард ойл оф Калифорния», «Тексас ойл компани», «Сокони вакуум», «Галф ойл», «Ройял Датч Шелл» и «Англо-иранская нефтяная компания». Эти компании (первые пять — американские, последние две — английские), по словам американского сенатора Хеннингса, «контролируют мировую торговлю нефтью, что позволяет им устанавливать повышенные цены, приносящие им огромные прибыли...»

Предоставление концессий этим трестам означает принесение страны в жертву международному нефтяному картелю именно в тот период, когда народы не только Ближнего и Среднего Востока, но и всей Латинской Америки встали на защиту своей нефти. Именно об этом свидетельствует защита «Петробразы» бразильским народом и армией против попыток проникновения империалистических трестов. Именно об этом свидетельствует свержение Переса Хименеса, державшегося у власти вопреки воле венесуэльского народа и благодаря поддержке «Стандард ойл» и «Галф ойл». Об этом же свидетельствует свержение Перона, когда он попытался предоставить концессии «Стандард ойл». В 1958 году аргентинский народ вел героическую борьбу против планируемых Фрондиси контрактов. Именно аргентинские нефтяники в 1958 году объявили забастовку протеста против нефтяной политики правительства.

Аргентинский профессор Силенци Де Станьи, сотрудник Института Москони и участник Национального движения в защиту аргентинской нефти, в сентябре 1958 года писал по этому поводу: «...проблема нефти имеет

громадное значение, потому что от ее решения зависит сейчас наш национальный суверенитет... Я считаю, что есть два пути: путь концессий, по которому предполагается следовать, и путь национальный, путь укрепления Государственной нефтяной компании (ЯПФ)... Передача нефти и других источников энергии иностранным концернам создает опасность для нашей независимости». О причинах, вызвавших наступление нефтяных компаний в Аргентине, Де Станьи писал: «Одной из причин является международная обстановка: нефтяные концерны вот-вот окончательно потеряют несметные богатства на Среднем и Ближнем Востоке». И в заключение он подчеркивал: «Необходимо мобилизовать общественное мнение, чтобы ЯПФ не отступала. В это дело вносит важный вклад Национальное движение в защиту нефти, независимые участники которого, люди, стоящие на самых различных идеологических позициях, сходятся на необходимости защиты государственной монополии как одной из форм защиты нашего суверенитета».

Мы также не думаем, чтобы правительство не знало, что принесли арабским народам нефтяные компании, действующие в арабских странах. Французский журналист Мишель Боске, которого цитирует Эрнан Пирис, говорит в связи с этим: «До сих пор арабская нефть практически не принесла никакого улучшения в арабских странах. В Саудовской Аравии, где расточительство достигло еще большей степени, чем в Ираке, ежегодно на дворцы, гаремы и кадиллаки тратится 1400 миллионов песо [в уругвайских песо. — *Ред.*] В Кувейте, крупнейшем производителе нефти в арабских странах, шейх — властитель 150 тысяч подданных получает ежегодно (конечно, с Запада) 2100 миллионов песо. При распределении эти деньги обеспечили бы каждому гражданину годовой доход в 14 тысяч песо. Однако арабы никогда не видели этих миллионов. Они скапливаются в виде ценных бумаг в кладовых Английского банка. Кувейт располагает кредитом более чем в 15 миллиардов песо у английского казначейства. И арабские националисты видят в этих спящих миллионах, обеспечивающих англичанам высокий жизненный уровень, воду и хлеб, в которых отказывают их голодающим народам».

Что касается Нефтяного кодекса, то в упомянутом выше письме Политической комиссии коммунистической партии сказано следующее: «Этот кодекс является оскорблением для суверенитета нашей страны... В статье 104 говорится: «Государство получает 11 процентов отчислений» и т. д. Если мы сравним этот процент с тем, что платят эти же самые нефтяные тресты в других странах, то сразу увидим, жертвой какого обмана стала наша страна... Так, в Ираке итальянская компания ЭНИ отчисляет 75 процентов... В Венесуэле нефтяные компании платят 50 процентов, а с налогами — 70 процентов... В Кувейте «Галф ойл» платит 50 процентов помимо налогов... Это, конечно, не означает, что империалистические компании не расхищают богатства народов этих стран. Однако если они и там получают солидные прибыли, то гораздо большие прибыли они будут получать в Боливии при помощи продиктованных ими же законов, особенно если принять во внимание, что статья 120 предусматривает возможность снижения доли государства до 7,5 процента.

В связи с этим весьма характерно следующее заявление американского сенатора «демократа» Джона Спаркмана: «...Венесуэла, как известно, привлекательна с точки зрения помещения капитала. Прибыли на капиталовложения там, как правило, выше, чем в Европе и США».

В статье 102 говорится, что первоначальная плата за право эксплуатации одного гектара составляет по зонам: 1 зона — 40 центов, 2 зона — 30 центов, 3 зона — 20 центов. Цифры эти просто-напросто смехотворны...

Кодекс не предусматривает новых капиталовложений за счет полученных прибылей. Теоретически кодекс устанавливает твердый налог на прибыли в размере 30 процентов [статья 106]. Однако статьи 121—128 сводят на нет значение этого налога, так как он будет начисляться после целого ряда вычетов, например 27 процентов, в виде «коэффициента истощения»* от «общей стоимости» производства нефти, природного газа, битума и других добываемых и реализуемых веществ, не

* То есть под предлогом истощения месторождений.— *Прим. ред.*

говоря уже о вычете так называемых «оперативных расходов», включающих «эксплуатационные расходы», «безличные издержки», «амортизацию безличного актива», помимо амортизации капитала и т. д. и т. д. Все это на практике означает наглый обман.

Следует также указать прибыли империалистических нефтяных трестов в 1955 году на Ближнем Востоке, чтобы иметь представление о том, что они получают в Боливии при помощи составленного ими в своих интересах кодекса. «В 1955 году американские и английские нефтяные монополии добыли 150 миллионов тонн нефти, и обошлась она им всего в 240 миллионов долларов, то есть баснословно дешево, а чистой прибыли они получили на этой нефти 1900 миллионов долларов, за один год окупив все капиталовложения в этот нефтеносный район, а в Кувейте, например, за один квартал получили прибыли столько, сколько капитала там вложено за все время. В нефтяной промышленности в США потребовалось бы минимум 6—7 лет, чтобы окупить вложенный капитал»¹.

Венесуэльский политический деятель Эдуардо Мачадо говорит о Венесуэле: «Компания «Креол ойл», доходы которой за последний год составили 780 миллионов, а чистые прибыли — 328 миллионов долларов, является самым крупным бриллиантом в короне «Стандард ойл оф Нью-Джерси». Эта дочерняя компания [«Креол ойл»] дала в 1954 году 40 процентов чистых прибылей «Стандард ойл оф Нью-Джерси». И далее: «...«Ройял Датч Шелл», «Галф ойл», которые ведут свои дела с наименьшей расторопностью... получили 420 миллионов. Следует отметить, что капиталовложения этих и других компаний составляют 2 миллиарда долларов».

В соответствии со статьей 132 империалистические нефтяные компании освобождены на 4 года от уплаты налогов на импорт и экспорт, иначе говоря, на все то, что они ввозят и вывозят. И это еще не все. В соответствии со статьей 135 они освобождаются также и от уплаты всех существующих и будущих общегосударственных, департаментских, муниципальных налогов и

¹ А. И. Микоян, Речь на XX съезде КПСС. «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза, Стенографический отчет», т. I, стр. 303—304.

налога в пользу университетов. Иначе говоря, они пользуются такими привилегиями, каких у них не было даже в родной стране. При этом они обязаны выплачивать только 11 процентов отчислений и 30-процентный налог на прибыли, значительно заниженные в результате целого ряда вычетов, о которых мы уже говорили.

С другой стороны, Нефтяной кодекс не только обеспечивает крупные прибыли трестам, наносит ущерб экономике страны и ставит под удар суверенитет государства, но явно и бесспорно ведет дело к удушению государственной компании ЯПФБ, на которую боливийский народ возлагал и продолжает возлагать обоснованные надежды. Действительно, в то время как статья 159 признает за ЯПФБ исключительное право на разведку и эксплуатацию закрепленной за ней зоны, статья 161 сводит на нет это право, указывая, что «получив предварительное разрешение исполнительной власти [а не парламента, представляющего народ, как будто речь идет о второстепенных вопросах] для каждого отдельного случая, ЯПФБ может образовывать общества или заключать арендные или оперативные договоры с физическими или юридическими лицами о разведке и эксплуатации участков или районов, входящих в ее зону, а также об использовании извлеченных в этих районах ископаемых». На основе этой статьи «Галф ойл» уже было передано 150 тысяч га, а «Чакко Петролеум» — 200 тысяч га и богатый нефтью район Мадрахонес.

...Нефтяной кодекс ставит под удар законы и суверенитет страны прежде всего тем, что устанавливает продолжительность концессии в 40 лет [статья 67] и не предусматривает возможности возврата или национализации этих концессий по причине общественной необходимости и пользы. В этом отношении кодекс уступает Закону от 20 июня 1921 года, на основании которого были возвращены залежи нефти, захваченные «Стандард ойл». Кодекс полностью противоречит недвусмысленным положениям статей 108, 109, 110 и 111 действующей конституции. Кроме того, содержащиеся в кодексе положения об отмене, аннулировании и т. д. нефтяных концессий являются оскорблением национального достоинства, так как эти положения распространяются лишь на то, что не представляет никакого

интереса для американских нефтяных компаний или не нужно им [статьи 121—128]».

Этот кодекс был составлен американской адвокатской конторой «Дэвенпорт». Согласно Закону о взаимном обеспечении безопасности, «последнее слово в любом конфликте между боливийским государством и американскими нефтяными трестами» будет принадлежать американскому сенату, как если бы Боливия была американской колонией.

Проблема нефти имеет громадное значение. От ее решения зависит исход одной из наиболее значительных битв за национальную независимость. В этих условиях, когда произошло серьезное покушение на национальный суверенитет и сделана попытка добиться денационализации нефти, с тем чтобы ликвидировать затем ЯПФБ, Боливии остается единственной путь — защищать эту государственную компанию.

Как же следует действовать в данных условиях? Какие шаги в защиту нефти целесообразнее всего предпринять с учетом сложившейся обстановки? Прежде всего необходимо требовать от правительства изменить свою экономическую политику так, чтобы она отвечала национальным интересам. Кроме того, необходимо, чтобы правительство, осуществляя право на национальный суверенитет и самоопределение, начало проводить независимую внешнюю политику и установило отношения со всеми капиталистическими и социалистическими странами, особенно с Советским Союзом, чтобы свободно обсудить вопрос о финансировании ЯПФБ.

Правительство попыталось получить средства для ЯПФБ в США. Эта страна неоднократно заявляла, что «по принципиальным соображениям» она не предоставляет капиталов национализированным предприятиям, указывая в то же время, что имеются частные американские компании, готовые вложить свои капиталы и заменить государственные предприятия, для которых изыскиваются ресурсы. Правительство Боливии предпочло пойти именно по этому пути; иначе говоря, оно открыло двери финансовому капиталу и допустило частичную денационализацию нефти. В отличие от США Советский Союз в соответствии с принципом, подтвержденным в многочисленных заявлениях его руководителей, готов предоставить капитал и капитальные сред-

ства именно государственным, а не частным компаниям, чтобы способствовать независимому развитию слабо-развитых стран.

В письме Коммунистической партии Боливии, переданном мною президенту республики в соответствии с его просьбой 6 января 1958 года, изложены выгодные условия торговли с Советским Союзом, который готов предоставить Боливии не только рудничное оборудование, установки и плавильные печи, но и долгосрочные займы под низкий процент и нефтяное оборудование для ЯПФБ. По словам одного сотрудника ЯПФБ, это предложение несколько позже было подтверждено. Однако правительство до настоящего времени предпочитает придерживаться старой политики. Между тем политика концессий наносит серьезный ущерб экономике страны, усиливая ее экономическую и политическую зависимость.

СССР в наиболее тяжелый для ЯПФБ момент предложил ей долгосрочный заем в 65 миллионов американских долларов из 2 процентов годовых без каких-либо условий. Это предложение искренней братской помощи побудило профсоюзные организации во всех отраслях промышленности потребовать от правительства принятия этого кредита. Но правительство, вместо того чтобы идти на сближение с Советским Союзом, предпочитает подчиняться диктату американского государственного департамента.

В связи с этим боливийский сенатор Умбольдт заявил на одном из заседаний сената: «Мы плывем по антинациональному, антиболивийскому и антиреволюционному течению, сторонники которого пытаются выдать капиталовложения нефтяных трестов за единственный выход и единственную возможность извлечь наше жидкое топливо из-под земли... Проблему следует ставить в плане национального достоинства, памятуя, что Боливия является суверенной страной, имеющей не только право, но и обязанность проводить независимую внешнюю политику в интересах только Боливии и боливийцев». Палата депутатов приняла резолюцию, требующую установления отношений с Советским Союзом.

Далее, перед парламентом должен быть поставлен вопрос о существенном изменении Нефтяного кодекса.

К этому выводу пришли некоторые депутаты парламента. Сенатор Оскар Доносо поставил на обсуждение законопроект, представляющий патриотическую попытку сгладить оскорбление, нанесенное национальному суверенитету Нефтяным кодексом. И, наконец, необходимо поставить вопрос о пересмотре концессионных договоров с целью их последующей ликвидации в качестве позитивной меры, направленной на сохранение ЯПФБ.

Ясно, что осуществить эти меры невозможно без мобилизации общественного мнения, без организации широкого национального движения в защиту нефти. При этом нужно будет иметь в виду, что Латинская Америка уже не вотчина американского империализма. Об этом свидетельствуют конкретные факты: ненависть к вице-президенту США Никсону, продемонстрированная латиноамериканскими народами во время его поездки по Южной Америке; холодный прием, оказанный бразильским народом Джону Фостеру Даллесу 6 августа 1958 года; патриотическое поведение министра обороны Бразилии генерала Лотта, который во время совещания Даллеса с бразильскими министрами иностранных дел и финансов во дворце Итамарати в Рио-де-Жанейро поехал в Сан-Пауло и заявил на митинге: «Никто не посмеет прикоснуться к «Петробразу»*, вынудив тем самым Даллеса уехать несолоно хлебавши; единодушное требование латиноамериканских дипломатов в ООН о прекращении вооруженной интервенции США и Англии в Ливане и Иордании, направленной на защиту интересов нефтяных трестов; провал последнего совещания министров иностранных дел американских стран в Вашингтоне**; осуждение Перу и другими странами американской политики в отношении олова и цинка; решимость и твердость, с которыми правительство и народ Кубы борются за свою независимость, указывая остальным правительствам и народам Латинской Америки единственный путь к избавлению от цепей, связывающих их с американским империализмом.

* Бразильская государственная нефтяная компания.—Прим. ред.

** Имеется в виду совещание министров иностранных дел США и Латинской Америки в сентябре 1958 года, на котором обсуждались главным образом экономические проблемы отношений между США и латиноамериканскими странами.—Прим. ред.

Соотношение сил в мире изменилось. Уже в 1957 году из 2700 миллионов человек, населяющих земной шар, 1 миллиард жили в лагере социализма, а 700 миллионов освободились от колониального ига. К этому следует добавить независимые арабские народы, объединившиеся в борьбе против империализма, ряд независимых африканских народов и независимую Кубу. 600 миллионов человек, в том числе боливийский народ, борются за свою независимость. В лучшем случае на долю империалистических стран остается 400 миллионов человек, но и эти 400 миллионов не едины. В этих странах с каждым днем крепнет рабочее движение и движение в защиту мира во всем мире, охватывающее все более широкие слои населения. Эти движения интернационального характера существенно подрывают силы империализма. Поэтому в настоящее время борьба за национальную независимость Боливии может происходить в более благоприятных условиях¹.

Аграрная реформа

Анализ форм собственности, состояния техники и характера общественных производственных отношений до и после провозглашения закона об аграрной реформе дает нам возможность оценить глубину и содержание этого закона, непосредственные выгоды, полученные крестьянскими массами в результате реформы. Кроме того, подобный анализ позволит увидеть недостатки и извращения в применении закона, а также его влияние на национальную экономику.

Как мы уже говорили, население Боливии с давних времен сконцентрировалось в районах Альтиплано и в долинах, тогда как в восточной части страны, составляющей 70 процентов всей территории, обширные зоны вообще не заселены. Этим объясняется слабая заселенность Боливии. Средняя плотность населения составляет 3,2 человека на 1 кв. км. Однако если учитывать

¹ См. Raúl Ruiz González, Una batalla en la lucha por la Independencia Nacional: la Defensa del Petróleo. Лекция, прочитанная в университете г. Кочабамбы по приглашению Профсоюза нефтяников, 1957.

лишь обрабатываемую площадь, то плотность населения в некоторых районах довольно высока. Например, в провинциях Хордан, Кильякольо и Пумата (департамент Кочабамба) плотность населения в 1955 году составляла соответственно 66, 60, 42 человека на 1 кв. км. Это противоречие объясняет наличие как минифундий*, так и латифундий прежде всего в долине Кочабамбы.

Согласно предварительным данным ЭКЛА на основе переписи 1950 года, около 75 процентов боливийского населения было непосредственно занято в земледелии и животноводстве. Из 23,6 миллиона га сельскохозяйственных угодий (которыми, как считают, располагает Боливия) обрабатывалось только 654 200 га. В результате площадь пашни, приходившаяся на одного работника, была крайне незначительна — едва достигала 0,35 га. Таким образом, положение в Боливии гораздо хуже, чем в других странах континента.

Земельная собственность была чрезмерно сконцентрирована. 70 процентов земли находилось в руках 4,5 процента собственников. В остальном сельскохозяйственная экономика Боливии имела типично полуфеодалный характер. «Она полностью соответствует этому определению, — говорит Артуро Уркиди Моралес, — во-первых, потому что в нашей сельскохозяйственной экономике все еще существуют методы труда и производственные отношения эпохи феодализма; во-вторых, потому что сельскохозяйственное производство как в мелких хозяйствах, так и в латифундиях дает продукцию не только для собственного потребления, но главным образом для рынка, для товарообмена»¹.

Среди форм частной земельной собственности наиболее характерной и распространенной являлись латифундии, размеры которых колебались в зависимости от географических районов и иногда превышали 10 тысяч га.

Наряду с латифундиями существовала в крайне незначительном масштабе частная собственность в виде

* Мелкое, парцеллярное землевладение в противоположность латифундии. — *Прим. ред.*

¹ См. Arturo Urquidi Morales, Bases Sociológicas de la Reforma Agraria.

крупных сельскохозяйственных предприятий капиталистического типа, а также средняя и мелкая собственность. Собственность государственных организаций, например муниципалитетов, автономных и полугосударственных учреждений, в том числе принадлежавшие государству пустующие земли, имели характерные признаки латифундии. Наконец, в индейских общинах существовали одновременно общинная собственность и частная семейная собственность.

Крайне отсталая, более того, архаическая техника ограничивалась плугом, который тянули волю, и *уйсу* или *чакитахла* * доколониального периода. Земля, веками обрабатывавшаяся нерационально и неэффективно, скудно удобрялась гуано, поскольку химические удобрения были почти неизвестны. Методы ее обработки крайне устарели. В соответствии с принятой системой севооборотов обширные площади пашни не использовались в течение длительных периодов, чтобы земля «не уставала» и «не истощалась». По данным ЭКЛА, эти периоды иногда длились 9 лет. Агронические и агротехнические знания, как правило, основывались на повседневном опыте крестьян, то есть индейцев аймара и кечуа.

В боливийском сельском хозяйстве господствовали общественные производственные отношения феодального типа. Как следствие этого, производительные силы находились в состоянии полного застоя, что обуславливало низкий уровень производства, недостаточный для удовлетворения внутренних нужд страны. Несмотря на то, что в стране имелась реальная возможность производить все необходимые продукты питания и промышленное сырье, государство вынуждено было ввозить продукты питания и сырье для пищевой промышленности. На долю этих товаров приходилось примерно 40 процентов всего импорта. Это значит, что импорт этих товаров поглощал около 38,5 процента всех валютных запасов.

Можно выделить два основных существовавших антагонистических класса: с одной стороны, латифунд-

* Уйсу — палка с прикрепленным к ней камнем для размельчения комков земли; чакитахла — кол с опорой для ноги для рыхления земли.— *Прим. ред.*

дисты, с другой — бедные крестьяне, мелкие и средние крестьяне, члены общин, а также богатые крестьяне, занимавшиеся в очень незначительном масштабе капиталистическим сельским хозяйством.

Латифундисты появились в колониальный период с возникновением систем репартимьенто, энкомьенды и «земельного урегулирования». Они упрочили свою власть на землю в первые годы существования республики. Хотя в конце прошлого века горнорудные промышленники и отстранили латифундистов от политической власти, это отстранение было весьма условным, поскольку интересы горнорудных промышленников и империализма, проникающего в страну при их поддержке, переплетаются с интересами помещиков. Так, они участвовали в управлении государством через депутатов парламента, дипломатов, министров и т. д., удерживая власть, необходимую для сохранения полуфеодалного уклада жизни в деревне, жизни, на которую наложили отпечаток особенности того или иного географического района и обычаи, возникшие во времена колониального господства. Но такой порядок ни в коем случае не означает улучшение условий жизни и труда крестьян, которые считаются неотъемлемой частью самой земли.

Действительно, земля, как и во времена колонии, сама по себе ничего не стоит, «если она не полита потом и кровью» индейцев. В самом деле, стоимость земли находилась в прямой зависимости не только от ее качества и количества, но прежде всего от числа крестьян, обрабатывавших ее.

Право собственности позволяло латифундисту получать ренту, которая помогала ему приумножать свое богатство в городах, жить в комфорте и роскоши, давать своим детям заграничное образование, путешествовать и т. д. Эта рента являлась продуктом труда крестьян, которые в обмен на участок земли, предоставленный им во временное пользование, производили все основные сельскохозяйственные работы — пахали, сеяли, окучивали, собирали урожай, а также занимались вспомогательными работами — ухаживали за животными и растениями, чистили оросительные каналы и т. д. Кроме того, они выполняли целый ряд повинностей, не имевших ничего общего с земледелием или

животноводством, и обрабатывали бесплатно или почти бесплатно, в форме личных услуг, что безошибочно свидетельствует о крепостной зависимости крестьянина-колона.

Излишне говорить, что при всех сельскохозяйственных работах колоны использовали свой собственный рабочий скот, свои собственные орудия. И все это за смехотворно низкую компенсацию.

Очень дорого платил колон и его семья за право пользования клочком земли! И чем дальше от крупных городских центров находилось имение, тем тяжелее в нем жилось крестьянину. С одной стороны, крестьян угнетал хозяин, превращавший их целым рядом повинностей в живой инвентарь; с другой стороны, их всячески притесняли коррехидоры, священники, полицейские и сборщики налогов, не дававшие крестьянам даже вздохнуть свободно. Столетиями влачили они жалкое существование. Декларация независимости 1825 года ничего не изменила в их жизни. В таких условиях у крестьян не было времени для обработки своих *пегухаль* или *сайанья* [небольшой участок земли. — *Ред.*]. Для удовлетворения своих потребностей они вынуждены были прибегать к *айни* или *минка*.

С другой стороны, ни для кого не секрет, что индейцы жили почти исключительно в условиях натурального хозяйства. Они хранили свои продукты в небольших глиняных сосудах, называемых *пирра*, обеспечивая себя, таким образом, скудным питанием на весь год. Из шерсти овец и лам они делали пряжу, а затем ткали из нее одежду. Иначе говоря, они в основном сами удовлетворяли свои потребности, почти как и во времена колониальной зависимости. Многочисленные религиозные праздники тяжело отражались на нищем хозяйстве индейца, усиливая его темноту и невежество. Чтобы отметить эти праздники, индейцы делают напиток чичу — в долинах из кукурузы, а на Альтиплано — из *кинуса* [злаковое растение. — *Ред.*]. И сейчас во время этих праздников крестьяне Альтиплано трясут свои скудные средства на алкогольные напитки.

Нередко жен и дочерей колонов заставляли работать в имениях в качестве кухарок, служанок и т. д., а хозяева или управляющие отнимали у колонов сыновей, чтобы сделать их своими слугами.

Латифундисты получали ренту, созданную крестьянским трудом, в виде ежегодной платы за аренду их поместий и имений, пользуясь всеми правами и обычаями в отношении труда колонов — либо в виде выручки от продажи продуктов труда крестьян, работавших под надзором управляющих имениями и лишь в редких случаях самих латифундистов. Но латифундисты нисколько не были заинтересованы в улучшении техники сельскохозяйственного производства, поскольку, помимо ренты, они имели другой, неиссякаемый источник доходов — целый ряд повинностей, лежавших на крестьянах и включавших не только бесплатную работу на латифундиста четыре дня в неделю в соответствии с порядком, предусмотренным законом от 15 мая 1945 года, не только обязанность доставлять продукты из имения в центры потребления за свой счет и на свой страх и риск, а иногда даже и обязанность продавать их и затем отчитываться перед хозяином. Помимо этого, крестьяне были обязаны выполнять личные бесплатные повинности, такие, например, как *понгеахе*, или *семанеро*, *кача*, или *пропио*, *мукео*, *митани*, *мулеро* * и т. д., и ухаживать за скотом помещика. С другой стороны, они не могли реализовать свои продукты — птицу, яйца, сыр и т. д., не продав предварительно хозяину указанное им количество этих продуктов более чем на 50 процентов дешевле цены, установившейся на ближайшем рынке.

Крестьяне, арендовавшие определенные участки помещичьего имения, помимо арендной платы и поземельного сбора, подвергались особым поборам, менявшимся в зависимости от района и установившихся обычаев. Например, в некоторых поместьях северной части Потоси они отдавали хозяину ежегодно одну голову крупного или мелкого рогатого скота из каждых десяти голов, определенное количество кукурузы, пшеницы, соломы, ячменя и т. д., причем были обязаны доставить все это к месту проживания хозяина. Они не освобождались от несельскохозяйственных работ в доме хозяина. Иногда им даже приходилось нанимать для этого

* Кача — выполнение обязанностей посыльного; мукео — жевание зерен кукурузы для приготовления напитка чичи; мулеро — работа на скотном дворе. — *Прим. ред.*

пеонов. Кроме того, арендатор должен был совершать обход колонов и других лиц, содержащих крупный скот, чтобы получать с них сбор за пользование пастбищами, так называемый *эрбахе*, приносящий в некоторых латифундиях годовой доход в 100 тысяч боливиано. Следует отметить, что с тридцатых годов по 14 мая 1954 года курс боливиано по отношению к американскому доллару менялся так: 40, 42, 60 и 90 боливиано за доллар.

Кроме указанных форм труда, существовала и так называемая издольщина, состоявшая в том, что крестьянин обрабатывал определенный участок латифундии своими орудиями. Хозяин давал ему семена, а урожай они делили пополам, хотя на деле хозяин всегда находил предлог, чтобы отобрать у издольщика и часть причитающейся ему половины. Издольщик был обязан также оказывать бесплатные личные услуги хозяину, что безошибочно доказывает полуфеодальный характер производственных отношений в деревне в условиях латифундизма.

В хозяйствах района Юнгас, большую часть которых составляют государственные концессии, практиковалась система арриманте, при которой крестьянин, производя основные работы по выращиванию, например коки, взамен получал в пользование участок земли. Наконец, в восточной части страны, где занимаются сбором каучука и орехов, господствовала докapiталистическая система отношений — пеонат, система, при которой труженики и их потомки привязаны на всю жизнь к одному и тому же хозяину.

Все они, колоны, издольщики, арендаторы, арриманте, минка и поденщики или пеоны — бедные крестьяне, были кровно заинтересованы в проведении аграрной реформы. В то же время латифундисты, противящиеся всякому техническому усовершенствованию и любой реформе, которая может затронуть их права «аристократов деревни», составляли класс эксплуататоров, угнетающий остальное сельское население. Вот почему они выступали как политические союзники империализма и действовали в согласии с его представителями и выразителями его интересов — магнатами крупной горнодобывающей промышленности, монополистами импортной торговли и их агентами.

Богатые крестьяне, осуществляющие сельскохозяйственное производство капиталистического типа, составляли незначительное меньшинство. Они были заинтересованы в улучшении земледелия и животноводства. Если им не удавалось создавать чисто капиталистические предприятия, то, очевидно, в некоторой степени они совершенствовали технические средства сельскохозяйственного производства, используя земледельческие орудия, химические удобрения, отборные семена и сезонный труд поденщиков, хотя последние и зарабатывали гораздо меньше, чем рабочие на рудниках, заводах и т. п. Причем и этим рабочим заработной платы не хватало из-за высокой стоимости жизни. Часто эти богатые крестьяне сочетали использование труда поденщиков с издольщиной на определенных участках хозяйства и участвовали сами если не во всех, то по крайней мере в некоторых основных работах. Им было выгодно доставлять свои продукты в центры потребления на своем транспорте. Поэтому они были заинтересованы в сохранении дорог при помощи общественной повинности, вся тяжесть которой ложилась на плечи индейцев. Кроме того, при проведении сельскохозяйственных работ богатые крестьяне иногда пользовались услугами агрономов, ветеринаров и других специалистов. Про них можно сказать, что это были богатые крестьяне-полулатифундисты. Вот почему, учитывая все это, не будет ошибкой предположить, что богатые крестьяне, иногда арендовавшие землю у латифундистов, были заинтересованы в уничтожении абсолютной ренты и увеличении относительной ренты путем улучшения методов производства.

В Боливии чрезвычайно мало чисто капиталистических сельскохозяйственных предприятий, использующих капитал в крупном масштабе и постоянный наемный труд.

Середняки имели землю и другое имущество в размерах, позволявших им трудиться самостоятельно. Они полностью удовлетворяли потребности своих семей (с учетом, конечно, общей отсталости страны). У них имелись средства производства, а иногда и средства автотранспорта. Хотя иногда они и нанимали пеонов или поденщиков минка, как правило, они никого не эксплуатировали. Работали они сами и члены их се-

мей, удовлетворяя при этом свои экономические потребности. У них много общего с городскими ремесленниками. Зачастую у крестьян-середняков происходили стычки с гамоналами и латифундистами из-за поливной воды. Они стремились к прогрессу в своих деревнях, боролись за организацию школ для своих детей, за создание больниц и родильных домов, за проведение электрического освещения и т. д. Нередко они выступали против волостных и провинциальных властей в связи со злоупотреблениями, которые эти власти совершали как агенты латифундистов в ущерб мелким собственникам, членам общин и бедным крестьянам. Таким образом, середняки являлись прогрессивным элементом, заинтересованным в уничтожении латифундий.

Мелкие крестьяне, владевшие минифундиями, или семейной собственностью, назывались *пикеро*. «Минифундия,— пишет Артуро Уркиди Моралес,— из-за своих небольших размеров едва может обеспечить размещение землевладельца и его семьи, а поэтому он вынужден искать работу вне своего участка, не удовлетворяющего потребности крестьянской семьи». И далее: «Семейной собственностью называется такая собственность, обработка которой требует всей рабочей силы владельца и его семьи и гарантирует ему приемлемый жизненный уровень, в результате чего у него нет необходимости искать дополнительные ресурсы или привлекать кого-либо для обработки своего участка». Мы не согласны с таким утверждением, потому что в действительности мелкая собственность не «гарантирует приемлемый жизненный уровень», так как лишь ценой лишений, неслыханных жертв и изнурительного труда крестьянин и его семья могли поддерживать свое существование и спасти свою собственность, находящуюся в постоянной опасности.

«Минифундисты,— продолжает автор,— своего рода сельские полупролетарии, ибо они вынуждены продавать свою рабочую силу в близлежащих имениях или на городских предприятиях, так как участок земли, обрабатываемый ими, не может их прокормить». В результате тяжелых условий жизни пикеро легко попадали в сети к ростовщикам и проявляли тенденцию к переселению, которая в некоторых районах страны,

например в Кочабамбе и Тарихе, продолжала усиливаться. Желание найти заработок и накопить денег, чтобы расплатиться с долгами и выкупить из залога свой кусок земли, являлось, таким образом, причиной миграции мелкого крестьянина. «Раньше, — пишет Уркиди, — переселенцев привлекали селитряные копи Чили, а сейчас они направляются в центры горнодобывающей промышленности нашей страны и на плантации сахарного тростника севера Аргентины», а также на шахты и рудники Чили и Перу. Размеры переселения крестьян из долины Кочабамбы с 1951 года тревожат правительство. Однако оно не может изменить положение, продолжающее оставаться серьезным.

Из-за того, что крестьяне-минифундисты сочетали работу на своем участке с работой внаем, они представляли в деревне важную политическую силу. Еще до апрельского восстания 1952 года они в определенном смысле руководили крестьянским движением, особенно в Кочабамбе. Примером может служить профсоюз сельскохозяйственных рабочих в Укуренья.

Наконец, почти полностью изменилась структура и в индейской общине, этой первобытной форме родового объединения, организованной, по словам Уркиди, «на основе айлью или ряда айлью». В наше время члены индейской общины делятся на следующие категории, стоящие на различных ступенях общественной лестницы, — *орихинарио*, *агрегадо* и *утагуагуа*, или *акохидо*. Члены общины, относящиеся к разным категориям, имеют разные права и интересы. Действительно, при распределении земли *орихинарио* пользуются преимуществами по сравнению с *агрегадо*, а *агрегадо* — по сравнению с *акохидо*, у которых «обычно нет земли». В настоящее время индейская община имеет чисто территориальный характер. При жалких условиях жизни в этой общине, при уровне производства, едва обеспечивающем удовлетворение самых элементарных потребностей, ее члены либо превращаются в пеонов или минка в сельском хозяйстве, либо уходят на рудники или в города, где выполняют случайную работу, подметают улицы и т. д.

«...Индейские общины не только способствуют сохранению условий жизни, характеризующихся нищетой и невежеством, едва позволяющих удовлетворить потребности своих членов, но и сталкиваются, с другой сторо-

ны, с внутренним антагонизмом и противоречиями, подрывающими их основы. Кроме того, эти противоречия зачастую обостряются чувством кастовости, господствующим в отношениях между различными социальными слоями, образующими общины. И если, несмотря на все, эта форма организации и существует до настоящего времени, то только потому, что в окружающей ее феодальной среде не были созданы условия, которые бы обусловили ее распад. Кроме того, индеец рассматривает общину как своего рода защитницу от насилия и грабежа.

В колониальный и республиканский периоды нашей истории индейские общины служили для своих членов убежищем и защитой. Было бы не удивительно, если бы они продолжали выполнять эту же роль и впредь, пока проблемы деревни не найдут радикального решения при новой структуре боливийского общества. Это можно использовать для того, чтобы направить их к кооперативной организации в соответствии с принципом «свободного присоединения», без какого-либо принуждения. Кооператив, повысив эффективность защиты, которую ищет индеец, облегчил бы во многих случаях получение кредитов, механизацию полевых работ и деятельность государства в области просвещения крестьянского населения, сконцентрированного в этих общинах»¹.

Таковы в общих чертах условия жизни, существовавшие в деревне до принятия закона об аграрной реформе.

Крестьянин, лишенный гражданских прав, влачил жалкое существование. Его здоровье, он сам, семья, его жалкие пожитки не имели никакой защиты. Крестьянина держали в невежестве и крепостной зависимости, беспрепятственно эксплуатировали латифундисты и гамоналы, государственные служащие, священники и т. д. Он часто восставал против угнетателей. Но власти, не признающие за индейцем даже права на протест, жестоко подавляли так называемые «бунты индейцев».

Было принято несколько законов, объявлявших об отмене понгеахе. Эти законы ничего не меняли, так как

¹ Arturo Urquidí Morales, Bases Sociológicas de la Reforma Agraria.

они даже не затрагивали форм собственности, являющихся основой этих крепостнических отношений, и потому оказывались пустой демагогией. Точно так же идеалистическая политика «воспитания индейца для его освобождения» является жестокой насмешкой и рассчитана на сохранение жалкого положения индейцев.

Согласно данным, приведенным в докладе бывшего вице-председателя Национального совета по образованию профессора Доносо Торреса, число неграмотных в 1943 году составляло 65 процентов населения, и до 1951 года существовало всего «1934 сельские школы с 2807 учителями, 49 400 учениками». Но это еще не все. Боливийская школа ставит перед собой задачу научить индейское население чтению и письму, заставляя его отказаться от родного языка, традиций и проявлений духовной жизни, составляющих богатое наследие древней культуры. Все это делается для того, чтобы навязать ему привнесенную цивилизацию. На практике это означало бы сохранение порабощения подавляющего большинства населения.

В этих условиях широкие народные массы, вооружившиеся во время апрельского восстания 1952 года, потребовали от правительства НРД национализации рудников и проведения аграрной реформы в качестве немедленных мер национального и демократического характера.

Если бы эти меры сопровождались проведением независимой политики и последующим открытием новых каналов внешней торговли, действительно начался бы процесс достижения национальной независимости.

Мы убеждены, что при существующих в слаборазвитых и зависимых странах социальных и политических условиях национализация основных экономических предприятий, монополизированных международным капиталом, как, например, крупных горнодобывающих предприятий в Боливии, и проведение аграрной реформы будут иметь национальный и демократический характер только при условии, если внешняя торговля и вообще внешние экономические отношения будут строиться, исходя исключительно из интересов государства. Только независимая государственная политика наряду с проведением национализации и аграрной реформы сделает возможным экономическое и политическое освобождение

таких аграрных, отсталых и зависимых стран, как Боливия.

Так или иначе, нельзя не признать, что как национализация, так и аграрная реформа являются завоеваниями, которые необходимо дополнить другими мерами даже после 8 лет отрицательного опыта. Мы говорим «отрицательного опыта», так как зависимость от монополий и подчинение империалистической политике США не позволяют ликвидировать посредством аграрной реформы пережитки феодализма, задерживающие развитие производительных сил. Но этот опыт имеет и положительную сторону, поскольку национализация крупной горнодобывающей промышленности и аграрная реформа (со всеми ошибками и заблуждениями, ставящими их на грань провала) вызвали демократический и революционный подъем среди рабочего класса и крестьян, усиливая у них сознание необходимости защищать эти национальные завоевания от всех попыток американского империализма их уничтожить.

Виктор Пас Эстенсоро в речи, произнесенной 9 апреля 1953 года при введении в должность членов комиссии, учрежденной правительственным декретом от 20 января 1953 года «для изучения аграрной крестьянской проблемы в ее экономическом, социальном, юридическом, техническом и образовательном аспектах и для предложения правительству мер, которые способствовали бы решению этой проблемы в соответствии с национальными интересами», сказал: «Национализировав рудники, мы миновали первый этап на пути выполнения нашей программы — этап антиимпериалистической борьбы; затем должен был последовать второй этап, логическое следствие развития национальной революции — антифеодалная борьба... Я считаю излишним углубляться в детали. Тем не менее целесообразно указать основные направления, по которым должна идти реформа. Одна из ее целей — улучшить условия жизни крестьян; другая — увеличить производство в деревне и, наконец, третья — сохранить природные ресурсы. При этом необходимо руководствоваться старым принципом всех аграрных реформ: «Землю тому, кто ее обрабатывает». Естественно, в этом направлении нельзя следовать чрезмерно жестким нормам. Напротив, необходимо действовать достаточно гибко, ибо Боливия — страна с крайним разнообразием условий.

ибо отношения меняются в силу различной плотности населения, плодородия почвы, близости рудников и рынков сбыта и т. д. Необходимо учитывать все эти обстоятельства, с тем чтобы аграрная реформа сыграла положительную роль для национальной экономики...

На основе проекта закона об аграрной реформе, представленного на рассмотрение правительства комиссией, возглавлявшейся Эрнаном Силесом Суасо, который был в то время вице-президентом республики, правительство приняло закон № 03464 от 2 августа 1953 года, предусматривавший проведение в Боливии аграрной реформы.

Согласно статье 1 закона, земля, недра и воды территории республики объявляются принадлежащими нации по праву первоначального владения. Статья 2 «признает и гарантирует...» в качестве форм «частной земельной собственности» только «крестьянскую усадьбу», мелкую собственность, среднюю собственность, собственность индейской общины, аграрную кооперативную собственность и капиталистическое сельскохозяйственное предприятие. В статье 12 говорится: «Государство не признает латифундию...», и в соответствии с этим статья 144 объявляет об «уничтожении системы колоната, как и любой иной формы личных бесплатных или оплачиваемых повинностей», и «распространяет на трудящегося крестьянина социально-правовой режим государства со всеми признанными законом правами». Статья 15 «устанавливает систему заработной платы во всех индивидуальных и коллективных договорах в качестве нормы вознаграждения». Кроме того, эта статья отменяет «в пользу трудящихся всю задолженность, вытекающую из личных повинностей». Статья 168 предусматривает, что в «специальном декрете будут определены исключительные случаи, когда может разрешаться заключение договоров на аренду, испольщину и издольщину».

Закон об аграрной реформе определяет размеры земельных и животноводческих хозяйств, «учитывая только экономически пригодную для обработки площадь». В зоне Альтипано и Пуны, разделенной на подзоны, максимальные размеры мелкой собственности колеблются от 10 до 35 га; в зоне долин, также разделенной на подзоны, — от 3 га в виноградарских районах до 20 га в верхней части долины; в субтропической зоне, также разделенной на подзоны, — от 10 до 30 га.

Максимальные размеры средней земельной собственности в зоне Альтиплано колеблются от 80 до 350 га; в зоне долин — от 24 га в виноградарских районах до 200 га в верхней части долины; в субтропической зоне — 150 га в Юнгас, 500 га в Санта-Крус и 600 га в Чако; в тропической сельскохозяйственной зоне — в Бени, Пандо и провинции Итурральде департамента Ла-Пас — 500 га.

Максимальные размеры капиталистического сельскохозяйственного предприятия колеблются от 400 га в зоне, тяготеющей к озеру Титикака, до 800 га в зоне Анд, Альтиплано и Пуны. В зоне долин — от 80 га в закрытых долинах до 500 га в открытых долинах, «не прилегающих к городу Кочабамба и не относящихся к системе поливных вод Ангостура». В тропической и субтропической зонах допускаются максимальные размеры сельскохозяйственного предприятия в 2 тысячи га.

Животноводческие хозяйства в тропической и субтропической зонах, подразделяемые на мелкие, средние и крупные, могут занимать не более 500, 2500 и 5 тысяч га соответственно. Причем крупное животноводческое хозяйство «должно иметь не менее 10 тысяч голов крупного скота».

Эта классификация, основанная на сформулированных в законе определениях «крестьянской усадьбы», мелкой и средней собственности, аграрного кооператива, собственности индейской общины, латифундии и т. д., подрывает его эффективность, поскольку она исходит не из формы собственности и формы труда, а из размеров хозяйств. В действительности же в условиях преобладания полуфеодальных производственных отношений различные указанные выше формы крепостного труда применяются не только в латифундиях, но зачастую и в так называемых мелких и средних хозяйствах. Таким образом, одно дело — классифицировать аграрные хозяйства по их размерам и совершенно другое — определить классы и социальные категории в деревне. Для этого необходимо иметь в виду роль людей в процессе производства. Классификация хозяйств по их размеру является одной из причин того, что аграрная реформа в Боливии не проводится по принципу «земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает», провозглашенному Пас Эстенсоро. Кроме того, эта классификация обуславливает нескончаемую юридическую процедуру наделения землей и ввода

во владение ею, которая тормозит осуществление реформы.

«Мелкое хозяйство обслуживается лично крестьянином и его семьей... Личный труд не исключает привлечения временных помощников для определенных работ (статья 7). Мелкая собственность неотчуждаема в пределах, установленных статьей 15 (статья 32)». Эти положения оправдывают нашу критику, потому что, если большая часть этих хозяйств и обслуживается их владельцами, существуют и такие хозяйства, работы в которых осуществляются либо путем «привлечения временных помощников», причем хозяин наблюдает за ними или выполняет второстепенные работы, либо путем аренды или испольщины. Но при осуществлении реформы мелкая собственность неотчуждаема в пределах, указанных законом, независимо от формы труда.

«Средняя собственность неотчуждаема». Однако в исключительных случаях эта неприкосновенность не распространяется на участки, находящиеся в пользовании крестьян (*сайанья, пегухаль*), которые переходят в собственность работников (статья 33). Закон от 27 августа 1953 года объявляет среднюю земельную собственность неотчуждаемой только в тех случаях, когда она обрабатывается наемным трудом. Однако, даже если в хозяйстве применяется система колоната, но оно не достигает предела, установленного законом, «хотя бы и на один кв. метр, — справедливо замечают Фаусто Бельтран и Хосе Фернандес, — его считают мелким и поэтому неотчуждаемым. Таким образом, согласно нашему законодательству, качественное изменение собственности зависит от простого и безобидного изменения метража».

«Кроме того, — продолжают они, — необходимо указать, что определение общей пригодной для обработки площади хозяйства целиком зависит от топографов, по воле которых мелкие хозяйства превращаются в средние, а средние — в мелкие. Не удивительно поэтому, что некоторые средние собственники прибегают к различным средствам, чтобы договориться с топографом и избежать отчуждения своей собственности».

Латифундии, как они определены статьей 12, в соответствии со статьей 34 полностью отчуждаются. Предоставляем слово упомянутым авторам, работавшим в министерстве крестьянских дел. «В соответствии с зако-

ном— говорят они,— если хозяйство, отвечающее характеристике, указанной в статье 12, превышает по своим размерам на один га или один кв. метр максимальные размеры среднего хозяйства, определенные в 100 га, оно будет считаться латифундией и перестанет быть неприкосновенным. В то же время, если его размеры не превысят эти пределы, его будут считать средним и оно станет пользоваться частичной неприкосновенностью... Разница между средним хозяйством и латифундией определяется размерами хозяйства... но, поскольку соответствующие измерения должен производить топограф, это значит, что в определенных условиях он может решить судьбу хозяйства. Поэтому для «спасения» своей собственности от полного отчуждения некоторые латифундисты пользуются услугами упомянутых специалистов. Таким образом, топографы превратились в настоящих арбитров аграрной реформы»¹.

Вот другое важное замечание Бельтрана и Фернандеса: «...в открытых долинах, прилегающих к городу Кочабамба, максимальные размеры среднего хозяйства в соответствии с законом составляли 50 га на поливных и увлажненных землях, 100 га на засушливых землях и 24 га в виноградарских районах. Закон от 17 февраля 1955 года сократил эти размеры до 20, 40 и 6 га соответственно. Весьма курьезно и даже забавно квалифицировать и рассматривать как латифундию... хозяйство, которое раньше считалось средним. Таким образом, максимальные пределы могут неограниченно изменяться по усмотрению законодателя, и хозяйства, считающиеся в настоящее время средними, могут автоматически превращаться в латифундии, и наоборот»².

Закон об аграрной реформе оставляет много других лазеек, позволяющих сохранить полуфеодалские производственные отношения. Так, например, в соответствии с упомянутым законом от 17 февраля 1955 года надел землей сводится к пегухаль или сайанья, зачастую не достигающим и одного гектара. С другой стороны, для хозяйств, которые могут быть частично отчуждены, сохраняется и утверждается система догово-

¹ Fausto Beltrán y José Fernández Bustos, *Dónde va la Reforma Agraria Boliviana?*

² Там же.

ров на аренду и издольщину в соответствии со статьей 168 закона о реформе.

Однако хватит заниматься толкованием закона, явные противоречия которого объясняются колебаниями и оппортунизмом правящей буржуазии. Следует попросту перечислить некоторые другие положения закона об аграрной реформе.

Не является неотчуждаемой «земельная собственность муниципалитетов, на которой не расположены учреждения общественного назначения», а также земельная собственность религиозных организаций. Эти организации сохраняют среднюю собственность, которую нельзя будет сдавать в аренду.

Земля индейских общин «неотчуждаема, за исключением случаев, которые будут предусмотрены специальными установлениями». «Крестьяне индейской общины не признают никакой формы обязательных личных повинностей и выплат натурой. Политические, военные, муниципальные и церковные власти, требующие подобных выплат, совершают преступление, злоупотребляя властью». «Крестьяне, которые, не имея земли и не будучи членами общины, живут в индейской общине, работая на владельцев земли, имеют право на надел необрабатываемой землей в размерах, не превышающих средние размеры участка, занимаемого семьей крестьянина-агрегадо». «Колоны в имениях, принадлежащих общинам, где применяется феодальная система труда, обладают такими же правами на надел землей, как и колоны в частных хозяйствах».

«Все боливийцы старше 18 лет без различия пола... имеют право на надел землей, а крестьяне пегухалеро, арриманте, агрегадо, форастеро* и т. д. «старше 19 лет, женатые старше 14 лет и вдовы с малолетними детьми» объявляются владельцами участков, которыми они в настоящее время владеют и которые обрабатывают...»

Декрет-закон определяет в качестве «зон первоочередной колонизации полосу шириной в 25 км по обе стороны от железных дорог, государственных шоссеиных

* Форастеро — крестьянин, пришедший в данную общину или местность со стороны.— *Прим. ред.*

дорог, уже построенных или которые будут построены, и судоходных рек, где имеются пустоши или земли, подлежащие возврату в общественную собственность»; «земли в радиусе 5 км вокруг населенных пунктов с населением более тысячи человек на тропических и субтропических равнинах» и «все районы, отнесенные к этой категории правительством». При наделе землей в этих районах предпочтение будет отдаваться безземельным крестьянам, «безработным, эмигрантам, вернувшимся в Боливию, участникам войны в Чако и родственникам павших во время Национальной революции».

Получает признание профсоюзная организация крестьян «как средство защиты прав ее членов и сохранения социальных завоеваний». «Крестьянские профсоюзы, — говорится в законе, — должны принимать участие в проведении аграрной реформы. Они могут существовать самостоятельно или присоединяться к центральным организациям».

Декрет-закон об аграрной реформе трактует также вопросы лесных ресурсов, фауны, животноводства, режима водных источников и компенсации за экспроприацию «по стоимости, объявленной в действующей поземельной описи, в пропорции, соответствующей отчужденной части, бонами аграрной реформы из ненарастающих 2 процентов годовых в течение 25 лет» и т. д. и т. д.

Для проведения реформы была создана Национальная служба аграрной реформы в составе президента республики, Национального совета аграрной реформы при министерстве крестьянских дел, аграрных судей, сельских хунт аграрной реформы и сельских инспекторов.

Итак, каковы же результаты аграрной реформы за семь лет после ее провозглашения? Как отразилось ее проведение на национальной экономике, культуре и политике?

Прежде всего следует подчеркнуть, что в обстановке всеобщего политического и социального возбуждения после победы апрельского народного восстания крестьяне быстро поняли, что наступил час добиваться исполнения своих требований. Но они не умеют ни ориентироваться, ни организовать свою борьбу за землю и свободу. Вот почему они легко позволили увлечь себя агентам правительственной партии и троцкистам, всту-

пившим в НРД, на путь политики настоящего авантюризма, политики, которая рано или поздно должна была привести крестьян к расколу и междоусобной борьбе*, превращающейся сейчас в войну лидеров, полностью противоречащую интересам основной массы крестьянства и потому отвечающую интересам врагов аграрной реформы, интересам империализма, влияние которого в конечном счете невозможно не заметить в этой опасной борьбе в деревне.

Нисколько не заботясь о жизненных интересах крестьян, используя невежество и естественную подозрительность этих жертв вековой эксплуатации, троцкистские агенты НРД прежде всего стремились воспитать у простого крестьянина ложное политическое сознание, приверженность политике вождей, которая ведет к возникновению междоусобицы и использованию масс в личных интересах некоторыми крестьянскими руководителями, навязанными извне правительственной партией.

Профсоюзы, организованные по сельским округам, а не по принципу принадлежности к социальным слоям, составляющим основную массу крестьянства, объединяют как колонов, или *пегухалеро*, так и безземельных крестьян, поденщиков или пеонов, членов общин, мелких и даже средних собственников, несмотря на различие их интересов и целей борьбы.

Правильно было бы организовать пегухалеро, арриманте, издольщиков и арендаторов в один профсоюз. одну провинциальную федерацию и один департаментский центр. Одновременно следовало бы организовать мелких крестьян, или *пикеро*, а также средних крестьян в союзы или лиги, облегчающие единую борьбу за достижение общей цели — уничтожение латифундий и удовлетворение требований каждой социальной группы. Так были бы созданы все условия, необходимые для поли-

* Неудовлетворенность крестьян решением земельного вопроса использовалась политиками из правящей партии НРД для травливания одной группы крестьянского населения на другую. Особенно кровопролитными были столкновения между крестьянами районов Клиса и Укуренья в департаменте Кочабамба, а также между крестьянскими общинами на севере департамента Потоси.—
Прим. ред.

тического разъяснения демократических целей аграрной реформы, и тогда можно было бы избежать ошибок, за которые, говоря по правде, крестьяне не отвечают.

Но самое серьезное в этой авантюристической политике состоит в том, что крестьянской борьбе стараются придать характер расовой борьбы, когда индейцев сталкивают с метисами и белыми, не обращая внимания на классовые различия в деревне. Так, вместо того чтобы обеспечивать единство крестьян и других жителей деревень, волостных и провинциальных центров — коммерсантов, специалистов, школьных учителей, студентов и т. д., эта политика толкает крестьянскую массу на совершение грабительских налетов на дома этих людей, которые в конце концов уходят в город, усиливая, хотя и того или нет, ряды реакции и империализма.

Частое, обоснованное или необоснованное, объявление обязательной мобилизации крестьян приводит к тому, что они находятся в состоянии постоянного и бесполезного возбуждения, отвлекаются от сельскохозяйственных работ. Верно, что крестьяне выгоняли латифундистов и захватывали в первое время значительную часть латифундий, но верно также и то, что они сгоняли с участков мелких и средних крестьян-неиндейцев, усугубляя тем самым раскол своих рядов. Частые мобилизации, вынуждающие крестьян забрасывать сельскохозяйственные работы, фактически играют на руку реакции и империализму, саботирующим производство. Вместо того чтобы заниматься проведением аграрной реформы, требовать окончательного осуществления своего права на землю и бороться за свое подлинное освобождение, крестьяне постоянно отвлекаются походами в города.

Инженер Эдуардо Паломо и доктор Ремберто Рохас, высшие чиновники Национальной службы аграрной реформы, говорят по этому поводу: «Когда человек после рабства, после самых разнообразных издевательств неожиданно получает полную свободу, он поначалу плохо видит окружающее и не всегда должным образом пользуется этой свободой. На первом этапе революции и аграрной реформы возникали подобные ситуации. В долинах Кочабамбы, на берегах озера Титикака и в некоторых других районах, где ввиду плодородия земли сконцентрировались крупные массы крестьян-колонов, нехватка земли для всех привела к некоторым эксцессам».

Такое положение объясняется политикой колебаний и компромиссов, навязанной государственным департаментом США, существованием однопартийной диктатуры, стремлением утомить и измотать крестьян, усилить противоречия между городом и деревней, внести раскол в ряды крестьян и задержать проведение аграрной реформы.

Неизбежным следствием этой политики явилось сокращение сельскохозяйственного производства, которое, как утверждают Паломо и Рохас, за первые два года достигло по некоторым статьям 50 процентов. Действительно, производство пшеницы, например, с 45 649 т в 1950 году упало до 20 тысяч т в год принятия закона об аграрной реформе (1953) и до 17 500 т в 1954 году и 1955 году. В 1956 году производство пшеницы сократилось до 16 тысяч т, и, хотя в 1957 году оно поднялось до 25 тысяч т, в 1958 году оно упало снова до 12 тысяч т, а в 1959 году едва достигло 11 тысяч т. Иначе говоря, производство пшеницы в 1959 году сократилось более чем на 75 процентов по сравнению с 1950 годом. Можно ли это объяснить изменениями, вызванными аграрной реформой? Нет. Существуют две причины сокращения производства пшеницы. Одна из причин — положение, создавшееся в сельском хозяйстве в результате навязанной крестьянам авантюристической политики; другая — американский демпинг, который прикрывался сначала «американской помощью», а затем политикой «валютной стабилизации» и «свободного обмена», продиктованной Международным валютным фондом, и позволяет США размещать излишки пшеницы и пшеничной муки, подрывая производство пшеницы в Боливии.

Иное положение с картофелем и рисом. Хотя производство их в первые годы после реформы и уменьшилось, в последующие годы оно имело тенденцию к повышению. Чем объяснить это? Тем, что картофель не включен в план «американской помощи», а крупные производители риса, ведущие в Санта-Крус капиталистическое сельское хозяйство, получают большую техническую и экономическую помощь государства.

Еще один пример — производство кукурузы. В 1954, 1955 и 1956 годах оно уменьшилось по сравнению с предшествующим периодом примерно на 50 процентов. В 1957 году производство выросло по сравнению с

1954—1956 годами примерно на 40 процентов. Затем началось систематическое уменьшение производства кукурузы в результате того, что политика «свободного обмена», то есть импорта перуанской кукурузы, привела к разорению, особенно в Кочабамбе, мелких производителей, занимавшихся главным образом возделыванием кукурузы.

Что касается сахарного тростника, то начиная с 1954 года его производство имеет тенденцию к росту, что объясняется созданием частных и государственных сахарных заводов, как, например, Гуабира в департаменте Санта-Крус.

Это положение, обостряющееся из-за непрерывно усиливающейся инфляции, вызывает постоянный рост стоимости жизни, что ведет к возникновению действительно тяжелой ситуации, от которой особенно страдает мелкая городская буржуазия. Вот почему ее некоторые слои в отчаянии примыкают к реакции и империализму, открыто выступая против индейцев и рабочих, считая их единственными виновниками своих бед.

Результатом этой авантюристической политики в отношении аграрной реформы является медленный процесс отчуждения земель, что заставило самого президента республики в его послании Национальному конгрессу от 6 августа 1959 года заявить следующее: «Поскольку Боливия — крестьянская страна, контраст между необходимостью глубокого изменения режима землевладения и землепользования и медлительностью, непригодностью или неповоротливостью государственных организаций, занимающихся этой деятельностью, оказался более разительным». Со своей стороны Паломо и Рохас заявляют, что «это обстоятельство задерживает консолидацию нового правового режима землевладения и уменьшает возможность интенсифицировать производительную деятельность новых собственников, а также возможность капитальных вложений и трудовых затрат».

Процедура отчуждения, выделения надела, ввода во владение и т. д. чрезмерно бюрократична и продолжительна, она способствует расточительству государственных средств и дает возможность землемерам, судьям и инспекторам, судебным заседателям, адвокатам, ходатаям, профсоюзным руководителям и т. д. заниматься вымогательством, а тем, кто «посвятил себя» процедур-

ным вопросам аграрной реформы,— широко продавать свои услуги. Сначала крестьяне с готовностью выполняли требования этих людей в надежде получить документ на владение, но потом лишь скрепя сердце они мирились с шантажом, жертвами которого стали.

«Интересно привести расчеты,— пишут Бельтран и Фернандес,— сделанные нами для 1956 года, когда Национальная служба аграрной реформы имела бюджет 779 760 250 боливиано и выдавала в среднем в год около 3431 документа на владение земельной собственностью. Следовательно, каждый участок обходился администрации в 227 269 боливиано. Но, кроме Службы аграрной реформы, проведением реформы занимались и другие организации, например юридические отделы министерства крестьянских дел и при правительстве... Действительно, если попытаться провести несложные расчеты, то окажется, что вся процедура... вплоть до получения документа на владение зачастую обходится дороже самого участка. Поэтому... многие бывшие колонны предпочитают покупать свои участки». Вот почему Национальный совет аграрной реформы дает разрешение на прямую передачу земли при подаче соответствующего прошения.

Но речь идет не только о затяжном характере этой процедуры, «на которую потребовалось бы еще больше века,— говорят Бельтран и Фернандес,— а точнее, 108 лет для отчуждения всей еще подлежащей отчуждению земельной собственности». Речь идет также о недостаточных размерах наделов, так как декрет-закон от 17 февраля 1955 года, ограничивающий среднюю собственность в долинах Кочабамбы, способствует лишь закреплению в руках владельцев пегухаль или сайанья, усугубляя тем самым проблему минифундий, тогда как в этих же долинах есть нетронутые латифундии, многие из которых принадлежат высокопоставленным деятелям правящей партии.

Паломо и Рохас говорят в связи с этим следующее: «Несмотря на то что закон об аграрной реформе предусматривает предпочтение в праве получения надела лицам, являвшимся колоннами не менее двух лет до провозглашения закона, а в случае средних и преуспевающих хозяйств, хозяйств капиталистического типа и даже латифундий это требование выдвигается в качестве условия для получения надела, практически указанные

наделы получали все крестьяне, жившие там в качестве арриманте, испольщиков, толерадо и даже в некоторых случаях арендаторов. В районах с большой плотностью населения это привело к чрезмерному дроблению земли.

Мы считаем,— продолжают они,— что одной из наиболее серьезных проблем является проблема минифундий в районах долин и Альтиплано, где высока плотность населения... Мы считаем, что только переселение лишнего населения из этих районов на основе соответствующих планов поможет окончательно разрешить данную проблему».

В то же время известно, что крестьяне не получают кредитов, материальной и технической помощи. Для большего подтверждения приведем выдержку из уже упоминавшегося послания президента республики: «...с одной стороны, правовые институты аграрной реформы ограничились процедурой вручения документов на владение, хотя длительность этой процедуры далеко не отвечает требованиям революционного правительства и крестьянских масс. С другой стороны, были забыты задачи сельскохозяйственных исследований расширения посевных площадей, революционного изменения методов труда в деревне. Сельскохозяйственные машины попали в руки посредников или крупных земельных собственников восточной части страны, а не в руки крестьянских общин, производственных кооперативов Оруро или Кочабамбы, Ла-Паса или Потоси. Даже крестьянские общины, граничащие с экспериментальными станциями, ничему не научились у них и не получили никакой пользы от их машин и новых орудий! Это значит, что эти агротехнические центры формировались — и «организовывались» — без учета интересов и проблем бедного крестьянского населения, как если бы в Боливии не была проведена глубокая и коренная аграрная реформа. Даже давно существующий орган сельскохозяйственного кредита, Сельскохозяйственный банк Боливии, претерпел неизбежную деформацию... Легче сдавать машины в аренду крупным производителям хлопка, риса и сахара в Санта-Круссе или преуспевающим владельцам молочных ферм в Кочабамбе, чем приложить свои усилия для выполнения сложной и рискованной задачи — содействовать агротехническому преобразованию бедняцкого сельского хозяйства Альтиплано и андских долин,— или для

нелегкого дела устройства переселенцев в Санта-Круссе, Каранави, Инкисиве или Чапаре. Легче... дать заем в 1 миллиард боливиано одному производителю сахара, чем предоставить несколько тысяч боливиано тысячам бедных земледельцев...»

Слова президента авторитетно разоблачают медлительность реформы, хотя субъективизм правителей Боливии не позволяет им понять действительность и действовать в соответствии с ней. Нельзя утверждать, что в Боливии была проведена «глубокая и коренная аграрная реформа», не опровергая факты, приведенные самим президентом. Политика страуса не является наиболее подходящей для решения проблем такого масштаба, как аграрная реформа. Необходимо раз и навсегда понять истинную причину отрицательных итогов аграрной реформы через семь лет после ее провозглашения. Эта причина, которую не хотят или боятся открыто признать некоторые круги правящей партии, та же, что обуславливает критическое положение ЯПФБ, обрабатывающей промышленности, железных дорог, короче говоря, всей страны. Другими словами, этой причиной является зависимость от капиталистических монополий США.

Все это показывает, что Закон об аграрной реформе отнюдь не «так идейно содержателен, так экономически дальновиден, так отличается учетом потребностей боливийской деревни», как утверждает президент Силес. Конечно, у закона есть положительные стороны, но в нем имеются и серьезные противоречия, объясняемые колебаниями правительства и его обязательствами перед государственным департаментом США.

Основные цели, преследуемые законом об аграрной реформе, следующие: дать землю крестьянам, которые ее обрабатывают, ликвидировав для этого латифундии, приносящие их владельцам абсолютную ренту, не являющуюся результатом их личного труда в поле; развить сельскохозяйственное производство с применением новых средств и методов труда и поощрять стремление средних и мелких крестьян к объединению в кооперативы. Достижение первой цели подразумевает освобождение крестьян от крепостной зависимости.

Как осуществляется первая цель, то есть как происходит наделение землей? Хотя ответ на это содержится в приведенной выдержке из послания президента, рассмот-

рим некоторые официальные данные. По данным аграрной переписи 1950 года, имелось 86 377 хозяйств, из них 59 988 площадью менее 10 га. Следовательно, как указывается в «Сводном докладе» Национального совета аграрной реформы (1960 год), «процесс отчуждения и наделения землей должен затронуть 26 389 хозяйств». В этом же докладе указывается, что число крестьян, получивших землю «с начала работы» упомянутого совета до 31 декабря 1959 года, достигло 32 608 глав семей, или 163 040 человек, при условии что одна семья состоит из 5 человек. Поскольку общая численность сельского населения в 1959 году была 2 213 755 человек, это значит, что число крестьян, получивших землю, включая женщин и детей, составило только 7,2 процента сельского населения.

Согласно переписи 1950 года, общая площадь сельскохозяйственных угодий равнялась 32,7 миллиона га, а обрабатываемая площадь — 654 200 га. На основании этих данных, а также данных ФАО* и Службы лесного хозяйства министерства сельского хозяйства ЭКЛА считает, что общая площадь сельскохозяйственных угодий составляет 23,6 миллиона га, а обрабатываемая площадь — только 2—3 процента от этой площади, то есть 654 200 га. Согласно данным «Сводного доклада», на 31 декабря 1960 года было распределено в индивидуальное и коллективное владение 806 956 га земли между 32 608 главами семей. Это значит, что площадь распределенной земли на 152 756 га превышает обрабатываемую площадь, зарегистрированную в переписи 1950 года, и тем не менее землю получило всего 7,2 процента сельского населения. Как же это объяснить? Мы вынуждены признать, что при проведении реформы распределяется земля за счет 23,6 миллиона га пригодных для обработки земель. Но тогда уже распределенные 806 956 га составляют всего 3,4 процента. Если же мы примем во внимание, что, согласно упомянутому «Сводному докладу», общая площадь индивидуальных наделов равняется всего лишь 613 753 га, а коллективных — 193 203 га, то окажется, что площадь индивиду-

* Организация Объединенных Наций по вопросам продовольствия и сельского хозяйства, специализированное учреждение ООН.— *Прим. ред.*

альных наделов составляет лишь 2,6 процента, а коллективных — 0,8 процента от общей площади сельскохозяйственных угодий.

Эти данные весьма красноречиво показывают, как осуществляется цель реформы — дать «землю тому, кто ее обрабатывает». Однако в «Сводном докладе» Национального совета аграрной реформы делаются чрезмерно оптимистические расчеты, что приводит к искаженному изображению действительности. Так, например, в докладе говорится, что в результате распределения 806 956 га между 32 608 главами семей «на крестьянскую семью приходится в среднем 24,75 га». Арифметические расчеты тут, конечно, сделаны правильно, но они очень мало соответствуют действительности. Ясно, что подобные утверждения имеют далеко идущие пропагандистские цели, так как их нелегко опровергнуть, хотя в том же докладе указывается, что высокий средний показатель «24,75 га на крестьянскую семью», «по-видимому, должен означать, что проблема минифундии не существует. Однако не следует забывать, что это средний показатель для всей республики и данная проблема существует в плотно населенных районах равнин, особенно в Кочабамбе и в районе озера Титикака».

В официальных «Основных документальных данных» говорится следующее: «На практике передача земель в коллективную собственность, производимая в пользу крестьян, получивших, кроме того, индивидуальные наделы, не дала положительных результатов в том, что касается производства, из-за отсутствия эффективной системы организации труда в этих районах...» От так называемого «коллективного производства» получают выгоду некоторые крестьянские лидеры, превратившиеся в новых касиков. «Что касается кооперативных хозяйств, то за шесть лет проведения аграрной реформы было очень мало случаев передачи земли этим организациям... Все еще нет данных о результатах проведения аграрной реформы в хозяйствах индейских общин... Наконец, что касается индивидуальных наделов, то, как и следовало ожидать, оказалось возможным наделить мелких собственников одинаковым количеством земли в различных зонах и подзонах в соответствии с законом лишь в крайне незначительном количестве... Непосредственным результатом этого является минифундизм».

Во всех докладах полностью обойден вопрос о мелких крестьянах, или пикеро, имеющих в большинстве своем участки менее 1 га, особенно в районе центральных долин. Эти крестьяне ничего не получили от реформы. Наоборот, в результате политики «валютной стабилизации» они вынуждены продавать свои урожаи, особенно кукурузу, по постоянно снижающимся ценам и покупать готовые изделия по постоянно растущим ценам. Поэтому уход пикеро в поисках заработка на сбор урожая в Аргентину с надеждой на лучшую жизнь принимает угрожающие размеры.

В восточной, почти ненаселенной части страны, где не существует проблемы земли, исчезла монополия на добычу каучука и каштанов, принадлежавшая фирмам братьев Суарес и Зеллера и основывавшаяся на системе пеоната. Сейчас пеоны свободно занимаются сбором каучука и каштанов для заготовщиков, работающих на иностранные компании, совладельцами которых являются боливийцы, связанные с правительственной партией. Результатом этого положения является неконтролируемая контрабандная торговля этими продуктами в ущерб интересам государственной казны. Если раньше фирма Суарес эксплуатировала сборщиков каучука (сирингеро), ничего не платя государству, то сейчас происходит то же самое с той лишь разницей, что сирингеро работают, когда могут и сколько хотят. Недальновидность и безразличие правительства привели к утечке этих богатств, наносящей ущерб государственным финансам. Что же касается крупного рогатого скота, то его убой и контрабандный вывоз за границу создают опасность уничтожения этого важного источника богатства страны. Правительство не принимает никаких мер для защиты животноводства и не стремится разрешить эту проблему в восточных районах страны¹.

Итак, первая цель реформы выполняется постольку, поскольку передача земли сводится к закреплению участка в собственности крестьян-колонов. Но даже и в

¹ Несмотря на запрещение президента республики производить убой коров, способных давать потомство, члены НРД получают специальные разрешения нарушать закон, обязательный для всех животноводов.

этом случае из-за затяжного характера процесса выдачи документов на землевладение потребуется еще несколько десятков лет для завершения реформы. В то же время некоторым руководителям правительственной партии принадлежат большие и богатые имения, например в департаменте Санта-Крус. Их латифундии в департаментах Ла-Пас, Кочабамба, Потоси, Сукре и других в некоторых случаях не отчуждаются.

Логическим следствием невыполнения обещания дать «землю тому, кто ее обрабатывает», явилось то, что освобождение крестьянина-колона было частичным и относительным. Недостаточные размеры наделов, с одной стороны, и критическое положение национальной экономики — с другой, способствуют усилению процесса обнищания крестьян, в результате чего получают широкое распространение системы аренды и издольщины, разрешенные самим законом об аграрной реформе. Это означает в какой-то степени сохранение феодальных отношений в виде пережитков, которые реформа не смогла уничтожить. Понгеахе и все остальные формы бесплатных личных повинностей, которые были обязаны выполнять крестьяне, исчезли. Это, безусловно, положительный аспект реформы, завоевание, достигнутое в ходе великого массового движения, демократического и революционного подъема, последовавшего за народным восстанием в апреле 1952 года и продолжавшегося до 1955 года.

Крестьяне, получившие гражданские и политические права, являются в настоящее время важной политической силой, идущей в значительной степени за правительственной партией. Но нельзя забывать, что при осуществлении гражданских прав на практике крестьян толкают на путь порочной либеральной и каудильистской демократии, прививая им искаженные политические взгляды на национальные и демократические интересы страны. Хотя избирательный кодекс и предусматривает всеобщее избирательное право, он в то же время извращает демократическую сущность этого завоевания, ограничивая возможность его осуществления. Тем самым избирательный кодекс превращается в правовое орудие сохранения однопартийной диктатуры, являясь типичным проявлением политики компромиссов правительства НРД.

Очевидно также, что завоевание социальных и политических прав дало возможность крестьянам и заставило государство организовать движение за создание школ в деревне. В настоящее время существует 3685 школ с 5347 учителями и 158 тысячами учащихся, что составляет «увеличение числа школ на 113 процентов, количества учителей на 117 процентов и количества учащихся на 220 процентов» по сравнению с 1951 годом. Значительное число школ было создано благодаря усилиям крестьян, «без какой-либо помощи со стороны государства». Судя по посланию президента Силеса конгрессу (1958 год), создание более 40 процентов школ — исключительно дело рук крестьян. В то же время нельзя не напомнить еще раз, что преподавание в боливийской сельской школе, куда приходят учиться дети индейцев кечуа и аймара, преследует цель — заставить их забыть родной язык и навязать им чужой язык. Исторический урок забыт! Забыта даже попытка испанских конкистадоров и колонизаторов приобщить к католицизму индейцев на их родном языке.

Что касается развития сельскохозяйственного производства путем применения новых технических средств и методов работы и стимулирования мелких и средних собственников, а также развития сельскохозяйственной кооперации, то эта задача также не выполняется. Как мы уже знаем, сам президент республики доктор Силес заявил, что сотни и тысячи крестьян не получили никакой технической и экономической помощи и что экспериментальные станции, находящиеся в ведении Межамериканской сельскохозяйственной службы (МСС), не интересуются проблемами и нуждами боливийского сельского хозяйства.

Рассматривая вопрос о сельскохозяйственной кооперации, необходимо различать два этапа: первый — до введения 15 декабря 1956 года политики «валютной стабилизации», и второй — с 1956 года и по настоящее время. Для первого этапа характерна инфляция, резко усилившаяся в 1956 году, что вызвало повышение стоимости жизни и понижение реальной заработной платы. В этих условиях правительство при помощи преференциального обменного курса субсидировало импорт ряда товаров, распределение которых посредством системы

квот * поручалось преимущественно членам правящей партии. Согласно заявлению Пас Эстенсоро, бывшего в то время президентом, до 30 июня 1956 года было основано 320 кооперативов «при содействии правительства, с числом членов 17 844 человека». При этом большая часть кооперативов «уделяла основное внимание не производству, а снабжению своих членов». Поэтому «для подготовки персонала, который был бы в состоянии исправить ошибки и способствовать созданию и функционированию новых кооперативов, — продолжает Пас Эстенсоро — были созданы специальные курсы МОТ» **.

В действительности к организации кооперативов побуждала лишь система распределения импортных товаров «через лидеров группы». «Эта мера, — говорится в «Основных документальных данных», — вызвала интерес у крестьянского руководителя и превратила его в сторонника организации кооперативов, так как он рассчитывал поживиться за счет предоставлявшихся льгот». Но «план валютной стабилизации... ликвидировал систему распределения импортных товаров по квотам, в результате чего практически пропало стремление организовывать новые крестьянские кооперативы. Это показало, что главной и основной целью этих организаций было получение выгод от распределения квот». Правильно было бы сказать, что пропало не только желание организовывать новые кооперативы, — исчезли и существующие кооперативы. Иначе не могло и быть, так как эти кооперативы не имели достаточного количества земли, экономических средств, современных орудий труда, необходимой технической помощи, а также руководства и управления, благодаря которым они могли бы превратиться в производственные центры нового типа.

Второй этап развития сельской кооперации начинается с принятия Общего закона о кооперативных обществах, вступившего в силу 15 января 1959 года. Была

* Система квот — распределение дефицитных импортных товаров первой необходимости, продававшихся по пониженным ценам. Квоты на сбыт этих товаров, поступавших в ограниченном количестве, распределялись между торговцами министерством экономики. Возможность продавать такой товар втридорога на черном рынке или же вывезти за границу и прибыльно сбывать его там поощряла спекуляцию и жульнические сделки. — *Прим. ред.*

** Международная организация труда. Специализированное учреждение ООН. — *Прим. ред.*

создана новая организация с чиновничьим аппаратом, руководство которой работает «в тесном сотрудничестве с кооперативными отделами Межамериканской сельскохозяйственной службы (МСС), ФАО и «Андской миссии» ООН»*. В действительности вряд ли можно ожидать чего-нибудь от «нового» курса в отношении кооперативов, тесно связанного с проблемой колонизации восточных районов Боливии, кратко рассмотрению которой мы посвящаем следующий раздел.

Колонизация

Колонизация! Вот каким путем правительство намерено разрешить по-новому проблемы, возникшие в связи с проведением аграрной реформы, например такие, как проблема минифундии, ненаделение землей безземельных крестьян, обнищание, безработица во всех отраслях производства в результате закрытия мелких и средних частных рудников, фабрик и т. д. и т. д. и увольнение «лишних» рабочих. Только КОМИБОЛ увеличила армию безработных на 8 тысяч человек и намерена выбросить на улицу еще 5 тысяч.

Колонизация, осуществление которой доверено «Андской миссии» Организации Объединенных Наций, располагающей «технической помощью» МОТ, ФАО, ВОЗ**, ЮНЕСКО и т. д., а также МСС и администрации 4-го пункта,— вот в чем усматривается решение всех проблем.

Никто не сомневается в важности колонизации боливийского востока, изоляция и отсталость которого объясняются односторонним развитием и зависимостью национальной экономики. Но правительство, провозглашающее проведение «национальной революции», намеревается ликвидировать нищету, голод, безработицу и решить все проблемы, связанные с кризисным состоянием страны, посредством колонизации, при поддержке империализма, который не только ни в чем не посту-

* «Совместная миссия», направленная ООН и ее специализированными учреждениями в 1952 году для изучения проблем индейского населения районов Анд.— *Прим. ред.*

** Всемирная организация здравоохранения, специализированное учреждение ООН.— *Прим. ред.*

пается своими интересами в пользу экономической и политической независимости Боливии, а, напротив, укрепляет свои позиции по мере обострения национальных проблем.

Боливия — страна малонаселенная, и, хотя большая часть ее населения сконцентрирована в районах долин и Альтиплано, очевидно, нельзя говорить о перенаселенности этих районов. Достаточно привести один пример. Территория Чехословацкой Социалистической Республики равна примерно территории департамента Кочабамба. Тем не менее население Чехословакии — 13,5 миллиона человек, тогда как население Кочабамбы всего лишь 524 520 человек (по данным 1959 года). Разве можно решить проблемы минифундий и ненаделения землей безземельных крестьян, уничтожить нищету, безработицу и т. д., переселяя людей из районов долин и Альтиплано, чтобы кое-как заселить в течение длительного времени обширные районы восточной части страны? Мы уже не говорим об отсутствии санитарных и других условий, затрудняющих переселение жителей возвышенностей в тропики. Сами пропагандисты «колонизации» подчеркивают огромные трудности этого предприятия, для осуществления которого требуются строительство дорог, оздоровление колонизируемых районов, вырубка лесов, строительство жилищ, школ, санитарное обслуживание, снабжение, орудия труда и т. д. и т. д.

Как считает ЭКЛА, колонизация боливийского востока объясняется прежде всего необходимостью «уменьшить чрезмерное сосредоточение населения в долинах и на Альтиплано, чтобы можно было улучшить или по крайней мере не усугублять экономическое положение крестьянства этих районов», а также необходимостью производить некоторые товары, которые в настоящее время импортируются, но могут производиться на еще не освоенных землях восточной части страны. «Кроме того, — утверждает ЭКЛА, — следует иметь в виду, что для развития этих районов были вложены крупные средства, например в строительство шоссе Кочабамба — Санта-Крус и сахарного завода Гуабира. Их правильное использование требует наличия достаточного количества населения, чтобы можно было увеличить посевы, в частности, сахарного тростника, хлопчатника, кофе, риса и масличных культур».

Когда говорят, что одной из целей колонизации является поглощение избыточного населения долин и Альтиплано, чтобы задержать дальнейшее обнищание крестьян в этих районах, то тем самым объясняют существование этой нищеты слишком многочисленным населением, а не системой феодальной эксплуатации, которой в течение веков подвергались крестьяне. Итак, теоретической основой колонизации является неомальтузианство, цель которого в конечном счете состоит в том, чтобы помешать проведению аграрной реформы, оставив в неприкосновенности систему землевладения и полufeодальные формы эксплуатации. Но это еще не все, ибо с помощью колонизации думают избавиться от безработицы в перерабатывающей промышленности, на рудниках, строительстве, железных дорогах и т. д. Это значит, что кризис во всех отраслях производства также пытаются объяснить наличием «лишних» трудящихся или «избыточных» рабочих, а не зависимостью страны, не эксплуатацией и угнетением, которым подвергают Боливию капиталистические монополии США. Вот почему переселение безработных не приведет к уничтожению нищеты и решению стоящих перед промышленностью проблем, а лишь продлит ее агонию; оно не уничтожит причин такого положения, то есть условий, в которых Боливия превратилась в источник сырья и рынок сбыта американского империализма.

Известно, что если сельское хозяйство не развивается и, следовательно, не проводится настоящая аграрная реформа, значит, и перерабатывающая промышленность развивается недостаточно и не может иметь большого значения для экономического развития страны. Известно также, что аграрная реформа не сможет проводиться эффективно, пока правительство будет метаться в своей политике по замкнутой кривой, начерченной государственным департаментом США, действующим в интересах финансового капитала.

Но перемещение контингентов безземельных или малоземельных крестьян, безработных и новобранцев (также занимающих определенное место в плане колонизации) имеет и другую, политическую цель, отвечающую интересам монополий США. Речь идет о поставках дешевой рабочей силы нефтяным компаниям, уже захватившим крупные месторождения нефти, которые они

начнут интенсивно разрабатывать, когда окажутся изгнанными из стран Ближнего и Среднего Востока, в результате последовательной борьбы этих стран за свою национальную независимость.

С другой стороны, перемещение «избыточного» населения из высокогорных районов преследует цель облегчить новым американским компаниям проникновение в восточную часть страны для разработки богатых лесных ресурсов и эксплуатации плодороднейших земель путем их монополизации. Так произошло уже с компанией «Харнет», которой вопреки закону об аграрной реформе было передано 20 тысяч га в Альтс-Бени.

Этот план колонизации, опирающийся на «сотрудничество» некоторых организаций «технической помощи» ООН и «миссий помощи» США, действующих, в частности, на основе 4-го пункта, в области строительства дорог и «технической подготовки» определенного боливийского персонала, является бесцельной тратой скудных национальных ресурсов и рабочей силы, что отвечает интересам империализма, проникающего в восточные районы страны.

Эта политика обходит коренное решение проблем, заменяя его временными мерами, противоречащими этому решению. Эта политика — неизбежный результат подчинения диктату капиталистических монополий США. Все «планы стабилизации» и другие, выполняемые без каких-либо отклонений, предусматривают принятие мер по «кооперированию» и «колонизации», но не затрагивают существа проблемы, то есть проведения эффективной аграрной реформы. То же самое происходит с национализированными рудниками, ЯПФБ, перерабатывающей промышленностью, железными дорогами и т. д. Вот почему целесообразно рассмотреть эти планы «стабилизации», продиктованные «специалистами» и организациями, защищающими интересы американского империализма.

Политика «стабилизации»

В конце 1931 года под влиянием мирового капиталистического кризиса 1929—1933 годов в стране началась инфляция, покончить с которой можно было лишь ценой серьезных экономических и финансовых потрясений.

В 1932 году Боливия столкнулась с резкой нехваткой валюты. В качестве защитной меры была введена система контроля валютного обмена, с тем чтобы восстановить экономику, валютную и финансовую стабильность. Но, поскольку причины зависимого положения страны, ее отсталости и существования полуфеодалных производственных отношений не были уничтожены, система преференциальных обменных курсов позволяла фаворитам правительства широко заниматься финансовыми махинациями и спекуляцией, хотя и не в такой неприкрытой форме, как в первые четыре года существования правительства НРД. Но это не значит, что плоха сама система. Если эту систему применять честно, для защиты национальных интересов, то она принесет пользу всем странам с зависимой и слабо развитой экономикой.

Итак, с конца 1931 года происходит обесценивание национальной денежной единицы, и ни изменение обменного курса, ни различные меры финансовой политики не могут остановить все более усиливающуюся инфляцию.

Инфляция — насыщение рынка денежной массой в результате выпуска в обращение бумажных денег в размерах, превышающих потребности товарооборота, — является следствием нарушения экономического и финансового равновесия. Она характеризует экономическое развитие Боливии как аграрной, отсталой и зависимой страны.

Эта зависимость облегчает утечку капитала и, как правило, ведет к дефициту платежного баланса. С другой стороны, однобокий характер боливийской экономики, являясь ее основной чертой, обуславливает ее чрезмерную чувствительность к колебаниям на мировом капиталистическом рынке и к манипуляциям международных монополий, фактически контролирующих национальную экономику. Вот почему государство постоянно пребывает в нищете. И именно поэтому превышение государственных расходов над доходами является начальной причиной инфляции. Государство сталкивается с проблемой непомерных расходов, как это было во время войны в Чако, расходов, намного превышающих доходы, в результате чего оно вынуждено прибегать к займам, к своим золотым и валютным запасам, к увеличению налогов на народное потребление. Нужды градостроитель-

ства, увеличившиеся в связи с ростом городов после 1936 года, требовали средств, которые были предоставлены займы Центральным банком. Общественные работы, строительство дорог, плотин для орошения и других сооружений — на все это требовались деньги, которые государство получило также в виде займов. Кроме того, необходимо было ликвидировать постоянный бюджетный дефицит. Это пытались сделать также при помощи займов Центрального банка, который был вынужден прибегать к эмиссии бумажных денег, постоянно уменьшая их покупательную способность.

С 1952 года инфляция усиливается еще больше. Это, однако, ни в коей мере не оправдывает политику прежних правительств, которые ничего не сделали для достижения экономической независимости страны. Полностью находясь в услужении у американского империализма, установившего почти полный контроль над национальной промышленностью, они жили как во сне, наслаждаясь благами политической власти, предоставленной им крупными горнорудными компаниями, нисколько не думая об интересах государства и народа.

Мы уже видели, как в период войны в Чако в результате эмиссий Центрального банка количество денег в обращении увеличилось с «38 миллионов боливиано в конце 1931 года до 378 миллионов в 1935 году», то есть «в десять раз по сравнению с последним довоенным годом»¹. Индекс стоимости жизни в городе Ла-Пас к концу 1936 года составил 214 (1931 год = 100), что означает среднегодовой рост в 16,6 процента².

В 1939 году количество находящихся в обращении бумажных денег достигло 679,5 миллиона, а индекс стоимости жизни в городе Ла-Пас поднялся до 733. Количество находящихся в обращении денег с 679,5 миллиона в конце 1939 года, когда разразилась вторая мировая война, увеличилось до 2558,4 миллиона в конце 1945 года — года окончания войны. Индекс стоимости жизни в Ла-Пасе увеличился с 733 в 1939 году до 1911 в 1945 году. К 1951 году количество находящихся в обращении денег достигло 4334 миллионов боливиано, а индекс стоимости жизни стал равен 5041.

¹ ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

² Там же.

По официальному курсу американский доллар в 1946—1949 годах по отношению к боливиано был равен 1 : 42. В 1950 и 1951 годах курс доллара повысился до 60 боливиано. В то же время на свободном рынке (на черной бирже) курс доллара был следующим:

Январь 1948 года	71 боливиано за доллар
Декабрь 1948 »	91 » » »
Январь 1949 »	95 » » »
Декабрь 1949 »	116 » » »
Январь 1950 »	117 » » »
Декабрь 1950 »	130 » ¹ » »

Хотя в результате народного восстания в апреле 1952 года была национализирована крупная горнодобывающая промышленность и принят закон об аграрной реформе, «основные элементы боливийской экономики — а ими остаются зависимость от экспорта олова и еще нескольких минералов, низкая производительность сельского хозяйства, слабое промышленное развитие и другие традиционные черты — остались без изменений»². В то же время происходят некоторые изменения «в каждой из этих отраслей и в сфере руководства страной...», в результате чего «положение экономики в целом изменилось»³.

Действительно, к факторам зависимости, вызывающим «колебания конъюнктуры», нарушение экономического и финансового равновесия, которые ведут к инфляции, добавляются новые факторы политического и социального порядка и государственные капиталовложения, «требующие ресурсов, превышающих финансовые возможности правительства». Следствием этого являются еще большее нарушение внутреннего равновесия и «усиление инфляции»⁴.

В 1953 году положение еще больше ухудшилось и стоимость жизни выросла на 152 процента. Для разработки мер против финансовой неустойчивости, грозив-

¹ См. ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

шей расстроить всю экономику, правительство Пас Эстенсоро пригласило специалиста из ООН Артуро Караша, рекомендации которого были сформулированы в так называемых «Экономических декретах» от 14 мая 1953 года.

В обращении президента Пас Эстенсоро к народу в связи с утверждением этих декретов было сказано: «Система дифференциальных обменных курсов для импорта предметов первой необходимости практически приводила к бесполезной трате значительной части иностранной валюты, получаемой от экспорта, так как импортные товары, купленные на эту валюту, продавались, особенно оптовикам, по цене значительно ниже фактических цен на мировом рынке... С другой стороны, система дифференциальных обменных курсов стала настоящим препятствием для развития национального производства.

Эта хаотическая, совершенно неразумная система, существовавшая в области наших финансов, вела к увеличению трудностей, и наконец вследствие зависимости нашей экономики от мирового рынка... мы оказались теперь в очень тяжелом положении, хотя дело и не дошло до циклического кризиса. Поскольку в течение более 50 лет в Боливии заправляли крупные горнорудные компании, страна не имеет развитого производства пищевых продуктов или сырья для своей зарождающейся фабричной промышленности. Поэтому Боливия не может отказаться от импорта, он необходим ей... Такова первая основная причина изменения системы обмена валюты. Необходимо обеспечить работу рудников, особенно сейчас, когда они находятся в руках государства... Необходимо покончить с нехваткой товаров первой необходимости... Необходимо устранить постоянный соблазн спекулятивной торговли и распространение коррупции среди чиновничества, которые вызываются существованием предпочтительных обменных курсов. Необходимо сделать нашу денежную единицу как можно более реальной и устойчивой, ибо только так мы создадим основу для увеличения национального производства и для успешного проведения политики повышения заработной платы и улучшения условий жизни трудящихся».

Для достижения указанных целей первый из упомянутых декретов установил курс боливиано по отношению к доллару 190 : 1. В результате этого и поскольку цель

состояла в том, чтобы «установить реальные цены для обеспечения обилия продуктов питания», цены поднялись. Излишне говорить, что ценообразование не зависит исключительно от международного курса национальной валюты и что рост цен сам по себе не может стимулировать производство, так как в отсталых и зависимых странах с полуфеодальными условиями сельскохозяйственного производства нет необходимости в капиталовложениях, а производство немногих готовых изделий осуществляется на нескольких технически отсталых фабриках, существующих в значительной степени благодаря субсидиям государства. Наконец, импорт продуктов питания, одежды и других изделий, которые в Боливии не производятся или производятся в недостаточном количестве, монополизирован одним-двумя международными концернами, в частности «Грейс компани».

Второй декрет признает два рынка обмена валюты: официальный и свободный (черный рынок). Согласно этому декрету, «вся иностранная валюта, полученная в результате экспорта, включая экспорт товаров, ввезенных из-за границы, должна продаваться Центральному банку Боливии»; декретом предусматривалось составление годового бюджета иностранной валюты и т. д. Как известно, основным источником поступления иностранной валюты для Боливии является продажа минерального сырья, главным образом олова. И тем не менее не учитывалось то обстоятельство, что объем экспорта и цены на олово полностью зависят от США и Великобритании, монополии которых регулируют в соответствии со своими политическими и экономическими интересами доходы Боливии в иностранной валюте. Декреты не принимали во внимание нехватку долларовой валюты, ведущую к постоянному повышению курса доллара на свободном рынке.

Чтобы компенсировать увеличение расходов, вызванное этими мерами, правительство установило «дополнительный налог на импорт в 50 и 100 процентов с цены сиф на рудниках... и отменило многочисленные налоги на сделки в иностранной валюте»¹. В то же время был введен налог в 35 боливиано на каждый доллар, вырученный КОМИБОЛ за экспорт любого минерального

¹ См. ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

сырья. Итак, предприятие, являющееся основным источником долларовых поступлений, вместо того чтобы получать 190 боливиано за каждый доллар, получает только 155, несмотря на то что в числе причин падения курса боливиано называют «высокую себестоимость» добычи минералов, особенно олова.

Декреты отменили субсидирование потребления и одновременно установили максимальные цены на определенные товары, заморозили квартирную плату. Министерству экономики поручалась непосредственная организация снабжения некоторыми предметами первой необходимости по системе квот. Заработная плата была заморожена. Правда, ввиду повышения стоимости жизни в результате девальвации в порядке компенсации была введена месячная прибавка к заработной плате в 4 тысячи боливиано тем трудящимся, которые не покупают товары в магазинах со сниженными ценами, и в 2 тысячи боливиано — остальным. В интересах государственной казны были ограничены банковские кредиты, хотя в то же время независимо от декретов была введена практика так называемых «займов чести»* в интересах членов правительственной партии. Наконец, в целях «создания должных юридических и экономических условий повышения благосостояния народа» и «роста его сбережений» Центральному банку было предоставлено право на чеканку золотых монет. Народ, хоть и не видел этих монет, знал, что их вывозили за границу без всякой выгоды для страны. Наконец, в соответствии с «Экономическими декретами» было организовано Бюро стабилизации цен и заработной платы, распавшееся вскоре после своего возникновения.

Этот «План стабилизации», разработанный на основе принципов кейнсианства, возобладавших на конференции в Бреттон-Вудсе**, где было решено создать Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР), защи-

* Речь идет о займах, предоставлявшихся под честное слово сторонникам правительства формально на создание или расширение какого-либо предприятия.— *Прим. ред.*

** В 1944 году в Бреттон-Вудсе (США) состоялась валютно-финансовая конференция Объединенных Наций, рассмотревшая планы послевоенного международного валютного сотрудничества.— *Прим. ред.*

щающие интересы американского доллара, а значит, и миллиардеров Уолл-стрита, потерпел сокрушительный провал в части, касавшейся стабилизации боливиано. Однако все цели плана, отвечающие интересам капиталистических монополий, были достигнуты. Это следующие цели: обесценить валюту так называемых «периферийных» стран, в том числе Боливии, с тем чтобы сохранить диктатуру доллара на мировом рынке; лишить капиталов государственные предприятия этих стран, чтобы заставить их привлекать частные капиталы международных монополий, или, что то же самое, вынудить их денационализировать эти предприятия и создавать частные или «смешанные» компании с участием империалистического капитала; ориентировать внешнюю торговлю «периферийных» стран в интересах капиталистических монополий США и, наконец, обеспечить высокие прибыли чиновнической и компрадорской буржуазии «периферийных» стран, сделав ее таким образом самым ревностным защитником империализма и тем самым злейшим врагом своей нации и своего народа. Однако инфляция продолжала непрерывно усиливаться. Количество находящихся в обращении средств платежа увеличилось с 10 596 642 тысяч боливиано в конце 1952 года до 20 557 342 тысяч боливиано к 31 декабря 1953 года¹, то есть на 93,99 процента. К 31 декабря 1954 года количество находящихся в обращении бумажных денег составило 35 008,8 миллиона боливиано, то есть увеличилось на 70,3 процента по сравнению с предыдущим годом. К 31 декабря 1955 года² денежная масса в обращении увеличилась до 73 112,6 миллиона (на 108,84 процента). Рост инфляции не прекращался и в дальнейшем. В декабре 1956 года количество находящихся в обращении денег достигло 247 591,7 миллиона боливиано, то есть по сравнению с 1955 годом увеличилось на 238,64 процента. Если мы примем индекс стоимости жизни 1936 года за 100, то окажется, что к декабрю 1953 года он вырос до 7784, а к декабрю 1954 года — до 15 463 в городе Ла-Пас. Если же примем за 100 стоимость жизни в декабре 1953 года, то окажется, что в декабре

¹ См. Banco Central de Bolivia, «Memorias Anuales de 1953, 54 y 55».

² Там же.

1955 года в городе Ла-Пас индекс поднялся до 355, а в конце декабря 1956 года — 1924. Иначе говоря, стоимость жизни в городе Ла-Пас за один год, с 31 декабря 1955 по 31 декабря 1956 года, выросла на 474 процента.

По данным ЭКЛА, курс боливиано по отношению к доллару менялся на свободном рынке следующим образом:

Январь 1952 года	205 боливиано за доллар
Декабрь 1952 »	275 » » »
Январь 1953 »	400 » » »
Декабрь 1953 »	950 » » »
Январь 1954 »	1 120 » » »
Декабрь 1954 »	1 820 » » »
Январь 1955 »	2 054 » » »
Декабрь 1955 »	4 018 » » »
Январь 1956 »	4 513 » » »
Октябрь 1956 »	11 604 » » »

Согласно отчету Центрального банка Боливии за 1956 год, курс доллара на свободном рынке в середине ноября 1956 года составлял 1:12 500 боливиано.

Начиная с 1952 года основной причиной инфляции является уже не увеличение государственных расходов, преследующее определенные социальные или чисто политические цели, а огромные убытки КОМИБОЛ, вызванные падением цен на олово. Это было настолько очевидно, что Центральный банк Боливии в своем годовом отчете за 1954 год указывал: «Внешняя торговля Боливии в части экспорта имела в течение года четко выраженную тенденцию к понижению в отношении как объема экспорта, так и его стоимости.

Неблагоприятные условия, сложившиеся на основных рынках сбыта руды, привели к заметному падению производства и к еще более заметному падению экспорта.

Очевидно, что горнодобывающая промышленность в течение многих лет будет являться основой экономики страны и, следовательно, ее чувствительным нервом, раздражение которого будет сказываться на состоянии всего экономического организма.

Национальная экономика терпит большой ущерб в результате сложившегося явно неравного положения,

когда Боливия при чрезвычайно узком ассортименте экспорта должна ввозить самые разнообразные товары. Следствием этого положения является установление контроля над спросом и ценами на наши товары, тогда как мы не можем осуществлять такой контроль над предметами импорта».

Что все это значит? А то, что экономическая зависимость Боливии от американского империализма — причина всех недугов нашей страны, от которых можно избавиться не валютно-финансовыми мерами, а только путем крутого поворота в экономической политике вообще, что дало бы возможность проводить независимую внешнюю политику.

Безусловно, плохое руководство деятельностью КО-МИБОЛ, являющееся естественным следствием политической ориентации правительства, способствует повышению издержек производства на рудниках. Но необходимо понять, что Боливия сможет покончить с зависимостью, только завоевав свободу во внешних экономических отношениях. В этой зависимости — основная причина экономических и финансовых недугов страны. Все остальные причины второстепенные.

Посмотрим, какие последствия вызвала инфляция. «Увеличение количества бумажных денег, — говорилось в нашей лекции, посвященной этой проблеме, — ведет прежде всего к общему росту цен, практически не прекращающемуся ни на час. В этих условиях каждый продавец боится от падения стоимости денег, «временно» повышая цены. И когда государство нуждается в товарах для различных целей, то, чтобы купить их по новым ценам, оно прибегает к новой эмиссии бумажных денег, еще больше обесценивая их, что вызывает новое повышение цен и т. д. и т. д., каждый раз более быстрое.

Далее, в результате падения покупательной способности денег исчезает кредит, и тогда появляются ростовщики. Отсутствие кредита лишает экономику ссудных средств и отрицательно сказывается на слаборазвитой национальной промышленности. С другой стороны, платежи производятся уже не в рассрочку, а наличными.

Несмотря на то что кредит для промышленности ограничен или совершенно не предоставляется, прави-

тельство НРД вводит новую систему «займов чести» для своих фаворитов, обеспечив им солидные прибыли, так как они погашали заем обесцененными деньгами.

Далее, все теряют веру в деньги, и люди, имеющие деньги, торопятся истратить их, покупая товары. Это существенно увеличивает спрос и ведет к дальнейшему росту цен. В результате обращение денег происходит с невиданной быстротой.

И, наконец, подобное положение создает атмосферу неуверенности и беспокойства, и каждый старается переложить на других бремя, создаваемое непрерывным обесценением денег. Все ищут возможности совершить какие-либо выгодные сделки.

Инфляция тяжело отражается на положении трудящихся, ибо заработную плату увеличивают время от времени и всегда незначительно. В то же время цены растут постоянно и быстрее. Трудящиеся с трудом «дотягивают» до очередной полочки, покупая товары по все более высоким ценам. Инфляция является как бы особым налогом на заработную плату, покупательная способность которой непрерывно падает. Итак, больше всего страдают от инфляции трудящиеся классы.

Инфляция, рассмотренная в более или менее общих чертах, открывает широкие возможности для спекуляции, контрабанды, темных махинаций, сделок и т. д. Народ Боливии смотрит на все это в оцепенении. Он, пожалуй, ничего не может сделать при виде нуворишей, разъезжающих в роскошных автомобилях и пользующихся как приверженцы правительства нетерпимыми привилегиями; при виде людей, наживающихся на распределении товаров по квотам, валютчиков, дельцов черного рынка, фаворитов правительства, создающих в течение суток огромные состояния за счет голодающего народа и, что самое опасное, переправляющих их за границу, лишая страну капиталов. А это вызывает еще большую инфляцию.

Боливия, говорилось далее в лекции, как и все латиноамериканские страны одни в большей, другие в меньшей степени марширует под барабаны Уолл-стрита. Если начинает как-то улучшаться наше экономическое положение в связи с увеличением экспорта и повышением цен на олово, американские монополии, управляющие в международных концернах, немедленно

принимают меры для сокращения экспорта и снижения цен. И, когда в результате этого мы страдаем от голода и нищеты, как произошло после национализации рудников, эти монополии немедленно заявляют, что они наши «друзья», и начинают «помогать» нам через государственный департамент США, который трубит на весь мир о своем «человеколюбивом отношении» к «братскому народу Боливии».

Кстати, в уже упомянутом отчете Центрального банка Боливии за 1954 год говорится, что «тяжелое положение национальной экономики было облегчено в результате помощи Соединенных Штатов, которые в 1954 году предоставили безвозмездно или займы 13 700 тысяч долларов (причем эквивалентный фонд в боливиано* был использован для осуществления программы капиталовложений)».

«В период после апрельского восстания 1952 года, когда экономика Боливии находилась в катастрофическом положении, американская помощь, состоявшая из сухого молока, сыра и других излишков американских товаров, вряд ли составила шестую часть того, что американские монополии получили за первые четыре года от правительства НРД только благодаря существованию разницы между ценой на олово и его себестоимостью. По официальным данным, они «заработали» на этом 200 миллионов долларов. Кроме того, американская «помощь» сопровождается требованием еще больших экономических и политических уступок. Мы укажем на следующие требования: 1. Запрещение продавать минералы, особенно олово, всем странам, кроме США и в крайнем случае Англии. 2. Передача на самых кабальных условиях других национальных богатств, среди них, помимо лесов и золотых приисков на востоке, залежей нефти. В связи с этим полезно знать, что цель аналогичной «помощи» США арабским странам состоит в том, чтобы вытеснить с Ближнего и Среднего Востока своих партнеров — Англию и Францию и рас-

* Эквивалентные фонды — фонды в боливиано, образованные за счет продажи в Боливии американских сельскохозяйственных излишков по соглашению между США и Боливией от 1953 года. Сумма в боливиано должна была соответствовать стоимости в долларах.— *Прим. ред.*

пространить господство США на эти страны, так как на Ближнем и Среднем Востоке нефть обходится США по 2 цента за баррель, а на своей территории — по два доллара. Этим объясняется двуличное поведение США во время суэцкого конфликта. 3. Политическое подчинение правительства как во внешней, так и во внутренней политике.

«Помощь» американского монополистического капитализма, контролирующего нашу экономику, — это, попросту говоря, маскировка экспансионистской и захватнической политики. И к этой «помощи» прибегает правительство Пас Эстенсоро, чтобы «найти выход» из создавшегося тяжелого положения»¹.

В такой обстановке к власти пришло новое правительство НРД, в свою очередь решившее заняться финансовой стабилизацией.

Ради справедливости следует признать, что предыдущее правительство, несмотря на противоречивый характер своей деятельности, осуществило ряд положительных мероприятий, которые рано или поздно помогут завоевать национальную независимость. Мы имеем в виду национализацию рудников и принятие закона об аграрной реформе. Эти меры, при условии последовательного проведения их в интересах страны, явятся наряду с самостоятельной государственной политикой основой национальной независимости.

В отчете Центрального банка Боливии за 1956 год говорится: «Президент республики с целью покончить с инфляцией, нанесшей ущерб экономическому и финансовому развитию страны, и будучи убежден, что устойчивость денежной единицы является основным фактором нормального развития экономики, обеспечивающим рост производства и повышение жизненного уровня населения, используя чрезвычайные полномочия, предоставленные ему конгрессом законом от 22 ноября 1956 года, и после консультации с Международным валютным фондом подписал 15 декабря 1956 года декреты о стабилизации валюты в Боливии. Таким образом был положен конец необратимости купюр и контролю над валютным обменом...

¹ Raúl Ruiz González, Sobre la Estabilización Monetaria (Conferencia dictada en la Universidad de Cochabamba).

На случай возникновения чрезвычайных обстоятельств и для выполнения плана, помимо обычных запасов иностранной валюты, в стране был создан «Фонд стабилизации», включавший 7500 тысяч долларов, предоставленных в качестве займа Международным валютным фондом, 7500 тысяч долларов, предоставленных в качестве займа казначейством Соединенных Штатов, и 10 миллионов долларов, предоставленных в счет американской помощи».

Говоря о мерах, предшествующих стабилизации, следует указать на прекращение работ в Вильямонтесе, на невыполнение запроектированных работ в Корани и Монтепунко и т. д., за которые отвечала Боливийская корпорация развития (БКР) — национальная организация, созданная в 1942 году. Результатом этого явились прежде всего рост безработицы и распад БКР, призванной обеспечить проведение ряда важных работ. Так, например, целью ирригационных работ в Вильямонтесе было сделать пригодными для выращивания хлопчатника 15 тысяч га земли, а целью работ в Корани и Монтепунко — обеспечить получение достаточного количества электроэнергии, необходимой для развития промышленности, и т. д. Таким образом, удар, нанесенный по БКР, — это удар по политике индустриализации страны.

В связи с этой первой мерой стабилизации и для того, чтобы познакомить читателя с ее автором, американским «специалистом» Эдером, приведем отрывки из письма президента Боливийской корпорации развития (БКР) инженера Гумусио¹ президенту республики Эрнану Силесу Суасо.

«Используя свое положение, — говорится в письме, — Эдер начинает ликвидацию корпорации... При этом Эдер заявляет: «Я кое-что понимаю в сахаре. Моя семья за 1500 тысяч долларов купила завод «Мануэлита» в Колумбии, производительность которого в два или три раза больше «Гуабира»... В библиотеке корпорации имеется номер нью-йоркского журнала «Индастри» за май этого года [1956] со статьей о заводе «Мануэлита»,

¹ Гумусио, выступающий в данном письме против плана стабилизации валюты, является в настоящее время министром экономики и, естественно, защитником и исполнителем того же самого плана, которого придерживается президент Пас Эстенсоро.

в которой говорится, что стоимость завода равна 6400 тысячам долларов... Опровергнуть эти данные было невозможно, и Эдер попросил извинения, заявив, что о стоимости завода ему говорил его дядя и что он собирается написать своему двоюродному брату... Я присутствовал на одном памятном заседании Совета валютной стабилизации. Эдер, проанализировав работу корпорации, заявил, что планы никуда не годятся. Я приведу лишь один пример — случай с шоссейной дорогой Кочабамба — Санта-Крус. Эдер заявил, что Боливия ни в коем случае не должна была строить эту дорогу. Услышав такое невероятное заявление, я ответил ему, что построить шоссе для нас действительно очень тяжело, но это совершенно необходимо для страны; что на протяжении всей своей истории Боливия мечтала о строительстве этой дороги, что проложить дорогу для связи с восточными районами рекомендовали географы, политики, экономисты, исходя из жизненной необходимости; что только там находятся равнинные земли, где мы можем наладить производство продовольствия; что там проходят две международные железнодорожные линии, а это связано с вопросом суверенитета... Эдер ответил, что он ничего не понимает ни в политике, ни в суверенитете... Господин президент, последнее время я часто думаю о миссии сеньора Эдера в Боливии и спрашиваю себя: «Для чего он приехал, — чтобы быть прокурором и судьей? Разве может Эдер знать наши чаяния? Разве может он за один месяц стать специалистом по дорогам, сельскому хозяйству, промышленности, энергетике и т. д.? Наконец, имеет ли он полномочия на все это?» Я считал, господин президент, что этот высокопоставленный чиновник США приехал, чтобы помочь нам составить план стабилизации валюты... но, кажется, он ведет себя с нами так, как будто мы проиграли войну... Эдер заявил мне, что государство ничего не должно делать... Я говорил с ним об одном экономическом и социальном мероприятии национального значения. И он ответил, что это интересно, но должно быть осуществлено частной инициативой. Я сказал ему, что у нас в течение многих лет была устойчивая денежная единица, а он мне ответил, что, может быть, так оно и было, но это вопрос принципиальный и, если нужно, приходится ждать сорок лет. Когда я предложил дру-

гое социальное мероприятие, он ответил, говоря о рабочих: «Пускай подышают с голоду...»

Таков человек, который в качестве чиновника США, обладающего поистине диктаторской властью в Боливии, взял в свои руки решение проблем стабилизации валюты.

Стабилизация включала такие конкретные меры: введение свободного обмена, установление нового обменного курса, свободное распоряжение предпринимателей иностранной валютой, новые таможенные тарифы, новую налоговую систему, отмену субсидируемых цен, выплату добавки к заработной плате и жалованью в порядке компенсации за девальвацию боливиано. В политической области принятие мер по финансовой стабилизации сопровождалось продлением осадного положения и голодовкой президента республики*.

Непосредственным социальным последствием этих мер было недовольство рабочего класса, выразившееся в забастовках и угрозе забастовок горняков Сигло Вейнти и Катави, железнодорожников Уюни и вообще всего рабочего класса. Однако следует признать, что рабочие почти сразу же отступили, заняв выжидательную позицию, но не потому, что они так уж верили в то, что их положение должно улучшиться, а скорее потому, что они понимали необходимость сплочения рядов перед лицом угрозы реакционных вылазок, то есть попыток элементов, свергнутых в апреле 1952 года, совершить государственный переворот. Кроме того, чувствовалось недовольство значительной части средних слоев: служащих, учителей и вообще всех тех, кто получал твердую заработную плату и находился в очень тяжелом положении. С другой стороны, можно было заметить радость латифундистов и экс-латифундистов, крупных коммерсантов, даже самих промышленников, которые не понимали отрицательных последствий этих мер для промышленности. Особенно бросалась в глаза радость иностранных монополий.

Исторически под свободным обменом подразумевается определенная политика в области внешней торговли,

* В 1957 году президент Силес Суасо объявил голодовку с целью воздействовать на трудящихся и заставить их отказаться от борьбы против «валютной стабилизации», навязанной империалистами США.— *Прим. ред.*

основными чертами которой являются: 1. Отсутствие дифференциальных тарифов. 2. Отсутствие искусственных стимулов, например премий, субсидий и т. д., служащих для создания национальному производителю более выгодных условий по сравнению с иностранным предпринимателем, производящим тот же самый товар.

Эта политика, основывающаяся на принципе свободы индивидуального предпринимательства и сводящая роль государства к роли простого стража такого порядка, впервые начала применяться в конце XVIII века в Англии, которая в то время была первой индустриальной страной мира. Но с тех пор в мире произошли большие изменения. Капитализм уже довольно давно достиг высшей фазы своего развития и превратился в монополистический капитализм. В результате этого политику фритредерства сменила политика вмешательства государства в экономическую жизнь. Но развитие мира не остановилось на этом. Уже более пятнадцати лет наряду с капиталистической системой существует и мировая социалистическая система. Вот почему монополистический капитализм прибегает к другой политике, рассчитанной на то, чтобы выжить в условиях поворота в развитии человечества, начавшегося с переходом России к социализму в результате социалистической революции в октябре 1917 года. Именно этим объясняется оживление фритредерских тенденций в Латинской Америке.

Боливия не изолирована от остального мира. Она входит в мировую капиталистическую систему, будучи аграрной, отсталой и зависимой страной, экономическим резервом американского монополистического капитализма. Может ли в этих условиях политика свободного обмена принести пользу для национальной экономики? Конечно, нет, так как, будучи простым производителем сырья, Боливия зависит от монополий США.

Цель свободного обмена заключается прежде всего в том, чтобы облегчить империалистическим монополиям эксплуатацию природных богатств Боливии. В настоящее время, после национализации крупной горнодобывающей промышленности, цель свободного обмена состоит в том, чтобы гарантировать предоставление концессий на залежи нефти американским и английским нефтяным трестам на самых неблагоприятных для страны условиях. И не будет ничего удивительного, если

государство сдаст национализированные рудники в аренду капиталистическим монополиям или создаст совместно с ними смешанные компании для эксплуатации недр Боливии.

Хотя выше уже говорилось о проблеме нефти, будет интересно привести следующее место из уже цитировавшейся нашей лекции: «Некоторые руководители правительства, в том числе многие, защищавшие ранее национализацию и требовавшие расторжения контракта со «Стандард ойл», утверждают, что единственный выход — отдать нефть международным концернам, ибо человечество вот-вот вступит в атомную эру, а поэтому бессмысленно хранить под землей нефть в ожидании тех времен, когда мы сами сможем добывать ее. Подобные утверждения несерьезны и свидетельствуют о незнании современного состояния промышленности. Достаточно вспомнить о влиянии, которое оказал на экономику западных стран кризис в зоне Суэцкого канала, когда в результате безумной англо-франко-израильской агрессии с целью захватить канал силой прекратилось поступление нефти в Англию и другие государства Западной Европы из стран Ближнего и Среднего Востока. Резервные запасы нефти уменьшились настолько, что было введено очень жесткое ограничение гражданского потребления, а многие крупные промышленные предприятия оказались на грани банкротства. Тогда западноевропейские страны, в частности Англия, Франция и Бельгия, чтобы обеспечить работу промышленности, попытались получить нефть от своего союзника США. Как известно, им пришлось долго ждать американской помощи. Практически США начали продавать свою нефть только тогда, когда положение стало безвыходным. В итоге англо-франко-израильская авантюра оказалась хорошим бизнесом для США. Но прежде всего следует подчеркнуть, что нефть еще долго будет оставаться самым важным сырьем для современной промышленности. А поэтому утверждать, что она сыграла свою роль, — значит пытаться под прикрытием дымовой завесы доказать недоказуемое: оправдать передачу в чужие руки такого важного природного богатства на условиях, несовместимых с суверенитетом и будущим нации.

Тем не менее находятся люди, утверждающие, что другого выхода нет, что международные нефтяные кон-

церны обеспечат эффективную эксплуатацию залежей нефти и т. д. Мы согласны, что эти концерны ведут эффективную эксплуатацию всего, что дает им высокие прибыли. Именно поэтому американские и английские компании эксплуатируют нефть в странах Ближнего и Среднего Востока. Как мы уже говорили, один баррель нефти, добытый на Ближнем и Среднем Востоке, обходится нефтяным трестам менее двух центов, а добыча одного барреля нефти в США стоит 2 доллара. Разница колоссальна — в 100 раз. Излишне и говорить, что в результате этой разницы в арабских странах существуют низкая заработная плата, голод и нищета, а нефтяные тресты получают сказочные прибыли. Так выглядит на деле политика капиталовложений капиталистических монополий, политика, отвергаемая народами, стремящимися к свободе и независимости».

Таким образом, над Боливией нависла опасность того, что американские нефтяные тресты станут распоряжаться ее судьбой, так как политика свободного обмена поддерживает антипатриотический закон о нефти.

Так как иностранные капиталовложения (а меры по стабилизации валюты направлены именно на привлечение иностранных капиталовложений) означают грабеж страны (как это происходит с добычей нефти), то наиболее передовые слои народа выступают против таких капиталовложений, потому что их принятие способствовало бы сохранению отсталости, нищеты и зависимости Боливии. Другое дело, если бы частные иностранные капиталы независимо от их национальной принадлежности использовались для создания предприятий перерабатывающей промышленности, которые так нужны Боливии, или для осуществления работ, представляющих национальный интерес, способствуя развитию экономики страны. Однако хорошо известно, что финансовый капитал устремляется в колонии, полуколонии и зависимые страны только для эксплуатации их как источников сырья, тормозя тем самым развитие производительных сил этих стран. Поэтому политика свободного обмена, навязанная Боливии Международным валютным фондом, не учитывает реального экономического и политического положения в окружающем нас мире и реального положения Боливии, ее нужды и желания.

«Декрет о стабилизации от 15 декабря 1956 года, заменяющий «все налоги на экспорт и прибыли горнодобывающей промышленности» «выплатой отчислений в свободно обратимой валюте», устанавливает уровень отчислений в процентах для различных видов полезных ископаемых, добываемых в стране. В то же время статья 6 другого декрета, определяющего общие принципы стабилизации, дает право владельцам предприятий «свободно распоряжаться» иностранной валютой, которую они получают от экспорта минерального сырья. Значит, что, если и удастся увеличить экспорт (хотя это зависит от обстановки на мировом капиталистическом рынке ввиду однобокой ориентации внешней торговли Боливии), доходы государства, поскольку устанавливается низкий уровень отчислений, значительно снизятся. Однако вследствие роста потребностей государства расходы не уменьшатся, а, пожалуй, увеличатся. В результате же бюджетного дефицита вновь начинается инфляция»¹. Это предположение, высказанное в январе 1957 года, в значительной мере оправдалось. Более того, национализированные рудники и другие государственные предприятия систематически несут убытки в такой степени, что оказываются на грани катастрофы. Кроме того, как мы увидим несколько позже при рассмотрении внешней политики Боливии, дефицит национального бюджета покрывается за счет «помощи» по 4-му пункту.

«С другой стороны, — говорилось в упомянутой лекции, — предоставление предпринимателям права свободного распоряжения иностранной валютой... должно способствовать утечке капитала и тем самым возникновению новой инфляции.

В конечном счете свободный обмен, установленный декретами о стабилизации валюты с целью стимулировать приток капиталовложений в страну, открыл доступ в Боливию американскому монополистическому капиталу для еще более беспрепятственного грабежа природных богатств страны и обеспечил ему получение сказочных прибылей на вложенный капитал за счет низкой заработной платы боливийских рабочих.

¹ Raúl Ruiz González, Sobre la Estabilización Monetaria.

...Если бы были закончены работы в Корани и Монтепунко, сорванные стабилизацией, Боливия имела бы электрическую энергию для создания промышленности. Выращивание хлопчатника в Вильямонтесе дало бы возможность обеспечить сырьем текстильную промышленность. Однако ликвидация Боливийской корпорации развития затруднила создание условий для индустриализации. Конечно, БКР должна была быть реорганизована в интересах развития техники и экономики, а не политического фаворитизма. Только в этом случае государственные организации подобного рода могут осуществлять важные мероприятия и создавать условия, необходимые для индустриализации»¹.

Политика стабилизации валюты, цель которой, определенная МВФ, на практике сводится к тому, чтобы задержать промышленное развитие, уничтожить мелкую промышленность, способствовать импорту, стимулировать внутреннюю торговлю, короче говоря, сохранить страну как рынок сбыта готовой продукции монополистической промышленности США, нанесла серьезный удар зарождающейся и слабой перерабатывающей промышленности Боливии.

Согласно переписи 1950 года, в национальной промышленности занято всего 8 процентов самостоятельного населения. По данным ЭКЛА, 20 320 человек заняты на зарегистрированных промышленных предприятиях, 35 805 — в мелкой промышленности и 53 473 — в ремесле. Эти данные указывают, во-первых, на преобладание ремесленного и мелкого производства, а значит, и на существование трудовых отношений, соответствующих полуфеодальному характеру производства в сельском хозяйстве. Во-вторых, эти данные показывают, что промышленность в собственном смысле слова, насчитывающая 1300 зарегистрированных предприятий, чрезвычайно слаба. Поэтому производство готовых изделий слишком ничтожно по сравнению с потребностями страны, и снабжение страны готовыми товарами в значительной степени зависит от импорта. Это относится и к товарам краткосрочного пользования, несмотря на то что национальная промышленность уже давно производит их.

¹ Raúl Ruiz González, Sobre la Estabilización Monetaria.

В-третьих, эти данные свидетельствуют о том, что боливийская промышленность лишена собственной базы, так как она примерно на 40 процентов зависит от импортного сырья вследствие отсталости сельского хозяйства, которое может снабжать промышленность сырьем в очень незначительных количествах. Поэтому увеличение промышленного производства упирается не столько в емкость внутреннего рынка или производственные мощности промышленности, сколько в обеспеченность сырьем. Этим объясняется тот факт, что рост объема промышленной продукции 528 предприятий пищевой промышленности, 220 предприятий по производству напитков, 5 табачных фабрик, 2019 текстильных и швейных предприятий, 118 кожевенных предприятий, 769 деревообрабатывающих и мебельных, 8 бумажных и картонных фабрик и предприятий по изготовлению изделий из этих материалов, 80 типографий, издательств и т. д., 16 предприятий по добыче каучука, 82 химических предприятий, 1 предприятия по переработке угля и нефти, 129 цементных, стекольных и керамических предприятий, 671 механического и металлургического предприятия и 423 других предприятий¹, «отмечавшийся после кризиса начала 30-х годов в предвоенный период и в ходе самой войны», прекратился «5—6 лет тому назад». «Более того, — говорится в материалах ЭКЛА, — можно убедиться, что во многих случаях 5, 10 или 15 лет тому назад производство находилось на более высоком уровне, чем сейчас».

С другой стороны, «среднегодовой импорт машин и промышленного оборудования в 1954—1955 годы намного ниже, чем в 1925—1929 годы, и по меньшей мере в два раза ниже, чем в 1936—1940 или 1947—1950 годы». Наконец, об огромной промышленной отсталости Боливии свидетельствует и то, что «доля промышленности в общем валовом производстве» в 1955 году не составила и 9 процентов.

Промышленность развивается в таких условиях, которые сами по себе требуют проведения дорожных и оросительных работ, строительства электростанций, освоения земель для выращивания технических культур, создания ферм шерстного скотоводства и принятия других мер, необходимых для ускорения развития про-

¹ См. ЭКЛА, «Экономическое развитие Боливии».

мышленности и придания ей подлинно национального характера. Однако политика валютной стабилизации и свободного обмена парализует именно эти так называемые «работы по приданию экономике разностороннего характера». Следует учесть, что, пока не будет проводиться политика, направленная на разностороннее развитие экономики (а этого можно добиться только при участии государства, не полагаясь на «принципы» частного предпринимательства, на которых основывается политика стабилизации), импорт, создавая конкуренцию со стороны иностранных товаров, будет тормозить развитие зарождающейся промышленности. За четыре года проведения политики стабилизации закрылось много мелких предприятий, многим грозит закрытие, а еще большее число предприятий находится в тяжелом положении.

Конечно, с введением свободного обмена торговля, как, впрочем, и контрабанда, получает широкое развитие, что еще более превращает Боливию в рынок сбыта иностранных товаров. Действительно, после того как были приняты меры стабилизации, цены на некоторые иностранные товары упали, но лишь затем, чтобы позже подняться еще больше. Это было вызвано как конкуренцией, так и тем, что сначала товары приобретали за границей по курсу 7750 боливиано за доллар, а не по курсу 10—12 тысяч боливиано за доллар. Например, цена на рубашку «манхэттен», которая в США стоит 3 доллара и до стабилизации продавалась за 80 тысяч боливиано, сначала несколько понизилась. Но даже если бы такая низкая цена и сохранилась (этого не происходит, потому что сейчас курс доллара равен 12 500 боливиано), все равно большинство населения не имеет возможности носить эти рубашки. Можно привести много других примеров, свидетельствующих о том, что свободный обмен выгоден богачам, а не народу.

«Очевидно, что при помощи импорта пшеницы и пшеничной муки, — говорилось в уже упоминавшейся нашей лекции, — можно создать изобилие хлеба, лапши и других продуктов, но также очевидно, что в условиях технической отсталости нашего сельского хозяйства... он нанесет смертельный удар по производству пшеницы в нашей стране». Это подтверждает опыт последних четырех лет. «То же самое можно сказать о рисе, сахаре,

ячмене, кукурузе и других продуктах. Короче говоря, проведение аграрной реформы будет полностью парализовано, а крестьяне окажутся в незавидном положении, превратившись в вечных переселенцев, кочующих в поисках средств существования». То, что происходит сейчас с аграрной реформой, подтверждает правильность этого утверждения.

Последствия стабилизации еще более серьезно сказались на заработной плате. Действительно, курс доллара повысился со 190 боливиано до 7750 боливиано, а, поскольку были отменены низкие цены, поддержание которых субсидировало государство, стоимость жизни выросла в среднем на 1000 процентов. Например, цена на керосин выросла с 30 до 300 боливиано, на хлеб — с 30 (булочка 110 г) до 50 (булочка 100 г), на 1 кг сахара — с 110 до 1200 боливиано. Литр молока в городе Ла-Пас стоит 2500—3000 боливиано. В Кочабамбе литр молока подорожал с 400 до 900—1200 боливиано. Цена 1 кг мяса, за которым даже до стабилизации стояли в очередях, повысилась с 1700 до 5000, 6000, 7000, 8000, и т. д. и т. д. С другой стороны прибавка к зарплате в счет компенсации потерь от девальвации национальной валюты не превышает в среднем 30 процентов. Промышленный рабочий, получавший до 14 декабря 1956 года в среднем 120 тысяч боливиано в месяц с прибавкой, составляющей 1300 боливиано в день, получает 159 тысяч боливиано. Если его семья состоит из пяти человек (для расчетов берется именно такая семья), то ему нужен по крайней мере 1 кг мяса в день, а так как 1 кг мяса стоит 5 тысяч боливиано, то его заработка хватит только на покупку мяса. Поэтому промышленные рабочие ведут упорную борьбу за установление минимальной заработной платы 250 тысяч боливиано, что по курсу 12500 боливиано за доллар составило бы 20 долларов в месяц.

Таким образом, декреты о стабилизации направлены на обеспечение более высоких прибылей иностранным промышленникам и торговцам за счет снижения реальной заработной платы, что соответствует принципам «занятости» Кейнса, который в своей известной работе «Общая теория занятости, процента и денег» говорит по этому поводу следующее: «Рост занятости может происходить только в том случае, если он сопровождается

уменьшением реальной заработной платы». Стабилизация в Боливии ведет не только к уменьшению реальной заработной платы, но и к безработице. Это значит, что нельзя безоговорочно следовать указаниям из-за границы, не учитывающим наши нужды и интересы.

С другой стороны, недостаток иностранной валюты и уменьшение количества находящихся в обращении бумажных денег вызывают свертывание мелкой промышленности и тем самым рост безработицы, являющейся одним из самых больших бедствий для рабочего класса. В свою очередь увеличение армии безработных, готовых продать свою рабочую силу, ведет к еще большему падению заработной платы. Поэтому положение рабочего класса становится особенно тяжелым.

В этих условиях социальные завоевания рабочего класса практически сводятся на нет, так как, например, пособие на оплату жилья, выплаты молодоженам, кормящим матерям и многодетным смехотворно малы и практически не увеличивают общей суммы доходов рабочих.

Свободный обмен несет с собой свободный наем рабочей силы, в результате чего рабочие живут под постоянным страхом увольнения. Эта неуверенность в завтрашнем дне неизбежно вызывает глубокое недовольство трудящихся и тем самым создает политическую напряженность.

Самый жестокий удар стабилизация наносит по рабочему классу, учителям и честным государственным служащим. Замораживание заработной платы, а также пренебрежение нуждами народа и упорное нежелание правительства, послушного диктату МВФ, хоть как-то облегчить нищету и голод боливийских семей; отрицание права на выдвижение требований об улучшении положения, права на забастовку и профсоюзные свободы посредством постоянного введения «осадного положения» — вот в чем состоит политика стабилизации, цель которой внести смятение и раскол в ряды трудящихся.

Интересно отметить, что еще в октябре 1946 года начальник управления банков говорил о политике МВФ следующее: «Боливии, стране, производящей один товар и не получающей за свое сырье цен, которые могли бы содействовать развитию здоровой внутренней экономики, будет трудно успешно участвовать в конкурентной борь-

бе, если и впредь будет проводиться политика свободного обмена, пригодная для высокоразвитых промышленных стран, которым удалось понизить издержки производства путем увеличения объема производства и усовершенствования оборудования. Соединенные Штаты Америки в течение первых лет независимого существования защищали свою промышленность протекционистским таможенным режимом. Я не думаю, что, отказываясь от этого экономического принципа, мы сможем добиться осуществления национального чаяния — самообеспечения страны, поскольку, для того, чтобы международный обмен имел смысл, необходим взаимный обмен товарами и услугами»¹.

Посмотрим, каковы же были результаты стабилизации, проводящейся в соответствии с политикой МВФ. Находящаяся в обращении денежная масса выросла с 247 591 693 тысяч боливиано на 31 декабря 1956 года до 540 456 128 тысяч на июнь 1960 года², то есть более чем на 118 процентов. Это значит, что по сравнению с 1954—1955 годами инфляция усилилась.

Поступления иностранной валюты в 1956 году составили 72 984 124 доллара, то есть увеличились по сравнению с 1955 годом всего на 8,44 процента. В то же время расходы иностранной валюты выросли до 79 936 569 долларов³, то есть превысили поступления на 6 952 445 долларов.

Данные о продаже валюты свидетельствуют о значительном увеличении доли торговли и об уменьшении доли промышленности по сравнению с 1955 годом. Действительно, в 1955 году торговцам было продано 16,95 процента всей валюты, а в 1956 году — 19,17 процента. В то же время промышленникам в 1955 году было продано 14,53 процента, а в 1956 году — только 10,9 процента. Но с 15 декабря 1956 года купля-продажа валюты становится свободной.

¹ Manuel Prudencio, Superintendente de Bancos: Divulgación de los Fundamentos Económico-Financieros que respaldan al Fondo Monetario Internacional y al Banco Internacional de Reconstrucción y Fomento, según los convenios de Breton Woods, New Hampshire, EE. UU. (La Paz, octubre 1946).

² Banco Central de Bolivia, «Suplemento Estadístico»; Junio de 1960.

³ «Memoria Anual del Banco Central de Bolivia», 1956.

В 1957 году валютные поступления составили 66 959 279 долларов, в 1958 году — 59 321 355 долларов, «включая американскую помощь и помощь по соглашению с МВФ¹, а в 1959 году — 50 880 286 долларов. Итак, в результате политики стабилизации поступления валюты с каждым разом уменьшаются.

Что касается расходов валюты, то следующие данные красноречиво свидетельствуют об упадке национальной экономики. В 1957 году расходы валюты составили 67 285 960 долларов, из которых 43 329 175 долларов, или более 64 процентов, попали в США в виде платы за купленные там товары. В 1958 году расходы валюты достигли 62 300 760,07 доллара, из которых на США пришлось 36 942 072 доллара — тоже как плата за импорт. В 1959 году расходы валюты составили 49 590 236,47 доллара, из них в качестве платы за импорт ушло в США 28 749 805 долларов. Следует отметить, что расходы валюты также систематически уменьшаются, с тех пор как начала проводиться политика стабилизации. Это наглядно показывает причины упадка всей хозяйственной деятельности страны.

Общий индекс стоимости жизни в городе Ла-Пас к июню 1960 года составил 550 (за 100 принимается уровень цен в январе 1956 года), тогда как заработная плата оставалась почти неизменной после принятия печально известных декретов о стабилизации валюты.

При сравнении индексов стоимости жизни (1953 год = 100) оказывается, что в апреле 1960 года индекс составил в Нью-Йорке 110, в марте в Лондоне — 120, в феврале в Буэнос-Айресе — 402, в апреле в Сан-Пауло — 584, в сентябре 1959 года в Каракасе — 110, в апреле 1960 года в Сант-Яго (Чили) — 1140, в марте в Лиме — 164, в Монтевидео — 301 и в мае в Ла-Пасе — 3320². Как мы видим, индекс стоимости жизни в Боливии увеличивается гораздо быстрее, чем в любой из названных стран. Какую же пользу приносит тогда политика стабилизации, навязанная МВФ и упорно поддерживаемая правительством НРД? Как известно, положе-

¹ «Memoria Anual del Banco Central de Bolivia», 1956, 1958 у 1959.

² См. «Suplemento Estadístico № 155». Junio de 1960. La Paz (Banco Central de Bolivia).

ние КОМИБОЛ, ЯПФБ, промышленности, железных дорог и т. д. крайне тяжелое. Народ живет в нищете, усиливающейся по мере того, как американские «советники» начинают заправлять в Национальном совете валютной стабилизации. Это положение ведет, без сомнения, к важным изменениям в рабочем движении.

Рабочее движение

Хотя в настоящей работе мы не намереваемся излагать историю боливийского рабочего движения, все же для лучшего понимания его нынешнего состояния необходимо рассмотреть в общих чертах его развитие.

В течение первых пятидесяти лет существования республики немногочисленные рабочие рудников сохраняли в значительной степени черты митайо колониального периода и были совершенно не организованы. Ремесленники, на которых распространялась цеховая регламентация, погрязли в пороке, нищете и невежестве, так же как и солдаты военных каудильо, этих представителей господствующего латифундизма, сменявших друг друга у власти в результате заговоров и государственных переворотов.

Рабочее движение начинает играть заметную роль только в начале века, когда в страну стал проникать английский империализм, латифундисты были частично вытеснены горнопромышленниками из правительства, получила развитие горнодобывающая промышленность (в особенности добыча олова), были построены железные дороги, протянуты телеграфные линии и т. д.

Развитие горнодобывающей промышленности усилило эксплуатацию трудящихся. В результате отсталости производственной техники и полного отстранения правительства от регулирования отношений между рабочими и хозяевами в 1905—1906 годах на рудниках компании «Уанчака» произошли настоящие катастрофы, повергшие в траур более ста рабочих семей. Эти события способствовали пробуждению трудящихся и положили начало их организации и борьбе за создание условий, обеспечивающих безопасность труда.

Рабочие-печатники, более развитые в культурном отношении, в 1905 году основали Национальный союз печатников, носивший в основном мутуалистский харак-

тер. Ремесленники, представлявшие благодаря своей многочисленности важную социальную силу в городах, создавали общественные организации культурного и политического характера.

Участие «чолоады»¹ в политической жизни страны, с одной стороны, растущая оппозиция правительству — с другой, обострили внутренние противоречия в либеральной партии, выразившиеся в борьбе двух фракций: «доктринеров» и «монтистов»*. Это вынудило правительственную партию искать сближения с ремесленниками, которым в 1908 году удалось основать Рабочую федерацию Ла-Паса (РФЛ). Пользуясь поддержкой правительства, эта организация впервые в Боливии организовала празднование 1 Мая. Уже тогда оппозиция нападала за это на либералов, называя их «еретиками», разжигающими «коммунистический костер». Тем не менее, когда РФЛ через своего единственного депутата представила на рассмотрение парламента законопроект о несчастных случаях на производстве, как представители оппозиции, так и либералы безоговорочно отвергли требования трудящихся.

Возникновение новых рабочих организаций и усиление оппозиции создали условия, благоприятные для проведения Первого Национального съезда трудящихся. На этом съезде 1 мая 1912 года была создана Интернациональная рабочая федерация (ИРФ), которая обвинила РФЛ в прислужничестве либералам-доктринерам, поддержала решения Первого конгресса Международного товарищества рабочих** (1878 год) и решила издавать газету «Дефенса обрера». Участие ряда интеллигентов федералистов и радикалов в редакции газеты уменьшило боевитость ИРФ и задержало развитие борьбы за 8-часовой рабочий день.

В таких условиях победа правительства над коалицией радикалов и федералистов позволила рабочей орга-

¹ Пренебрежительное название, до сих пор применяемое по отношению к ремесленникам и рабочим.

* Монтисты — сторонники Исмаэля Монтеса, президента Боливии в 1904—1909 годах.— *Прим. ред.*

** Это название, принадлежавшее I Интернационалу, было присвоено анархистами, исключенными из I Интернационала, своей международной организации, которую автор и имеет в виду.— *Прим. ред.*

низации порвать с этими интеллигентами и открыла дверь анархо-синдикалистским идеям, которые начали быстро проникать в Боливию.

Начавшаяся первая мировая война ускорила развитие горнорудной промышленности и привела к увеличению добычи и экспорта минерального сырья. В то же время еще более усилилась эксплуатация рабочих, ухудшились условия их жизни и труда.

Вот почему в 1914 году рабочие компании «Уанчака» начали борьбу за повышение заработной платы. Борьба эта не принесла никаких положительных результатов из-за слабой организованности рабочих и отсутствия у них опыта борьбы. В том же году печатники попытались изменить структуру и направление деятельности мутуалистской организации Национального союза печатников. Однако объединению печатников, созданному в Ла-Пасе, удалось добиться лишь прекращения вмешательства хозяев. Несмотря на усиление анархо-синдикалистских тенденций, эта организация сохранила мутуалистский характер.

Фактически мутуализм был основной чертой рабочего движения до 20-х годов. То же самое происходило и в других отраслях промышленности. Железнодорожники, например, в 1912 году создали Мутуалистское общество железнодорожников Оруро, а горняки организовывали «филармонии», общества взаимопомощи и клубы, которые ни в коей мере не свидетельствовали о наличии настоящего профсоюзного движения.

Октябрьская социалистическая революция всколыхнула рабочее движение в Европе, открыла новые перспективы перед профсоюзным движением в Латинской Америке, особенно в Чили и Аргентине, подняла боевой дух трудящихся всего мира и ускорила процесс организации рабочего класса. Это событие всемирно-исторического значения, отзвуки которого дошли до Боливии через Чили и Аргентину, явилось, без сомнения, самым важным фактором укрепления боливийского рабочего движения.

Почин сделали печатники, создав Федерацию печатников. Правда, этой организации не удалось полностью сбросить мутуалистские одеяния, но ее создание явилось решительным шагом на пути организационного становления профсоюзного движения. В том же году было орга-

низовано несколько профсоюзов и федераций, представители которых, собравшись в Ла-Пасе, создали Рабочую федерацию труда (РФТ), призванную заменить ИРФ и направлять борьбу за удовлетворение требований трудящихся.

В связи с ухудшением условий жизни и труда и под влиянием международного рабочего движения горняки провели в 1918 году ряд забастовок, которые были подавлены армией. Растущее движение рабочего класса, поощряемое оппозиционным правительству республиканской партией, в 1919 году снова побудило горняков подняться на борьбу за увеличение заработной платы. Это выступление было подавлено «силами закона и порядка» при помощи оружия. Необходимо, однако, отметить победу, одержанную профсоюзом Уануни, потребовавшим в ноябре 1919 года введения 8-часового рабочего дня. Таким образом, происходил настоящий подъем рабочего движения, поражения и победы которого являлись бесценным опытом в процессе организации и борьбы трудящихся.

Государственный переворот 1920 года поставил у власти фракцию республиканской партии, возглавлявшуюся Сааведрой, и открыл доступ в страну американскому империализму. Вследствие этого страна оказалась в цепях экономической и политической зависимости, исключавшей возможность ее самостоятельного развития. Была обеспечена свобода действий традиционных партий, открыто борющихся за власть, чтобы лучше служить новому хозяину. В оппозиции к республиканско-социалистической партии выступали не только либералы, но и другая фракция республиканцев — подлинно республиканская партия. В стране существовала обстановка заговоров и неустойчивости государственной власти. С другой стороны, расправа с крестьянами в Хесусде-Мачака; забастовка железнодорожников и трамвайщиков в защиту своего представителя в парламенте, подвергшегося оскорблениям в Национальном конвенте в 1921 году за то, что, выступая в защиту рабочих, он высказал несколько социалистических идей; забастовка рабочих в Ла-Пасе с требованием отменить ночную работу такси и другие события усиливали социальную и политическую напряженность. В связи с этим правительство, стремясь завоевать симпатии трудящихся,

было вынуждено принять первые законы — о несчастных случаях на производстве, о выплате возмещения служащим торговых и промышленных предприятий и т. д.

Эти законы подверглись самым резким нападкам со стороны оппозиции. В то же время они получили поддержку рабочих. Но расправа с рабочими в Унсия, спровоцированная армией, которая по настоянию управляющего компании «Компанья Чилена де Катави» арестовала руководителей Центральной Федерации горняков Унсия и входивших в нее организаций горняков Катави и Сигло Вейнти за проведение празднования 1 Мая, вновь изолировала правительство от горняков и рабочих других отраслей промышленности, хотя значительная часть ремесленников состояла в правительственной партии.

Все более ощутимо чувствовалось влияние Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс и на беспокойную университетскую молодежь, деятельность которой в значительной степени способствовала развертыванию профсоюзного движения. Национальный съезд трудящихся в 1927 году явился свидетельством роста политической сознательности рабочего класса.

В этих условиях расправа с крестьянами в Чаянта в 1927 году и борьба за университетскую автономию еще более усилили оппозицию правительству. Преемник Сааведры доктор Эрнандо Силес, очутившись в президентском кресле, порвал с республиканским каудильо и под влиянием итальянского фашизма основал националистическую партию. Напряженность внутреннего положения достигла предела в результате кризиса 1929—1933 годов, последствия которого тяжело сказались на горнодобывающей промышленности, торговле, финансах и особенно на положении рабочих, принеся каждой боливийской семье безработицу, голод и нищету.

В условиях растущего недовольства народных масс и активных действий студентов, выдвигавших в борьбе за социальные и политические требования социалистические лозунги и выступавших против капитулянтства и неспособности правительства вывести национальную экономику из катастрофического состояния, — в этих условиях крупные горнопромышленники, стремясь предотвратить успешное развертывание наступления рабочего

класса и студенчества, финансировали государственный переворот. Была создана военная хунта, обеспечившая приход к власти так называемого «человека-символа», доктора Даниэля Саламанка, представителя латифундистов.

Именно в этот период рабочее движение приобрело новые черты. Железнодорожники и горняки учились на опыте длительной и упорной борьбы, на опыте забастовок и репрессий, поражений и побед. Им становилось тесно в рамках мутуалистских организаций. С появлением промышленного пролетариата, хотя и немногочисленного, они начали играть руководящую роль в профсоюзном движении, оттеснив на второй план цеховые организации ремесленников, пользовавшиеся преобладающим влиянием в городах. Многочисленные съезды и конференции свидетельствовали о формировании классового сознания, что проявлялось в изменении не только организационных форм, но и характера социальных выступлений. Однако идеологическая борьба различных «социалистических» фракций и анархо-синдикалистов затрудняла объединение трудящихся различных отраслей. Другой чертой рабочего движения этого периода было то, что рабочие не оставались равнодушными к судьбе крестьян, восстания которых подавлялись огнем и мечом.

Развитие обрабатывающей промышленности в Боливии, вызванное сокращением импортных возможностей в результате кризиса, ударившего с особой силой по монополистическому капиталу США, знаменовало начало нового периода рабочего движения. Формирование промышленного пролетариата в значительной степени способствовало развитию профсоюзного движения. В то же время традиционные партии и националисты Силеса объединились, чтобы ввергнуть народ в войну в Чако. Сопротивление крестьян, отказывавшихся бросать свои наделы, чтобы защищать родину, державшую их в окопах крепостничества, а также сопротивление некоторых слоев рабочего класса и студенчества оказалось бессильным что-либо изменить в условиях воинственной шовинистической кампании, развязанной правительством.

Мы уже видели, как война в Чако обнажила цепи, сковывающие боливийский народ, и как в окопах возникло настоящее революционное брожение, достаточно

сильное, для того чтобы уничтожить порядки, установленные магнатами горнодобывающей промышленности, связанными с американским империализмом. Рабочие и крестьяне начали действовать по-новому, демонстрируя свою решимость не мириться больше с диктатурой олигархии горнопромышленников и феодалов. Все это наряду с послевоенным кризисом привело к забастовкам, крестьянским восстаниям, митингам и манифестациям, которые увенчались 10 мая 1936 года всеобщей забастовкой. Последовавший затем государственный переворот положил начало серии сменявших друг друга военных правительств.

Президент хунты полковник Торо попытался создать контролируемое профсоюзное движение, издав с этой целью декрет в августе 1936 года. В соответствии с декретом были созваны первый Национальный съезд учителей и Национальный съезд трудящихся, на котором была основана Профсоюзная конфедерация трудящихся Боливии (ПКТБ), присоединившаяся позднее к КТЛА. Была создана Конфедерация железнодорожников. Съезд железнодорожников высказался против контроля правительства над профсоюзами и одобрил позицию «неучастия в политике».

Как известно, колебания правительства и его пренебрежение к насущным проблемам рабочего класса вызвали в 1937 году всеобщую забастовку. В этой обстановке группы профашистски настроенных военных свергли Торо, заменив его полковником Бушем. Правительство Буша, также раздираемое противоречиями, приняло кодекс законов о труде и антикоммунистические репрессивные законы. Воспользовавшись этим юридическим инструментом, компания «Патиньо майнс» помешала созданию профсоюзной организации на крупном руднике Сигло Вейнти. После Буша генерал Кинтанилья подготовил избрание на пост президента генерала Пеньяранды, полностью восстановив господство горнопромышленников. Во время правления Пеньяранды продолжался рост цен, что ухудшало и без того тяжелые условия жизни рабочих, учителей и государственных служащих и привело к забастовкам учителей и организованных в профсоюзы рабочих. Сначала эти забастовки носили изолированный характер, но в октябре 1941 года разразилась всеобщая забастовка. Бастующие требовали по-

вышения заработной платы. Еще в мае того же года это требование было выдвинуто ПКТБ. В забастовке участвовали железнодорожники, возглавившие ее, фабричные рабочие, горняки, печатники, шоферы и др. В ответ на забастовку во всей стране было введено осадное положение. Однако правительству не удалось запугать трудящихся. В конце концов оно было вынуждено выпустить на свободу ряд арестованных ранее профсоюзных руководителей и активистов Левой революционной партии (ЛРП) и повысить заработную плату в среднем на 20 процентов.

ПКТБ и департаментские профсоюзные рабочие федерации еще не освободились от влияния кустарничества и поэтому не могли централизовать национальное рабочее движение. Отсутствие единства рабочего класса позволило правительству нанести тяжелые удары по рабочим и обрушиться с репрессиями на ЛРП, объявив ее вопреки действительности коммунистической организацией. В то же время правительство поощряло деятельность БСФ и НРД.

Принятый в 1941 году по указке американского империализма закон, запрещающий всякую деятельность, способную «нанести ущерб» работе рудников, нефтяных промыслов, железных дорог, поставленных под контроль армии, был ловко использован для оправдания бойни в Катави в 1942 году.

Усиление эксплуатации Боливии американским империализмом в связи со второй мировой войной обострило и без того критическое положение государственной казны и еще больше ухудшило условия жизни народа. Урезывание демократических и профсоюзных свобод под давлением монополий США, отсутствие медицинского обслуживания, жалкое состояние государственного образования и т. д. — все это создало благоприятную обстановку для нового военного переворота, в результате которого к власти пришли представитель военных групп майор Гуальберто Вильяроэль и партия НРД. Горняки, подвергавшиеся при предыдущем правительстве самому жестокому угнетению, решительно поддержали коалицию военных и НРД, с которой сотрудничала также БСФ.

В 1944 году состоялся первый Национальный съезд горняков, на котором была создана Профсоюзная федерация горняков Боливии (ПФГБ), самая сильная и бое-

вая организация боливийского пролетариата. В 1945 году был созван правительством первый съезд индейского населения. Мы уже видели, что положение крестьян несколько не улучшилось, несмотря на то что министр внутренних дел говорил им: «...президент поручает вам сообщить в деревнях, что пришел час справедливости для тружеников полей». Вскоре после этого была устроена расправа над крестьянами в Лас-Канчасе (департамент Потоси).

В том же году состоялись второй съезд горняков, третий съезд железнодорожников и был создан профсоюз служащих банков и смежных учреждений. В марте 1946 года состоялся третий съезд горняков.

Для рабочего движения этого периода было характерно руководство, навязанное правительством, которое пыталось умиротворить массы, особенно горняков, путем принятия мер, внешне благоприятных для них, а на самом деле преследующих цель установить над массами строгий правительственный контроль. Среди этих мер можно назвать, например, указания некоторым промышленникам и управляющим об увольнении служащих, дошедших в своем прислужничестве предпринимателям до антирабочих действий. Следует отметить также, что массы не воспрепятствовали преследованию профсоюзных руководителей и организаторов, являвшихся членами ЛРП, не проявив тем самым чувства классовой солидарности. Такие настроения благоприятствовали развитию оппортунизма, нанесшего позже серьезный ущерб рабочему движению.

Театральное похищение и арест Хохшильда были рассчитаны на обман рабочих, не видевших и не понимавших истинной цели политики правительства, послушно следовавшего указаниям государственного департамента США. При всем этом нельзя отрицать, что положительной стороной профсоюзного движения этого периода явилось то, что рабочие добились принятия ряда законов, гарантировавших профсоюзные права.

Как уже говорилось выше, жестокие репрессии правительства против руководителей традиционных партий и ЛРП, неслыханные пытки и издевательства, преследование студентов, учителей и других, а также непрерывно ухудшавшееся экономическое положение привели к выступлению жителей города Ла-Пас, организо-

ванных в Демократический антифашистский фронт, включавший ЛРП и традиционные партии. Армия не смогла подавить это выступление, и 21 мая 1946 года президент был повешен.

В результате этого традиционные партии вернулись к власти, а ЛРП вошла в состав так называемого правительства национального единства.

После падения цен на олово по уже рассмотренным нами причинам горнорудные компании прежде всего потребовали, чтобы правительство согласилось на массовое увольнение рабочих. Правительство уступило, допустив тем самым то, что позднее стали называть «бескровной расправой». Но наступление хозяев на рабочее движение, уже получившее к тому времени широкое развитие, этим не ограничилось. Любая забастовка, вызванная непрекращавшимся ростом стоимости жизни и выдвигавшая требования повышения заработной платы, жестоко подавлялась.

Под влиянием «холодной войны», развязанной НАТО с целью подготовить третью мировую войну, правительство Боливии, подхватив знамя «антикоммунизма», поднятое американским империализмом, пытается свалить на коммунистов ответственность за глубокое политическое и социальное брожение, вызванное голодом и нищетой, отсутствием гарантий и демократических свобод.

По инициативе некоторых лидеров горняков в декабре 1946 года был создан Национальный рабочий центр (НРЦ) практически с целью заменить ПКТБ. Этот опрометчивый шаг, предпринятый под влиянием сектантских троцкистских элементов, проникших в профсоюз горняков при попустительстве исполнительного секретаря Профсоюзной федерации горняков Боливии Хуана Лечина, усилил раскол в рабочем движении.

В июле 1947 года железнодорожники созвали чрезвычайный съезд, на котором выдвинули требования выплаты выходного пособия в случае увольнения по собственному желанию, пособия на семью, пособия на квартплату и увеличения заработной платы. В то время как правительство и пресса ополчились на эти требования, депутаты парламента от ЛРП провели закон об увольнении по собственному желанию и пересмотре заработной платы. В июне того же года собрался четвертый съезд горняков, рассмотревший вопрос об

увольнении трудящихся на руднике в Катави. В июне 1948 года состоялся пятый съезд горняков, на котором присутствовали делегаты крестьян, рассказавшие о том, какому ужасающему гнету подвергается крестьянство со стороны латифундистов и как жестоко их притесняет правительство. В том же году происходила всеобщая забастовка печатников.

Этот период был насыщен событиями социального и политического значения: забастовками и демонстрациями, выступлениями протеста и митингами, арестами, ссылками и высылкой за границу политических и общественных деятелей, налетами на их дома, нападениями на помещения общественных организаций, массовыми расправами, постоянными преследованиями и т. д. В таких условиях 17 января 1950 года, в обстановке нарастания борьбы и подъема профсоюзного движения, родилась Коммунистическая партия Боливии.

О степени сознательности боливийского рабочего класса свидетельствует создание в 1950 году Координационного комитета, в который вошли представители НРД, ЛРП, коммунистической партии и даже так называемой рабочей революционной партии (РРП) с целью направлять борьбу за удовлетворение требований, стоявших на повестке дня. Так было достигнуто очень важное единство действий, проявившееся в забастовке 18 мая, когда правительство учинило новую расправу над мужественно боровшимися рабочими. Во время этой забастовки прославилась группа фабричных рабочих, защищавших поселок Вилья Викториа (в Ла-Пасе), осажденный правительственными войсками. В октябре 1951 года на первом Национальном съезде фабричных рабочих была создана Профсоюзная конфедерация фабричных рабочих Боливии (ПКФРБ). В своей Декларации о принципах ПКФРБ высказалась за единство в антиимпериалистической и антифеодальной борьбе, за национальную независимость, за мир во всем мире и за удовлетворение требований трудящихся. Что же касается Федерации горняков, то, несмотря на свой богатый опыт участия в социальной борьбе, она не стояла на таких же позициях. Это объясняется тем, что значительная часть ее руководителей находилась под сильным троцкистским влиянием, поощрявшим исполнителем секретарем Федерации.

Неудавшийся государственный переворот Мамерто Урриолагоитиа до предела накалил и без того напряженную политическую обстановку в стране. Мы уже знаем, как эта попытка переворота привела к народному восстанию, открывшему новые перспективы для решения проблем, стоявших перед страной и народом. Восстание, явившееся победой рабочего класса и всех трудящихся, создало благоприятные условия для объединения в профсоюзы всех групп трудящихся, а также специалистов и лиц свободных профессий. Прежде всего возникла необходимость создать организацию, которая централизовала бы руководство рабочим движением, находившимся на подъеме. Эта проблема была решена созданием 17 апреля 1952 года Боливийского рабочего центра (БРЦ), в который вошли Федерация горняков, Конфедерация фабричных рабочих, Конфедерация железнодорожников, профсоюзные объединения печатников, банковских служащих, строителей, торговых служащих, крестьян и т. д. ПКТБ объявила о своем роспуске, чтобы облегчить объединение трудящихся вокруг БРЦ. Эта организация не определила своего отношения к различным международным профсоюзным организациям, придерживаясь так называемой «независимой», а вернее сказать, «третьей» позиции. Тем не менее она посылала делегатов на конгрессы различных международных организаций: АТЛАС* в Мехико, МРОТ в Рио-де-Жанейро, МКСП** в Копенгагене, ВФП в Вене и КУТЧ*** в Сант-Яго (Чили).

После апрельского восстания в рабочем движении можно выделить два периода: первый — до второго съезда БРЦ и второй — после этого съезда. Для первого периода характерно проведение так называемой «поли-

* АТЛАС — Профсоюзное объединение латиноамериканских трудящихся, созданное в 1952 году. Раскольническая профсоюзная организация перонистского толка, проповедовавшая принцип «классового мира». — *Прим. ред.*

** МКСП — так называемая Международная конфедерация свободных профсоюзов, созданная в 1949 году реакционными лидерами профсоюзов западных стран (США, Англии, Голландии и др.) для борьбы с ВФП. — *Прим. ред.*

*** КУТЧ — Единый профсоюзный центр трудящихся Чили, проводивший некоторые международные совещания с участием представителей БРЦ. — *Прим. ред.*

тики совместного правления», суть которой состояла в «союзе» якобы совместно находившихся у власти НРД и БРЦ.

Сначала БРЦ имел видимость единого фронта, поскольку в него входили представители НРД, РРП и коммунистической партии, объединенные общей целью, заключавшейся в национализации рудников и проведении аграрной реформы. Но политика компромиссов, проводившаяся правительством вследствие его неспособности противостоять давлению антагонистических сил, с одной стороны, а также преобладающее влияние правящей партии и троцкистов, проникших в НРД, — с другой, привели к быстрому исчезновению этого внешнего единства. С руководящих постов в профсоюзах систематически изгонялись коммунисты. БРЦ навязывался правительственный контроль. «Совместное правление» превратилось в орудие обмана трудящихся с целью воспрепятствовать в угоду правящей партии самостоятельным выступлениям рабочего класса. Для отвода глаз были назначены три «рабочих» министра — министр труда, горнорудной промышленности и общественных работ. Нечего и говорить, что на эти посты были назначены руководители самой правящей партии. Всячески поддерживалась иллюзия, будто через этих министров рабочий класс участвует в управлении страной. Трудящиеся не отдавали себе отчета, что эти «рабочие» министры — деклассированные элементы, что они, будучи членами и руководителями НРД, послушно выполняют указания правящей буржуазии и что тем самым они поставили себя над рабочим классом. Кроме того, трудящиеся не осознали, что, даже если бы эти министры и отстаивали их классовые интересы и права в правительстве, они, составляя незначительное меньшинство, по своим идейным и политическим взглядам не могут противодействовать находящейся у власти колеблющейся и оппортунистической буржуазии.

Неизбежным следствием этой политики явилось насаждение руководством БРЦ как органом, поддерживавшим правительство, своего рода террористических методов в профсоюзных организациях. Наряду с этим вступление в НРД на практике стало обязательным для получения любой работы в государственном аппарате, на государственных предприятиях, в полугосударствен-

ных организациях, смешанных и даже частных компаниях. Никто не мог получить работу, не предъявив партийный билет. Это положение привело некоторых руководителей к откровенному приспособленчеству, а значительную часть трудящихся заставило вступить в НРД.

В основном соблюдается принцип: одна профсоюзная организация на завод или рудник, одна федерация на отрасль промышленности и единый профсоюзный центр. В то же время БРЦ стоит в стороне от международного рабочего движения «в соответствии со своей третьей позицией», которая практически играет на руку реакции.

Деятели правительства и агенты империализма и реакции проводят политику, направленную на подчинение профсоюзного движения контролю правящих кругов. Насажение на руководящие посты в профсоюзах лиц, связанных с правительством; навязывание кандидатур сверху; смешение интересов профсоюзов с интересами правящей партии и вмешательство высокопоставленных государственных деятелей в работу профсоюзов — все это неизбежно ведет к установлению правительственной диктатуры в боливийском профсоюзном движении. Проведение курса перонистского толка в профсоюзном движении преследует цель использовать рабочий класс в интересах проамериканской политики правительства.

Президент Пас Эстенсоро в речи, произнесенной в связи с открытием «профсоюзных курсов», заявил: «Мы далеки от того, чтобы разделять фашистские взгляды на профсоюзы как на составную часть государства; но мы считаем, что при таком правительстве, как наше, деятельность которого отвечает главным образом интересам классов, составляющих большинство населения, необходимо полное взаимопонимание между членами профсоюзов и правительством».

Как же можно объявлять себя противником фашизма и в то же время проповедовать профсоюзную политику, ведущую непосредственно к фашизму и полностью исключаящую самостоятельность рабочего движения? Ведь в конечном итоге речь идет о поощрении корпоративных профсоюзов.

Таких агентов американского империализма, как Се-рафино Ромуальди, Галасар и другие, с восторгом при-

нимают в официальных кругах и выдают им карт-бланш для выполнения их задач в интересах капиталистических монополий, которые они представляют в латиноамериканском рабочем движении. Ромуальди даже позволяет себе вмешиваться в боливийскую политику, давать «советы» трудящимся, проповедуя безусловную поддержку проимпериалистической политики правительства.

Подобное положение полностью соответствует тезису о «совместном правлении», позволяющему представлять рабочих как соучастников антинациональной политики, которая поставила национализированные рудники на грань краха, ведет к денационализации залежей нефти для ее передачи американским нефтяным трестам, извратила смысл аграрной реформы, отдала экономику и финансы во власть МВФ, поставила проведение работ общенационального значения под контроль органов американской «технической» помощи, позволила в 1955 году начать наступление на автономные университеты (с явным намерением изгнать из них профессоров-коммунистов) с целью передать образование под надзор администрации 4-го пункта и означает ограничение демократических и профсоюзных прав.

Профсоюзная политика НРД полностью соответствует политике капиталистических монополий в обстановке растущего недовольства широких масс трудящихся, вызванного ухудшением условий их жизни. Действительно, эти монополии предпринимают различные меры против рабочего движения. Для срыва забастовок они пользуются такими новыми методами, как вмешательство правительства в забастовочное движение, подкуп профсоюзных руководителей, увеличение численности надсмотрщиков и заводских полицейских, введение трудового законодательства по образцу закона Тафта — Хартли и т. д. Все эти меры проводятся с целью внести раскол в боливийское и международное рабочее движение. Для этого монополии прибегают даже к подкупу, так как именно подкупом является установление заработной платы в зависимости от политической «лояльности» к правительству. Новое состоит в том, что после второй мировой войны эта политика направляется и финансируется из одного центра — США, а еще точнее, государственным департаментом, планы которого предусматривают предоставление стипендий профсоюзным

руководителям из зависимых от США стран для поездок с целью «изучения» профсоюзных проблем при содействии МРОТ.

Эта политика американских монополий, направленная против рабочего движения, находит наиболее типичное выражение в тезисе «однопартийного правительства». НРД претендует на представительство интересов рабочего класса, крестьян, различных слоев буржуазии под лозунгом «примирения классов». Это дает возможность превращать профсоюзные организации в партийные ячейки, попирает профсоюзную демократию и препятствовать самостоятельным действиям рабочего класса. Это дает возможность также вовлекать некоторых рабочих и крестьянских руководителей в сделки с долларовой валютой и товарами, распределяемыми по квотам, и прививать им буржуазные и проимпериалистические взгляды. Из всего этого следует, что Рабочий центр, контролируемый и направляемый правительственной партией, превращаемый в орудие официальной политики, становится самой надежной плотиной, сдерживающей развитие профсоюзной борьбы за удовлетворение жизненных интересов трудящихся.

Профсоюзный террор руководителей БРЦ, стремящихся облегчить правительству достижение его целей, усилился настолько, что дело дошло до навязывания руководителей, поддерживающих официальную политику; смещения при помощи угроз и полицейского принуждения руководителей, не являющихся членами НРД; обязательного вступления в НРД для получения работы в государственном аппарате, муниципалитетах, государственных, смешанных и частных компаниях (это требование осуществлялось путем официального давления на управляющих и администраторов) и т. д. Такова характеристика профсоюзного движения в первый период существования правительства НРД.

Чем же отвечает рабочий класс на это наступление? Прежде всего, защищая свои интересы, он действует вопреки указаниям руководителей БРЦ и даже заставляет некоторых из них изменить отношение к политике стабилизации, ложащейся всей тяжестью на плечи рабочего класса и всего народа.

Мы уже видели, как в результате инфляции в годы президентства Пас Эстенсоро трудящиеся голодали и

бедствовали из-за постоянного роста стоимости жизни и резкого падения реальной заработной платы. «Дальнейший рост инфляции — говорил исполнительный секретарь БРЦ, — мог привести лишь к одному — к полному банкротству страны, к концу революции. По мере усиления голода и недовольства народа реакционные силы действовали все энергичнее и смелее. Подтверждением этого явилось 22 сентября*». Поэтому с экономической и политической точки зрения трудящиеся жизненно заинтересованы в прекращении инфляции. Конечно, план Эдера также был рассчитан на то, чтобы похоронить революцию. Однако эти похороны не состоятся, если правительство в ближайшем будущем примет необходимые меры»¹. Меры стабилизации, осуществленные правительством Силеса Суасо и уже рассмотренные нами, еще больше ухудшили положение трудящихся, которые были в смятении. С одной стороны, они видели, что покупательная способность их заработной платы непрерывно уменьшается. С другой стороны, их сбивала с толку буржуазная пропаганда, обещающая им благоденствие и счастье в ближайшем будущем. Вот почему протестам горняков Сан-Хосе и Гатуви, требовавших справедливой компенсации за повышение цен, правительство смогло противопоставить заявления горняков Уануни и Колькири, выступивших против этого. Горняки других районов заняли выжидательную позицию. То же самое можно сказать о железнодорожниках, фабричных рабочих, строителях и др.

С другой стороны, исполнительный комитет БРЦ, избранный на первом Национальном съезде трудящихся в годы президентства Пас Эстенсоро, служил самым эффективным орудием раскола рабочего движения путем авантюристических нападков на мелкую буржуазию, интеллигенцию и на рабочих. Не говоря уже о наступлении на университеты в 1955 году, исполком БРЦ, например, натравливал горняков Пулакайо на железнодорожников Уюни; осуществлял провокационные акты

* Речь идет о попытке государственного переворота, предпринятой реакционными силами во главе с фалангистами 22 сентября 1956 года.— *Прим. ред.*

¹ Juan Lechín Oquendo, *La COB y la Estabilización Monetaria*, 1957.

по отношению к учителям, государственным и банковским служащим и др.; расхищал профсоюзные фонды; создавал камарильи, захватывавшие руководство профсоюзами, и т. д. Роль троцкистов из этих камарильи, членов НРД, сводится к тому, чтобы добиваться раскола масс изнутри в случае нарастания массового движения, помогая тем самым империализму и реакции, цель которых — расправа с профсоюзным движением. Все это сеяло в рабочем классе семена недоверия к самому Рабочему центру и его руководителям.

В этих условиях в июне 1957 года состоялся второй Национальный съезд БРЦ. На нем присутствовали 480 делегатов, половина которых была избрана в первичных организациях демократическим путем, а другая половина назначена бюрократическим руководством троцкистского толка. Так произошло с делегацией фабричных рабочих Ла-Паса и с мукомолами. Вся делегация крестьян состояла из служащих министерства крестьянских дел. На съезде присутствовали неизвестно кого представлявшие так называемые «рабочие депутаты» и служащие палаты депутатов. Тем не менее работа этого съезда проходила в более демократической обстановке, чем первого съезда.

Целью мовиментистско-троцкистской* группы было ослабить растущие симпатии трудящихся к Советскому Союзу, воспрепятствовать единству международного и латиноамериканского рабочего класса; вызвать падение правительства Силеса, чтобы поставить на его место руководителя БРЦ Ньюфло Чавеса, «представителя» крестьян; развязать инфляцию под тем предлогом, что она является единственной формой капитализации в слаборазвитых странах; продолжать политику подчиненного профсоюзного движения, политику провокаций и раскола.

Цели демократической группы, состоявшей из коммунистов, прогрессивно настроенных и независимых членов НРД, нефтяников, печатников и других делегаций (всего около 200 делегатов), состояли в следующем: справедливая компенсация за отмену субсидируемых цен, борьба с безработицей, прекращение выплаты воз-

* Мовиментистами называют в Боливии членов партии НРД.—
Прим. ред.

мещения бывшим владельцам компаний Патиньо, Хохшильда и Арамайо, защита нефти и национальной промышленности, независимая ориентация боливийской внешней торговли, демократизация и проведение профсоюзами независимой классовой политики.

Незначительным большинством в 30 голосов съезд принял декларацию о принципах и программу, представленные первой группой после одобрения Национальным политическим комитетом (НПК) НРД. Кроме того, съезд высказался за прекращение выплаты возмещения компаниям Патиньо, Хохшильда и Арамайо. Следует указать, что большинство мовиментистско-троцкистской группы голосовало против этого предложения. Съезд определенно высказался против увольнений и безработицы и потребовал справедливой компенсации за отмену субсидируемых цен, назначив на 30 июня всеобщую забастовку в поддержку своих требований. Мовиментистско-троцкистской группе при помощи сколоченного нечестными приемами большинства с трудом удалось протолкнуть в исполком БРЦ людей, не поддержанных первичными организациями, и сохранить тем самым у руководства старых лидеров. Это обострило процесс раскола рабочего движения и усилило смятение и недовольство трудящихся. Создавшееся положение было использовано реакцией, которая объединилась вокруг президента Силеса и в ответ на объявление забастовки пригрозила передать власть в руки военной хунты. Поэтому конфедерации железнодорожников и строителей высказались против забастовки, не отказываясь в то же время от требования справедливой компенсации. Значительная часть промышленных рабочих поступила так же. Профсоюзы Колькири, Мильуни, Уануни, совет профсоюзов в Кечисла и профсоюза металлургов Потоси высказались против забастовки. Руководители профсоюза Уануни заявили, что они мобилизуют рабочую милицию для срыва забастовки в других районах. Конфедерация городских учителей в соответствии с заявлениями входящих в нее организаций также высказалась против забастовки. Одновременно генеральный штаб армии взял под свой контроль пороховые погреба министерства внутренних дел в городе Ла-Пас и расположил в Париа полк «Камачо», приведя его в боевую готовность для борьбы с забастовщиками. В результате забастовка

провалилась. Ньюфло Чавес подал в отставку с поста вице-президента республики, а профсоюзы потребовали отставки руководителей БРЦ, что привело к выходу троцкистов. БРЦ практически развалился. Правительство использовало это обстоятельство для углубления раскола между горняками, фабричными рабочими, железнодорожниками и др., добившись перехода руководителей конфедерации железнодорожников на свои позиции.

В этих условиях смятения и раскола трудящиеся отступили, удовлетвоваввшись незначительным увеличением пособий для многосемейных и молодоженов, введением пособия собирающимся вступить в брак и минимальным снижением цен на бензин и керосин. Правительство же еще более подчинило свою политику интересам империалистов. Сохранилась экономическая и финансовая диктатура МВФ, оставалась опасность увольнений и безработицы. Были ограничены права профсоюзов, была предпринята попытка лишить их привилегий; усилились голод и обнищание трудящихся; трудящиеся различных отраслей промышленности натравливались друг против друга; крестьян Укуреньи мобилизовали для борьбы против трудящихся рудников и городов. Жестокие репрессии по отношению к трудящимся, выдвигавшим экономические требования, достигли наивысшей точки во время забастовки учителей в Ла-Пасе. Реакция, потерпевшая поражение в результате апрельского восстания, оживилась под влиянием антирабочей политики правительства и снова принялась за организацию государственных переворотов. Внутренние противоречия в правительственной партии обострились.

За время, прошедшее после второго съезда БРЦ, положение трудящихся непрерывно ухудшалось в результате осуществления мер, предусмотренных планом стабилизации.

В помещенной ниже таблице приведены данные Астенио Аверанга Мольинедо о средней заработной плате железнодорожников, профсоюзные руководители которых послушно следуют за правительством, поддерживая тезис о «совместном правлении», отвергаемый всеми остальными профсоюзами, и предлагая свои услуги для углубления раскола рабочего движения.

Предприятия	1957 г.		1958 г.	
	число рабочих	средняя заработная плата	число рабочих	средняя заработная плата
Железная дорога Антофагаста — Боливия	4564	321 388	4388	325 083
Железная дорога Арика — Ла-Пас . .	584	180 913	612	222 583
Железная дорога Вильясон — Аточа .	647	292 912	602	320 823
Железная дорога Гуаки — Ла-Пас . .	636	271 327	604	269 197
Железная дорога Потоси — Сукре . .	467	203 230	430	189 142
«Боливиан Пауэр компани»	469	269 742	418	273 371
«Лус и фуэrsa элек-трика», Кочабамба	285	207 235	276	202 781

«Среднемесячная заработная плата рабочих во всех компаниях составила в 1957 году 262 230 боливиано и в 1958 году — 287 732 боливиано.

В 1947 году среднемесячная заработная плата рабочих-железнодорожников была равна 2 087,09 боливиано, что по официальному курсу (42 боливиано за доллар) составляло 49,69 доллара. Если же мы возьмем курс свободного рынка — 65 боливиано за доллар (что будет больше соответствовать действительности), — то получим 32,1 доллара. В то же время среднемесячная заработная плата 1958 года по единому курсу 12 тысяч боливиано за доллар едва достигает 23,97 доллара. Это значит, что за последние десять лет заработная плата железнодорожников уменьшилась почти наполовину, причем их нынешний жизненный уровень несовместим с человеческим достоинством». Это объясняет, почему среди железнодорожников, кроме тех, кто идет

за руководителями конфедерации, имеются и такие, которые борются за улучшение условий жизни.

«По данным последней переписи 1950 года, — продолжает Аверанга, — плотность населения в Боливии составляет 3,19 человека на 1 кв. км, а средний прирост населения — 1,11 процента, что уже само по себе вызывает беспокойство. С другой стороны, рождаемость в Боливии достигает 46,08 процента, тогда как смертность новорожденных — 18,8 процента. Это значит, что около половины новорожденных умирает от наиболее распространенных в стране болезней.

Средняя продолжительность жизни в городе Ла-Пас в результате высокой детской смертности очень низка — 44,76 года. Чтобы избежать влияния столь высокой детской смертности на результаты вычислений, были применены более точные методы подсчета. При этом оказалось, что средняя продолжительность жизни в Ла-Пасе не превышает 53 лет. Низкая средняя продолжительность жизни в Боливии является, без сомнения, самым безошибочным признаком социальных и экономических недугов, от которых страдает население нашей страны»¹.

Это положение, постоянно ухудшающееся по мере того, как правительство все больше и больше уступает диктату монополий США в своей экономической и социальной политике, создает условия для достижения профсоюзного единства трудящихся на демократической основе и в соответствии с принципами классовой самостоятельности. Впереди всех в этом направлении идут горняки, за ними следуют строители, промышленные рабочие и трудящиеся других отраслей. Только так удалось восстановить единство БРЦ, который на президентских выборах в июне 1960 года выступил с избирательной платформой, отражающей политические взгляды трудящихся. Нельзя, однако, утверждать, что трудящиеся достигли единства. Но объединение продолжается, и следует ожидать, что в недалеком будущем рабочие добьются единства, столь необходимого им в борьбе за удовлетворение своих требований и за освобождение боливийского народа.

¹ Asthenio Averanga Mollinedo, Estudio Técnico-Actuarial de la Caja de Seguro Social Ferroviario y Ramas Anexas, La Paz, 1960. Аверанга является техническим управляющим кассы социального страхования профсоюза железнодорожников.

Как отмечается в послании Силеса Суасо конгрессу по случаю передачи полномочий Пас Эстенсоро, во время его правления происходило в среднем 300 забастовок в год. Тяжелое положение трудящихся, опасность увольнения, угрожающая еще 5006 рабочим только на национализированных рудниках по требованию КОМИБОЛ (август 1960 года), повышение цен на товары первой необходимости, укрытие этих товаров торговцами, замена служащих в государственном аппарате и муниципалитетах, выдвижение учителями своих требований и т. д.— все это предвещает обострение социальной борьбы и политической обстановки, тем более что профсоюзные организации всех отраслей труда требуют от правительства изменения политики, выступают в защиту национализированных рудников, нефти, перерабатывающей промышленности, борются за эффективную аграрную реформу, за улучшение условий жизни и труда, за уважение прав профсоюзов и гарантий их деятельности, а также за установление отношений с Советским Союзом и со всеми странами мира.

Реформа образования

В одном из докладов вице-президента Национального совета по образованию (1947 год) говорилось, что не менее 65 процентов населения неграмотно, школы посещает не более одной шестой части детей школьного возраста, только семь начальных школ построены в соответствии со своим назначением и 64 процента учеников не имеют стульев или парт, почти совершенно нет книг и школьного инвентаря, и только два государственных учебных заведения имеют необходимые библиотеки, что в шести из семи педагогических училищ здания и лабораторное оборудование никуда не годятся, не более 30 процентов преподавателей сельских школ имеют какую-либо педагогическую подготовку, а остальные 70 процентов окончили в среднем не более шести классов и что средняя заработная плата учителей начальных школ не превышает 1350 боливиано в месяц¹.

¹ См. José Antonio Arze, Proceso de la Educación Boliviana. Versión taquigráfica de su intervención efectuada en la sesión del 25 de marzo de 1947 en la H. Cámara de Diputados.

Другие данные нынешнего Генерального управления образования свидетельствуют, что в 1951 году имелось 501 государственное начальное, среднее и профессиональное учебное заведение с 5756 преподавателями и 142 214 учащимися; 132 частных или коммерческих учебных заведения с 552 преподавателями и 20 765 учащимися; 35 учебных заведений, принадлежащих отдельным организациям, например ЯПФБ, железным дорогам и другим, с 433 преподавателями и 13 844 учащимися; 1934 государственные сельские школы с 2807 преподавателями и 49 393 учащимися и 756 частных сельских учебных заведений с 880 преподавателями и 20 314 учащимися. Таким образом, всего в 1951 году имелось 3148 учебных заведений, 10 433 преподавателя и 246 530 учащихся. Эти данные указывают на серьезность проблемы образования в Боливии. Почти все учебные заведения расположены в жилых домах, не приспособленных для учебных целей и не отвечающих самым элементарным требованиям здравоохранения и гигиены. Темные, плохо вентилируемые и грязные классные комнаты, до отказа набитые детьми, являются настоящими рассадниками болезней.

Школы в Боливии неодинаковы. Дети рабочих и мелкой буржуазии учатся в государственных школах. Дети буржуазии и некоторой части мелкой буржуазии учатся в частных или платных школах. Конечно, ориентация образования в тех и других школах определяется государством. Но эта ориентация имеет классовый характер и рассчитана на углубление чувства национальной неполноценности, существующего со времен колониального режима и проявляющегося сейчас главным образом по отношению к США, в которых видят образец «величия», «прогресса» и «демократии». Без сомнения, боливийцы могут многому поучиться у великого американского народа, поработанного капиталистическими монополиями США, зависимость от которых является причиной экономической, культурной и политической отсталости Боливии. Поэтому следует понять, что, только освободив Боливию от международных монополий, можно развивать независимую экономику, национальную и демократическую культуру и поднять политический уровень боливийского народа.

Труд учителей, вышедших, как правило, из народа, оплачивается плохо. Наспех подготовленные для ведения антинационального и антидемократического преподавания, они прикованы к системам и программам, воспитывающим боливийский народ в духе смирения с зависимым положением и принижения человеческого достоинства. Существующие программы не соответствуют действительности и не отвечают интересам боливийского общества. Тогда как в интуитивном сознании ребенка восприятия откладываются по мере того, как предмет проявляет свои свойства, программы рассматривают ребенка и среду, в которой он живет, абстрактно. Они подходят абстрактно к ребенку, поскольку то, чему его учат, не может быть непосредственно использовано на практике. Они подходят абстрактно к среде, поскольку они далеки от нее как во времени, так и в пространстве. Вот почему ребенок знает больше, например, о названиях рек и гор США, чем о социальном и экономическом значении рек и гор своей страны. Он знает больше о хронологии и войнах или о разных случаях из жизни президентов республики в прошлом, чем о великих исторических событиях настоящего. Иначе говоря, школа обращена в прошлое и не оказывает на учеников преобразующего влияния. Она проходит мимо явлений, потрясающих жизнь современных и будущих поколений. Мы, конечно, не отрицаем важность изучения прошлого. Но мы должны уметь связать это прошлое с настоящим, чтобы лучше предвидеть будущее.

Хотя первые шаги боливийцев являются исходным пунктом их движения вперед, они не должны из-за этого сосредоточить все внимание на том, что помогло им научиться ходить, и ограничиться этим в своих исследованиях. Изучение прошлого необходимо для того, чтобы лучше понимать настоящее и перспективы будущего. Но боливийская школа закрывает глаза на окружающую нас действительность. Она живет далеким прошлым и не может оценить события, несмотря на их определенность. Она ждет, пока время сгладит острые углы, окутает события суевериями, а пыль веков превратится в толстый слой затвердевшей земли. Она берет события и показывает их детям в отрыве от мира, в котором они живут. Вот почему преподавание истории, географии, испанского языка и других предметов приносит

очень мало пользы ученику и обществу. Ретроспективное изучение истории ведет к тому, что школьник сосредоточивает все внимание на президентствах, скажем, Мельгарехо или Дасы. При этом он путает их, не представляет экономических и социальных условий, существовавших в то время. Точно так же он не знаком с современными событиями, их причинами и следствиями.

Вообще программы не поддаются усвоению не только из-за их идеологической тенденциозности, но и потому, что не учитывают особенностей ребенка. Поэтому ребенок, оказавшись в таком положении, или проявляет нежелание учиться или учится, приобретая искаженное представление о действительности. Он не интересуется тем, чего не понимает. Его неудовлетворенность занятиями в школе выражается в пассивности или в озорстве. В конечном счете ребенок не получает никаких знаний. Его натаскивают, заставляют без всякой пользы повторять уроки, превращают в пассивную запоминающую машину. Со своей стороны учитель преподает, чтобы побыстрее сорвать плоды обучения — провести для учеников экзамены, думая иногда лишь об одобрении начальства, привыкшего судить обо всем поверхностно. Однако лучшая школа — это ничем не украшенная жизнь. Жестокими ударами она учит нас жить действительностью. Как же можно превращать школу в изолированный от жизни мир? Школа, предвосхищающая будущее и стоящая лицом к действительности, должна выполнить свое назначение. До сих пор школе лишь с помпой присваивали новые названия то «экспериментальной школы», то «регулируемой школы», то «активной школы», то «образцовой школы» и т. д. Кроме того, в общей государственной школе существует проблема отсева учеников. Дети рабочих и некоторых представителей мелкой буржуазии, не имеющих возможности вносить высокую плату за обучение в частных школах, вынуждены рано идти работать, чтобы увеличить скудные доходы своей семьи. Еще тяжелее положение индейских детей, начинающих работать в раннем детстве.

В школах, где обучаются дети простого народа, много учеников только в первых трех классах. В четвертом, пятом и шестом классах количество учеников резко уменьшается, так как в большинстве школ происходит

отсев. Практически образование народных масс продолжается только три года.

Что касается частных городских школ, руководимых в основном иностранными религиозными миссиями, то они являются коммерческими организациями, где обучаются дети крупной буржуазии и наиболее богатой части мелкой буржуазии, стремящейся получить образование и примкнуть к элите, служащей интересам американского империализма.

Ликвидация неграмотности индейского населения затрудняется двумя причинами — различием языков и крепостной зависимостью крестьянина-индейца. Нетрудно понять, что первая причина не является второстепенной. Принято считать, что ликвидировать неграмотность — это значит научить испанскому языку. Это заблуждение, из-за которого образование индейцев, точнее ликвидация их неграмотности, представляется чрезвычайно сложным делом. Действительно, это сложно, если речь идет о том, чтобы уничтожить их язык и навязать им наш язык, точно так же как было бы чрезвычайно трудно научить английской письменности неграмотных, с детства говорящих по-испански.

Язык не так просто уничтожить. Язык развивается вместе с обществом. Поэтому языки кечуа, аймара и гуарани существуют много веков как средство для передачи мыслей, обмена чувствами, эмоциями. Индейцы Боливии говорят не на одном, а на разных языках — кечуа, аймара и гуарани, отличающих их как угнетенные национальности от составляющей меньшинство остальной части населения.

Обучение индейцев чужому языку и преподавание на этом языке — двойная работа, сводящая до минимума эффективность индейских школ, созданных для этих целей. Напротив, обучение индейцев на их родном языке дало бы хорошие результаты, и индейцы имели бы больше возможностей бороться за удовлетворение своих специфических требований и тем самым за прогресс и независимость Боливии.

Однако олигархия горнопромышленников и феодалов, господствовавшая до народного восстания в апреле 1952 года, противилась не только обучению индейцев на их родном языке, но и обучению на испанском языке. Один из видных представителей олигархии,

педагог и дипломат, писал по этому поводу следующее: «...преподавание чтения и письма индейцам само по себе ничего не значит для их образования. Научившийся читать и писать индеец не будет более цивилизованным, чем сейчас, особенно если принять во внимание уже давно проявляющуюся тенденцию учить его чтению на родном языке — аймара или кечуа, в зависимости от района страны. Благодаря труду странствующих учителей мы имеем возможность ссылаться на работы о методах чтения на аймара. Какую пользу принесет индейцу умение читать на языке аймара или кечуа? Разве в Боливии есть литература на кечуа или аймара или по меньшей мере газеты или журналы, выходящие на этих языках?»¹

В связи с тем, что индейцы находились в крепостной зависимости, налагавшей на них строго обязательные повинности по отношению к хозяину, который препятствовал их образованию, проблема эта становится еще более сложной. Не подлежит, однако, сомнению, что дать образование индейцам на их языке — это значит на пятьдесят процентов облегчить решение проблемы, создать условия, способствующие их освобождению и более широкому включению в производственную деятельность в интересах развития общества. Это значит сохранить их фольклор и древние традиции, до сих пор оказывающие глубокое влияние на формирование национальных особенностей Боливии. Поэтому индейцев следует обучать на их родном языке. Это должны делать сельские школы. Педагогическим училищам следует подготовить учителей, которые обучали бы индейцев на их родном языке. Это даст боливийским индейцам возможность проявить способности, о которых и не подозревают.

Согласно официальным данным, происходит непрерывное увеличение количества учебных заведений, преподавателей и учащихся. В 1951 году насчитывалось 501 государственное учебное заведение, 5756 преподавателей и 142 214 учеников. К 1960 году число их увеличилось соответственно на 92, 58 и 56 процентов. Количество школ, принадлежащих отдельным организациям,

¹ Enrique Finot, *Historia de la Pedagogía Boliviana*, цитируется по José Antonio Arze, *Proceso de la Educación Boliviana*.

например КОМИБОЛ, ЯПФБ и др., увеличилось по сравнению с 1951 годом на 129 процентов. Число частных школ, преподавателей и учащихся в них выросло соответственно на 114, 194 и 179 процентов. Как видно из этих данных, рост численности учащихся в платных или частных школах происходит быстрее, чем в государственных школах, несмотря на то что нехватка последних с каждым учебным годом ощущается все острее. Данные о числе преподавателей не соответствуют действительности, так как многие преподаватели работают одновременно и в государственных, и в частных школах.

Количество школ, находящихся в ведении министерства крестьянских дел, с 1951 по 1960 год увеличилось на 91 процент. Число преподавателей и учащихся в этих школах выросло за этот же период на 90 и 220 процентов соответственно. За тот же период количество частных сельских (церковных) школ и число преподавателей и учащихся в них выросли соответственно на 57, 93 и 69 процентов. Весьма быстрое увеличение численности учащихся в сельских школах произошло в результате апрельского народного восстания и аграрной реформы, в значительной степени уничтоживших крепостничество и пробудивших в боливийском крестьянине горячее желание дать образование своим детям и научиться самому читать и писать.

Закон о реформе образования, принятый 20 января 1955 года, подчеркивает, что образование является «высшей функцией государства...», «всеобщим, бесплатным и обязательным...», «демократическим и единым...». Закон определяет образование как «коллективное дело», «национальное», «революционное... антиимпериалистическое и антифеодалное... активное, связанное с жизнью и трудовое... всеобъемлющее... разностороннее... прогрессивное... научное...», призванное «способствовать цельному формированию боливийца... защищать и укреплять природные качества народа и обеспечить ему здоровую жизнь посредством хорошего питания, санитарной и гигиенической помощи, физического воспитания и повышения жизненного уровня»; «формировать личность путем воспитания характера на основе методов практической этики... вовлекать в национальную жизнь широкие массы крестьян, рабочих, ремесленников

и представителей мелкой буржуазии... способствовать единству действий рабочих, крестьян и мелкой буржуазии в борьбе за укрепление экономической независимости Боливии и повышению их уровня жизни... Привить крестьянину чувство достоинства... дать трудящимся массам техническо-профессиональное образование... усилить чувство патриотизма... разъяснять народу принципы политического и экономического суверенитета, территориальной целостности и социальной справедливости, а также отстаивать принципы мирного сосуществования и международного сотрудничества».

Закон о реформе образования признает «свободу религиозного преподавания». В то же время, предусматривая «статью расходов в государственном бюджете для субсидирования религиозного преподавания», закон имеет в виду только католическую религию. В этом смысле реформа образования, проведенная НРД, уступает реформе, проведенной либеральным правительством Монтеса. Действительно, в правительственном постановлении от 7 ноября 1913 года говорится: «Вступление в силу новых программ начального образования, отменивших обязательное преподавание религии, вызвало поступление жалоб как из этого города, так и из Кочабамбы. В ответ правительство заявляет, что в рамках своих четко определенных полномочий оно не может навязывать государственным школам и колледжам республики определенного вероисповедания и потому с сожалением отклоняет подобные жалобы».

Замечательные принципы образования в Боливии, изложенные в законе о реформе образования от 20 января 1955 года, в действительности не претворяются в жизнь. Образование в Боливии не является всеобщим, бесплатным и обязательным, демократическим и единым. Тем более оно не является национальным, революционным, антиимпериалистическим и антифеодальным, прогрессивным и научным. Оно не располагает необходимыми условиями, чтобы «способствовать цельному формированию боливийца», «защищать и укреплять природные качества народа и обеспечить ему здоровую жизнь посредством хорошего питания, санитарной и гигиенической помощи, физического воспитания и повышения жизненного уровня». Образование в Боливии далеко от того, чтобы «разъяснять народу принципы по-

литического и экономического суверенитета», «отстаивать принципы мирного сосуществования и международного сотрудничества».

Родители идут на неслыханные жертвы, чтобы внести плату при записи в школу, приобрести табели, школьные принадлежности и т. д. Много детей школьного возраста не учится потому, что не хватает помещений и мебели, и главным образом потому, что жизнь заставляет их принимать участие в содержании семьи. Мы уже видели, насколько учебные программы не соответствуют историческим и социальным нуждам страны. Школа опутана сетью предрассудков, существующих со времен колониального режима. Преподавание закона божьего способствует их укреплению. В школах нет ни библиотек, ни лабораторий. Ввиду бедности и нищеты Боливии теряют всякий смысл фразы об «обеспечении здоровой жизни посредством хорошего питания» и т. д. и т. д. Наконец, изо дня в день ухудшается материальное положение учителей, на которых возлагается ответственность за жалкое состояние образования, несмотря на то что они сами являются жертвами отсталости и зависимости страны. В 1947 году учитель начальной школы получал в среднем 1350 боливиано в месяц, что при официальном курсе 42 боливиано за доллар составляло более 32 долларов. В 1960 году средняя месячная заработная плата учителя была равна 250 тысячам боливиано, что по единому курсу 12 тысяч боливиано за доллар составляло всего 20 долларов в месяц. Поэтому учителя стараются убедить, что он «апостол» и его миссия заключается в том, чтобы учить, принося жертвы и отказывая себе в удовлетворении жизненных потребностей. Действительно, значительная часть учителей, воспитанных в религиозном духе и под влиянием идеалистической философии, в условиях политики подчинения международным монополиям США согласна на это положение «апостола», выставляя в качестве примера свою собственную жалкую жизнь и проповедуя самоотречение и конформизм. Однако при всем этом учителя, подгоняемые нуждой, вот уже несколько лет борются за улучшение условий жизни и труда. Они подвергаются репрессиям со стороны правительства, угрожающего им «крестьянской милицией», политической полицией и «милицией» правящей партии.

Чем же объясняется это жалкое состояние образования? Тем, что политика в области образования, по существу, не изменилась. Иначе и быть не могло не только потому, что остались экономические основы зависимости, но и потому, что вся политика правительства направлена на подчинение Боливии диктату государственного департамента США, прямое вмешательство которого в дело образования осуществляется через Межамериканскую службу образования, администрацию 4-го пункта и другие органы «технической помощи» США. В 1955 году это вмешательство выразилось даже в вооруженном захвате университетов. В Боливии имеется семь университетов: в Ла-Пасе, Кочабамбе, Сукре, Оруро, Потоси, Санта-Крус и Тарихе.

В колониальный период в Боливии готовились священники, военные и богословы. Это же направление образование сохранило и в течение первых пятидесяти лет существования республики. Даже сейчас адвокатов и военных готовится больше, чем врачей и инженеров, несмотря на острую нужду в специалистах для развития национальной экономики и культуры. Чем это объясняется? Прежде всего тем, что само правительство считает, что боливийские специалисты уступают иностранным, особенно американским. И это не случайно. Более того, это результат зависимости страны от капиталистических монополий США. За редким исключением, эти монополии, непосредственно или косвенно действующие в Боливии, стараются не допускать на ответственные посты боливийских технических и других специалистов, так как последние, движимые естественными патриотическими чувствами, могут сорвать махинации, направленные против национальных интересов. Этим объясняется и тот факт, что даже при составлении Нефтяного кодекса правительство прибегло к «технической помощи» янки, поручив это задание адвокатской конторе «Дейвенпорт», представляющей интересы нефтяных монополий — концессионеров месторождений боливийской нефти.

Сменявшие друг друга на протяжении этого века правительства, представлявшие интересы сначала международных горнопромышленных концернов и латифундистов, а позже бюрократической буржуазии и колеблющейся национальной буржуазии, принимали условия

империалистических банкиров, когда с иностранными компаниями, имеющими своих специалистов, заключались договоры о производстве работ (например, о строительстве шоссе Кочабамба — Санта-Крус). При проведении этих работ иностранные компании расхищали скудные национальные фонды и средства, полученные по иностранным займам. Это, в частности, относится к компании «Макгроу Уоррен», строившей упомянутое шоссе. Отдавая капиталистическим монополиям свои естественные богатства, Боливия неизбежно передает им руководство всеми важнейшими предприятиями национальной экономики.

Зачастую оказывается, что иностранные специалисты уступают боливийским. Однако в стране воспитано настолько глубокое антинациональное чувство, что многие считают боливийских специалистов хуже иностранных. То же самое происходит и с товарами. Если товары американские, значит, они «лучше, чем боливийские», даже если немногочисленные боливийские товары и не уступают по качеству импортным. Конечно, дело не только во влиянии боливийской школы и университетов, но и в чувстве национальной неполноценности, воспитанном правительством в течение полувека экономического, культурного и политического подчинения Боливии американскому империализму.

Этим объясняется то, что немногие имеющиеся боливийские специалисты практически не могут найти работу, соответствующую их профессиональному достоинству, и вынуждены покидать родину.

В связи с этой зависимостью и несмотря на блестящие перспективы, открытые апрельским народным восстанием, положение различных отраслей хозяйства все более и более осложняется. Из-за снижения активности в горнодобывающей, нефтяной и обрабатывающей промышленности и в сельском хозяйстве работы не хватает не только для специалистов со средним и высшим образованием, но и для неквалифицированных рабочих. Безработица затронула все отрасли хозяйства. В записке от 24 августа 1960 года КОМИБОЛ поставила перед Профсоюзной федерацией горняков Боливии вопрос об увольнении еще 5006 рабочих только с национализированных рудников¹.

¹ «Unidad», № 81, 4 de septiembre de 1960.

Решение проблемы образования в Боливии не зависит исключительно от законов или декретов; оно зависит прежде всего от освобождения производительных сил, от организации общества в условиях, которые обеспечили бы развитие экономики и культуры во всех их многочисленных проявлениях. Для этого необходимо проводить политику в области образования в соответствии с общей независимой политикой, национальной боливийской политикой, которая сделала бы возможным освобождение и развитие производительных сил страны.

Внешняя политика правительства НРД

Внешняя политика независимых стран является продолжением их внутренней политики. Но что касается зависимых стран, то их внешняя политика определяет основные черты их внутренней политики. Кроме того, их внешняя политика подчинена интересам внешних экономических и политических сил, контролирующих их экономику. Контроль над политической властью неизбежно связан с контролем над властью экономической. В таких зависимых странах, как Боливия, не только экономика, но и политика чрезвычайно чувствительны к циклическим колебаниям мирового капиталистического рынка, а эти колебания вызываются манипуляциями международных монополий, которым принадлежит экономическая гегемония в мировой капиталистической системе. Поэтому слаборазвитая и зависимая страна, вступив на путь освобождения, должна не только национализировать основные предприятия, контролируемые этими монополиями, но и проводить независимую внешнюю политику. В противном случае национализация потерпит неудачу, а государство превратится в простого приказчика иностранных монополий. Напротив, если одновременно с национализацией какая-либо страна начнет проводить независимую внешнюю политику, как это недавно сделала Куба, то правительство этих монополий набрасывается на такую страну, как раненый зверь, обвиняя, бойкотируя и преследуя правительство и народ, которые «посмели» разорвать цепи и «не подчинились» приказам монополий, встав на путь независимого развития. Империализм никогда не примирится

с потерей контроля над экономикой и политикой остальных и зависимых стран, но и народы этих стран никогда не примирятся с вечной отсталостью и нищетой, порабощением и угнетением империализмом.

История Боливии этого века показывает, что ее государственная политика была подчинена диктату сначала английского империализма (пока он был «центром притяжения» капиталистической экономики), а затем американского империализма (нового «центра притяжения» капиталистической экономики). Из этого следует, что, для того чтобы увидеть сущность внешней политики Боливии, которая сама по себе показывает степень зависимости от империализма, и меру, в какой соблюдаются демократические свободы и права, необходимо рассмотреть основные черты политики США.

Политика Соединенных Штатов Америки — это политика интервенций и агрессий против народов американского континента. До вступления капитализма в империалистическую фазу развития, пока Соединенные Штаты были относительно слабы по сравнению с Англией, Францией, Испанией и Португалией, все еще сохранявшими сильные позиции на американском континенте, США проводили политику «изоляции», то есть ограниченных связей с Европой, и в то же время политику агрессии против своих соседей и завоевания стран на других континентах. Но уже в 1823 году, когда США почувствовали себя достаточно сильными, когда Испания, Португалия, Франция и Англия ослабли в результате потери своих добившихся освобождения американских колоний, они провозгласили знаменитую доктрину Монро с целью превратить молодые республики в зону своего влияния и захватить монопольное руководство делами континента в интересах своего сильного и напористого капитализма.

«Наша раса, — писал в 1885 году американский пастор И. Стронг, — которая имеет исключительную энергию, которая украшена... свободой, чистым христианством и самой высшей цивилизацией... поставит свою печать на человечестве... потому, что эта раса имеет ясное поручение от бога, от неба стать опекуном своих братьев»¹.

¹ Цитируется по Е. Варга, Основные вопросы экономики и политики империализма, М., 1957, стр. 112.

Еще до того, как США заняли второе место среди капиталистических держав, они напали на Мальвинские (Фолклендские) острова и в 1831 году разрушили порт Соледад. В 1835—1836 годах США вмешались в войну за независимость мексиканской территории Техас, выступив против генерала Санта Ана. В 1845 году они аннексировали мексиканскую территорию Техас и в 1846 году в результате войны обкорнали территорию Мексики. При помощи договора, подписанного в 1853 году в Месилье, США заставили Мексику уступить им еще один кусок ее территории. США вторглись в Центральную Америку и в 1857 году посадили на президентское кресло в Никарагуа американца Уильяма Уокера. «После захвата Луизианы у французов, Калифорнии — у Мексики, Филиппин — у Испании США «заплатили» бывшим владельцам несколько миллионов долларов для того, чтобы этот захват выглядел как мирная коммерческая сделка»¹. В 1870 году США заняли второе место в мире по объему промышленного производства, а в 1880 и 1890 годы — первое. Однако в отношении колониальных владений они уступали другим державам. Поэтому в 1898 году США начали империалистические войны за передел мира, вмешавшись в освободительную войну народов Кубы, Пуэрто-Рико и Филиппин против Испании, чтобы затем самим поработить их.

Основой политики США является доктрина Монро, и американская внешняя политика направлена на осуществление целей, выдвигаемых этой доктриной: «Америка для американцев». В действительности эта доктрина была создана американскими капиталистами, чтобы подчинить своему господству Латинскую Америку для получения сырья, для вложения капитала и реализации своих готовых изделий, уничтожив своих капиталистических конкурентов — Англию, Францию, Германию и др. На основе этой доктрины в 1889 году состоялась первая Панамериканская конференция. С тех пор США, меняя лишь методы и приемы, не меняют существа своей политики по отношению к соседям — латиноамериканским республикам.

¹ Е. Варга, Основные вопросы экономики и политики империализма, стр. 113.

В истории внешней политики США можно выделить три основных этапа.

Для первого этапа характерна политика «большой дубинки», то есть военная и финансовая агрессия, территориальные аннексии, вооруженное вмешательство, финансовое проникновение при помощи займов и капиталовложений крупных компаний. США осуществляли вооруженную интервенцию в ряде стран, в том числе неоднократно на Кубе, в Никарагуа, Доминиканской Республике, Мексике и др. США навязывали странам договоры, подрывающие их суверенитет (например, договор с Панамой), захватывали месторождения минерального сырья и нефти, прибегали к вторжению и оккупации (например, в Гаити), проводили «карательные экспедиции» (например, в Мексике), навязывали договоры о «мире и дружбе» в интересах своих монополий, устанавливали диктатуры (например, Трухильо в Доминиканской Республике и Хорхе Убико в Гватемале), инспирировали военные заговоры и государственные перевороты, поддерживали тирании, верно служившие их монополиям, и т. д. и т. п. Рассматривая выше проникновение американского империализма в Боливию, мы уже столкнулись с конкретными фактами, явившимися результатом политики «большой дубинки».

На втором этапе, с 1933 по 1945 год, проводилась политика «доброего соседа». Благодаря главным образом президенту Франклину Делано Рузвельту американское засилье в Боливии в некоторой степени уменьшилось. Боливия в 1936 и Мексика в 1938 годах национализировали свои месторождения нефти.

Возрождение немецкого капитализма после первой мировой войны, а также развитие японского капитализма привели к их проникновению на латиноамериканские рынки в 1932—1940 годы. Этому проникновению способствовали как кризис 1929—1933 годов, потрясший основы американского капитализма, так и политика «доброего соседа», дававшая некоторые возможности заключать многосторонние соглашения.

Вторая мировая война, развязанная странами фашистской оси Рим — Берлин — Токио, позволила США вытеснить своих немецких и японских конкурентов с латиноамериканского рынка. Борьба против нацизма и фашизма, черты которых приобретает национализм

в некоторых странах Латинской Америки в результате прихода к власти военных правительств, способствовала установлению гегемонии США на континенте.

В период с 1933 по 1945 год американское вмешательство в Боливию осуществлялось при помощи так называемых «служб сотрудничества», закупавших по низким ценам олово, каучук и другое сырье и наносивших тем самым серьезный ущерб национальным интересам. В то же время это положение обеспечивало получение крупных прибылей монополистическим компаниям, действовавшим в стране, например компании «Грейс».

Третий этап начался после окончания войны в 1945 году с переходом к политике «с позиции силы». Методами проведения этой политики являются создание военных и экономических блоков, заключение односторонних договоров и «американская помощь».

На Межамериканской конференции в Рио-де-Жанейро в 1947 году, где рассматривался вопрос «континентальной обороны», было вновь вытаснено пугало антикоммунизма и определены основы применения плана Трумэна, предусматривавшего организацию континентальной армии, оснащенной американским стандартным оружием и прошедшей империалистическую идеологическую обработку. Другими словами, намерение составителей плана заключалось в том, чтобы обеспечить военное и политическое участие стран Латинской Америки в достижении целей американских монополий. Чтобы наиболее эффективно проводить политику «с позиции силы», на девятой Панамериканской конференции в Боготе в апреле 1948 года США создали Организацию американских государств (ОАГ) как блок внутри Организации Объединенных Наций. Таким образом США попытались обеспечить безоговорочную поддержку планов государственного департамента со стороны латиноамериканских государств — членов Организации Объединенных Наций. Кроме того, США постарались гарантировать баснословные прибыли своих монополий, получаемые за счет разграбления естественных богатств остальных стран Америки, низкого жизненного уровня народов этих стран и за счет деформации их национальной экономики с целью сохранить свою гегемонию в капиталистическом мире.

В новые методы проведения политики «колониальной обороны» был включен подкуп с целью обеспечить проведение латиноамериканскими правительствами политики, продиктованной государственным департаментом США. Для этого была созвана, например, конференция в Вашингтоне, на которой министр иностранных дел Боливии Педро Сильвети Арсе дошел до того, что предложил тридцать тысяч молодых боливийцев для захватнической войны США в Корею; конференция 1954 года в Каракасе, где министр иностранных дел «национальной революции» Вальтер Гевара Арсе обрушился с нападками на демократическое правительство Гватемалы и вместе с министрами иностранных дел других государств Латинской Америки поддержал вооруженную интервенцию в братской стране, подготовленную США для защиты своей монополии «Юнайтед фронт компани», и другие конференции, на которых американский империализм навязал правительствам Латинской Америки соглашения, ведущие к еще большему его проникновению и усилению его позиций.

Вообще, следуя линии госдепартамента, проводимой ОАГ, правительства стран Латинской Америки действуют в Организации Объединенных Наций с таким рабским послушанием, что это оскорбляет чувство национального достоинства. В связи с этим интересно напомнить слова Н. С. Хрущева, сказанные им в ноябре 1957 года корреспонденту агентства Юнайтед Пресс в Москве Генри Шапиро: «В американском суде, кажется, есть такое положение, когда противные стороны не могут выступать свидетелями лиц, которые находятся у них в долгу. Если бы этот порядок был введен в ООН, тогда Организация Объединенных Наций лучше выполняла бы свою задачу. Нам известно, что некоторые делегации в ООН голосуют часто вместе с США, а после голосования приходят к нашей делегации и извиняются, что голосовали не за советские предложения, хотя и считают их правильными, — ничего, мол, не поделаешь, зависим от американских кредитов. Разве могут многие страны — члены ООН, находящиеся в долгу у США, действовать самостоятельно!»¹

¹ «Правда», 19 ноября 1957 года.

Панамериканская политика является частью общей политики США, пытающихся установить мировое господство. Поэтому США делают все, чтобы подавить любое национально-освободительное движение, вновь надеть колониальное ярмо на уже освободившиеся народы, поработить «зону, находящуюся между США и лагерем социализма, и реставрировать капитализм в социалистических странах». Проводя эту политику, США превратились в центр мировой реакции. Цель их политики — война. И в эту войну США пытаются вовлечь страны Латинской Америки. Вот в чем причина гонки вооружений, создания военных баз на чужой территории, в том числе в Латинской Америке на острове Фернанду-ди-Норонья в Бразилии, в Гуантанамо на Кубе и т. д. Вот почему США способствуют возрождению милитаризма в Западной Германии, пытаются при помощи доктрины Даллеса — Эйзенхауэра расколоть арабские народы, чтобы уничтожить независимость Сирии и Египта, которые со своей стороны в ответ на происки американского империализма укрепляют арабское единство. США поддерживают «холодную войну» и срывают всякую возможность решения необходимых проблем в целях уничтожения этого положения. Возглавляемые США империалистические страны отказываются заключить соглашение о сокращении вооружений, о запрещении производить и применять атомное оружие массового уничтожения.

Под лозунгом антикоммунизма США усиливают свое проникновение в страны Латинской Америки и все больше захватывают контроль над сырьем, экономикой, финансами, армией, культурой и политикой этих стран. Действительно, под вывеской «технического и экономического сотрудничества» США практически направляют по своему усмотрению жизнь Боливии во всех ее проявлениях.

Через «Управление координатора по американским делам» США в 1942 году организовали в Боливии «Кооперативную межамериканскую службу гражданского здравоохранения». В одном официальном издании 1960 года говорится по этому поводу следующее: «Необходимо подчеркнуть невозможность обеспечения экономического и социального прогресса без должной защиты здоровья человека. Это особенно верно в отношении

такой страны, как наша, где существует высокий уровень общей детской смертности и смертности женщин от родов. Такие болезни, как поносы, энтерит, коклюш, грипп, туберкулез, малярия, силикоз, оспа, а также плохое питание являются причиной высокой смертности и заболеваемости»¹. Правительство, конечно, закрывает глаза на причины подобного состояния здоровья боливийского народа. В 1944 году США организовали «Кооперативную межамериканскую службу образования». В 1947 году создали «Миссию гражданского воздухоплавания», в 1948 году — «Межамериканскую сельскохозяйственную службу», в 1955 году — «Боливийско-американскую службу дорог» (по 4-му пункту) и т. д. Другой формой американского сотрудничества являются «миссии советников», например миссия «Форд, Бейкон энд Дэйвис инкорпорэйтед» для горнодобывающей промышленности или миссия концерна американских адвокатов для составления Нефтяного и Горнопромышленного кодексов. В связи с этим в упомянутом издании говорится: «По просьбе правительства Боливии в 1956 году в соответствии с 4-м пунктом была финансирована подготовка предварительного проекта Нефтяного кодекса. Подготовка была осуществлена адвокатской фирмой «Травьесо, Дейвенпорт, Эванс и Ангуло»...» Кроме того, был подготовлен проект Горнопромышленного кодекса. «В середине 1956 года правительство Боливии обратилось к правительству Соединенных Штатов с просьбой о сотрудничестве для изучения и решения валютных проблем страны»² и т. д. и т. д.

Как известно, Нефтяной кодекс способствует передаче месторождений нефти американским трестам на условиях, наносящих ущерб экономике и суверенитету страны. Предварительный проект Горнопромышленного кодекса предусматривает денационализацию рудников. Наконец, система «экономических советников», предусмотренная в плане валютной стабилизации и диктаторски применяемая Международным валютным фондом, ведет к упадку всех отраслей экономики страны и

¹ Ministerio de Economía Nacional, «La Cooperación Técnica y Económica de los EE. UU. de América a Bolivia». La Paz, enero de 1959 (Publicación Oficial).

² Там же.

тем самым к безработице, голоду, обнищанию боливийских семей и истощению государственной казны. В этих условиях правительство «национальной революции» для спасения «национальной революции» (так, утратив чувство юмора, говорят руководители НРД) все ту же затягивает петлю зависимости, сдерживающей развитие национальных производительных сил. Действительно, чтобы покрыть дефицит государственного бюджета, правительство прибегает к «помощи» по 4-му пункту.

Пытаясь оправдать эту капитулянтскую, антинациональную и антинародную политику, министр экономики заявил следующее: «Нарушение финансового равновесия государства стало ясно видно после начала стабилизации... Поэтому правительство Боливии было вынуждено просить помощь по 4-му пункту для покрытия дефицита государственного бюджета...

В государственном бюджете на 1957 год из общей суммы доходов в 291 800 миллионов боливиано 112 500 миллионов, или 39 процентов, приходилось на фонды американской помощи. В то же время в 1958 году из общей суммы доходов 304 500 миллионов на долю американской помощи приходится 104 миллиарда, или 34 процента. Однако помощь США для покрытия бюджетного дефицита в 1957 году не достигла предусмотренной суммы 112 500 миллионов в результате того, что оптовые торговцы, мукомолы и промышленники, получившие товары в счет американской помощи, под различными предлогами задержали платежи. Таким образом, в доходную часть бюджета попал только 83 861 миллион боливиано.

Нечто подобное произошло и в 1958 году. Национальная казна получила в порядке американской помощи 76 482 миллиона боливиано, так как некоторые промышленники и торговцы все еще незаконно задерживают у себя значительные суммы, которые предназначены для эквивалентных фондов в боливиано... До настоящего времени для финансирования государственного бюджета в 1957 и 1958 годах было получено 160 343 миллиона боливиано. Вместе с 71 910 миллионами боливиано, израсходованными на специальные проекты, сумма достигает 232 253 миллионов боливиано в боливийской валюте... В 1957 и 1958 годах по 4-му пункту в той или иной степени финансировались мини-

стерства рудников и нефти, общественного здравоохранения, образования, гражданских работ, связи, сельского хозяйства, крестьянских дел, национальной экономики и финансов, Национальная комиссия по координации и планированию, Управление генерального ревизора республики, Национальный совет аграрной реформы и Боливийская корпорация развития».

Итак, американский империализм контролирует даже административный аппарат государства. Его вмешательство во внутренние дела Боливии путем финансирования государственного бюджета ведет к тому, что правительство не смеет предпринимать каких-либо шагов, не получив одобрения американских «советников», контролирующих всю деятельность административного аппарата.

До 1953 года так называемая «помощь» США касалась только «технического сотрудничества». Однако начиная с ноября 1953 года, когда правительства Боливии и США заключили «соглашение о чрезвычайной экономической помощи», «американская помощь» распространилась на импорт излишков сельскохозяйственной продукции США. В соответствии с этим соглашением США обязались предоставлять «сельскохозяйственные продукты и экономическую помощь в других формах с целью не допустить серьезного экономического потрясения в Боливии в результате неблагоприятного развития ее экономики». В свою очередь правительство Боливии обязалось подготовить «план распределения этих продуктов и осуществить программу увеличения производства продуктов питания и других товаров и сокращения потребностей в получении чрезвычайной экономической помощи»¹.

В 1954 году по программе «американской помощи» было ввезено товаров примерно на 12,1 миллиона долларов, в том числе пшеницы, пшеничной муки, животного и растительного масла, хлопка и крайне незначительного количества оборудования. В 1955 году, помимо указанных товаров, ввозились рис и сухое молоко, причем в общем товаров было ввезено на сумму 23,8 миллиона долларов. В 1956 году американская

¹ Ministerio de Economía Nacional, «La Cooperación Técnica y Económica de los EE. UU. de America a Bolivia».

помощь составила 20,5 миллиона долларов. В 1957 году из числа товаров, предоставляемых по плану «американской помощи», было исключено сухое молоко, но был добавлен сахар; помощь выразилась в сумме 22 миллионов долларов. В 1958 году по программе «экономической помощи» в Боливию ввозилась пшеница, пшеничная мука, рис, сахар, машины и оборудование, авиационный бензин. Кроме того, Боливия получила валюту наличными. В общем, «американская помощь» составила в этом году 20,1 миллиона долларов. Всего за пять перечисленных лет «американская помощь» выразилась в сумме 98,4 миллиона долларов¹.

Следует отметить, что импорт излишков риса и сахара из США происходил в то время, когда увеличилось их производство в самой Боливии. Это, естественно, отрицательно сказалось на национальном производстве. Точно так же, когда начал проводиться план стабилизации валюты, предусматривающий политику свободного обмена, из «американской помощи» исчезли сухое молоко и другие продукты. Пшеница, пшеничная мука, рис, сахар и авиационный бензин были оставлены в программе «помощи» потому, что в связи с проводившейся политикой стимулировался импорт этих товаров на чисто коммерческой основе, причем излишки их в США уменьшались. Таким образом, вся экономическая политика правительства НРД направлена на удовлетворение интересов капиталистических монополий США. Тем не менее официально говорится, что цель «экономической помощи» США состоит в том, чтобы «облегчить тяжелое положение народов Боливии, обусловленное отсутствием ресурсов для удовлетворения потребностей в иностранной валюте, растущей инфляцией и сокращением производства в некоторых отраслях национальной промышленности»².

Но может ли быть, чтобы правительство, утверждающее, что оно проводит «национальную революцию», не знало, что это «отсутствие ресурсов» в иностранной валюте, «сокращение производства в некоторых отраслях национальной промышленности», «растущая инфля-

¹ Ministerio de Economía Nacional, «La Cooperación Técnica y Económica de los EE. UU. de América a Bolivia».

² Там же.

ция» и «тяжелое положение народов Боливии» вызваны не чем иным, как действиями американского империализма? Как же правящие круги НРД, зная об этих действиях империалистов, контролирующих боливийскую экономику, культуру и политику в результате того, что олигархия горнопромышленников и феодалов в течение более чем полувека своего пребывания у власти предавала национальные интересы, говорят о «спасении революции» благодаря «помощи» американского империализма, на котором лежат вина и ответственность за то, что боливийский народ живет в условиях отсталости, нищеты и голода?

По данным ЭКЛА, большую часть импорта Боливии составляют продукты питания, предметы потребления и сырье для промышленности. С 1925 года наблюдается тенденция к постоянному увеличению импорта продуктов питания. С 1925 по 1929 год на долю продуктов питания приходилось 10 процентов всего импорта, а в 1943—1955 годы — 21,3 процента. Что касается сырья для пищевой промышленности, то его импорт вырос с 19,4 процента в 1935—1939 годах до 43,3 процента в 1955 году. Увеличение импорта этих товаров вызвано «американской помощью». Этой же «помощью» объясняется катастрофическое падение производства пшеницы в стране. В результате политики, обусловленной этой «помощью», были заброшены важные проекты обработки земли для возделывания технических культур. Эта политика как раз и направлена на ограничение производства продуктов питания и получения сырья для пищевой и других отраслей промышленности, для чего имеются благоприятные условия. Эта политика привела к существенному сокращению производства в перерабатывающей промышленности Боливии и к уменьшению активности во всех отраслях народного хозяйства страны.

Кроме того, следует отметить, что программа «экономической помощи» предусматривает помощь теми продуктами, которые в большом количестве скопились в США в результате сельскохозяйственного перепроизводства. Таким образом, американское правительство, проводя политику защиты цен на внутреннем рынке и стремясь не допустить кризиса в своей стране, заставляет зависимые от США страны ввозить такие продукты.

Хотя это и преподносится как «американская помощь», на самом деле это самый настоящий демпинг. В то же время этот демпинг является одной из форм экономической экспансии в страны — экспортеры этих продуктов, например в Аргентину, Уругвай и другие. Поэтому правительства этих стран рассматривали в свое время политику США как экономическую агрессию.

«Американская помощь», с которой правительства НРД связывают все надежды на спасение страны, обусловлена экономическими и политическими причинами, о чем свидетельствует предоставление концессий на разработку месторождений нефти, золота (компании «Саут Америкэн плейсерс»), меди и других минералов, эксплуатацию лесов, а также американское вмешательство во все внутренние дела Боливии.

Бывший посол США в Боливии Бонсал в феврале 1958 года определил «американскую помощь» как «совокупность отношений между двумя суверенными и демократическими правительствами, полностью сознающими ответственность как перед своей страной, так и перед всем миром». Дело, однако, обстоит таким образом, что правительство США, обладая суверенитетом как представитель интересов монополистического капитала своей страны, распространяет свою власть на Боливию, заставляя боливийское правительство отказаться от проведения политики эффективной защиты национальных интересов.

Короче говоря, «помощь» монополистов США, осуществляющих контроль над экономикой Боливии, — это вывеска на политике экспансии и порабощения.

Боливия нуждается в помощи извне, в международном сотрудничестве. Но ей не нужна так называемая «американская помощь», цель которой состоит в том, чтобы не допустить независимого развития боливийской экономики, еще больше подчинить ее интересам американских монополий, еще больше деформировать ее и лишить гибкости. Боливии, чтобы преодолеть свою отсталость и ликвидировать зависимость, необходимо международное сотрудничество, но такое международное сотрудничество, которое не влекло бы за собой вмешательство в ее внутренние дела и внешнюю политику.

Руководитель НРД Виктор Пас Эстенсоро в ноябре 1951 года, незадолго до народного восстания в апреле

1952 года, осудил заключенное 1 октября того же года соглашение между правительством Боливии и Организацией Объединенных Наций, заявив: «Опираясь на штыки и отдав государственную власть в руки самых неразумных своих слуг, «Роска» [горнорудная феодальная олигархия.— *Перев.*] осуществила новое покушение на Боливию. Таков истинный смысл соглашений, подписанных военной хунтой... чтобы начать выполнение рекомендаций миссии Кинлисайда... НРД, будучи постоянным защитником национальных интересов, достоинства и будущего боливийцев, во всеуслышание заявляет об опасности... В то время как во всем мире колониальные и полуколониальные страны разрывают путы, ограничивающие их политический или экономический суверенитет... Боливия отступает и отдает государственную власть группе иностранцев. Таким образом... Боливия... превращается в простую подопечную территорию.

Называть «технической помощью» то, что в действительности является «политической помощью»... это всего лишь формальная попытка соблюсти приличия. Эта попытка, однако, не может скрыть истинного смысла передачи управления Боливией иностранным «специалистам», наделенным такими же или даже большими правами, чем президент республики, государственные министры, генеральные директора, генеральный ревизор, управляющий Центральным банком и т. д.».

Что же заставило руководителей НРД оставить позицию, которую они занимали до народного апрельского восстания, и, придя к власти, проводить политику, осужденную ими тогда, когда они находились в оппозиции?

Дело в том, что с момента победы народного восстания империализм начал использовать колебания, слабость и страх правящей буржуазии, чтобы навязать выполнение соглашения, превращающего Боливию в «простую подопечную территорию». Этим объясняется политика компромиссов, проводимая правительством НРД, политика подчинения диктату государственного департамента. Этим объясняется антикоммунизм некоторых руководителей НРД. Этим объясняется то, что страна запуталась в финансовых и дипломатических сетях американского империализма. Именно поэтому не

были использованы демократические и революционные возможности народного восстания в апреле 1952 года. Именно поэтому внутренняя политика правительства Боливии определяется общим подчинением американскому империализму и зависимостью от него. Положение еще более осложнил сам «руководитель трудящихся Боливии» Хуан Лечин Окендо, заявивший о своем согласии с этой предательской и капитулянтской политикой, цель которой состоит в том, чтобы расколоть рабочее движение, развратить его руководителей и бить по массам безработицей, голодом и нищетой. В январе 1957 года он заявил следующее: «Дело в том, что, когда Эйзенхауэр и Холлэнд [помощник государственного секретаря США по делам Латинской Америки.— *Ред.*] приехали в нашу страну, они без колебаний и даже с энтузиазмом выразили свое восхищение реформаторской и творческой деятельностью нашей революции. И они предложили материальную помощь США, не ставя никаких экономических и политических условий. Так мы поняли и так приняли эту помощь.

Американская помощь была полезной и своевременной. Благодаря ей мы смогли выстоять на самом тяжелом и опасном этапе нашего революционного становления. Американские пшеница, молоко и доллары позволили нам преодолеть этап серьезного структурного кризиса, вызванного революционными мерами»¹.

Воздержавшись от дальнейших комментариев, подчеркнем только, что своим заявлением его автор пытается создать ложное представление, объясняя трудное положение страны и народа проведением «революционных мер», а не действиями империализма и политикой правительства, капитулировавшего под давлением государственного департамента. Это подчинение выразилось и в том, что в связи с прибытием Холлэнда в Боливию правящие круги официальной партии мобилизовали свои «коммандо», государственных служащих, агентов и полицейских, чтобы раскрасить улицы города Ла-Пас надписью «Добро пожаловать, сеньор Холлэнд». В результате этого гнусного падения реакцион-

¹ Juan Lechín Oquendo, *La COB y la Estabilización Monetaria*, La Paz, Publicaciones de la COB. Secretaría de Prensa y Propaganda.

ных деятелей НРД империалисты начали самое наглое и дерзкое наступление на Боливию. Нью-йоркский журнал «Тайм» 2 марта 1959 года поместил статью под заголовком «Хаос в облаках», в которой облил высокомерным презрением Боливию за то, что она не может «упорядочить» свое положение, несмотря на «огромную американскую помощь», и предложил в качестве окончательного решения (на основе заявления, приписываемого одному американскому дипломату) лишение Боливии ее суверенитета и раздел территории между соседними странами. В этой статье, кроме того, говорилось, что деятели правящей партии имеют крупные счета в банках США и других странах, тогда как обнищание как частных лиц, так и государства Боливии в целом усиливается все больше и больше.

В послании Национальному конгрессу от 6 августа 1959 года президент Силес заявил: «Наше правительство продолжало использовать выгоды, вытекающие из соглашения, подписанного Организацией Объединенных Наций, по части технической помощи. Мы продолжали пользоваться услугами международных высококвалифицированных экспертов, которые весьма эффективно содействовали — в том, что касается планов сельского хозяйства, труда, промышленности, горнодобывающей промышленности, государственных финансов, транспорта, здравоохранения и культуры,— программе экономического и культурного развития страны.

...Визит вице-президента Соединенных Штатов господина Ричарда Никсона в Боливию не только послужил укреплению дружественных связей между Боливией и Соединенными Штатами, но и был очень полезен для определения степени прогресса плана помощи и оценки экономического положения страны, являющегося результатом мировой депрессии. Я пользуюсь возможностью, чтобы вновь выразить американскому народу и правительству признательность за щедрое сотрудничество и интерес, проявляемый ими к решению проблем нашего экономического развития. Такое сотрудничество тем более ценно, что оно ни в коей мере не означает вмешательства в нашу внутреннюю политику».

Это заявление президента Силеса свидетельствует о явной проамериканской направленности внешней политики правительств НРД. И поскольку его заявления,

абсолютно не соответствуют действительности, факты безжалостно опровергают их. Ясно одно: пытаясь увидеть вопреки фактам «добрые намерения» в политике грабежа, угнетения и порабощения, проводимой американским империализмом, правящие круги НРД показывают, насколько они подчинены государственному департаменту. Тем не менее можно выделить три фазы, или оттенка, в политике НРД. Под давлением антагонистических сил — рабочего класса и народных масс, с одной стороны, и империализма и его агентов — с другой, происходит относительное смещение или укрепление позиций в правительстве, свидетельствующие о колебаниях и страхе правящей буржуазии.

Когда народное апрельское восстание вызвало подъем массового движения и когда в этих условиях империализм объявил бойкот в связи с национализацией рудников, правительство предприняло несколько робких шагов во внешней политике, установив отношения с Чехословацкой Социалистической Республикой и Венгерской Народной Республикой. Оно, однако, не решилось установить отношения с Советским Союзом, которое признало еще в 1945 году. Эта робость, эти колебания позволили американскому империализму удержать и укрепить свои позиции при помощи реакционных руководителей НРД и навязать официальную проимпериалистическую политику, направленную на раскол рабочего движения и тем самым на уничтожение возможности проведения независимой государственной политики. Вот почему, когда движение народных масс пошло на убыль, политика правительства приняла открыто проамериканский характер, в результате чего в правительстве стала преобладать компрадорская, бюрократическая буржуазия. Наконец, когда трудящиеся массы, накапливая свой собственный опыт, начали борьбу за создание классового единства; когда события на международной арене ярко показали неудержимое продвижение Советского Союза вперед в области экономики, науки и техники; когда еще более укрепилось единство стран социалистического лагеря; когда произошло полное банкротство колониальной системы в Азии; когда боливийские трудящиеся высказались в профсоюзах, конфедерациях, федерациях, на расширенных заседаниях, конференциях, съездах за установление отноше-

ний с Советским Союзом и другими странами социалистического лагеря; когда обострилось основное противоречие между боливийским народом и американским империализмом; когда обострились внутренние противоречия в правительственной партии,— тогда правительство признало возможность расширения внешних связей Боливии.

Действительно, хотя в своем послании Национальному конгрессу от 6 августа 1959 года президент Силес заявил, что внешняя политика Боливии — это политика «искренней дружбы и уважения к народу и правительству Соединенных Штатов, к которым правительство национальной революции без колебаний относилось всегда с позиций континентального доброго соседства»; хотя в послании говорится: «Мы отвергаем экстремистские позиции тех, кто в силу доктринерской ограниченности или пристрастности отождествляет щедрый, демократический открытый всему миру народ Соединенных Штатов и его правительство — искреннее выражение демократических устремлений — с крупными империалистическими монополиями или меньшинствами, не представляющими американскую нацию, как, например, то, которое нанесло тяжелое и безответственное оскорбление достоинству Боливии...»¹; хотя президент Силес преднамеренно отождествляет народ и правительство США и рассыпается в похвалах перед правительством американских империалистических монополий, он в то же время высказывает «искреннее желание к сближению всех народов мира с единственным условием, чтобы они вдохновлялись одними и теми же идеалами уважения, нормами Прав человека, провозглашенных Организацией Объединенных Наций, и одними и теми же искренними принципами самоопределения». Под давлением народных масс, требующих установления отношений с Советским Союзом, и под давлением самого парламента правительство было вынуждено внести в государственный бюджет на 1960 год статью расходов на содержание дипломатической миссии в Москве. Но президент Силес на этом и остановился, оставив решение этой проблемы новому президенту

¹ Речь идет о статье «Хаос в облаках», опубликованной в журнале «Тайм» (Нью-Йорк) 2 марта 1959 года.

В. Пас Эстенсоро, избранному в июне 1960 года, когда требования масс, особенно горняков, установить дипломатические отношения с СССР усилились еще больше.

Поднять вновь апрельские знамена!

Сначала робкая и непоследовательная, а затем капитулянтская и предательская политика правительства обострила основное противоречие между боливийским народом, с одной стороны, и американским империализмом и его агентурой в Боливии — с другой. Эта политика неоднократно ставила на грань катастрофы все государственные предприятия с целью превратить их затем в частные предприятия путем вложения капитала американских монополий, при помощи концессий, создания смешанных компаний или аренды. Все эти методы, уже использованные на практике по отношению к месторождениям нефти, национализированным в 1936 году, предусмотрены законом о национализации рудников и предварительными проектами Горного кодекса. Целью этой политики является прежде всего довести до краха государственные предприятия и создать ложное представление о «неспособности» государства управлять экономикой, а также утвердить капиталистический принцип частного предпринимательства, частных капиталовложений, привлечения частных капиталов и т. д., чтобы заставить народ смириться с «неизбежной» денационализацией. Эта капитулянтская и предательская политика, ведущая к краху национализированные рудники, составляющие основу боливийской экономики, ЯПФБ, Горнопромышленный банк, Сельскохозяйственный банк, железные дороги и т. д., обуславливает также упадок частного сектора экономики — как средней и мелкой горнодобывающей промышленности, так и зарождающейся обрабатывающей промышленности, жилищного строительства, транспорта и в значительной степени сельского хозяйства. Эта политика, передающая руководство экономикой и государственными финансами американским «экспертам», специалистам Международного валютного фонда, цель которых состоит в том, чтобы сохранить и укрепить господство американского империализма, ведет к более быстрому истощению государственной казны и к непре-

рывному ухудшению условий жизни боливийского народа. Постоянное повышение стоимости жизни, замороженная заработная плата, непрерывно растущая безработица, неуверенность в обеспеченности работой и в конечном счете голод и нищета — таковы неизбежные результаты этой вначале непоследовательной, а затем капитулянтской, предательской и соглашательской политики, отказывающейся от демократических завоеваний и выбрасывающей за борт знамена апрельского народного восстания.

Такова причина того, что новые слои народа вступают в борьбу за сохранение своих завоеваний. Но в этом заключается также причина сумятицы и раскола в рабочем и крестьянском движении, ограничения демократических и профсоюзных свобод и прав путем частого введения осадного положения. Этим объясняются попытки совершить государственный переворот, предпринимаемые кругами, свергнутыми во время апрельского народного восстания. Этим объясняется превращение значительной части рабочей и крестьянской милиции в наемную организацию. Эта политика вдохновляет сторонников «антикоммунизма», прежде всего в реакционных кругах правительства и правящей партии. Правительство дает карт-бланш франкистским и другим иностранным империалистическим религиозным миссиям, использующим церковную кафедру как политическую трибуну для извращения религиозного чувства боливийцев и ведения антикоммунистической пропаганды в союзе с так называемой службой «экономической и технической помощи» США. Условия, создавшиеся в результате проведения политики колебаний и компромиссов, в свою очередь обостряют классовые противоречия в стране и внутренние противоречия в правительственной партии, неоднородной по своему составу, «многоклассовой», как говорил ее лидер Виктор Пас Эстенсоро.

Партия НРД раскололась. Крыло, возглавляемое Вальтером Гевара Арсе, откровенно и открыто встало на проимпериалистические позиции торговой компрадорской и бюрократической буржуазии, игравшей решающую роль в правительстве Эрнана Силеса Суасо, вышло из правительственной партии и образовало партию «Подлинное националистическое революционное

движение» (ПНРД). Во время избирательной кампании по выборам президента на период 1960—1964 годов и по частичным выборам органов законодательной власти обострилась борьба между этими фракциями, оспаривающими государственную власть. Борьба между ними обострилась настолько, что возникла угроза нового государственного переворота. В то же время она радикализовала некоторые слои масс, намерение которых прибегнуть к насилию привело к созданию атмосферы страха и недоверия.

Возникшее в стране положение, все более обостряемое диктаторскими распоряжениями американских «советников» в Национальном совете стабилизации, систематически отвергающем все требования об улучшении экономического положения трудящихся, явилось причиной забастовок различных групп трудящихся. Подавление этих забастовок согласно директивам Международного валютного фонда, с которым президент республики консультируется по проблемам, касающимся только страны и боливийского народа, обострило социальные конфликты и вызвало забастовки солидарности трудящихся, входящих в Боливийский рабочий центр.

В долинах Кочабамбы и в северной части Потоси столкновения крестьян, разделившихся на группы, соответствующие фракциям правительственной партии, приобрели характер гражданской войны, поставившей под угрозу безопасность Кочабамбы — второго по значению города страны. Единственной целью этих столкновений, организованных самим правительством, было покончить с крестьянским движением, разоружить крестьян и подчинить их интересам американских империалистических монополий, которым нужен внутренний рынок Боливии для сбыта излишков сельскохозяйственной продукции. С другой стороны, нефтяным и другим монополиям, проникающим в восточные районы Боливии, нужна дешевая рабочая сила индейцев, обманутых «аграрной реформой», которая не была проведена даже в рамках принятого закона. Для этого правительство объявило восточные районы военными зонами. В ходе избирательной кампании и во время выборов создавались бесчисленные препятствия и трудности для проезда в Кочабамбу. Поскольку речь шла о военных зонах, национальный политический комитет НРД приказал наемной

крестьянской милиции, оплачиваемой министерством внутренних дел, производить обыск и принимать другие оскорбительные меры по отношению к лицам, направляющимся в Кочабамбу. С другой стороны, под предлогом крестьянских столкновений и другим не менее смехотворным предлогом «гарантии свободных выборов» правительство передало политическую власть в ряде департаментов высшим офицерам. Скрытая цель этих мер, хорошо понятая, однако, народом, состояла в том, чтобы обеспечить победу на выборах официальной партии, которая начала свою предвыборную кампанию еще до отмены осадного положения, когда деятельность других партий была ограничена. В «военных зонах» была полностью запрещена пропаганда и политическая деятельность остальных партий, особенно коммунистической партии. Только крыло НРД, само себя назвавшее «левым», и «подлинное» крыло НРД имели возможность начать предвыборную кампанию задолго до выборов.

Несмотря на раскол официальной партии и отделение «подлинных» в результате неоднородного состава НРД и создавшихся политических условий, в этой партии стали проявляться новые противоречия между группировками, возглавляемыми Пас Эстенсоро и Хуаном Лечином. В результате создалось положение, когда стало возможным проводить работу, направленную на достижение взаимопонимания, с целью принятия программы демократического и антиимпериалистического единства, выдвинутой Коммунистической партией Боливии.

В этой напряженной предвыборной обстановке угроз, неуверенности и недоверия не только в отношении демократического характера выборов, но и методов их проведения партия «Подлинное националистическое революционное движение» (ПНРД) попыталась объединить наиболее реакционные слои правительственной партии под знаменем «антикоммунизма». Она старалась представить себя госдепартаменту надежным орудием американского империализма и возложила ответственность за критическое положение национализированных рудников на руководителей БРЦ и, в частности, на ее исполнительного секретаря Хуана Лечина, на руководителей профсоюзов горняков из Сигло Вейнти, Катави и других районов и на рабочий контроль. По этим причинам

традиционные партии, свергнутые 9 апреля 1952 года, решили, что в лице ПНРД они нашли своего знаменосца.

Ввиду участия ПНРД в политической борьбе, характерной чертой которой являлась эпидемия взаимных обвинений, охватившая обе фракции правящей партии, Боливийская социалистическая фаланга, возглавлявшая в течение восьми лет после апрельского народного восстания 1952 года силы реакции, отстраненные от власти в результате этого восстания, и проводившая политику решительной оппозиции с целью восстановить правительство «феодалной горнорудной олигархии» при помощи кровавых авантюристических попыток государственного переворота, подавлявшихся рабочими и крестьянскими массами, была вынуждена перейти к новой тактике. После поражения своей тактики государственных переворотов, тактики, отвергнутой рабочими и крестьянскими массами, тактики, которая в значительной степени способствовала раскольнической и демагогической деятельности правительства, Боливийская социалистическая фаланга (БСФ) попыталась создать движение «национального единства». Это изменение тактики БСФ было направлено на то, чтобы показать американскому империализму, который явно отказал в поддержке БСФ в пользу ПНРД, новый смысл ее оппозиции НРД. Поэтому ее усилия были направлены на создание все более широкой антиимпериалистической и патриотической социальной основы и на нейтрализацию растущего влияния ПНРД на массы мелкой буржуазии. Поэтому язык БСФ изменился. Теперь она заговорила о намерении «защищать национальные богатства, суверенитет и достоинство Боливии от империалистических хищников». БСФ заявила, что американские монополии виновны в положении страны, и обвинила НРД в «отчуждении» нации.

Хотя рабочий класс и крестьяне не поверили в «антиимпериализм» БСФ, очевидно, что поворот, сделанный ее новым руководством, свидетельствовал о возникновении внутренних противоречий в этой партии.

Социал-христианская партия (СХП), находящаяся на промежуточных и неустойчивых позициях между фашизмом и социал-христианством, всю свою деятельность сосредоточила на критике положения о выборах.

Ее отношение к выборам определялось результатами этой критики. Поскольку начатая ею кампания за изменение положения о выборах провалилась из-за ее изоляции, СХП своей политикой оказывала косвенную поддержку позициям БСФ и ПНРД.

Левая революционная партия (ЛРП) социал-демократической направленности, имевшая влияние в некоторых университетских кругах, но лишенная рабочей и крестьянской основы, характеризовалась политической бездеятельностью в национальном масштабе, хотя в определенных районах она поддерживала «геваризм» (ПНРД). Крайне антикоммунистическая Народная революционная партия, весь контингент которой ограничивался ее руководством в городе Ла-Пас, сошла с политической арены, так как большинство ее членов вступили в НРД.

Предвыборная борьба, принявшая характер насильственных столкновений между НРД и ПНРД, усилила смятение, опасения и сомнения относительно проведения выборов в связи с постоянной опасностью государственного переворота и безразличием народа, который после двух предыдущих выборов, проводившихся правительством НРД, уже не верит в их демократический характер. Авантюристическая попытка совершить государственный переворот 19 марта 1960 года показала истинный характер ПНРД, которая с целью воспрепятствовать проведению выборов использовала в вооруженной борьбе некоторых высших офицеров корпуса карабинеров. Эта авантюра усилила предвыборное политическое напряжение и привела к возникновению атмосферы запугивания и террора, в которой и развернулась предвыборная борьба.

В этой обстановке коммунистическая партия выдвинула в качестве задач предвыборной кампании борьбу за обеспечение проведения выборов путем мобилизации масс с целью исключить возможность государственного переворота и борьбу за изменение положения о выборах, которое, хотя и признает всеобщее голосование, является в то же время тщательно продуманным юридическим средством обеспечить победу на выборах официальной партии. Коммунистическая партия поставила перед собой задачу добиться путем борьбы, чтобы народные массы приняли программу, отражающую неза-

висимые взгляды рабочего класса; заложить основы единого фронта, который, используя давление масс, заставил бы новое правительство проводить демократическую и национальную политику. Наконец, коммунистическая партия поставила вопрос о необходимости демократизации парламента. В то же время коммунистическая партия указывала на необходимость создания патриотического правительства широкой демократической коалиции, которое проводило бы независимую государственную политику, политику защиты национализированных рудников и ЯПФБ и улучшения условий жизни и труда различных групп трудящихся; правительства широкой демократической коалиции, которое разрешило бы серьезную проблему безработицы и быстро и эффективно провело бы аграрную реформу, защищало и развивало обрабатывающую промышленность, разрешило местные проблемы путем проведения общественных работ — обеспечило население питьевой водой и электрическим светом, строило школы, развивало общественное здравоохранение и т. д.; правительства широкой демократической коалиции, которое уважало бы, наконец, демократические и профсоюзные свободы и права и расширило бы международные связи Боливии, установив дипломатические и торговые отношения с Советским Союзом и остальными странами социалистического лагеря.

Своевременное разоблачение коммунистической партией всех попыток совершить государственный переворот и ее готовность действовать в тех случаях, когда эти попытки начинали превращаться в действительность, как это произошло 19 марта 1960 года, явились поистине важными факторами, помешавшими реакции, по меньшей мере на время, осуществить государственный переворот и открывшими путь к демократическому решению национальных проблем. Тем не менее затягивание выборов помешало развернуть деятельность, которая позволила бы провести широкую мобилизацию масс с целью обеспечить проведение действительно демократических выборов.

Как уже говорилось, положение о выборах извращало демократическую сущность всеобщего голосования. Например, система полного списка препятствовала созданию коалиций или фронтов, объединяющих различ-

ные политические силы или группировки, и не давала избирателю возможности составить свой список кандидатов из представителей различных партий. Система избирательных округов по департаментам, а не по провинциям сводила на нет значение результатов голосования рабочих и других граждан, проживавших в столицах департаментов, ввиду того что подавляющее большинство составляли крестьяне и главным образом ввиду полного отсутствия гарантий правильности контроля, осуществлявшегося в деревне властями и «коммандо» правящей партии. Наемная крестьянская милиция заставляла крестьян голосовать под угрозой расправы. Крестьянам навязывали все пороки либеральной демократии: их заставляли голосовать по два и три раза, заносить в списки избирателей несовершеннолетних и умерших и т. д. и т. д.

Эти и другие ограничения и запреты, касающиеся всеобщего избирательного права, превратили положение о выборах в орудие установления однопартийной диктатуры. Поэтому все партии, кроме НРД и ПНРД, были заинтересованы в изменении избирательного закона. Коммунистическая партия предложила действовать совместно в этом направлении. В результате удалось вновь поставить вопросы, выдвигавшиеся в 1956 и 1958 годах и затрагивавшие самые неотложные и актуальные требования. Это было сделано в документе, направленном президенту республики и подписанном СХП, ПУРС, ЛРП, либеральной партией, «христианско-демократическим сообществом» и коммунистической партией. В этом документе говорилось об единодушном признании всеобщего избирательного права. В ответ президент принял обязательство поставить перед законодательной властью вопрос о принятии в качестве поправки к избирательному закону некоторых пунктов этого документа.

Со своей стороны студенты университетов через Боливийскую университетскую конфедерацию (КУБ) и Местные университетские федерации (ФУЛ) создали политический форум для обсуждения темы «Положение о выборах и политические партии». В обсуждении приняли участие различные партии, в том числе ПНРД.

Необходимо особо остановиться на деятельности коммунистической партии, которая представила на рассмотрение политических партий, профсоюзных и мас-

совых организаций свою программу ближайших требований, стремясь прийти к соглашению хотя бы по одному из ее пунктов. Но лишь борьба рабочего класса и деятельность некоторых демократических сил сделали возможным достижение взаимопонимания и создали благоприятную обстановку в Боливийском рабочем центре, который на расширенном заседании одобрил свою собственную избирательную программу. На этом заседании исполнительный секретарь БРЦ Хуан Лечин обязался, как кандидат от НРД на пост вице-президента, выполнить эту программу в случае его избрания. Коммунистическая партия, поддержав программу БРЦ, аналогичную ее программе ближайших требований и учитывая обязательство, принятое исполнительным секретарем, внесла в свои списки кандидатов на пост президента и вице-президента Виктора Пас Эстенсоро и Хуана Лечина. ПНРД выдвинула кандидатом на пост президента своего лидера Вальтера Гевара Арсе, а БСФ — своего лидера Марио Гутьерреса.

Несмотря на высокий процент избирателей, не принявших участия в голосовании, и поражение НРД в городах, только НРД получила больше голосов, чем на предыдущих выборах 1956 года, тогда как остальные партии получили меньше голосов, чем в 1956 году. БСФ потеряла около 40 процентов голосов, РРП — примерно 50 процентов, а КПБ — около 9 процентов. Это объясняется, в частности, следующим: отказом изменить положение о выборах, препятствовавшее осуществлению демократических свобод и участию партийного меньшинства в парламенте; строгим правительственным контролем над крестьянством, многочисленность которого определила исход выборов. Немаловажную роль сыграла также, по крайней мере в отношении КПБ, наглая пропаганда иностранного духовенства, особенно франкистского и американского, которое не только вытеснило национальное духовенство из церквей, но и вело открытую политическую деятельность как идеологический авангард американского империализма и крестовской реакции.

Эта деятельность являлась открытым вмешательством иностранных священников во внутренние дела страны при благожелательном отношении и моральной и материальной поддержке правительства.

С другой стороны, выборы происходили в обстановке смятения и разногласий. Массы были вовлечены в борьбу между двумя фракциями НРД, то есть между НРД и ПНРД, от исхода которой зависело решение важных проблем, касающихся положения страны и народа. Этим объясняются имевшие место насилие, убийства, боязнь государственного переворота и потеря веры в выборы, а также иллюзии, которые все еще питают широкие массы в отношении Пас Эстенсоро и Хуана Лечина, жульничество с приписками в списках избирателей, создание не существующих в действительности избирательных округов, многократное голосование крестьян, ограничения, конфискации избирательных бюллетеней, контроль над голосованием и т. д. Все это затруднило деятельность остальных партий. Наконец, демонстративный отказ от голосования в городах и других важных центрах был следствием антидемократического характера выборов.

Придя к власти, новый президент разъяснил свой план следующим образом: «Националистическое революционное движение», находясь у власти, точно выполнило обещанную программу. Сейчас богатства Боливии принадлежат боливийцам и путь к прогрессу открыт. В немногих странах рабочие имеют такие гарантии и права. Крестьяне свободны и являются хозяевами земли, которую обрабатывают. Для представителей мелкой буржуазии открылись новые возможности... Конечная цель национальной революции — экономическая независимость... Среди мероприятий революционного режима наиболее глубоким и выдающимся является аграрная реформа... в результате которой крестьянин стал хозяином обрабатываемой им земли... Аграрная реформа дала ему свободу и достоинство... Национализация рудников преследовала осуществление двух целей... Во-первых, приостановить невосполнимую утечку наших природных богатств. Во-вторых, уничтожить господство крупных компаний в экономической, политической и культурной жизни страны. Первая цель была достигнута наполовину, вторая — полностью. Нехватка свободного капитала, снижение содержания металлов в руде, ошибки в управлении и техническом руководстве и низкая трудовая дисциплина явились определяющими факторами сокращения производства и повыше-

ния издержек производства, что поставило основную отрасль промышленности на грань катастрофы. Несмотря на все это, в настоящее время Боливия управляет своей экономикой в соответствии с высшими интересами нации, а не подчиняясь, как раньше, диктату «оловянных баронов»... В дебет революции следует занести важную статью — деятельность ЯПФБ, являющуюся хорошим примером того, что государство в состоянии распоряжаться своим достоянием... Исходя из реалистической оценки положения и учитывая предполагаемые размеры запасов нефти при отсутствии значительных капиталов, которые требуются для их эксплуатации, революционный режим принял Нефтяной кодекс, регулирующий частные капиталовложения в этой отрасли... Таким образом, дело революции состояло в осуществлении необратимого структурного преобразования — прыжка в настоящее страны, забытой временем... основная цель моего правительства состоит в увеличении национального богатства для увеличения доли каждого человека в стране.

В настоящее время мы располагаем небольшим годовым национальным доходом, но страна обладает огромными потенциальными ресурсами. Сопоставление этих двух фактов свидетельствует о необходимости развивать нашу экономику. Рудники, нефть, земледелие, животноводство и фабричная промышленность — вот сферы, где мы должны прилагать все наши усилия. Таким образом, развитие горнодобывающей промышленности должно дополняться развитием различных отраслей экономики.

Можно указать имеющую общее значение форму проведения политики развития и создания разносторонней экономики. Постоянный дефицит нашего платежного баланса является если не основной, то одной из причин экономической лихорадки в нашей стране. Следовательно, чтобы уничтожить ее, необходимо увеличить поступления иностранной валюты путем расширения экспорта или производства в стране некоторых импортируемых в настоящее время товаров...

Средства, которые можно взять из текущего бюджета для претворения в жизнь этого плана, весьма незначительны. В то же время для приобретения машин и материалов требуются запасы иностранной валюты.

Эти две причины вынуждают искать необходимые капиталы вне страны.

Уже действующий Нефтяной кодекс, законопроект о капиталовложениях, подлежащий вашему рассмотрению, уважаемые члены конгресса, а также другой закон, который должен быть составлен и одобрен, предусматривающий увеличение капиталовложений в частную горнодобывающую промышленность,— все это основные меры, необходимые для получения срочно требующихся капиталов.

...Имеются проекты... являющиеся предпосылками для частных капиталовложений. Эти проекты может осуществить только государство. Необходимо обеспечить финансирование таких работ. Аналогично следует поступить и с находящейся в руках государства горнорудной и нефтяной промышленностью».

В отношении «международной помощи» президент заявил, что, «если бы она оказывалась в больших размерах, она дала бы более непосредственные и полезные результаты, решительным образом содействуя уменьшению нашей зависимости от нее...»

Относительно планов колонизации президент сказал: «Мы переместим лишнее население с плоскогорья и центральных долин на низменности севера и востока, которым принадлежит будущее... аграрная реформа вступит во вторую фазу. Прежде всего необходимо ускорить юридическое оформление нового права собственности, завершив происходящие в настоящее время процессы отчуждения земель. Затем необходимо применять в сельском хозяйстве новые методы...» Относительно образования президент заявил: «Необходимо увеличить количество школ...» Об армии президент сказал, что она будет оснащена «современной техникой». Президент сказал также, что «на первом месте в нашей повестке дня» стоит вопрос о «приспособлении судебно-правового аппарата, регулирующего отношения между боливийцами, к новому революционному праву... Революционное государство обеспечит соблюдение закона всеми имеющимися в его распоряжении средствами, поскольку это основной долг любого государства. Мое правительство,— сказал президент,— в своей политической деятельности будет придерживаться революционной законности. Поэтому оно имеет право требовать

того же от оппозиции. Однако правовая система не может быть устойчивой, если не будет поддерживаться общественный порядок, а поддерживать его — наипервейшая обязанность государства. Следовательно, любая попытка изменить силой конституционный строй будет подавляться без малейших колебаний».

Что касается внешней политики, то президент заявил, что он будет проводить политику «дружбы со всеми народами мира», уделив особое внимание отношениям с соседними странами, и добавил: «Большое значение имеют сердечные отношения и доброе взаимопонимание с Соединенными Штатами Америки, и многое может быть сделано в области сотрудничества между двумя странами».

Примечательно, что в выступлении В. Пас Эстенсоро, ставшего президентом Боливии во второй раз, можно заметить два аспекта. С одной стороны, в своей речи он оценивает восемь лет правления НРД начиная с 1952 года (первые четыре года президентом был Пас Эстенсоро, а последующие четыре года — Силес Суасо, являющиеся соответственно руководителем и заместителем лидера НРД). Другой аспект связан с программой правительства, возглавляемого Пас Эстенсоро. Что нового во всем этом? Думает ли НРД выполнить свое торжественное обязательство направить развитие страны по пути национальной независимости, данное в «Акте об экономической независимости Боливии» 31 октября 1952 года на поле Марии Барсола?

Прежде всего, утверждения президента Пас Эстенсоро, касающиеся первого аспекта его речи, не соответствуют действительности, фактам и положению страны. Действительность полностью опровергает утверждения главы государства. Как можно так категорически и безапелляционно, без тени смущения утверждать, что «сейчас богатства Боливии принадлежат боливийцам», в то время как вся страна заложена американскому империализму? Ведь хорошо известно, что, хотя Боливия национализировала крупную горнодобывающую промышленность и правительство осуществляет управление основной отраслью национальной экономики, главным источником поступления иностранной валюты, отраслью, состояние которой определяет пульс всей жизни страны, оно не является полноправным

хозяином этой отрасли экономики. Кто устанавливает цены на минеральное сырье Боливии? Кто регулирует тем самым производство в основной отрасли боливийской экономики? Может быть, независимое боливийское государство, действующее по своему усмотрению, как истинный хозяин своих богатств? Нельзя закрывать глаза на действительное положение вещей, на факты, западающие в души, ограниченные корыстью, эгоизмом, предрассудками, классовыми интересами.

К сожалению, субъективизм ведет к подобным заблуждениям. Поэтому положение национализированных рудников, находящихся «на грани катастрофы», объясняется «нехваткой свободного капитала», «снижением содержания металла в руде», «ошибками в управлении и техническом руководстве» и «низкой трудовой дисциплиной», являющимся следствием, а не причиной «сокращения производства и повышения издержек производства». Поэтому сквозь призму классового сознания видны только классовые интересы,— интересы, связанные с американским империализмом, с капиталистическими монополиями, которые обеспечивают получение прибылей торговой, компрадорской, бюрократической буржуазии, делящей власть с колеблющейся и нерешительной промышленной буржуазией. Поэтому национальные богатства рассматриваются с точки зрения получения этих прибылей, а не с точки зрения прогресса, экономического и культурного развития страны, повышения благосостояния народа, который трудится, страдает, борется и мечтает стать хозяином своей родины, определяющей свои судьбы, родины независимой и суверенной.

Разве недостаточно сделанного анализа положения национализированных рудников, нефти, аграрной реформы и т. д., чтобы понять, что утверждения президента республики не соответствуют действительности? Разве не была денационализирована нефть, с тем чтобы отдать ее американским и английским нефтяным трестам, несмотря на жестокий урок войны в Чако и «хороший пример» ЯПФБ, свидетельствующий о том что «государство в состоянии распоряжаться своим достоянием»? Разве сам президент республики не «получает субсидий» от американского империализма в виде «помощи» национальному бюджету по 4-му пункту?

Утверждать, что «в немногих странах рабочие имеют такие гарантии и права», когда нищета причиняет невыразимые страдания рабочим семьям, когда бич безработицы свистит над домами трудящихся, когда неуверенность в обеспечении работой, как призрак, не покидает скромные домашние очаги трудящихся, разрушая их семьи,— это значит насмехаться над болью, голодом и нищетой народа, достойного лучшей жизни.

Заявлять, что «среди мероприятий революционного режима наиболее глубоким и выдающимся является аграрная реформа»,— значит утверждать неправду, продолжать демагогию, которая когда-то позволила увлечь массы на путь авантюры, значит считать, что крестьяне Боливии, в своем большинстве неграмотные, ни на йоту не продвинулись в политическом развитии. Как можно утверждать, что аграрная реформа в Боливии была «глубокой и выдающейся», если, по официальным данным, за восемь лет получило землю в результате распределения лишь 7,7 процента сельского населения? Практически речь идет не о распределении земли, а просто о закреплении надела (*пегухаль* или *сайанья*), которым раньше пользовался колон. Поэтому, например, около 70 процентов латифундий в департаменте Ла-Пас, по данным самих крестьян, были объявлены капиталистическими или средними хозяйствами, с тем чтобы сохранить их в руках латифундистов. Вот почему говорят, имея в виду долины Кочабамбы, районы, прилегающие к озеру Титикака, и другие, что проблема минифундий— это одна из самых серьезных проблем, которые должна разрешить аграрная реформа. Поэтому и говорят об «избыточном» населении на Альтиплано и в центральных долинах и предлагают продолжать разработанную американским империализмом политику «колонизации», используя «избыточное» население. Это просто парадоксально. Боливия— страна малозаселенная, средняя плотность населения составляет 3,2 человека на 1 кв. км. И тем не менее ведутся разговоры об «избыточном» населении и его перемещении «на низменности севера и востока, которым принадлежит будущее...» На деле же речь идет о том, чтобы не проводить глубокую аграрную реформу, не разрешать жизненно важные проблемы основной массы крестьян.

Хотя крепостной труд и был в определенной степени уничтожен с передачей надела в собственность, неправильно говорить, что крестьянин получил «свободу и достоинство». Крестьяне не имеют ни орудий труда, ни машин, ни средств для приобретения семян и удобрений; отсутствуют оросительные системы, крестьянам неоткуда получить техническую помощь и кредиты (в лучшем случае они могут получить так называемый «пересмотренный кредит» по 4-му пункту, от которого они задыхаются); их разоряет конкуренция импортных сельскохозяйственных продуктов — пшеницы, кукурузы, фруктов и даже помидоров; их разорению способствует постоянный рост цен на промышленные товары. В результате всего этого обнищание крестьян в настоящее время усилилось. Как никогда, многочисленные группы крестьян направляются в тщетных поисках работы в город, где их ждет нищета. Эмиграция из долин Кочабамбы и Тарихи в Аргентину на сбор урожая сахарного тростника приобретает угрожающие размеры. Бедность и нищета не приносят людям ни достоинства, ни тем более свободы! Поэтому в деревне начинает расти недовольство, поэтому правительство проводит политику провокаций и раскола, сталкивая одних крестьян с другими в вооруженной борьбе, стремясь подавить крестьянское движение, разоружить крестьян и не допустить осуществления их требований земли и подлинного освобождения.

Что касается всего остального, то мы уже видели, что чахлая перерабатывающая промышленность, которая не может развиваться, до тех пор пока не будет проведена настоящая аграрная реформа, значительно сократила производство, а не увеличила его. Железные дороги разорены. Все производство в стране в целом находится в критическом положении из-за капитулянтской политики правительства. Дискриминационное, классовое образование существует, как и раньше. Для образования не созданы материальные условия, ему не хватает национальной, демократической и научной ориентации. Более 80 процентов школьников не поступает в университет. Школа не подготавливает их к жизни.

Итак, в Боливии не произошло «необратимого структурного преобразования — прыжка в настоящее страны, забытой временем...» Боливия остается отсталой, аграр-

ной и зависимой страной. Проведение нескольких простых реформ не дает права говорить о «национальной революции». На самом деле случилось так, что возможности, открывшиеся в результате апрельского народного восстания, контролируются американским империализмом, который «приветствует», «поддерживает боливийскую революцию» и «помогает» ей. С каких это пор в такой слаборазвитой и зависимой стране, как Боливия, национальная революция, чтобы освободить ее от империализма и от феодальных оков, сдерживающих ее развитие, может осуществляться при «поддержке» и «помощи» этого империализма?

Замена горнопромышленных концернов и латифундистов у власти бюрократической буржуазией, также связанной с империализмом; замена традиционных партий, представляющих эти концерны и латифундистов, НРД, представляющей торговую компрадорскую и бюрократическую буржуазию и слабую и колеблющуюся прогрессивную буржуазию (промышленников, владельцев средних и мелких рудников, животноводов), свидетельствует лишь о простых поверхностных изменениях, не означающих революции.

Рабочий класс, крестьяне и прогрессивные представители мелкой буржуазии, вовлеченные в схватку между различными слоями буржуазии, представляемой НРД, за восемь лет ее правления приобрели ценный опыт. Поэтому внутренние противоречия этой партии обостряются, открывая тем самым новые перспективы для революции.

Существующее правительство — это всего лишь логическое продолжение предыдущего, и никакого значения не имеет его во всеуслышание объявленное намерение «развивать» горнодобывающую, нефтяную и обрабатывающую промышленность, земледелие, животноводство и т. д., если это «развитие» будет зависеть от той же самой «американской помощи» и от вложений монополистического капитала США, гарантированных законом о капиталовложениях, который, так же как и Нефтяной кодекс, принятый «революционным режимом», будет «регулировать частные капиталовложения» в горнодобывающую промышленность, сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность и т. д. Подобное «развитие» приведет к углублению классовых противоре-

чий, поскольку обострится основное противоречие между боливийским народом и империализмом. Подобное «развитие» национализированных рудников под руководством Международного валютного фонда предусматривает увольнение 5006 рабочих, помимо тех, кого уже выбросила на улицу КОМИБОЛ. Подобное «развитие» означает создание смешанных компаний с участием монополистического капитала США или аренду ряда национализированных рудников американскими капиталистами. Разве это не похоже на денационализацию?

Что касается нефти, то Нефтяной кодекс будет применяться еще шире.

Уже усилилась эксплуатация фабричных рабочих. Сокращение рабочих дает предпринимателям возможность широко применять систему сдельного найма — субконтрактацию и другие формы, усиливающие эксплуатацию рабочего класса без увеличения заработной платы или улучшения техники безопасности и производственной санитарии. Но промышленность не будет развиваться, пока продолжает действовать план стабилизации, свободного обмена, ибо плохое техническое состояние обрабатывающей промышленности, ее зависимость от импортного сырья и т. д. ставят ее в невыгодное положение в жестокой конкурентной борьбе с иностранными товарами.

И это не пустые слова. Правительство НРД считает, что оно осуществило и завершило революцию. Сейчас ставится задача «укрепить» ее, то есть укрепить несуществующую революцию. В качестве непосредственной задачи выдвигается соблюдение «революционной законности».

С этой целью наряду с другими мероприятиями меняется состав и организация армии. Старые кадры армии, разбитой во время апрельского восстания 1952 года, снова возвращаются на свои посты. Происходит замена служащих в государственном аппарате. Продолжаются вооруженные столкновения между группировками крестьян долины. Можно сказать, что происходит наладка старого государственного аппарата.

Со своей стороны рабочий класс ведет упорную борьбу против увольнений «лишних» рабочих на национализированных рудниках, фабриках и заводах, железных дорогах и т. д., против массовой безработицы,

угрожающей рабочим всех отраслей промышленности. Трудящиеся ждут III Национального съезда БРЦ, который должен состояться в мае будущего года. Местные съезды крестьян в районе Ла-Паса показали, что крестьяне начинают понимать стоящие перед ними проблемы, и прежде всего проблему аграрной реформы, а это, несомненно, откроет путь к единству, правильной организации и ориентации широких крестьянских масс в деле решения наиболее общих национальных проблем. Вооруженная борьба между крестьянами Кочабамбы обостряет внутренние противоречия в правительственной партии. Служащие, которым угрожают увольнением в связи с заменой их людьми, преданными правительственной фракции, возглавляемой президентом, решительно борются за свои должности. Трудящиеся и широкие слои мелкой буржуазии не скрывают своего недовольства ростом стоимости жизни, ужасающей нехваткой жилья, беспросветной бедностью и нищетой, прочно поселившейся в домах простых людей, трудящихся, служащих, учителей и т. д.

Трудящиеся поражены новым обманом крестьян и всей страны в отношении аграрной реформы, извращенной в своей демократической и антифеодальной сущности. Сейчас, в век машин и тракторов, в эпоху, когда наука и техника открывают человеку пути к завоеванию космоса, аграрную реформу в Боливии хотят «укрепить» при помощи железных плугов.

Трудящиеся не перестают удивляться политике правительства, которое, «таская каштаны из огня» для компании «Боливиан рейлуэй» при помощи финансовой комиссии (созданной администрацией железных дорог сети «Шпейер», когда они начали приносить убытки компании «Боливиан рейлуэй»), стало поддерживать махинации этой монополии, основная цель которой состоит сейчас в том, чтобы потребовать крупного возмещения за старые, изношенные и отсталые железные дороги и заставить народ, и так уже живущий в бедности и нищете, взвалить на себя эту новую и тяжелую ношу ради интересов монополии, обогатившейся в результате полувековой эксплуатации страны.

Трудящиеся не скрывают своего возмущения политикой компромиссов, проводимой правительством, министр иностранных дел которого принял участие в ма-

неврах американского империализма на конференции в Сан-Хосе* (Коста-Рика), организованной и подготовленной для подавления Кубинской революции, истинной антиимпериалистической и антифеодальной революции Латинской Америки, ведущей великий народ Марти по пути независимости, по пути свободы.

В связи с законными мерами, принятыми правительством и народом Кубы во исполнение суверенного права народов на самоопределение, правительство международных капиталистических монополий США намерено повторить эпопею Гватемалы 1954 года, в которой участвовало правительство «боливийской национальной революции» в лице тогдашнего министра иностранных дел республики Вальтера Гевара Арсе. Правительство Кубы проводит независимую государственную политику и принимает меры эффективной защиты национальной экономики путем национализации основных предприятий, находившихся в руках американских монополий, путем проведения подлинной аграрной реформы, индустриализации, обеспечивающей независимое развитие экономики Кубы, строительства жилищ, школ и т. д., путем, наконец, подлинной антиимпериалистической и антифеодальной революции. В этих условиях правительство США под давлением монополий пытается изолировать Кубу, не дать ей освободиться от опеки, навязанной американским правительством. Государственный департамент, проводящий империалистическую политику американских монополий, заправляющих в международных концернах, манипулирует правительствами, послушно следующим его указаниям, стремясь не допустить освобождения Кубы от гнета американского империализма, поработившего все народы Латинской Америки.

Достоинство, с которым народ и правительство Кубы осуществляют свой национальный суверенитет, неудержимое движение вперед кубинского народа, единого в борьбе за свою свободу и независимость,— народа,

* В августе 1960 года в Сан-Хосе состоялось совещание министров иностранных дел ОАГ, на котором США всеми средствами политического и экономического нажима добивались осуждения Кубинской революции странами континента и принятия репрессивных мер против революционной Кубы.— *Прим. ред.*

сбросившего цепи угнетения и обретшего веру в неодолимую силу, рожденную его антиимпериалистическим и антифеодальным единством, народа, разбившего все геополитические теории, выдвинутые империализмом для сохранения своего господства над латиноамериканскими странами,—заставили государственный департамент пересмотреть межамериканские соглашения о «безопасности и взаимной континентальной обороне», навязанные правительствам Латинской Америки в соответствии с отжившей свой век доктриной Монро. Поэтому государственный департамент в срочном порядке призвал Организацию американских государств, основанную на той же самой доктрине, «применить санкции» против кубинского народа за то, что он «осмелился» избрать путь свободы и независимости и не захотел оставаться под господством американских монополий.

Вот почему правительство США не только осуществляет экономическую агрессию и всевозможные провокации против кубинского народа, но и намерено при пособничестве послушных ему латиноамериканских правительств предпринять вооруженную агрессию против Республики Куба.

Империалисты доходят до того, что выдвигают смехотворные утверждения об «агрессии» со стороны Кубы. Установление Кубой отношений с СССР и другими странами социалистического лагеря и решение правительства Советского Союза защитить независимость Кубы от угрозы вооруженной интервенции США побудили американские правящие круги объявить о предполагаемом внеконтинентальном вмешательстве, которое «грозит» разрушить «единство» американских государств. Однако все народы, все демократически и прогрессивно настроенные мужчины и женщины, патриоты Латинской Америки знают, что во все области жизни латиноамериканских народов вмешиваются только США, только американские империалистические монополии, американская армия, американский государственный департамент. Им-то как раз менее всего пристало говорить о внеконтинентальном или внутриконтинентальном вмешательстве, поскольку история США — это история вооруженного, экономического, политического и иного вмешательства в дела стран американского континента.

На вопрос гаванского журнала «Верде Оливо» (№ 15 от 26 июня 1960 года) «будет ли боливийское правительство готово помочь народу Кубы и революционному правительству» в случае вооруженной агрессии, президент Боливии В. Пас Эстенсоро ответил: «Мы считали бы, что вмешательство любого вида... затрагивает все страны Латинской Америки. Президент не располагает полномочиями для принятия решений подобного рода. Мы придерживаемся нашего конституционного устройства».

Как видим, ответ на этот вопрос в условиях, когда Кубе грозит вооруженная агрессия, ясно показывает характер политики компромиссов правительства НРД. Это доказывается тем, что министр иностранных дел Боливии Эдуардо Арсе Кирога подписал декларацию, принятую в Сан-Хосе, осуждающую свободу и независимость Кубы. Но совещание в Коста-Рике имело и положительную сторону: оно обнажило острое противоречие между правительствами, представляющими буржуазию, и трудящимися массами. Поэтому, пока латиноамериканские правительства в большей или меньшей степени следуют указкам государственного департамента, трудящиеся демонстрируют свою солидарность с Кубинской революцией, потому что видят в ней маяк, указывающий их странам путь к национальной независимости.

Пока латиноамериканские правительства принимают «американскую помощь», чрезвычайно напоминающую подкуп или чаевые за «хорошее поведение» на совещании в Коста-Рике, крестьяне, студенты и остальные трудящиеся Латинской Америки выходят на улицы, чтобы продемонстрировать свою солидарность с народом и правительством Кубы. В Боливии происходят демонстрации во всех городах, горнопромышленных и железнодорожных центрах и т. д. Сам парламент высказался в поддержку Кубинской революции и обратился к правительству с просьбой проинструктировать делегацию, направленную на совещание в Сан-Хосе, с тем чтобы она заняла там аналогичную позицию. Тем не менее правительство действовало само по себе и само по себе решило принять участие в дележе долларов, предложенных США. Из этой суммы, предусмотренной для осуществления «социальных программ», на долю Боли-

вии в соответствии с решением США и согласно Боготинскому акту* приходилось 30 миллионов долларов. 30 миллионов долларов — в такую сумму американский империализм оценивает достоинство Боливии!

Этот отказ от национального суверенитета поразил и возмутил прогрессивных людей в Боливии.

Мы живем в эпоху глубоких изменений и преобразований, в эпоху перехода от капитализма к социализму, неизбежного крушения капитализма как общественной системы и ускоренного распада империалистической колониальной системы. Мы живем в эпоху освобождения колониальных, полуколониальных и зависимых народов, в эпоху национально-освободительных революций, открытую в Латинской Америке победоносной Кубинской революцией. Соотношение сил все больше и больше меняется не в пользу империализма, а мировая социалистическая система стала решающим фактором в развитии человеческого общества. Победа социализма неизбежна. Тем не менее империализм пытается разжечь «холодную войну», втянуть народы в новое вооруженное столкновение, удержать свои позиции, которые он вынужден оставлять под растущим натиском национально-освободительного движения. В Латинской Америке также происходит неудержимый рост демократического движения, несмотря на репрессии правительств, подчинившихся американскому империализму — самому крупному международному эксплуататору.

В Боливии происходит формирование антиимпериалистического сознания. Заявления профсоюзных, студенческих и других организаций, а также массовые демонстрации, например 31 октября 1960 года, в ряде городов республики и другие выступления; боевое настроение трудящихся, требующих принять предложение о поставке горнообогатительного оборудования и плавильных печей, сделанное Н. С. Хрущевым боливийской делегации на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН и повторенное делегацией Верховного Совета СССР, посетившей Боливию; решимость трудящихся защищать

* На совещании американских стран в Боготе в сентябре 1960 года был принят Боготинский акт, содержащий рекомендации по вопросам экономического и финансового сотрудничества и развития стран американского континента. *Прим. ред.*

Кубинскую революцию — все это свидетельствует об отращении народа к кабальной «американской помощи» и об осуждении действий государственного департамента, оказывающего на правительство Боливии давление с целью заставить его порвать отношения с Кубой. Противоречие между Боливией и американским империализмом все более обостряется. Поэтому империализм и его агентура усиливают антикоммунистическую кампанию, прибегая в настоящее время к помощи духовенства, особенно иностранного — франкистского и американского. Этот «антикоммунизм» прикрывает религией антидемократическую и антирабочую деятельность БСФ и ПНРД, а также реакционных деятелей в самом правительстве.

В условиях подъема демократического народного движения реакция стремится объединить свои силы, пытаясь заставить массы отступить и предпринять новый государственный переворот для смены правящей группы и установления фашистской диктатуры.

В то же время истощение государственной казны, упадок национализированной горнодобывающей промышленности и тяжелое положение практически во всех отраслях хозяйства; растущая безработица, низкая заработная плата, голод и нищета, причиняющие столько страданий боливийским семьям, в результате господства американского империализма, осуществляемого через его агентов внутри правительства и вне его и через его собственные организации — МВФ, администрацию 4-го пункта и так называемой «экономической и технической помощи», — все это обостряет внутренние классовые противоречия. Действительно, компрадорская буржуазия и буржуазное чиновничество, связанные с империалистическими монополиями и занимающие господствующее положение в правительстве, в котором представлена также слабая и колеблющаяся промышленная буржуазия, заставляют правительство проводить антинациональную и антинародную политику. Поэтому рабочий класс, крестьянство, широкие слои мелкой буржуазии и самой промышленной буржуазии проявляют все большее недовольство правительством, отсутствием независимой и патриотической политики, отвечающей интересам страны и народа. Поэтому рабочие, крестьяне, демократические представители мелкой буржуазии и

прогрессивные представители буржуазии, являющиеся членами официальной партии, требуют проведения национальной и независимой политики. Сейчас лучше, чем когда бы то ни было, виден двойственный характер буржуазии и внутренние противоречия, раздирающие официальную партию.

Правительство «старается» спасти КОМИБОЛ, которая уже не может даже выплачивать горнякам заработную плату при помощи предлагаемых империализмом кредитов, например при помощи знаменитой «треугольной операции»*, — кредитов, предлагаемых США, западногерманской компанией «Зальцгитер», стремящейся захватить железную руду Мутуна, и Межамериканским банком развития, являющимся таким же орудием империализма, как Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития. И в то же время затягивается рассмотрение советского предложения, принятия которого требуют широкие народные массы страны.

Столкновения между крестьянами, провоцируемые и поддерживаемые самим правительством, столкновения, высшей точкой которых стала бойня в Клисе (провинции департамента Кочабамба) в ноябре 1960 года, неудавшаяся попытка правительства поддержать войну между крестьянами с тем, чтобы еще больше расколоть их и полностью дезорганизовать; массовые митинги крестьян в различных районах республики; их высказывания о своих проблемах — об аграрной реформе, о нужде в сельскохозяйственных машинах, о том, как им нужна техническая и экономическая помощь государства, о здравоохранении, образовании и т. д.; стремление крестьян связаться с рабочими организациями и стремление рабочих установить связь с крестьянскими организациями путем межпрофсоюзных пактов — все

* «Треугольная операция» — принятый в 1961 году план трехсторонней «помощи» кредитами горнорудной промышленности Боливии со стороны США, Западной Германии и Межамериканского банка развития. План предусматривает предоставление кредита на сумму 38 миллионов долларов из 4 процентов годовых с выплатой задолженности в 10 лет. Осуществление «треугольной операции» грозит боливийским трудящимся усилением безработицы, денационализацией рудников, а также ликвидацией их самостоятельного рабочего контроля и свободы профсоюзов. *Прим. ред.*

это свидетельствует о политическом пробуждении крестьян, которые начинают проявлять самый живой интерес к аграрной реформе на Кубе, к Советскому Союзу и к принятию предложения СССР. Происходит несомненное повышение их политической сознательности; в частности, крестьяне начинают понимать политику правительства, уловки латифундистов и бывших латифундистов, не теряющих надежды снова захватить в деревне господствующие позиции.

В стране происходит настоящий демократический подъем. Единство трудящихся помогает им выигрывать битвы, несмотря на сопротивление империализма, торговой компрадорской буржуазии, латифундистов и бывших латифундистов. Правительство отказывается от своего намерения поднять цены на топливо и отказывается от угрозы порвать отношения с Кубой.

Мы, безусловно, живем в период демократического поворота, утверждения и окончательного торжества мировой социалистической системы, влияние которой определяет характер и содержание нашей эпохи. Историческая XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН, на которой по инициативе правительства Советского Союза присутствовали главы многих государств и правительств, доказала моральную и политическую силу социализма. Симпатия, с которой народы Латинской Америки отнеслись к внесенным Н. С. Хрущевым предложениям о полном и всеобщем разоружении, уничтожении колониализма и т. д., свидетельствует о том, что мы стоим на пороге новой жизни, нового мира.

Подобно тому как предки боливийцев, патриоты Верхнего Перу, воевали пятнадцать лет, чтобы сломать зубы иберийскому льву, державшему за горло боливийский народ в течение трехсот лет колониального ига, так и сейчас народ Боливии готовится разорвать цепи, наложенные на него американским империализмом и его агентурой внутри страны. Этот народ — Прометей, закованный в своих горах, чьи жертвы и усилия, чаяния и великая победа в апрельском восстании 1952 года не достигли цели вследствие колебаний, слабости, страха и компромиссов правящей буржуазии, готовится вновь поднять апрельские знамена.

Опыт лет, прошедших после апрельского народного восстания, учит Прометея Анд, что слабая и капиту-

лянтская буржуазия не может сама совершить революцию. Ей не позволят это сделать ее классовые интересы и уступки американскому империализму. Опыт этих лет учит Прометея Анд, что только единство в антиимпериалистической и антифеодальной борьбе, единство рабочего класса, крестьян, мелкой демократической буржуазии и даже прогрессивно настроенной национальной буржуазии, единство всего народа даст возможность вести последовательную борьбу за национальную независимость, за технический и культурный прогресс, за общее благосостояние. Только единство даст возможность создать патриотическое правительство широкой демократической коалиции, способное идти вперед по пути национальной независимости.

Непосредственным примером этого в Латинской Америке является Кубинская революция, революция народная и прогрессивная, положившая начало борьбе за вторую и окончательную независимость народов Америки.

Историческая Гаванская декларация*, провозглашенная великим народом Хосе Марти в ответ на «декларацию Сан-Хосе», является поистине Хартией независимости Америки. И недалек тот день, когда, подобно своим дедам, изгнавшим с боливийской земли испанских колонизаторов, боливийцы выгонят из страны американских империалистов и добьются для своей родины экономической и политической независимости, которая обеспечит боливийскому народу прогресс, благосостояние и политическое единство.

* Речь идет о первой Гаванской декларации, принятой Генеральной национальной ассамблеей народа Кубы 2 сентября 1960 года.— *Прим. ред.*

Содержание

Вступительная статья	5
К советскому читателю	25
I. Географический очерк	27
II. Краткий обзор истории Кольясуйю	35
Империя Кольяо	38
Империя инков	41
III. Завоевание и колониальный период (краткий историче- ский очерк)	49
Новый Толедо — Верхнее Перу	49
Завоевание	56
Колониальный период	63
IV. Независимость Верхнего Перу. Образование республики	79
Независимость и создание республики	84
V. Новая республика и Священный союз	92
Теория эмансипации	94
Первые годы республики	96
VI. Боливия в период зависимости от иностранного финан- сового капитала	103
Проникновение империализма США и влияние Вели- кой Октябрьской социалистической революции	114
Влияние на Боливию кризиса 1929—1933 годов и вто- рой мировой войны	125
VII. Народное восстание в апреле 1952 года. Правитель- ство НРД	144
Национализация рудников	148
Нефтяная политика	173
Аграрная реформа	196
Колонизация	228
Политика «стабилизации»	231
Рабочее движение	258
Реформа образования	280
Внешняя политика правительства НРД	291
Поднять вновь апрельские знамена!	309
